

**Russian Academy of Sciences
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research center**

O. M. DAVUDOV, SH. O. DAVUDOV

**ARCHAEOLOGICAL
MONUMENTS OF SHAKHSENGER**

МАКНАЧКАЛА, 2023

**Российская академия наук
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра**

О.М. Давудов, Ш.О. Давудов

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ШАХСЕНГЕРА**

Махачкала, 2023

УДК 902/904(470.67)
ББК 63.4(2р–6Д) Д-13
Д-13

*Монография издается по решению Ученого совета
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук. Протокол № 6 от 27 июня 2023 г.*

Ответственный редактор:

академик РАН, доктор исторических наук, профессор Амирханов Х.А.

Рецензенты:

доктор исторических наук Гмыря Л.Б.,
доктор исторических наук, профессор Алиев Б.Г.

Давудов О.М., Давудов Ш. О.

Д-13 Археологические памятники Шахсенгера / Российская академия наук. Дагестанский федеральный исследовательский центр. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. – 362 с.

ISBN 978-5-00212-344-5

DOI: 10.33580/9785002123445

Давудов Омар Маламагомелович- ORCID - 0000-0002-9514-1273

Монография посвящена изучению Шахсенгерского городища и сопредельных ему памятников. На территории Шахсенгерской возвышенности выявлено поселение и могильник эпохи раннего железа и перекрывающий их раннесредневековое городище. Раскопкам подвергся могильник эпохи раннего железа, выявленный в 2 км севернее на склоне Акярской возвышенности. В ней рашаются проблемы этно-культурной, социальной, исторической и политической истории. Автор включил памятники предскифского времени (Шахсенгерский и Акярский могильники и Шахсенгерское поселение) в Зандакскую археологическую культуру, показал процесс археологического развития их материальной культуры, охарактеризовал Шахсенгерское и Сенгерское городища раннесредневекового времени в качестве памятников «Царства гуннов – савир в Дагестане», рассмотрел Шахсенгерское городище в качестве его столицы Варачан. Строительные остатки верхнего слоя определены в качестве остатков поселения арабских воинов, покинутого ими из-за исчерпания воды или из-за внешней агрессии.

ISBN 978-5-00212-344-5

© Давудов О.М., Давудов Ш.О., 2023

© ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2023

© Издательство АЛЕФ, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предлагаемая читателю монография О.М. Давудова и Ш.О. Давудова «Археологические памятники Шахсенгера» посвящена итогам изучения целого ряда археологических памятников, расположенных на территории Шахсенгера и его окрестностей. Изучением этих памятников дагестанские археологи, в том числе авторы настоящей работы занимались с 1965 года.

Работа состоит из 2-х разделов, первый из которых относится к эпохе раннего железа, второй - к эпохе раннего средневековья. Им предшествуют «Введение» и глава «История открытия и археологического изучения Шахсенгерского комплекса памятников. Из них пять глав характеризует эпоху раннего железа, пять - эпоху средневековья. Им следует пространное заключение на русском и английском языках. К работе приложены список использованной литературы (457 названий), список иллюстрации и извлечения из письменных источников, а также хронологическую таблицу. Главным достижением авторов Омара Маламагомедовича является установление в Шахсенгере двух культурных напластований - снизу остатков поселения и могильника эпохи раннего железа и сверху - городища эпохи раннего средневековья. Еще один могильник эпохи раннего железа изучен исследователем на Акярской возвышенности, в 2 км севернее от Шахсенгерского городища. Городище эпохи раннего средневековья аналогичный Шахсенгерскому, но меньше в 4 раза выявлен в 4 км южнее.

Раздел, посвященный эпохе раннего железа, имеет самостоятельное значение. Здесь на поселении выявлены остатки четырехугольных в плане слегка опущенных в материк легких жилых сооружений, в каждом из которых встречены очаги у стены и мусорные ямы. Глинобитные полы отмечены на глубине -1,56 -1,80 м от 0. На восточном конце одного из этих помещений расчищена глубокая, колоколовидная мусорная яма. В ней обнаружены артефакты эпохи раннего железа (обломки серой лощеной и лепной обмазанной керамики, тупик из кости животного для обработки шкур животных, четырехугольная костяная трубочка, костяной полукруг с двумя отверстиями и астрагал с отверстием.), из заполнения помещений происходит лепная толсто-стенная и серая лощеная тарня и столовая керамика хорошо датирующаяся эпохой поздней бронзы и раннего железа - XII - VII вв. до н.э. Аналогичные помещения раскопаны дагестанскими археологами на Нижнем Сигитминском поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа и на поселении Ачису. Авторы отмечают, что археологические

материалы документируют продвижение в XII в. до н.э. племен по Приморскому Дагестану в сторону Ирана. В это движение были вовлечены сабатиновские племена.

Для Шахсенгерского и Акярского могильников характерны одинаковые погребальные сооружения в виде четырехугольных каменных ящиков, одинаковые погребальный обряд и инвентарь. Авторы тщательно анализируют эти материалы, рассматривают существующие взгляды на историко-культурную характеристику памятников и включают Шахсенгерское поселение, Шахсенгерский и Акярский могильники вместе с Берикейским и Зандакским могильниками в состав отдельной археологической культуры, названной ими по наиболее хорошо изученному могильнику - зандакской. Решающую роль в трансформации каякентско-харачоевской культуры в зандакскую авторы видят в формировании на Кавказе новой металлургической провинции и миграции сабатиновских племен через Приморский Дагестан в XII в. до н.э.. Выделены признаки этой культуры и определены ее границы.

В работе также определено место зандакской культуры в археологии Северо-восточного Кавказа. Для этого региона на протяжении длительного времени, несмотря на смену ряда культур, сохраняются некоторое единство, специфичность и общие традиции. Такой регион в археологии принято называть культурной провинцией. У памятников Северо-Восточного Кавказа, начиная от мезолита и до средневековья прослеживается некоторую преемственность отдельных признаков культуры. Все последующие культуры вырастают из предыдущих. Более того, если наложить на карту друг на друга эти последовательно развивающиеся археологические культуры от мезолита до средневековья, то они или их локальные варианты будут указывать на одну и ту же территорию, охватывающую Северо-восточный Кавказ, в основном в пределах современного Дагестана и горной Чечни, а также Ингушетии. Памятники эпохи мезолита, неолита, энеолита, эпохи бронзы и раннего железа, албанского времени Северо-Восточного Кавказа автор объединяет в пределах единой северо-восточно-кавказской историко-культурной провинции, принадлежащей нахско-дагестанским племенам.

Шахсенгерское городище, занимающее около 30 га на поверхности третьей древнекаспийской морской террасы и его склонов, подробно охарактеризовано в работе, описаны его фортификационные сооружения дерево-земляного типа. Особо отмечены компоненты оборонительных сооружений - оборонительные стены в виде частокола

из бревен на двухпанцирном основании, полукруглые башни, глубокие обводные рвы, въезды, жилые и хозяйственные сооружения. Само городище, состоящее из укрепленной территории шахристана, разделенного на две части и обособленной внутри нее цитадели, а также торгово-ремесленного посада, охарактеризовано как военный, административный и торгово-ремесленный центр - город. На цитадели раскопана часть оборонительной стены и полукруглую башню, возведенную из сырцовых "кирпичей". Эти сооружения авторы связывают с гуннским племенем савиров и их столицей Варачан. Здесь же, в верхнем слое выявлены остатки каменного строительства. Авторы связывают их с арабскими воинами, переселившимися сюда для охраны северных рубежей от набогов кочевников. На стене одного из помещений найден жернов водяной мельницы (в настоящее время здесь нет воды даже для питья). В 789/90 г. для этих воинов арабский халиф Гарун Рашид построил водяную мельницу.

Последующие даты городища менее конкретны. Имеющиеся материалы позволяют датировать верхний рубеж городища в пределах X – XI вв. Причем вытеснению арабов из Шахсенгераспособствовали исторические условия или природно-климатические факторы,

Авторами проделана большая и нужная работа. Она выполнена добросовестно и на высоком научном уровне. Заинтересованный читатель, безусловно, найдет в ней много материала, который проливает новый свет на древнюю и раннесредневековую историю Северо-Восточного Кавказа.

Амирханов Х.А., академик РАН,
доктор исторических наук, профессор

Светлой памяти замечательного
дагестанского археолога
Владимира Герасимовича Котовича
посвящаем.

ВВЕДЕНИЕ

Прошло более 55 лет со дня открытия Шахсенгерского городища (Котович В.Г. 1965. ЛЛ. 48 – 49.). После этого на городище и сопредельных памятниках были проведены большие археологические работы. По итогам раскопок были опубликованы предварительные сведения, выступления на Всесоюзных, общероссийских, региональных и местных дагестанских научных форумах (Давудов О.М., 1968. 40 с.; Давудов О.М., Абакаров А.И., 1986. С. 94-95; Давудов О.М., 1982. – С. 46-48; Давудов О.М., 1985. – С.116, 117; Давудов О.М., Хангишиев Г. Д. 1986. –С. 5-6; Давудов О.М., Абакаров А.И., 1986; Давудов О.М., Давудов Ш.О., 2005.–С.282 – 283; Давудов Ш.О., 2009. С. 96-121; Давудов Ш.О., 2005. С. 227-252; Давудов О.М., Давудов Ш.О., 2005.–С.282 – 283; Давудов Ш.О., 2002.101 с.; Давудов Ш.О.2004. С. 25- 26.). Но основная задача – ввести в научный оборот все материалы раскопок еще предстоит выполнить. Требуются интерпретации выявленные памятники. Настоящая монография и призвана решать эту задачу. В ней будут изучены Шахсенгерское поселение, Шахсенгерский и Акярский могильники эпохи раннего железа, Шахсенгерское городище, его фортификационные и бытовые сооружения эпохи раннего средневековья. Все эти памятники будут подвергнуты сравнительно-типологическому анализу. При исторических реконструкциях средневековых памятников будут привлечены письменные источники. Верхний культурный слой Шахсенгерского городища представлен остатками жилых и хозяйственных строений арабских стражников эпохи средневековья. Планируется решить проблемы исторической и этно-культурной интерпретации памятников.

Материалы поселения и могильников эпохи поздней бронзы и раннего железа обогатят слабо изученную культуру Северо-Восточного Кавказа. Материалы Шахсенгерского и Сенгерского городищ лягут в основу истории «Царства гуннов в Дагестане», позволят судить об исторических процессах в Прикаспийском Дагестане.

Шахсенгерский археологический комплекс состоит из поселения и могильника эпохи раннего железа, залегающих в нижнем горизонте, перекрывающего их городища раннесредневекового времени. К ним примыкают Акярский могильник эпохи раннего железа, расположенный в 1,5 – 2 км к северу и раннесредневековое городище Сенгер, расположенное в 5-6 км к югу, на правом склоне русла речки Янгичай. Издание материалов этих раскопанных нами в течение ряда лет, памятников, позволит решить ряд важных задач древней и средневековой истории и археологии Дагестана и Юго-Восточной Европы. Ценным итогом раскопок Шахсенгерского городища является выделение двух культурных напластований, в нижнем из которых обнаружены остатки поселения и могильника эпохи раннего железа, в верхнем – раннесредневекового городища. К сожалению, не обнаружен могильник одновременный городищу. По всей вероятности, он находится на месте виноградника, восточнее Шахсенгерского городища и был уничтожен при плантаже. Здесь была найдена каменная баба, доставленная В.Г. Котовичем в Институт ИЯЛ ДагФАН СССР.

Прежде всего, в настоящей работе вводятся в научный оборот ценные археологические материалы. Тем самым пополняется источниковедческая база Дагестана двух важных исторически эпох.

В целом работа посвящается истории сложных переломных периодов – эпохи поздней бронзы и раннего железа, а также раннего средневековья. Причем, решение научной проблемы будет осуществлено традиционными археологическими исследованиями, но с обязательным привлечением сведений византийских, арабских, сирийских, армянских и дагестанских средневековых авторов.

Такая постановка вопроса и его решение совершенно новы в дагестанской истории и археологии. В целом ряде работ ставился вопрос о расположении к северу от Дербента «Царства гуннов», высказывались предположения о локализации его столицы – Варачан. В настоящей работе эти положения будут пересмотрены с точки зрения вновь выявленных археологических материалов. В тоже время ставятся вопросы о конкретном археологическом памятнике этого «царства гуннов», о ее материальной культуре, о его столице, о памятниках предскифского, скифского и средневекового времени и т.д.

Такая постановка проблемы ранее не осуществлялась. Ее решение внесет определенный вклад в историческую науку Дагестана. Она позволит решить вопросы истории предскифского времени, вопросы гуннской истории Дагестана и развития страны после раннего средневековья. Полученные результаты лягут в основу научных и учебных процессов.

Глава I. ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ШАХСЕНГЕРСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ

Шахсенгерское городище расположено на оконечности горного отрога Цельбекалсырт, ограниченного с двух сторон руслами речек Янгичай и Башлычай. Оно занимает территорию вершины и склонов третьей морской террасы Каспия (*Голубятников Вл.*, 1937. С. 36.), имеет крутые склоны, **представляющие труднопреодолимые** естественные препятствия для захватчиков (рис. 1 - 5). Эти особенности в выборе места для городища указывают, что его обитатели придавали большое значение оборонительному фактору.

На городище и рядом с ним в настоящее время нет источника воды. Наиболее близка к нему речка - Башлычай (рис. 1 - 2). Эта речка имеет незначительный водный баланс. Но, судя по размерам и степени разработанности долины, по ее двум речным террасам на обеих сторонах современного русла, в древности она была намного более полноводной и значительной по размерам водной артерией. Ныне она протекает по основанию Акярской возвышенности. При осмотре территории Акярского могильника эпохи раннего железа выявлены остатки погребальных сооружений по обе стороны речки. Следы древнего речного русла следует искать в основании Шахсенгерского городища. На наличие значительного водного источника на городище Шахсенгер указывает и верхний жернов водяной мельницы, обнаруженный на раскопе, заложенном на цитадели (*Давудов О.М.*, 2002. С. 19 - 23), а также следы водных потоков на территории городища.

Шахсенгерское городище было обнаружено третьим археологическим отрядом Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР под руководством Владимира Герасимовича Котовича в 1965 году при проведении разведочных работ в Южном Дагестане, в 8 км к ВЮВ от сел. Башлыкент Каякентского района Дагестанской АССР. Ученый пишет, что городище занимает большой участок древней морской террасы, опоясывающей предгорья. Большая часть территории городища до недавних пор использовалась под посевы и с этой целью распахивалась, уничтожая культурный слой памятника. Однако по склонам горного отрога местами сохранились небольшие террасы, на которых иногда заметны выступающие на поверхность края каменных стен.

С территории городища В.Г. Котовичем собрано множество керамики, характерной для дагестанских памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа, а также средневековья. Помимо керамики на городище им найдены кремневые отщепы, обломки каменных пестов и массивных тяпкообразных орудий со специально оббитым лезвием округлых очертаний. В.Г. Котович предварительно датировал памятник эпохой раннего железа. К этому же времени он отнес два каменных изваяния, обнаруженных на территории городища (рис. 48). Одно из них он привез в Институт ИЯЛ (*Котович В.Г.*, 1965., ЛЛ. 48 – 49)

В следующем 1966 году 1-й отряд Дагестанской археологической экспедиции под руководством того же В.Г. Котовича при участии О.М. Давудова (*Котович В.Г.*, *Давудов О.М.* 1966 г. ЛЛ. 2 и сл.; *Давудов О.М.*, 1968. С. 16-24) провел раскопки на Шахсенгерском городище. Причем, на городище работы производил сам начальник отряда. Он заложил на территории цитадели, укрепленной части городища и на валу, а также на башне несколько раскопов и шурфов.

Работу на могильнике он поручил О.М. Давудову. Тогда были раскопаны 4 каменных ящика, часть которых была разрушена. Дату могильника О.М. Давудов определил в рамках эпохи раннего железа. В Отчете об итогах раскопок дату городища В.Г. Котович также определил в рамках эпохи поздней бронзы и раннего железа, опираясь при этом на материалы могильника (*Давудов О.М.*, 1968. С. 16-24.). А Шахсенгерское городище он охарактеризовал как протогород. С обоснованием этой точки зрения он выступил на теоритическом семинаре в Институте ИЯЛ Дагфилила АН СССР и издал итоги своих размышлений в виде отдельной статьи (*Котович В.Г.*, 1980. С. 78 – 93.). Датировка и интерпретация памятника, предложенные В.Г. Котовичем, вызвали сомнения у ряда специалистов, в том числе и у О.М. Давудова.

Дело в том, что оборонительные стены и полукруглые башни Шахсенгерского городища представляют собой совершенно необычное явление для указанного В.Г. Котовичем времени. Как известно, фортификационные сооружения возникли в глубокой древности и прошли длительный путь развития. Полукруглые башни в системе оборонительных стен появились позже четырехугольных башен, как реакция на возникновение таранной техники. Четырехугольные башни в Дагестане встречаются в раннем средневековье в развитых системах городской фортификации (Урцеки, Аркас, Таргу, Чинна и

т.д.). Из этого следует, что Шахсенгерское городище с полукруглыми башнями в системе фортификации не может быть датировано эпохой поздней бронзы и раннего железа.

Для разрешения вопросов хронологии и стратиграфии этого неординарного памятника О.М.Давудовым была организована новая экспедиция. Дополнительным толчком к проведению дополнительных исследований на Шахсенгерском археологическом комплексе послужили новые находки. При посещении поселка «Дружба», расположенного в 3 км к востоку от Шахсенгерского городища, в 1983 г. учитель истории местной школы передал О.М.Давудову материалы, полученные им от рабочих, разрушивших погребальные комплексы Шахсенгерского могильника, при добыче гравия. В том же году были продолжены исследования Шахсенгерского городища и могильника, начатые в 1966 г. ;(Давудов О.М., 1985. С. 116-117). Инвентарь одного из разрушенных каменных ящиков (сложен из крупных каменных блоков и ориентирован с юго-запада на северо-восток) включал железный кинжал с бронзовой рукояткой так называемого кабардино-пятигорского или киммерийского типа (рис. 46), бронзовые и железные украшения, предметы конского убора (рис. 47). В другом каменном ящике, перекрытом каменной бабой, типичной для ямной культуры (рис.49), нами обнаружены роговые псалии с тремя четырехугольными отверстиями (рис. 47, 5,6).

На Шахсенгерском городище, было изучено жилище простого общинника, расположенное на склоне, у наружного вала шахристана, недалеко от могильника. В небольшом подчетыреугольном материковом углублении расчищены ямки от подпорных стоек турлучной стены, очаг и мусорная яма (рис.21;22; 22а). Находки из жилища аналогичны материалам могильника. (Давудов О.М., 1982. – С. 46-48; Давудов О. М., 1985. С. 117.).

Тогда же производилась и топографическая съемка Шахсенгерского городища и могильника (рис. 5), а также Акярского могильника (рис. 50). Эту работу выполнял Р.Г. Магомедов¹. План, выполненный в свое время В.Г. Котовичем (рис. 4), не полностью соответствовал действительности: количество башен было 34 вместо 37, направление стен и рельеф памятника были указаны неточно.

---

¹ Приношу большую благодарность Р.Г. Магомедову за большую и ценную работу.

Оборонительная стена городища сохранилась в виде вала, протяженностью 1570 м. по периметру. Стена фланкирована полукруглыми башнями и опоясана с наружной стороны рвом. В центре укрепленной территории, на выступающем к востоку мысу, отмечена треугольная цитадель, окруженная оборонительной стеной с тремя башнями на вершинах. С напольной стороны она защищена глубоким рвом, с остальных сторон склоны мыса эскарпированы. От цитадели на запад и восток отходят стены с башнями и рвом, разделяющие городище на две части. В 180 м к югу от цитадели, на таком же выступающем к востоку мысу, находится сигнальная башня, также укрепленная. Вся огражденная территория городища достигает 12 га. Эта территория относится к шахристану. Территория раббата сохранилась лишь частично.

В 1984 г. в течение трех месяцев (июль-сентябрь) экспедиция продолжила раскопки на городище и Шахсенгерском могильнике (*Давудов О.М., Абакаров А.И., 1986. С. 94; Давудов О.М., Абакаров А.И., 1985. С. 128–130*).

Удалось установить, что Шахсенгерское городище, относящееся к раннему средневековью, перекрывает остатки могильника и поселения эпохи поздней бронзы - раннего железа. На восточном участке городища были исследованы остатки полукруглой башни и оборонительной стены, возведенных из вертикально установленных каменных блоков с забутовкой пространства между ними. Выше стены были наращены деревянным тыном. Ров, расположенный с наружной стороны, имел ширину 2 м при глубине 1 м. Толщина стены колеблется в пределах 1,1–1,3 м.

Эти сооружения перекрывали древний могильник. Под рвом и отчасти под стеной выявлены два каменных ящика из массивных плит, ориентированных по линии запад-восток. Они представляли собой коллективные усыпальницы. Инвентарь относится к предскифскому времени. Шесть аналогичных каменных ящиков исследовано на раскопе, заложенном рядом. Все погребения потревожены.

На другом раскопе, заложенном на северном участке городища, выявлены остатки перекрывающих друг друга жилых сооружений. В верхнем слое обнаружены следы каменной стены и сырцовый «кирпич», также очага. В нижнем слое прослежены остатки двух четырехугольных легких жилых сооружений с глинобитными полами, очагами и мусорными ямами (рис. 21;22; 22а). Сооружения верхнего слоя

относятся к раннему средневековью, нижнего – к предскифскому времени (Давудов О. М., Абакаров А.И., 1986. С. 94 – 95).

Работы на Шахсенгерском городище и могильнике были продолжены в 2002 и 2004 годах. В эти годы исследования проводились авторами (О.М. Давудов – нач. экспедиции, Ш.О. Давудов – зам. начальника) совместно. В результате всех этих работ удалось выяснить, что Шахсенгерское городище представляет совершенно иную картину, чем представлялось В.Г. Котовичу.

Особенно результативными оказались раскопки угловой башни цитадели (№ 27, на плане В.Г. Котовича обозначена под 30 номером).

Удалось выявить три строительных горизонта. В верхнем горизонте обнаружены остатки жилого комплекса, состоящего из бытовых и хозяйственных помещений и двора, вымощенного камнем. В кладке стены одного из помещений найден жернов водяной мельницы¹. Во втором, среднем, строительном горизонте выявлены остатки круглой башни, возведенной из сырцовых «кирпичей», точнее из глиняных комков разных форм и размеров. Сами стены напоминают среднеазиатские пахсовые стены. Они частично разрушены при поздних строительных работах. Пол башни глинобитный. В северной ее половине расчищен простой открытый очаг с золой, в южной – остатки возвышения, использовавшегося, по всей вероятности, в качестве лежанки для стражи.

Третий, нижний строительный горизонт не раскопан до конца, так как планировалось продолжить исследования в следующем году. Но из его культурного слоя уже происходят обломки лепной обмазанной толстостенной и серой столовой лощеной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа (Давудов О.М., Давудов Ш.О., 2005. С. 282).

К Шахсенгерскому городищу по планировке, характеру укреплений и топографии примыкает Сенгерское городище, расположенное в

---

¹ Водяные мельницы впервые появились в Римской империи со II века до н. э. (см. описание Витрувия). Но наиболее простые водяные мельницы появились в Понтийском царстве при Митридате VI Евпаторе (117-63 гг. до н.э.) и оттуда проникли в Армению, правитель которой, Тигран II, родственник Митридата, проводил политику эллинизации своего царства. Из Армении мельницы распространились по всему Закавказью. Особенно популярными простейшие понтийские мельницы стали в эпоху раннего средневековья. Видимо в это время они и проникли в Дагестан. Следовательно, дата верхнего строительного горизонта относится к эпохе развитого средневековья - XV-XVI вв.

5 – 6 км к югу, на правом берегу речки Янгичай. Только по размерам оно в 3-4 раза меньше Шахсегерского. Памятник был осмотрен О.М. Давудовым и с его территории собран керамический материал, относящийся к раннему средневековью. Раскопки городища не производились.

Другой памятник, близкий по характеру и хронологии к Шахсегерскому могильнику эпохи поздней бронзы - раннего железа и расположенный поблизости от последнего (около 1,5 – 2 км), обнаружен около Башлыкентского урочища Акяр (кумык. белый утес), на пологом склоне Джавандагского хребта, на левом берегу речки Башлы-чай (на современных картах обозначена как Артозень).

О погребальных сооружениях, обнаруженных здесь при строительных работах, 13 января 1952 г. сообщил в Дагестанский краеведческий музей секретарь Каякентского райкома ВКП(б) У.Н. Агаев. Для проверки сигнала 2 февраля 1952 г. в Башлыкент выехали от Краеведческого музея А.М. Твердохлебов, от Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР – М.И. Пикуль, Г.Г. Османов и О.В. Баташов, а также постоянные участники экспедиций В.И. Марковин и его жена, поэтесса Л.Г. Серостанова. Они же доисследовали четыре каменных ящика, два из которых были полностью ограблены, два позволили составить более или менее сносно некоторое представление о погребальных сооружениях, погребальном обряде и инвентаре. Они же предложили дату могильника в пределах конца II – начала I тыс. до н.э. (Пикуль М. И., 1951; Пикуль М. И. 1952. С. 29-38; Марковин В.И., 1969. С. 28; Марковин В.И. 1952; Давудов О.М., 1974. С. 146—147; Давудов О.М., 1985. С. 117.)

С этого времени о могильнике знают органы охраны памятников Дагестана. Но его продолжают разрушать. Через территорию могильника проведены две автомобильные дороги, два оросительных канала, кабельная линия связи, линия электропередач. Здесь построена газораспределительная станция. Во время земляных работ уничтожены могилы, имеющие огромную историческую ценность. Но никто о находках или разрушениях не сообщал. Жители окрестных сел из праздного любопытства или в «поисках золота» раскапывают могилы, разрушают, уничтожают их. Отдельные находки из таких могил попали и в руки ученых. Среди них были литые однокольчатые бронзовые удила (рис. 48, 19), обломки железного наконечника копья (рис. 48, 21) и железного браслета (рис. 48, 20), железный нож с черешком и прямой спинкой (рис. 48, 15), височные привески в полтора оборота

из толстого бронзового прута (рис. 48,5), два экз. височных привесок в полтора оборота из тонкого бронзового прута (рис. 48, 3, 10), остатки трех таких же, но деформированных привесок (рис. 48,4,9,11), обломок бронзового шила (рис. 48,1), обломок бронзовой иглы со сломанным ушком (рис. 48, 2), три конические привески из тонкой бронзовой пластинки (рис. 48,6 –8), две железные обоймочки (рис. 48,17,18), четырехугольные мергелевые оселки с отверстием на одном конце (рис. 48, 13, 14) и обломок поделки из цельного бронзового стержня с продольной бороздочкой на поверхности (рис. 48, 12). О.М. Давудову показали и остатки разрушенного каменного ящика, где были встречены эти материалы. При этом часть могильного инвентаря была уничтожена. Ни Дибгашинский колхоз, на территории кутана которого находится могильник, ни Башлыкентская сельская администрация, ни Каякентская районная администрация не заботятся об охране этого уникального памятника старины. За его охрану никто не несет ответственности.

Экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, работавшая на Шахсенгерском городище, с 1983 г. одновременно провела раскопки на Акярском могильнике. В первую очередь были исследованы могилы, которым угрожало уничтожение. В этом году на могильнике был исследован каменный ящик. Из него происходят бронзовые и железные украшения, железный наконечник копья и предметы конского убора (Давудов О.М., 1985. С. 117).

В 1984 г. на Акярском могильнике были раскопаны 12 каменных ящиков, расположенных правильными рядами в 3-4 м друг от друга. Все они ориентированы по линии 3-В, иногда с легким отклонением к Ю. Погребенные уложены на боку в скорченном положении, головами на 3. Сопутствующий инвентарь и заупокойная пища помещены в строго определенном месте и порядке. Погребальные сооружения, обряд и инвентарь близки памятникам Северо-Восточного Кавказа переходного периода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Многие предметы материальной культуры, найденные на раскопе, относятся к XII – VIII вв. до н.э. (Давудов О.М., Давудов Ш.О., 2005.–С.282 – 283) Среди погребальных сооружений особо выделяется каменный ящик, сложенный из массивных плит и ориентированный по линии запад–восток (рис. 52). Погребение одиночное, женское, уложенное скорченно на правом боку, головой на запад. Погребальный инвен-

тарь составляют остатки двух деревянных сосудов, скрепленных битумом, керамический сосуд-плошка, многочисленные украшения из бронзы и железа и среди них ажурная бляха, секировидная и зооморфная (в виде круторогого барана) подвески (рис. 53,14,17,35). Погребение относится к эпохе поздней бронзы - раннего железа (*Давудов О. М., Абакаров А.И.*, 1986. С. 94 – 95; *Давудов Ш.О.*, 2002. С. 56 – 99). Погребальные комплексы и находки этого года были весьма выразительными и позволили уточнить характер памятника.

В 2004 г. на Акярском могильнике, были выявлены три детских погребения. Все они, в том числе погребальный обряд и инвентарь, аналогичны ранее исследованным на этом могильнике (*Давудов О.М., Давудов Ш.О.*, 2005.–С. 283). Вместе с ранее выявленными здесь находками они указывают на дату могильника в пределах конца II тыс. до н.э. – 30-х гг. VII в. до н.э.

**Раздел I. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ
ПОЗДНЕЙБРОНЗЫ
- РАННЕГО ЖЕЛЕЗА**

Глава I. ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В нижнем культурном слое Шахсенгера встречены остатки поселения эпохи поздней бронзы – раннего железа и одновременного ему могильника с каменными ящиками. Причем, остатки поселения эпохи поздней бронзы – раннего железа обнаружены на территории северного склона третьей морской террасы и на раскопе 27 башни, в цитадели.

I.1. ШАХСЕНГЕРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

При исследовании микрорельефа Северного склона третьей морской террасы, соответственно северной части городища Шахсенгер (раскоп 1) отчетливо прослеживаются углубления. Большинство из них образует кустообразные скопления. Создается впечатление, что мы имели дело с остатками каких-то древних сооружений. Выше мы их назвали остатками жилых и хозяйственных построек.

Здесь, недалеко от северной части могильника был заложен раскоп, размером 6 x 12 м. Сразу же его пришлось расширить к западу на 2 м и к востоку столько же. Длина прирезок составили по 5 м. В результате раскоп состоит из 24 двухметровых квадратов и 2 квадратов 2 x 1 м.

Главный итог этого раскопа – это уточнение стратиграфии памятника. Удалось установить, что здесь мы имеем дело с двухслойным памятником (рис. 21; 22). В верхнем слое расчищено помещение, связанное с каменной стеной и глинобитным полом (рис. 21), в нижнем слое – помещения с мусорными ямами (рис. 21; 22). Характер культурных напластований раскопа хорошо иллюстрируют разрезы стенок раскопа (рис. 22): везде представлены слои, связанные с верхним помещением и слои, связанные с нижерасположенными помещениями.

На гл. -0,8 -1,2 м от 0 стали появляться очертания двух четырехугольных помещений (рис. 21; 22). Это были сооружения нижнего слоя. Они перекрывались вышерасположенным помещением (о них речь пойдет позже). После расчистки выяснилось, что они напоминают полуземлянки (рис. 21; 22). Их заполнение было довольно однородным. Глинобитные полы отмечены на глубине -1,80-1,56 м от 0. Оба помещения имели разные размеры, но одинаковую ориентацию и сходный интерьер.

Помещение № 1 (кв. Г1, Г2, Г3, Д1, Д2, Д3, Е1, Е2, Е3 – рис. 21; 22) имело размеры 5,14 x 3,18 м. Оно уходило ниже пола вышерасположенного помещения верхнего слоя в кв. Е3 и Е4 на 0,55 м. На гл. - 1,56 м отмечен глинобитный пол. В центре помещения отмечена круглая каменная база для центрального подпорного столба. Южная и северная стенки помещения имели вертикальную материковую основу, западная и восточная были скошены: разница верха и основы у западной стенки составляет 0,2 м, у восточной – до 0,22 м. У этого помещения во всех углах, за исключением юго-западного, имеются ямки, заполненные золой. В юго-западном углу ямка имела размеры 0,7 x 0,44 м при глубине до 0,5 м, в северо-западном углу две ямки перекрывали друг друга. Одна имела размеры 1,3 x 0,96 м (в основании 1,36 x 1,0 м) при глубине до 1 м, другая – 0,86 x 0,6 м при глубине 0,8 м. В северо-восточном углу яма явно использовалась в качестве очага. Ее размеры 1,46 x 1,6 м. В центре этой ямы имеется еще одно углубление, размером 1,25 x 0,84 м при глубине 0,30 и 0,5 м от пола помещения. При раскопках не удалось найти куски глиняной обмазки со следами прутьев, скопление однородной глины и другие признаки, указывающие на стены из обмазанной плетенки – турлука. Тем не менее, отсутствие камня позволяет предположить, что вышерасположенные стены были легкой конструкции. Вопрос о материале вышерасположенных стен остается открытым.

Помещение № 2 (кв. Б2, Б3, Б4, В2, В3, В4 – рис. 21; 22) расположено параллельно первому помещению и длинными стенами ориентировано, как и помещение № 1, по линии запад–восток. Оно достигало 4,45 x 2,8 м. С западной стороны помещение углублено в материк на 0,5 м, с восточной – лишь улавливаются границы пола. У западной торцевой стенки расположена простая яма, размером 1,26 x 1,70 м. Она также заполнена золой. В южном конце этой ямы выявлено углубление, размером 0,15 x 0,15 м. Видимо, оно сохранилось от подпорного столба.

На восточном конце этого помещения расчищена колоколовидная яма, заполненная мусором, перемешанным с золой. Она использовалась обитателями этого помещения для сброса отходов. В ней найдены обломки серой лощеной и лепной обмазанной керамики, тупик из кости животного (рис. 47, 14), четырехугольная костяная трубочка (рис. 47, 12), костяной полукруг с двумя отверстиями и астрагал с отверстием (рис. 47, 9). Глубина ямы – 1,34 -1,46 м от пола помещения. Диаметр отверстия – 1 м, диаметр дна – 1,9 м.

Между этими двумя помещениями выявлена еще одна мусорная яма (кв. Г1, Г2, В2) с диаметром отверстия 1 м, дна – 1,1-1,15 м, и глубине от древней поверхности 0,7 м. Заполнение этой ямы – зола, перемешанная с землей.

Таким образом, в нижнем слое найдены остатки четырехугольных в плане слегка опущенных в материк жилых сооружений легких конструкций, в каждом из которых встречены очаги у стены и мусорные ямы. Полы глинобитные. Их интересно сопоставить с одновременными жилищами сопредельных памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа плоскостного Дагестана. На Нижнем Сигитминском поселении найдены многокамерные жилища с глинобитными стенами на каменном основании (*Бредэ К.А.*, 1959. С. 22-24; Он же. 1956 г. ЛЛ. 119; Он же. 1957 г.; Он же. 1958 г.; *Давудов О.М.*, 1974. С. 32). На поселении Ачису жилища представляли собой полуземлянки, воздвигнутые в котлованах, выкопанных в материке или в культурном слое. Стенки ям облицованы каменной кладкой (*Давудов О.М.*, 1985. С. 102-107. *Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.*, 1986. С.87-92, 121-26). Между жилищами из Шахсенгера и жилищами из Нижней Сигитмы и Ачису имеются некоторые различия, но все они находят некоторые аналогии с памятниками сабастиновской и белозерской культур Юго-восточной Европы (*Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.*, 1986. С.87-92, 121-126). Из этого следует, что дагестанские жилища представляют промежуточное звено между памятниками Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа (Чми) и восточного Закавказья (*Давудов О.М.*, 1974. С. 107).

Археологические материалы документируют продвижение носителей срубной культуры из Поволжья на запад, в результате чего на территории Северного Причерноморья формируется сабастиновская, а затем и белозерская культуры (*Шарафутдинова Э.С.*, 1983. С. 29-30; *Березанская С.С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.*, 1986. С. 89-92, 125-126). В XII в. до н.э. отмечено продвижение индо-иранских племен. Есть мнение о том, что в это движение включились и сабастиновские племена (*Sandars N.K.*, 1978). Часть этих племен продвинулась на юг, часть – на юго-восток (*Иванов В.Б.*, 1962. С. 214; *Замаровский В.*, 1968. С. 281-283; *Заблоцка Ю.*, 1989. С. 277-281.). Последняя, по всей вероятности, прошла через Северный Кавказ и Дагестан в восточное Закавказье, где отмечены памятники, близкие к сабастиновской культуре. В Дагестане под их влиянием происходят существенные изменения в материальной культуре населения

– каякентско-харачоевская культура трансформируется в зандакскую и мугерганскую культуры.

Датировку помещений подтверждают и артефакты, обнаруженные в заполнении помещений и в мусорных ямах. Насыщенность находок в заполнении помещений слабая. Находки представлены двумя разновидностями: обмазанной и заглаженной керамикой.

Обмазанные сосуды вылеплены из глины с примесью толченого песка. Черепок рыхлый. В отдельных случаях улавливается форма баночных сосудов со срезанным сверху и наклоненным во внутрь венчиком. Поверхность этих сосудов, как правило, обмазана жидким раствором глины за исключением узкой полосы у венчика. Эта полоса иногда вылощена.

Также эта керамика представлена и другими формами, характерными для памятников конца 2 начала 1 тыс. до н.э., в том числе и горшками разных форм и размеров, баночными сосудами без обмазки и т.д.

Толстостенная керамика вышеописанного типа характерна для памятников Северо-восточного Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа. Надо отметить, что эти сосуды относятся к баночным формам с узким дном и устьем, обращенным во внутрь сосуда. В основной своей массе эти сосуды имели наружную обмазку. Они встречены на Зандакском (*Марковин В.И.*, 2002. С. 118, 119; Рис. 73, 33, 49, 5 (тип IV, Б.)), Акярском (*Давудов Ш. О.*, 2002. С. 85; Табл. 11, 2.) и Берикейском могильниках, а также на Нижнесигитминском (*Давудов О.М.*, 1974. С. 139-145. Табл. VI, 22, 23.) и Ачису (*Давудов О. М.*, 1985. Рис. 6, 28, 7-12, 14-19; 4, 10-13, 1-21) и других поселениях эпохи поздней бронзы – раннего железа. Как убедительно показал В.И. Марковин, баночные сосуды характерны для памятников Северо-восточного Кавказа с глубокой древности. Широко распространены они и на памятниках каякентско-харачоевской культуры (*Марковин В.И.*, 1969. С. 55-58). Правда, ближе к концу I тыс. до н.э. расширяется ассортимент лепных толстостенных сосудов (*Марковин В.И.*, 1969. С. 58, 59). Среди сосудов Шахсенгерского могильника встречены обломки глубокой миски и даже один миниатюрный баночный сосуд.

Тарная и столовая керамика не всегда отличается друг от друга по обломкам. Индикатором здесь выступает толщина черепка.

Серая лощеная керамика представлена обломками различных сосудов. Наиболее выразительны обломки сосуда с пухлым отогнутым венчиком, короткой шейкой – перехват. Такие сосуды имеют грушевидные тулова. Основание шейки и плечики такого сосуда украшены поясами из парных или больше резных линий. Такие сосуды вы-

леплены из теста с примесью шамота и дресвы. Размеры одного такого горшка: d венчика –194 мм; d горла–177 мм.

Серая лощеная керамика из глины с примесью дресвы или шамота на памятниках зандакской и мугерганской культур достаточно много и по количеству занимает второе место после толстостенных лепных изделий. Они происходят и из Берикейского и Акярского могильников, особенно характерны для Мугерганского могильника (*Давудов О.М.*, 1974. С. 60-61, Табл. X,15; XIX, 127). Они наиболее характерны для памятников Закавказья эпохи поздней бронзы –раннего железа (Бешташины, Байбурт, Кедабек, Калакент, Самтавро, Ханлар, Головино, Мцхета, Сары-Тепе, Авейдаг, Тли, Атодобекян, Тазакенд, Наратус, Шильда и многие другие.) (*Куфтин Б. А.*, 1941. С. 76; Табл. XVIII; Рис. 82; Табл. VIII; МАК, 1911. VI. С. 89-90, 98, 106, 137, 141, 158, 159; Табл. XII, 14; *Абрамишвили Р. М.* Табл. VII, 1-3; *Гуммель Я. И.* Археологические очерки. С. 31. Фиг. II, IV-41; С. 34, Фиг. VII-2; С. 114, Фиг. 46, 21; Он же, 1949. Вып. 24. С. 55-56; *Мартиросян А. А.* 1954. С. 20-27. Табл. XI, 2; XII, 6; *Чубинишвили Т. Н.*, 1957. С. 24. № 5527; Табл. XIV, 671, 518; XV, 5009; *Нариманов И. Г., Халилов Дж. А.*, 1962. Т. IV. Табл. II, 3, 5; XV, 1; *Рустамов Д.Н., Нариманов Н. Г.*, 1965. VI. С. 50; Табл. I, 2; *Техов Б.В.*, 1957. Табл. XXI; *Мнацаканян А. О.*, 1955. 60. С. 38; *Мартиросян А.А.*, 1964. С. 29, Рис. 3, 202; С. 34; Рис. 4, 71; Он же. С. 86; Рис. 40, 1; 41, 31).

Особый интерес представляют обломки кувшинов. Некоторые из них имеют круглые в сечении ручки. По выразительным обломкам можно узнать некоторые формы. От серого лощеного кувшина с цилиндрическим горлом сохранился обломок венчика. Такие сероглиняные лощеные кувшины с цилиндрическим горлом имеют расширяющуюся к устью горловину, покатые плечики, переходящие в грушевидное тулово. Они встречены на памятниках предскифского времени (Берикейский, Акярский, Шахсенгерский могильники) (*Давудов Ш. О.*, 2002. С. 10, 50; Рис. 50, 1). Аналогичный кувшин встречен в кургане VII в. до н.э. в Мильско-Карабахской степи Азербайджана (*Иессен А. А.*, 1965. С. 22-30. Рис. 7, 1).

Таким образом, находки из мусорной ямы (обломки серой лощеной и лепной обмазанной керамики, тупик из кости животного, четырехугольная костяная трубочка, костяной полукруг с двумя отверстиями и астрагал с отверстием), вышеописанная лепная толстостенная и серая лощеная тарная и столовая керамика из заполнения помещений хорошо датируется эпохой поздней бронзы и раннего железа. Как выше уже отмечалось, эти материалы характерны для поселений и могильников зандакской и мугерганской культур Северо-восточного Кавказа. К этому же времени относятся и помещения № 1 и № 2.

1.2. ШАХСЕНГЕРСКИЙ МОГИЛЬНИК

Шахсенгерский могильник расположен на северной окраине одноименного городища. Погребальные сооружения находились на довольно крутом склоне и угадывались по выступающим плитам. Встречаются и на более пологой территории, внутри укрепленной части городища. В разное время здесь были изучены 17 каменных ящиков.

Каменный ящик № 1 1966 г. (рис. 17).

Перекрытие ящика (гл.— 1,76 относительно 0, размер: 3,10x1,70 м.) оформлено пятью каменными плитами. Могила ориентирована по оси З - В. После снятия перекрытия выявились две прямоугольные в плане, отгороженные друг от друга вертикально установленной плитой, камеры. Стенки их оформлены также вертикально поставленными массивными плитами. В первой камере, размером 1,10x1,11 м, среди значительного количества потревоженных костей человека сохранились 4 черепа и несколько трубчатых костей *insitu*, положение которых позволяет говорить о скорченности на левом боку погребенных, обращенных головами на запад (рис. 17). Здесь в различных местах найдены: железный черешковый нож с горбатой спинкой (рис. 19, 6), бронзовая иголка (рис. 19, 1), пастовые бусинки, бронзовые поделки (рис. 19, 7), сильно окислившееся и распавшееся железо, просверленная морская раковина (рис. 19, 9), угольки и кости крупного рогатого животного. Дно могилы выявлено на глубине 2,40 м, относительно 0, высота камеры 0,75-80 м.

Во второй погребальной камере, размером 0,83x0,63 м, не было костей погребенного -вероятно кенотаф. Здесь по диагонали с СЗ на ЮВ поставлены четыре сосуда (рис. 19, 1-4), причем две чашки в центре—одна в другой, а два, похожие друг на друга, горшка—по углам. Здесь же лежали кости передней ноги барана (рис. 17). Дно камеры выявлено на глубине 2, 10; высота камеры — 0,56-0,60 м.

Каменный ящик № 2 1966 г. (рис. 18).

Перекрытие могилы было найдено на глубине 1,0 м относительно 0, дно могилы — на глубине 1,85 м от 0. Размер погребальной камеры — 2,30x1,12 м, высота — 0,95 м. Могила ориентирована по линии З-В.

После снятия перекрытия выяснилось: среди потревоженных костей человеческих скелетов были три черепа и несколько трубчатых костей *insitu*. Очевидно, настоящие кости принадлежали скорченному на левом боку погребенному.

Инвентарь располагался в разных участках погребального сооружения: лепной сосуд баночной формы с чуть вздутым туловом и отогнутым венчиком, с буроватой заглаженной поверхностью (рис. 20,3); заглаженная красноглиняная чашка (рис. 20, 1); миниатюрный корчаговидной формы сосудик (модель) с обмазанной жидкой глиной наружной поверхностью (рис. 20, 2); фрагмент сероглиняной керамики с горизонтальными резными линиями; наконечники стрел типа «площик»—(6 бронзовых и 2 железных) и 1 костяной трехгранный (рис. 20, 8-14); железный черешковый ножик с закругленным концом лезвия (рис. 20, 8); конец ножен кинжала (рис. 20, 7); две железные сфероидные бляхи: одна из них маленькая (рис. 20, 18); две иглы с прокованным и согнутым в отверстие ушком (рис. 20, 17); бронзовое, четырехгранное в сечении шило (рис. 20, 17); бронзовое «молотковидное» навершие головной булавки (рис. 20, 5); бронзовая пряжка с концентрическими линиями (рис.20, 6); сердоликовые бусы (рис. 20, 5а); трехгранное кремнёвое орудие с заполированным концом, скорее всего сверло (рис. 20, 15); костяная поделка; пряслице из керамического черепка (рис. 20, 4).

Каменные ящики №№ 3 и 4 1966 г. (рис. 18)

Оба они были расположены в 500 м к ЮВ от цитадели городища. Оба были разрушены. От погребальных сооружений остались отдельные каменные плиты

Первая из могил принадлежала ребенку и была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Из костей здесь погребенного сохранился лишь один зуб ребенка, но из сопутствующего инвентаря выявлены обломок иглы с целым ушком, небольшая бронзовая цепочка, три сердоликовых бус с воронкообразным отверстием и несколько пастовых бус.

От другой разрушенной могилы сохранились только две, поставленные на ребра под прямым углом друг к другу плиты и фрагменты двух обмазанных сверху жидкой глиной, сосудов баночной формы.

Следующую группу каменных ящиков изучали в районе шестой башни. Здесь на глубине -1,01 -1,14 м от 0 под горизонтом оборонительных сооружений обнажились очертания двух каменных ящиков (рис. 23;24).

Каменный ящик № 5 (№ 1 1984 г. – рис. 26; 27; 28, 1).

Это погребальное сооружение четырехугольной формы, ориентированное по линии запад – восток, было разрушено еще в древности. Перекрытие полностью отсутствует. Стенки погребальной камеры деформированы. В первоначальном положении сохранилась лишь одна северная продольная стена. Размеры погребальной камеры: 1,73-

1,76 x 0,88-0,9 м при глубине 0,87-0,89 м. В результате зачистки на гл. -1,531,96 м от 0 встречены обломки сосудов, куски кремнёвого отщепы, фрагменты костей животных, в том числе их черепов. От человеческого скелета сохранились обломки костей, фаланги пальцев и зуб. На дне погребальной камеры выявлены древесные угольки, обожженная земля и зола.

Каменный ящик № 6 (№ 2 1984 г. – рис. 26; 27; 29, 2).

Обнаружен в 2,54 -2,96 м восточнее вышеописанного каменного ящика № 1. Он был ориентирован по линии запад – восток. Над перекрытием этой могилы встречена красноватая лепная, миниатюрная миска с круглым дном. От перекрытия этого ящика сохранилась одна плита, размером 0,6 x 1,5 м. Сама погребальная камера имела размеры 0,94 -0,96 x 1,76-1,8 при глубине 0,7 -0,73 м. После зачистки погребальной камеры выявились разрозненные кости человеческого скелета: обломки костей позвоночника, ребер, черепа. Все они лежали в разных участках погребальной камеры безо всякой анатомической связи между собой. От сопутствующего инвентаря сохранились серый лощеный тонкостенный горшок с грушевидным туловом и пухлым венчиком (рис. 29), красноватая лепная толстостенная миска в виде усеченного конуса с плоским дном, астрагалы и бронзовое колечко.

Рядом с карьером и разрушенными каменными ящиками был заложен раскоп 3, где были раскопаны и исследованы шесть каменных ящиков.

Каменный ящик № 7 (№ 1 1984 г. – рис.26-27).

Выявлен в кв. AIV, AV, BIV и BV на гл. -1,08 м от 0. После расчистки погребального сооружения выяснилось, что у него не сохранилось перекрытия. От него осталась лишь небольшая плитка, лежащая на стенке погребальной камеры.

Настоящая погребальная камера четырехугольной формы, размером 1,6 x 0,85 м при гл. -0,75-0,77 м, ориентирована по линии запад – восток. Она была возведена из массивных каменных плит (0,8 x 0,84 x 0,98 м; 1,96 x 0,89-0,9 x 0,15-0,17 м; 1,98 x 0,88-0,89 x 0,15 м; 0,83 x 0,75-0,55 x 0,08 м) правильной четырехугольной формы. Каждую стенку составляла одна плита за исключением западной, наращенной правильными четырехугольными камнями, сложенными сверху в один ряд.

От погребения остались лишь разрозненные обломки кости: ребер, черепа, позвоночника, берцовых и бедренных костей. От сопутствующего инвентаря остались 10 каспийских раковин, обломки втул-

ки и пера железного наконечника копья, обломок изделия из круглого бронзового прута, астрагал барана с отверстием.

Каменный ящик № 8 (№ 2 1984 г. – рис. 26-27)

Выявлен в кв. кв. АШ, БШ и отчасти БІV, на гл. -1,17 м от 0. После расчистки погребального сооружения выяснилось, что у него перекрытие сохранилось лишь частично, и оно составляло две хорошо подогнанные друг к другу плиты, щели которых заделаны мелкими камнями (толщина плит – 9 см). Они уложены поперек каменного ящика.

Этот каменный ящик четырехугольной формы, размером 1,29-1,35 x 0,65-0,85 x 0,54-0,55 м, ориентирован по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад. Северо-восточно-восточная стенка состояла из двух вертикально установленных плит, размерами 0,7 x 0,55 x 0,15 м и 0,55 x 0,15 x 0,17 м, юго-западная стенка – тоже из двух плит, но уложенных друг на друга (0,4 x 0,7 x 0,15; 0,7 x 0,25 x 0,15 м), северо-северо-восточная продольная стенка состоит из одной массивной плиты, переломанной пополам (1,55 x 0,45 x 0,10-0,15-0,20 м) и камней, уложенных сверху в ряд (1,15 x 0,1 x 0,15 м), юго-юго-западная стенка – тоже из плиты (1,53 x 0,38 x 0,17 м), наращенной сверху продольным камнем (1,53 x 0,17 x 0,17 м).

Погребения в могиле потревожены. Встречены разрозненные человеческие кости – целые и обломанные ребра, куски позвоночника, черепные и трубчатые кости. Причем у ЮЗЗ торцовой стенки расчищены два черепа. К этой стенке количество костей становится больше.

От сопутствующего инвентаря сохранились обломок трубчатой кости животного с орнаментом, обломок железной головной булавки, гагатовая бусина, кусок бронзы, обломок железного ножа, белая пуговица, костяной черешковый наконечник стрелы, кремневый вкладыш серпа (рис. 30, 10).

Каменный ящик № 9 (№ 3 1984 г. – рис. 26-27; 31)

Выявлен в кв. АП, БП. Здесь на гл. -0,83 м от 0 обнажились кости животного. Ребра сохранились в первоначальном положении, но трубчатые кости лежали безо всякого анатомического порядка. Такое положение костей могло сохраниться от жертвенного животного, уложенного в одном месте. Рядом с костями животного лежал обломанный баночный сосуд и серый лощеный горшок. Около горшка сосредоточены камни, уложенные в ряд. Это были остатки тризны. После снятия их на гл. -1,45 м от 0 обнажилась массивная плита перекрытия (1,63 x 1,154 м) погребальной камеры. Рядом с этой плитой с северо-восточной сто-

роны отсутствовали другие плиты, замуровавшие лаз в погребальную камеру. В настоящее время лаз в погребальную камеру достигал 1,0 x 0,35 м.

На гл. -1,65 м от 0 обнажился каменный ящик (кв. АП, БП), размером 0,95-0,99 x 1,52-1,63 x 1,0 м. Он был ориентирован по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад. Каждая из стенок каменного ящика составляет одна плита (1,05 – 1,10 x 1,0 x 0,08 м; 1,0 x 0,93 x 0,12 м – эта плита сверху наращена двумя камнями, толщиной 5 см; 1,65 x 0,99-1,0 x 0,14-0,17 м; 1,67 x 0,97 x 0,14-0,18 м).

После расчистки погребальной камеры у северо-восточной стены найдена плита, упавшая во внутрь от перекрытия. Могила была ограблена. Обломки человеческих костей и находки были сосредоточены у обеих торцовых стен на гл. -2,45 м от 0. Среди находок были: баночный лепной сосуд со слегка отогнутым венчиком (размеры: hсосуда = 90 мм, d венчика = 110 мм, d дна – 72 мм), серый лощеный кувшин с цилиндрическим горлом и ручкой, соединяющей венчик с плечиками. Наружная поверхность кувшина украшена узором из резных полос: плечики – поясом из пяти полос и отходящими от них вниз вертикальными линиями (размеры: h = 172 мм, hнт = 60 мм, hпл. = 62 мм, hгорла = 50 мм, dтулова = 158 мм, dd = 80 мм, dгорла = 76 мм, dвенчика = 90 мм), железный наконечник стрелы, бронзовая игла (№ 4), куски битума с помощью которого скрепляли деревянные сосуды, фрагменты железной бляхи, фрагмент железного браслета, обломок кремневого ретушера (сверла?), обломок костяной трубочки, каспийская раковина (2 шт.), куски распавшегося железного предмета (наконечника копья?), обломок черешкового железного ножа с горбатой спинкой, бронзовая подвеска, обломок костяного наконечника стрелы, обломки бронзовых поделок. Среди костей человека встречены обломки костей животных (рис. 31).

Каменный ящик № 10 (№ 4 1984 – рис. 26; 27).

Выявлен в кв. БП на гл. -0,73 м от 0. Погребение детское. У этого погребального сооружения не сохранились две боковые стены и перекрытие. Но отпечатки камней боковых стен отчетливо сохранились. Каменный ящик, размером 0,44 x 0,5 x 0,64 (глубина) м, ориентирован по линии северо-запад–юго-восток. На гл. -1,1 м от 0 на дне погребальной камеры отмечены отпечатки черепа младенца и тлен его костей.

От сопутствующего инвентаря сохранились браслет с заходящими концами из тонкого бронзового прута, два бронзовых височных кольца овальной формы с заходящими концами, круглое бронзовое

кольцо с заходящими концами, бронзовая подвеска и сердоликовые «рубленные» бусы.

Каменный ящик № 11 (№ 5 1984 г. – рис. 26; 27; 34).

Выявлен в кв. БI, ВI, БII, ВII на гл. -0,75 м от 0. От перекрытия этой могилы сохранилась одна массивная плита, уложенная поперек погребальной камеры на ее восточном конце. Одна плита от перекрытия провалилась во внутрь погребальной камеры и лежала на боку. Каменный ящик, размером 1,50-1,52 x 0,80-0,83 x 0,77 (глубина) м, ориентирован по линии запад–восток с легким отклонением на юго-запад. Стенки могилы сложены из массивных установленных на бока каменных плит: южная стенка из крупной плиты (1,6 x 0,59 м), наращенной сверху рядом камней (1,23 x 0,19; 0,39 x 0,19 м), северная стенка из одной плиты (1,42 x 0,76 м), западная торцовая стенка – из плиты (0,85 x 0,77 м), наращенный сверху кладкой из двух рядов камней, восточная стенка из одной сплошной плиты (0,94 x 0,9 x 0,79-0,7 м).

В могильной камере от скелета сохранились разрозненные кости, беспорядочно лежащие по всей площади погребальной камеры. При этом кости погребенного и находки больше встречаются на торцах могилы.

От человеческого скелета сохранились обломки ребер, черепных и трубчатых костей, позвончиков. Причем, на западном конце могилы найдены череп человека и его ребра, кости крупного рогатого животного.

От сопутствующего инвентаря сохранились две железные конические подвески, две специальные бронзовые пронизки, миниатюрная лепная миска (dв = 130 мм, dд = 52 мм, h = 92 мм); лепной баночный сосуд со слегка выпуклыми боками (h = 70 мм, dд = 52 мм, dв = 62 мм, dt = 80 мм); аналогичный сосуд (h = 120 мм, dд = 88 мм, dв = 112 мм, dt = 130 мм); баночный лепной сосуд, украшенный снаружи вертикальными желобками (h = 66 мм, dв = 56 мм, dд = 5 мм, dt = 75 мм); обломок лепной миски-плошки (dв = 164 мм); лепная глубокая миска с вертикальными бортиками (h = 42 мм, dв = 69 мм, dд = 29 мм); каспийская раковина, обломок какого-то железного предмета, обломок втулки железного наконечника копья, обломок тонкостенного серого лощеного сосуда.

Каменный ящик № 12 (№ 6 1984 г. – рис. 26; 27; 36) (детский).

Плиты ящика виднелись в северо-западной стенке кв. БI. Самопогребение находилось за пределами раскопа. Его камни выступали на поверхность на гл. -0,05 м от 0. Этот каменный ящик, размером 0,46 x

0,34 м и глубиной 0,2 м, был ориентирован по линии юго-запад–северо-восток. Перекрытие могилы отсутствовало. Стенки сложены из небольших камней, установленных на бока.

От скелета младенца сохранились отпечаток от черепа и костяной тлен.

Сопутствующий инвентарь представлен лепным баночным сосудом и сердоликовой бусиной.

В могиле встречено зольное пятно и угольки.

Из шести выявленных на этом раскопе могил две были детскими, четыре принадлежали взрослым людям. Они залегали на одном горизонте на расстоянии 0,8-1,70 м друг от друга. Такое расположение могил со временем должно было привести к потребности большей площади для могильника. Все каменные ящики ориентированы по линии запад–восток. Отмеченные детали и отклонения к юго-западу навряд ли имели для древних какое-либо значение.

В карьере, из которого добывали гравий, нашли большое количество погребальных сооружений, разрушенных в ходе земляных работ. Обнаруженные здесь погребальные сооружения в сочетании с обнажениями отдельных могил указывают, что на восточном и северном участке городища находится обширный могильник.

Разрушенные погребальные сооружения по своему характеру мало чем отличались от каменных ящиков из стационарных раскопов. Располагались они в разных участках карьера. Порою от них остались отдельные плиты. Три из них сохранились лучше.

Каменный ящик № 13 (№1 из карьера – рис. 37).

Погребальное сооружение четырехугольной формы размером 1,21 х 0,7 х 0,4-0,45 м было ориентировано по линии запад – восток с легким отклонением к юго-западу. От перекрытия могилы сохранилась одна плита, лежащая на конце могилы. Одну из торцовых стен погребальной камеры составляла плита, наращенная сбоку и сверху камнями, чтобы закрыть зазоры. Другая боковая продольная стенка возведена из вертикально установленных камней – один большой и другие помельче, лежащие один на другом.

В этом ящике обнаружен миниатюрный горшок с отогнутым венчиком; бронзовая игла (рис. 38,3), маленькая бронзовая височная привеска (рис. 34, 4), три височные привески побольше размером, свернутые из круглого бронзового прута (рис. 38, 5, 7), височная привеска из тонкой бронзовой пластинки (рис. 38,6) и каспийская раковина (рис. 38,2).

Каменный ящик № 14 (№ 2 из карьера – рис. 39А).

Погребальное сооружение четырехугольной формы размерами 1,60 x 0,78 x 0,53 м ориентировано длинной стороной по линии запад-восток. Обе торцовые стены составляли одиночные плиты, установленные на бока.

У восточной торцовой стены выявлены обломки человеческого черепа, обломки других костей, зубы и костный тлен.

Из сопутствующего инвентаря здесь сохранились баночный сосудик, украшенный по основанию венчика налепным валиком с косыми насечками по поверхности и сосцевидными налестками и другой сосуд большего размера с заглаженной наружной поверхностью (дно этого сосуда отсутствовало), четыре железные обоймы (рис. 40, 23-25), бронзовая птицевидная подвеска (рис. 40, 17), кость с поперечным отверстием (рис. 40, 20), железная пластинка с отверстием (рис. 40, 21), бронзовая височная привеска с заходящими концами (рис. 40, 19), кремневая пластинка (рис. 35, 15), каспийская раковина (рис. 40, 22), круглая бронзовая пластинчатая пуговица с шишечкой в центре, обведенной резными концентрическими кругами и петлей на обороте (рис. 40, 6), костяной стержень с продольным отверстием (рис. 40, 13), сердоликовые, пастовые и полые бронзовые бусы (рис. 40, 1-5, 7-12, 16, 18).

Каменный ящик № 15 (№ 3 из карьера – рис. 41).

Расположен на восточном краю карьера. Он имел четырехугольную форму и сравнительно крупные размеры – 1,54 x 0,95 x 1,0 (глубина) м. Ориентирован по линии запад-восток. Обломанная массивная плита от перекрытия упала в погребальную камеру. Все 4 стенки погребальной камеры сложены из массивных плит: по одной на стенку.

В этом ящике не сохранились следы погребения и предметов материальной культуры.

Каменный ящик № 16 (рис. 42).

На северном участке городища, недалеко от раскопок 1966 г. обнаружен один сохранившийся каменный ящик, размером 1,70-1,72 x 1,0-1,02 x 0,87 м, ориентированный по линии запад – восток (рис. 42). На западном конце каменного ящика сохранилась небольшая плита от перекрытия. На южной и западной стенках погребальной камеры также сохранились камни, составлявшие в свое время перекрытие. Стенки ящика сложены из массивных плит.

При расчистке в погребальной камере под перекрытием погребального сооружения встречены обломки человеческих и животных костей и фрагменты керамики. На дне погребальной камеры встречены фрагментированный череп человека и обломки его костей, рассы-

паные по всей территории погребальной камеры. Особенно много обломков костей человека и животных встречено у восточной торцовой стены. Здесь же встречены обломки керамики. Некоторые из них принадлежали лепному баночному сосуду, украшенному по основанию венчика сосцевидными налестами. Из других обломков собран такой же сосуд, украшенный сосцевидными налестами по основанию венчика.

Каменный ящик № 17.

Здесь же, на северном склоне городища виднелась плита, лежащая на боку, и другая плита, лежащая под 40° к ней. Они напоминали плиты разрушенного погребального сооружения. Верхняя плита, когда ее вытащили, оказалась обломанным пополам антропоморфным изваянием. Оно было использовано в качестве перекрытия погребальной камеры. Это изваяние было высечено из довольно ровной плотной песчаниковой плиты толщиной 0,1 м. Изваяние передавало схематизированную фигуру человека: четко были выделены голова, плечи и выступающее наружу основание. На оборотной стороне плиты было вырезано рельефное изображение, напоминающее тетиву лука. Высота фигурки 1,42 м, ширина в плечах 1,32 м, ширина основания 1,3 м, ширина торса 1,04 м (рис. 43, 1).

Место, где стояла плита с перекрытием, было расчищено. Около плиты найдена пара роговидных псалий с тремя овальными отверстиями на одной плоскости [Длина одного псаля 13 см при диаметре стержня у толстого конца 18 мм (отверстия 15x4 мм, 12x4 мм и 16x5 мм), длина другого с загнутым концом 14 см при диаметре стержня у толстого конца 20 мм (отверстий 13x5 мм, 13x5 мм, 14x5 мм).] Длина одного псаля 13 см при диаметре стержня у толстого конца 18 мм (отверстия 15x4 мм, 12x4 мм и 16x5 мм), длина другого с загнутым концом 14 см при диаметре стержня у толстого конца 20 мм (отверстия 13x5 мм, 13x5 мм, 14x5 мм. (рис. 47,5, 6). Здесь же обнаружены железный черешковый нож с прямой спинкой и закругленным концом и каспийская раковина.

Таким образом, характерной формой погребального сооружения на обеих могильных полях около городища Шахсенгер можно считать прямоугольную, близкую к квадрату, каменную гробницу, содержащую коллективные захоронения, возможно, производившиеся в скорченном положении на боку.

Из разрушенных каменных ящиков происходят переданные О. М. Давудову учителем средней школы селения «Дружба» Каякентского района предметы материальной культуры. Среди них были:

Лепная красновато-охристая толстостенная глиняная миска с петлевидной ручкой. Основание венчика сосуда украшено наклепным валиком с косыми вдавлениями, поверхность сосуда украшена сосцевидными наклепами. Размеры сосуда: d венчика = 75 мм; d устья = 65 мм; d основания венчика = 59 мм; d тулова = 87 мм; h сосуда = 63 мм.

Лепная красновато-охристая миниатюрная миска-плошка усеченно-конической формы. Размеры сосуда: d венчика = 73 мм; d дна = 52 мм; h сосуда = 44 мм.

Железный кинжал с бронзовой рукояткой, т.н. «кабардино-пятигорского» или «киммерийского» типа. Рукоятка имеет грибовидное навершие, крестовидное перекрестье и круглый ствол. Кинжал был в ножнах с бронзовым наконечником и обоймочкой, украшенной с лицевой стороны 4-мя вертикальными линиями из резных треугольников, с обратной стороны – резными четырехугольниками, а с боку – петель для ношения на поясе (рис. 46).

Черешковые наконечники стрел из плоской бронзовой пластинки с головкой в виде острого равнобедренного треугольника с опущенными жалами – «плошки». Их два и оба повреждены: у первого обломан черешок у основания, у второго – черешок вместе с одним крылом. Размеры первого: длина – 35 мм при размахе крыльев 26 мм, второго: длина сохранившейся части – 17 мм при размахе крыльев 16 мм (рис. 47, 2,3).

5. Обломок браслета из круглого железного прута. Один конец изделия утолщен. Диаметр браслета, видимо, был 50 мм, диаметр прута 6 и 12 мм (рис. 47, 4).

6. Костяная накладная пластинка с тремя отверстиями. Размер – 33x18x2 мм (рис. 47, 10).

7. Обломок трубчатой привески из тонкой бронзовой пластинки. Длина – 50 мм, диаметр изделия – 10 мм (рис. 47, 12).

8. Височная привеска в полтора оборота из тонкого (2 мм) бронзового прута. Диаметр изделия – 14 мм (рис. 47, 13).

9. Другая височная привеска в полтора оборота из тонкого бронзового прута (2 мм). Диаметр изделия – 14 мм (рис. 47, 15).

10. Свинцовая подвеска (рис. 47, 8).

11. Бронзовая литая бляха с петлей на обороте. Лицевая сторона гладкая, края загнуты в обратную сторону, создавая кайму. Диаметр бляхи – 72 мм (рис. 47, 11).

12. Бронзовые литые однокольчатые удила с подвижными кольцами. Грызла этих удил украшены четыремя симметрично располо-

женными веревочными узорами. Длина звеньев – 83-85 мм, диаметр наружных колец – 24-26 мм, внутренних – 23 мм (рис. 47, 16).

13. Бронзовые трехчастные удила с подвижными кольцами. О. М. Давудову передали только их фотографию.

На территории могильника на западном участке городища недалеко от ворот находилось каменное антропоморфное изваяние. О нем В.Г. Котович упоминал в своем отчете за 1965 г. и в совместном с О.М. Давудовым отчете за 1966 г. Правда, он его связывал с воротами городища. Изваяние архаичнее городища и его следует связать с могильником. Изваяние высечено из довольно толстой каменной плиты – ракушечника (0,25-0,30 м). Отчетливо переданы голова человека, выступающие плечи и торс. Резными углублениями переданы лицо, пояс, доспехи на плечах и воротник доспехов или ожерелье, или гривна на шее. Нижняя часть изваяния отломана. Высота сохранившейся части каменного изваяния 1,34 м, ширина в плечах 1,17 м, ширина на поясе 0,84 м, ширина под плечами 0,86 м, ширина в области шеи 0,6 м. (рис. 48).

1.3. АКЯРСКИЙ МОГИЛЬНИК

В семи км к востоку от сел. Башлыкент Каякентского района и в 1,5 км к северу от Шахсенгерского городища, на склоне левого берега речки Башлычай, в местности, известной у местного населения под названием Акяр, расположен древний могильник. От основания могильника до его вершины на расстоянии 380 м перепад составляет 50 м. От вершины Акярских высот до его основания и на ширину 300 м. виднеются обнажения каменных ящичков. Приблизительный размер могильника составляет 380 х 300 м (рис. 50). Но есть основание полагать, что могильник имел большую площадь. В настоящее время речка Башлычай протекает по основанию могильника и направляется на северо-восток, в сторону моря. В древности и средневековье, как выше указывалось, вероятно, она протекала по основанию Шахсенгерского городища. На правой стороне речки встречаются камни, сохранившиеся от погребальных сооружений.

Первые находки каменных ящичков этого могильника и были доисследованы отрядом ученых, что позволило им составить более или менее удовлетворительное представление о погребальном обряде и инвентаре (*Пикуль М.И.*, 1951; *Марковин В.И.*, 1969. С. 28; Он же, 27 февраля; *Давудов О.М.*, 1974. С. 146-147). Они же предположили дату могильника в пределах конца II тысячелетия до н.э.

При этом надо отметить – с этого времени о могильнике знали в органах охраны памятников Дагестана, но его продолжали разрушать. Через территорию могильника проведены две автодороги, две водоводные каналы, кабельная линия, линия электропередачи. Здесь построена газораспределительная станция. Во время земляных работ уничтожены могилы, имеющие огромную историческую ценность. Жители окрестных сел из простого любопытства или в надежде «найти золото» раскапывают могилы, уничтожают их. Отдельные находки из таких могил попадали и в руки О.М. Давудова. Среди них были литые кольчатые бронзовые удила (рис. 48, 19), обломок железного наконечника копья (рис. 51, 19), обломок железного браслета (рис. 51, 20), железный нож с черешком и прямой спинкой (рис. 51, 15), височные привески в полтора оборота из толстого бронзового прута (рис. 51, 5), височные привески в полтора оборота из тонкого бронзового прута (2 экз. – рис. 51, 3), остатки таких же, но разогнутых привесок (3 экз. – рис. 51, 10, 11), обломок бронзового шила (рис. 51, 1), обломок бронзовой иглы со сломанным ушком (рис. 51, 2), три конические привески из тонкой бронзовой пластинки (рис. 51, 6, 7, 8), железные обоймочки (2 экз. – рис. 51, 17, 18), четырехугольные оселки с отверстием на одном конце (2 экз. – рис. 51, 13, 14) и привеска из цельного бронзового стержня с продольной бороздочкой на поверхности (рис. 51, 12). Нам показали остатки разрушенного каменного ящика, где были встречены эти материалы. При этом часть могильного инвентаря была ими уничтожена.

К настоящему времени на Акярском могильнике исследованы следующие погребения:

Каменный ящик № 1 (№ 1 1952 г.). Сложен из очень плохо обработанных плит, по две с трех сторон, за исключением западной, которую составляла только одна плита. Ящик имел трапециевидную форму, ориентирован с запада-юго-запада на восток-северо-восток; размеры погребальной камеры: 1,55x1,15 (восточная 0,95) при глубине могилы около 0,9 м. Перекрытия не было.

При доисследовании ящика на глубине 0,50-0,8 м было обнаружено 2 фрагмента костей животных: от ребра коровы и ключицы, а также человеческий зуб.

От сопутствующего инвентаря сохранились обломки лепной толстостенной и тонкостенной керамики, в том числе и венчик от сосуда с вдавленным орнаментом по налепной ленте, фрагмент бронзовой овальной пластинки, вероятно, от височной подвески, кремневая треугольная в сечении пластина со следами ретуши, белая пастовая бу-

сина кольцевидной формы с узором в виде косых линий, наведенных коричневой краской. В том же углу могилы, на глубине 0,9 м, были обнаружены две голубые бисеринки из стекловидной пасты. В центре и восточном углу на той же глубине – 0,9 м был замечен костный тлен и несколько фрагментов от человеческих костей.

Таким образом, почти все в этом каменном ящике было сосредоточено в центре погребальной камеры и в двух углах. Фрагменты погребального инвентаря и остатки человеческого скелета находились в таком хаотическом состоянии, что вряд ли что-либо здесь было *in situ*. Следует все же предполагать, что сосуды стояли в ногах у наиболее короткой восточной стены ящика, а ожерелье было в головах, в юго-западном углу.

На территории могильника, ближе к ящику № 1, был собран подъемный материал, состоящий из керамики, большая часть которой имела красную внешнюю поверхность, обмазанную жидкой глиной и черную гладкую внутри.

Каменный ящик № 2 (№2 1952 г.). Имел трапециевидную форму и был вытянут с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Внешние размеры ящика: 1,8x0,9 (западная – 1 м); внутренние размеры: 1,5x0,8 (западная 0,9). Глубина – 0,85 м. Ящик был сложен из очень тонких плит глинистого песчаника – плитняка. Перекрытие ящика состояло из двух плит, но оно было откинута ранее колхозниками и частично использовано. В завале ящика, главным образом в центре, с глубины 0,3 м и ниже, до середины высоты ящика встречались кусочки угля. В могиле находились остатки двух человеческих скелетов. Останки от первого костяка в виде костного тлена и беспорядочно нагроможденной груды костей плохой сохранности находились на глубине 0,55-0,8 м у восточной стены. Второй костяк был лучшей сохранности и лежал на глубине 0,85 м, ближе к западной стене и занимал центральное положение. Положение его было скорченным на правом боку, лицом на юго-запад. Руки у него были сильно согнуты в локтях так, что кисти рук лежали у лица. Положение фрагмента левой бедренной кости дает основание предполагать, что нижние конечности были слегка согнуты в коленях.

Погребальный инвентарь находился, главным образом, около второго костяка, занимавшего центральное положение. Так, у восточной стены лежала морская раковина; у левого и правого уха – по одной медной спиральной привеске. У восточной стены лежало бронзовое колечко с неспаянными концами. Под костяком кое-где оставался

тлен от подстилки. Исследователи полагают, что второй погребенный был захоронен в сидячем положении и не одновременно с первым.

Каменный ящик № 3 (№3 1952 г.).

Был сложен из 4-х больших плит (с восточной стороны они не сохранились). Вдоль южной длинной стороны были поставлены две плиты. Вероятно, каменный ящик был сложен таким образом, что вдоль коротких сторон было поставлено по одной плите, а вдоль длинных сторон – по две. Ящик имел трапециевидную форму, был вытянут с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Размеры погребальной камеры: 1,6 x 0,86 м (0,9 – западная) при глубине у западной стены 0,65 м, а у восточной – 0,6 м.

Содержимое ящика и земля, заполнявшая могилу, были выброшены колхозниками, поэтому были обнаружены только мелкие фрагменты человеческих костей, особенно у восточной стены и остатки тлена. В выкиде возле ящика, близ южной стороны, были найдены морские раковины.

Каменный ящик № 4 (№4 1952 г.).

Имел четырехугольную форму. Ориентирован он был с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Плиты у него сохранились полностью только с западных и восточных сторон и частично вдоль длинных сторон. Вдоль южной стены плиты были сдвинуты. Судя по отпечаткам плит и сохранившимся стенкам, ящик был сложен таким образом: по одной плите вдоль коротких сторон и по две вдоль длинных сторон, размеры погребальной камеры: 1,4 (1,1)x0,65 м при глубине 0,6 м. В ящике ничего не было обнаружено. Все его содержимое было вынута и сброшено под откос.

М.И. Пикуль описывает предметы материальной культуры, выброшенные из разрушенных погребальных сооружений: пастовую бусину, две многовитковые височные привески, скобовидную привеску, 4 просверленные каспийские раковины, одно трехгранное кремневое сверло и обломки обмазанных и заглаженных лепных и серых лощенных сосудов.

Каменный ящик № 5 (№ 1 раск. 1984 г.– рис.52).

При обследовании могильного поля в центре верхнего участка могильника виднелась одинокая каменная плита, лежащая горизонтально. Создавалось впечатление, что она положена специально. При расчистке этой плиты обнажились окружавшие ее камни и другие плиты перекрытия. Наиболее крупная и толстая плита четырехугольной формы лежала в центре погребального сооружения, более мелкие, подогнанные к ней, располагались по краям. Все они составляли бо-

лее или менее правильно очерченное четырехугольное перекрытие, ориентированное по линии восток – запад. После их снятия обнажилась могила четырехугольной формы, ориентированная длинной стороной по линии восток – запад. Северная и южная боковые стенки могилы были сложены из вертикально установленных (по - три на каждой стороне), наращенных сверху плоскими прямоугольными камнями (северная наращена пятью камнями, южная – двумя). Восточная и западная торцовые стенки состояли из одних плит, установленных вертикально. Причем восточная стенка с южной стороны была сдвинута и искажала четырехугольную форму могилы. После выборки могильного заполнения обнажилось захоронение старой женщины¹, уложенной на правом боку с сильно скорченными ногами и руками, головой на запад. Ее сопровождал довольно богатый инвентарь.

В северо-западном углу могилы расчищен баночной формы деревянный сосуд с дном, закрепленным битумом, там же, за плечами погребенного – другой деревянный сосуд меньшего размера в виде кружки. В области шеи встречена гривна из витого четырехгранного прута с разомкнутыми концами (№ 2 – рис. 53, 20), у основания черепа и за черепом – несколько височных привесок (№ 1 – рис. 53, 30-34), в области шеи – височные подвески, между плечами и затылком – железные конические подвески (рис. 53, 9, 18, 19, 21), на черепе – гвоздевидная головная булавка (№ 9 – рис. 53, 29), на запястьях обеих рук – браслеты (№ 3,4 – рис. 53, 23, 26), в области пояса – бронзовая литая бляха (№ 5 – рис. 53, 17), за плечами – миниатюрные пастовые бусы – бисер, а также бронзовая игла (рис. 53, 22). Целый комплект составляют украшения, нанизанные на шнурок и переброшенные в виде ленточки от головного убора на спину. Это были три железных и три бронзовых обоймочка (рис. 53, 6, 7, 8, 27, 28), пять конических бронзовых, две конических железных, две спиральных подвесок (рис. 53, 15, 16, 18, 1, 2) и на конце – одна топорovidная (точнее секировидная) подвеска (№ 11 – рис. 53, 35). Здесь же обнаружена подвеска в виде барана (рис. 53, 14). Около деревянных сосудов встречены три подвески и две каменные заготовки бус, а также две каспийские раковины, перед тазовыми костями – целый набор поясных украшений (рис. 53).

---

¹ Возраст женщины определена по признакам скелета в том числе по челюсти со стертymi пазами зубов. Сохранился только один зуб.

На этом могильнике, на краю верхней террасы могильника, у поворота водоводного канала нами был заложен раскоп, размером 10 х 16 м, ориентированный сторонами по странам света, длинной стороной по линии север – юг. Он был разделен на 40 квадратов, размерами 2 х 2 м (рис. 54-55).

На этом раскопе нами было раскопано 14 каменных ящиков.

Каменный ящик № 6(№ 1 раск. 1984 г.– рис. 56 А).

Расположен в кв. Г-1 на глубине- 2,40 м от 0, под толщиной 60 см земли. Для возведения погребального сооружения в материке была выкопана прямоугольная яма, размером 90 х 65 см и глубиной 60 см. Затем стенки этой ямы были обложены вертикально установленными каменными плитами, толщиной 10-15 см. размеры каменного ящика (внутренние) –32-40х62х60 (глубина) см¹. Он ориентирован длинной стороной по линии юго-запад –северо-восток. Северо-западная стенка состоит из плиты, размером 60 х 60 см (толщина 10 см) и камня, толщиной 5 см, которым был заложен зазор на юз конце. Юго-восточная стенка состоит из плиты, размером 54 х 58 см (толщина –13 см) и камня, толщиной 7 см, которым был заложен зазор на северо-восточном конце. Юго-западная и северо-восточная стенки состоят из сплошных вертикально установленных плит (юго-западная – 48 х 60 х 9-10 (толщина) см. северо-восточная –62 х 60х 11-8 (толщина) см.

Перекрытие могилы отсутствовало, но погребение не потревожено. Оно принадлежало ребенку 4-6 лет. Погребенный уложен скорченно на левом боку, головой на юго-запад: колени скорченных ног подведены к животу, кисти согнутых в локтях рук – к подбородку. У ног, в северном углу погребальной камеры лежал обмазанный баночный сосуд, перед кистями рук – миниатюрный горшок внутри миски-плоски. Около черепа и шейных костей найдены две спиральные подвески, и раковина-каури. Здесь же обнаружены подвески, свернутые из бронзовой проволоки, толщиной 2-3 мм (в полтора оборота – 1 шт., с сомкнутыми концами – 1 шт., с разомкнутыми концами –1 шт., прямоугольные – 2 шт.). На фаланге пальцев –кольцо, на запястьях обеих рук – браслеты. Рядом найдена бронзовая игла, белая бусина и зеленоватый бисер (рис.56 Б 1 15).

Каменный ящик № 7 (№ 2 раск. 1984 г. – рис. 57, 58)

---

¹ В работе приводятся только внутренние размеры погребальных камер, т. к. внешние размеры для строителей могил не имели принципиального значения. Они зависели от формы и размера камней. Внутренние же размеры были обусловлены размерами тела покойника и количества заупокойного инвентаря.

Расчищен на стыке квадратов Б-1, В-1 и Б-2, В-2, на глубине – 1,8 м от 0 и под пластом земли, толщиной 25 см. Для возведения погребального сооружения была выкопана в материке прямоугольная яма (1,25 x 1,80-1,95 м), глубиной 0,83 м и ориентированная длинной стороной по линии юго-запад – северо-восток-восток. Стенки ямы были облицованы вертикально установленными, тщательно подогнанными друг к другу плитами. Торцовая стенка на ЮЗЗ стороне состояла из двух вертикально установленных камней (размером 42 x 80 см и 41 x 82см. Юго-юго-восточная продольная стена также сложена из крупных и сравнительно мелких, прямоугольных камней. Наиболее крупным был камень размером 1,42x0,5x0,45 м, наиболее мелким – камень, размером 0,25x0,53x0,30 м. Остальные стены представляют собой вертикально установленные блоки: северо-восточно-восточная – размером 0,93x0,25 м, северо-северо-западная – размером 1,48x0,80x0,12 – 0,15 м. Углы погребальной камеры на стыках каменных плит и зазоры между камнями в кладке стенок обмазаны глиной. Размеры погребальной камеры – 0,93-0,83x1,27-1,46x0,83 м. Она ориентирована по линии ЮЗЗ-СВВ. Перекрытие погребального сооружения состоит из двух крупных плит (одна, размером 0,9 x 1,0-0,6 м, другая – 0,45x0,7-0,37 м), между которыми были заложены камни.

На уровне перекрытия, под камнями и плитами, с юго-восточной стороны погребального сооружения выявлены кости крупных животных, очевидно принадлежавших жертвенному животному.

Погребение не потревожено. После расчистки от могильного заполнения виде однообразно рыхлого песка обнажилось скорченное напевом боку погребение молодой женщины, обращенной головой на юго-запад-запад. Лицо ее было повернуто вверх, верхняя половина туловища также слегка повернута вверх; ноги сильно согнуты (бедренная кость с берцовой образуют острый угол, направленный к стенке ящика). Руки согнуты в локтях и подведены к лицу.

Сопутствующий инвентарь богат и разнообразен. У стопы ног погребенной, в углу (ССВ) погребальной камеры установлен серый лощенный кувшин со сливным носиком (№ 1), рядом – красноватая миска-плошка (№ 18), у берцовых костей, в середине торцовой стены могилы найдены остатки деревянной миски (№ 2), в другом углу (восточном), на кучке золы, угольков и каленой красноватой земли – миска (№ 14) с остатками заупокойной пищи (костями мелких рогатых животных, покрытых красноватым налетом и горелыми растительными остатками, напоминающими вертел). Между коленом погребенной и стенкой погребальной камеры найдены остатки деревян-

ной миски (№3) и развалившийся при расчистке баночный сосуд с обмазанной поверхностью. Здесь же поблизости, напротив тазовых костей скелета, лежал другой более мелкий баночный сосуд с обмазанной наружной поверхностью (№ 5). У юго-юго-восточной продольной стенки могилы, напротив плеч и кистей рук найдены обломки обмазанного горшка (№15), остатки деревянной цилиндрической емкости (№ 6), содержавшей нечто сыпучее (от него сохранилась охристого цвета, легка навес труха, напоминающая муку), а также миска-плошка с ложными ручками. Среди находок довольно солидную долю составляют украшения и предметы туалета. От головы погребенной за спину, ниспадал шнур, на который были нанизаны разные украшения. Конец этого шнура, видимо, уходил ниже таза. К этому шнуру относятся две бляшки, топоровидной подвески со спиральками и четыре конические подвески (№ 8), обнаруженные между левым плечом и левым виском погребенной. Все они изготовлены из бронзы. В области груди, у позвоночника обнаружены железные конические привески (3 шт.) и обойма (№ 12). Они, видимо, также относятся к шнуру. Ниже таза, встречены специальная подвеска, заключенная между двумя подтреугольными в сечении ребристыми пронизами. Все они изготовлены из бронзы и внутри них сохранились остатки шнура (№20).

У спины погребенной, выше таза обнаружена бронзовая бляха (№ 13), в области груди и у живота – 9 раковин каури, 9 сердоликовых “рубленных” бус и одна зеленоватая с белой инкрустацией бусина.

В области шеи, левого плеча и груди встречены височные привески в полтора оборота и 2,5 оборота (три большие, две малые и одна средняя), шейная гривна, гвоздевидная головная булавка, обломок иглы и коромысловидное изделие с кольцом для подвешивания по середине. Все они изготовлены из бронзы (№ 12). У правого виска погребенной обнаружены еще 3 подвески в полтора оборота и одна привеска в два с половиной оборота, а также две раковины каури и одна сердоликовая бусина. На фаланге пальцев правой руки обнаружено кольцо, сомкнутое из бронзовой проволоки, на запястье правой руки – бронзовый браслет (рис. 59, 1-27; 60, 1, 5).

Каменный ящик № 8 (№ 3 раск. 1984 г. – рис. 61).

Расположен на стыке квадратов В-2 и В-3 на глубине – 2,26 м от 0, под слоем земли, толщиной 60 см. Для возведения погребального сооружения в материке была выкопана грунтовая яма прямоугольной формы, размером 1,70 x 1,2 м и глубиной 64-65 см и ориентиро-

ванная по линии запад-восток. Стенки этой ямы были обложены каменными тщательно подогнанными друг к другу, вертикально установленными плитами. Западная плита, размером 66 x 64 см и толщиной 8 см была наращена с юга камнем, размером 10 x 64 см. Южная размером 1,17 x 0,65 x 0,14 м на восточном конце дополнена прямоугольной плитой (размером 0,31 x 0,64 x 0,16 м), над которым был заложен еще один небольшой камень. Южная плита, размером 1,40 x 0,64 x 0,18-0,16 м и восточная, размером 0,73 x 0,64 x 0,14 м были цельными. Все плиты были подогнаны друг к другу, углы и стыки обмазаны глиной. В результате получился каменный ящик в форме вытянутого прямоугольника, ориентированный по линии запад-восток. Размеры погребальной камеры – 1,42 -1,34 x 0,76-0,70 x 0,64 м.

Перекрытие сохранилось лишь частично. На восточной половине каменного ящика лежали две поперек уложенные, тщательно подогнанные плиты, размером 1,11 -1,25 x 0,45-0,50 x 0,15 м и 1,0-1,10 x 0,47-0,37 x 0,14 м.

После расчистки погребальной камеры в могиле обнаружены разрозненные человеческие кости: череп, обломки ребер и трубчатых костей. От сопутствующего инвентаря сохранились три сердоликовые бусины.

Каменный ящик № 9 (№ 4 раск. 1984 г.–рис.63, 64).

Погребальное сооружение прямоугольной формы размером 1,7 x 1,2 м и глубиной 0,64-0,65 м, ориентировано по линии запад – восток. Стенки этого погребального сооружения составляют тщательно подогнанные друг к другу вертикально установленные плиты. Перекрытие сохранилось лишь частично. От него осталась лишь одна плита прямоугольной формы, уложенная поперек погребальной камеры. Ее размеры: 1,21-1,19x0,71-0,78 м.

От погребенного сохранились отдельные кости: обломки ребер и трубчатых костей человека.

От сопутствующего инвентаря остались обломки темно-серого лощеного горшка с пухлым отогнутым венчиком, короткой шейкой-перехватом и шаровидным туловом (размеры: hгорла 14мм; hплечиков 33 мм; hсохранившейся части 76 мм; dвенчика 113 мм; dгорла 110; dшейки 102 мм; dтулова 197 мм), миниатюрный баночный сосуд и сердоликовая бусина.

Каменный ящик № 10 (№ 5 раскопа 1984 г. –рис.55).

Погребальная камера была перекрыта поперечно уложенными плитами (1,07-0,96 x 0,45-0,6 м; 0,76-0,41 x 0,7-0,65 м). Стенки этого погребального сооружения составляли тщательно подогнанные друг к

другу, вертикально установленные каменные плиты. Плита, составлявшая западную стенку, имела неправильную форму (размеры: 0,67 х 0,47-0,59 м), и щели между камнями были заложены мелкими камнями. Южная стенка состояла из двух плит – большая плита (размеры: 1,06 х 0,43-0,5 м) на западном конце была наращена небольшой прямоугольной плитой (размеры: 0,6 х 0,26-0,24 м). Вся большая плита сверху была наращена рядом камней. Северную стенку составляли две уложенные рядом плиты. Перекрытие состояло из толстых плит, подогнанных друг к другу. Возможно, эти плиты являются частями одной разбитой плиты (1,53 х 0,6 м). Лишь в середине отсутствовали отдельные плиты.

Погребение было ограблено еще в древности. От него остались две трубчатые кости, лежащие в разных концах могилы и обломок серого лощеного сосуда.

Каменный ящик № 11 (№ 6 раск. 1984 г. –рис.65).

Погребальное сооружение (1,24-1,53 х 0,62-0,69 м) возведено из прямоугольных каменных плит, установленных по бокам. Лишь южная стенка на восточном конце была наращена небольшой вертикально установленной плитой.

От погребения остались череп и разрозненные кости, разбросанные по всей территории могилы вне всякого анатомического порядка: ребра, позвонки, лопатка, локтевые и берцовые кости, челюсть, фаланги пальцев и их обломки.

От сопутствующего инвентаря сохранилась одна миниатюрная скобовидная височная привеска, свернутая из тонкой бронзовой проволоки.

Каменный ящик № 12 (детский – № 7 раск. 1984 г. – рис.66).

Четырехугольный каменный ящик (размеры: 0,38-0,44 х 0,67-0,6 м), ориентированный по линии запад – восток, был возведен из вертикально установленных каменных плит. Южная стенка состояла из двух плит, остальные стенки – из сплошных цельных плит. Перекрытие состояло из одной плиты (высота 0,82 и ширина основания 0,57-0,7 м) и тщательно подогнанных к ней мелких камней.

От костей погребенного и сопутствующего инвентаря ничего не сохранилось.

Каменный ящик № 13 (№ 8 раск. 1984 г. –рис. 55).

Четырехугольный в плане каменный ящик, ориентированный по линии запад – восток, был возведен из каменных плит правильных форм: по одной плите по сторонам. В могиле не встречены следы погребения и инвентаря.

Каменный ящик № 14 (№ 9 раск. 1984 г. –рис. 67).

Перекрытие состояло из плит разных форм и размеров (0,95-0,97 х 0,3-0,23; 0,3-0,23; 0,58 х 0,2-0,23; 0,98-0,72 х 0,45-0,23 м). В целом их система очерчивала четырехугольник, вытянутый по линии запад – восток. Стенки погребальной камеры возведены из вертикально установленных каменных плит. Две торцовые стенки состояли из цельных плит (западная 0,69 х 0,5 м; восточная 0,74 х 0,48-0,43 м), две продольные – из крупных плит, наращенных кладкой из правильной формы камней или вертикально установленных более мелких плит. Южная стенка состояла из плит размером 0,99 х 0,33-0,34 м; 0,4-0,39 х 0,41-0,42 и дополняющих их кладкой из камней размерами 1,42 х 0,07-0,06 и 0,99 х 0,1-0,06 м. Северная стенка состояла из трех плит размерами 1,1 х 0,6-0,38 м; 0,57 х 0,64 м; 1,14 х 0,25 м. Размеры погребальной камеры 0,68-0,71 х 1,36 м.

От погребения сохранились разрозненные кости человека: обломки ребер и трубчатых костей. От сопутствующего инвентаря остались наконечник стрелы из кости, сердоликовая бусина, три каспийские раковины (№ 4), костяное изделие в виде полукруга с отверстием, обломки железного предмета и фрагменты серой лощеной керамики.

Каменный ящик № 15 (№ 10 раск. 1984 г., рис. 68).

Перекрытие состояло из тщательно подогнанных друг к другу плит. Одна из них круглая, другие прямоугольные (0,56 х 0,38 м и 0,26 х 0,22 м).

После их снятия обнажилась четырехугольная камера, ориентированная по линии запад– восток, стенки которой состояли из вертикально установленных плит.

В могиле были расчищены три детских погребения. Все они были уложены в одинаковых позах: на левом боку в скорченном положении, головами на запад. Наиболее сохранившийся скелет принадлежал ребенку, погребенному последним. Он был уложен скорченно на боку: имел согнутые ноги и сведенные у подбородка руки. О скорченной позе остальных скелетов можно было догадаться по остаткам костей.

С конкретными скелетами можно связать лишь отдельные находки. Назовем их по порядку с юга на север. У ног погребенных лежал большой баночный сосуд с обмазанной наружной поверхностью. На кистях рук третьего ребенка был браслет, свернутый из тонкой бронзовой проволоки (рис. 72, 1), в области шеи – височное кольцо в полтора оборота (рис. 72,4), рядом такое же кольцо (рис. 72,5), у ног это-

го же ребенка – еще одно кольцо (рис. 72, 8), около таза первого ребенка – костяное пряслице, у его живота – согнутая игла (рис. 72, 3), у затылка – раковина «каури», над костяком второго ребенка – бронзовое кольцо (рис. 72,6), височная привеска в полтора оборота. Из этой могилы происходит и бронзовая игла.

Каменный ящик № 16 (№ 11 раск. 1984 г. –рис.69).

Перекрытие состояло из двух хорошо подогнанных друг к другу плит, составляющих вытянутый прямоугольник. После снятия перекрытия обнажилась детская могила прямоугольной формы (размером 0,37 x 0,22-0,18 м), ориентированная по линии запад – восток. От детского скелета сохранился тлен. От черепа остался только отпечаток на дне могилы и кусок черепной кости, от кисти рук – трубчатая кость локтя, от ног – две трубчатые кости. От сопутствующего инвентаря сохранились миниатюрный баночный сосудик (рис. 71,1,3), браслет, свернутый из тонкой бронзовой проволоки, кольцо, височное кольцо и бусина.

Каменный ящик № 17 (№ 12 раск. 1984 г. –рис. 70).

На южном конце раскопа за восточной стенкой были замечены плиты перекрытия каменного ящика. После их расчистки обнажились пять плит перекрытия, уложенных поперек погребальной камеры (1,1-1,15 x 0,35-0,43 м; 1,1-1,12 x 0,43–0,38 м; 1,16x0,44 м т.д.). Они были тщательно подогнаны друг к другу. Над каменным ящиком, на боковой стенке погребальной камеры, обнаружены трубчатые кости животного. Видимо, здесь были остатки тризны.

После расчистки погребальной камеры размером 0,89-0,75 x 1,43-1,4 м в отдельных местах были встречены следы скелета: костная труха, обломки черепа и трубчатых костей человека. От сопутствующего инвентаря сохранились остатки круглого каменного шарика (№ 1), бронзовое кольцо на фаланге пальца (№ 2 – рис. 72, 8), миска-плошка (№ 3), миска (№ 4), еще одна миска-плошка (№ 5) (Рис.71,2,4), обломок железного ножа (№ 6 –рис.72,15), каспийская раковина (№ 7 –рис. 72, 10), шесть астрагалов с отверстиями (№ 8 – рис. 72, 11-13), алебастровое пряслице (№ 9), костяное изделие в виде плоского пряслица (№10).

Каменный ящик № 18(№ 1 раск. 2004 г. –рис. 77; 78; 79).

Выявлен на гл. -1,24-1,35 м от 0 (рис. 74; 75). Под слоем земли толщиной 0,68-0,57 м обнажились камни перекрытия погребального сооружения. Оно было возведено в прямоугольной яме, размером 0,80 x 0,60 м и глубиной 0,40 м, выкопанной в материковом грунте.

Перекрытие каменного ящика состоит из плит разных форм и размеров (размеры: первой – 0,64 х 0,38 х 0,12 (толщина), другой – 0,66 х 0,20-0,13 х 0,18 м (толщина). Этот камень продолговатой формы располагался в 0,30 м к западу от первого). Каменный ящик ориентирован по линии восток-запад. Стенки ямы были обложены вертикально установленными каменными плитами, толщиной 7-10 см. Внутренние размеры каменного ящика – 0,60 х 0,40 х 0,35 х 0,40 (глубина) м. Восточная стенка состояла из одной сплошной плиты, размером 0,35 х 0,40 м (толщина ок. 0,10 м). Западная стенка состоит из крупной плиты размером 0,43 х 0,34 м и наращена сверху более мелкими плоскими продолговатыми камнями (размеры наибольшего – длина 34 см; толщина – 7-8 см). Северная стенка состоит из одной треснувшей пополам плиты, размером 0,80 х 0,40 м и 0,10 м толщиной. Южная стенка состоит из одной подпрямоугольной плиты, размером 0,6 х 0,37 х 10-12 (толщина) м. Эта плита короткая и не достигает восточной торцевой стенки. Заполнение каменного ящика - плотная глинистая почва серо-коричневого цвета.

Хотя перекрытие частично отсутствовало, но погребение не было потревожено. Оно принадлежало ребенку 2-4 лет. Кости скелета полностью истлели. В северо-западной части погребальной камеры сохранился отпечаток черепа младенца. Сопутствующий инвентарь достаточно разнообразен. Основная масса его сосредоточена в западной части погребальной камеры, вокруг черепа. Причем здесь же обнаружены браслеты. Таким образом, можно сказать, что погребенный ребенок был ориентирован головой на запад и обращен лицом на юг. Руки, судя по расположению браслетов, находились перед лицом. Из этого можно делать вывод, что ребенок лежал скорченно на правом боку и ориентирован головой на запад.

Первые находки были встречены на глубине -1,84-1,87 м от 0. Это было значительное количество (несколько десятков) мелкого пастового бисера (рис. 80, 1-7) белого и голубого цвета цилиндрической и округлой форм (5-2 мм). Часть бусин имела одну-две перетяжки и состояла как бы из двух-трех спаянных бисерин. Часть бисера отпечатавалась в комке глинистой почвы и сохранила свое первоначальное расположение. Это позволило предположить, что бисером была расшита одежда умершего ребенка, и даже восстановить фрагмент рисунка вышивки.

В изголовье могилы, непосредственно у западной стенки, ближе к юго-западному углу обнаружена миниатюрная небрежно вылепленная

чашечка (рис. 80, 19; 81) из рыхлой, красновато-коричневого цвета, глины с выделенным донцем (d венчика = 7,2 см; d дна = 2,6 см; h = 6 см).

Несколько бронзовых украшений были найдены перед лицом погребенного и на месте расположения рук. Это два парных браслета, свернутых из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 80, 17,18) с ровно обрезанными незамкнутыми концами размерами 3,3 x 3,2 один и 2,4 x 3 см другой; миниатюрная привеска, свернутая из круглой в сечении привеска, свернутая из круглой в сечении бронзовой проволоки. Один ее конец отогнут к верху (рис. 80, 11); миниатюрная кольцевидная привеска из уплощенной проволоки с незамкнутыми концами (рис. 80, 12); колечко (возможно также привеска) из круглой в сечении проволоки (рис. 80, 16). С одной стороны, кольцо толще, а с другой тоньше. Место соединения концов не видно. Недалеко от отпечатка черепа в районе лба находилось крупная привеска близкой к овалу, но несколько угловатой формы, свернутая из округлой в сечении бронзовой проволоки с заостренными заходящими друг за друга незамкнутыми концами (рис. 80, 20).

В 15 см от восточной и в 12 см от южных стенок погребальной камеры была найдена одна «рубленная» сердоликовая бусина (8x7 мм; 5 мм толщина) просверленная с одной стороны (рис. 80, 8).

Каменный ящик № 19 (№ 2 раск. 2004 г. – рис. 82; 83; 84)

Каменный ящик сложен небрежно из плоских небольших камней. Перекрытие отсутствовало. Внутренние размеры – 0,45 x 0,38 м., ориентирован длинной осью по линии запад-восток. Южная стенка состояла из одной плиты неправильной формы, размером около 0,50 x 0,16 м и толщиной 0,06-0,04 м. Западная стенка состояла из половины плоского валуна подтреугольной формы, размером 0,32 x 0,23 м и толщиной около 0,10 м. Северная стенка сложена из небольшой тонкой подпрямоугольной плитки (0,35 x 0,22 м; толщина – 0,03-0,04 м) продолженной куском ракушечника неправильной формы (0,17 x 0,08 м). Восточная стенка сложена из плоского, округлой формы валуна со сколотым краем (0,36 x 0,31; толщина ок. 0,10 м).

Кости погребенного младенца полностью распались. Единственным остатком скелета были мельчайшие осколки зубов младенца, встреченные в западной части каменного ящика. Это позволяет предположить, что ребенок, погребенный в каменном ящике, был ориентирован головой на запад, как и в каменном ящике № 1.

Сопровождающий инвентарь представлен обломком лепной миниатюрной миски-плошки усеченно-конической формы с двумя ложными ручками в виде защипок на венчике (рис. 85) и одной голубой пастовой бусиной (бисер). Обломок миски находился в центральной части погребальной камеры на глубине -1,62 от 0. Бисерина распалась при попытке извлечь ее.

Каменный ящик № 20(№ 3 раск. 2004 г. –рис. 88; 89; 90).

Над перекрытием этого погребального сооружения были найдены два баночных сосуда. Один миниатюрный сосуд с заглаженной поверхностью (рис. 92,14) находился непосредственно над камнями перекрытия на гл. - 0,78 м от 0., второй (рис. 92, 15) –в 0,20 м к северу от первого. Размеры $-h = 14$ см; d дна = 7 см; d венчика = 8,6 см. Поверхность сосуда покрыта обмазкой, нанесенной вертикальными полосами. Перекрытие каменного ящика состояло из крупной прямоугольной плиты (размером 0,59 x 0,41 м, толщиной 0,10-0,15 м), вытянутого овального камня (размером 0,63 x 0,24 м) и окружающих их более или менее крупных камней. На расстоянии ок. 0,20 м к западу от овального камня перекрытия были выявлены несколько камней выложенных полукругом. Все описанные камни залегали на гл. от - 0,43 до -0,92 м. Забегая вперед скажем, что при дальнейшем углублении камни, выложенные полукругом, были сняты и под ними на гл. - 2,09 м от 0 были обнаружены кости животного, что позволяет рассматривать эту конструкцию как жертвенник.

Для возведения погребального сооружения в материке была выкопана четырехугольная яма, размером 1,0 x 0,50 м и глубиной 0,40 м, ориентированная длинной стороной по линии запад-восток с небольшим отклонением к югу. Стенки ямы были обложены вертикально установленными камнями плитами, покосившимися со временем. Северная стенка состояла из крупной плиты подпрямоугольной формы (0,61 x 0,32 м, толщиной 0,10-0,15 м) и второй плиты меньшего размера (0,40 x 0,35 м и толщиной 0,08-10,0 см). Эти плиты не смыкались. Восточная стенка обложена одной плитой (0,30 x 0,30 и толщиной 0,10-0,12 см). Южная стенка сложена из двух плит. Одной тонкой крупной плиты (0,65 x 0,40-0,20 и толщиной 0,05-0,07 м) и второй меньшего размера (0,34 x 0,23 и толщиной 0,06-0,10 м). Западная стенка состояла из одной плиты (0,35 x 0,37 и толщиной 0,10-0,12 см).

После расчистки могилы и выборки заполнения в виде плотной слежавшейся комковатой почвы серо-желтого цвета было открыто парное детское захоронение. Погребение не потревожено. Кости ске-

летов плохо сохранились, но ясно видно, что погребенные были уложены скорченно с подогнутыми ногами и подведенными к лицу руками, ориентированы головами на запад. Они были обращены лицами друг к другу, один, лежащий южнее на левом боку, другой, севернее на правом боку.

Сопутствующий инвентарь разнообразен. В восточной части погребальной камеры у северной стенки найдены фрагменты высокой лепной миски (рис. 92, 14, 93) конической формы с ровно срезанным венчиком и уплощенным выделенным дном (реконструирована). В 10-15 см к югу от нее находились мелкие кости, вероятно, остатки заупокойной пищи. Ближе к центру погребальной камеры в ногах, погребенных найден достаточно крупный тонкостенный серый лощеный горшок с шаровидным туловом и пухлым отогнутым венчиком. Плечики сосуда украшены поясом из 4-х параллельных друг другу резных линии (рис. 92, 15; 94). Сосуд был раздавлен под тяжестью земли (реконструирован). Стенки сосуда расслоились и наружная, лощеная поверхность сохранилась лишь местами.

Остальные находки были сосредоточены вокруг черепа, шейных позвонков и кистей рук, подведенных к черепу. Некоторые находки можно связать с определенным скелетом.

Со скелетом № 1, расположенным в северной части могилы, связаны несколько бронзовых украшений: височная привеска каплевидной формы из тонкой, круглой в сечении бронзовой проволоки с заходящими друг за друга заостренными концами (рис. 92,11; 95,1), два бронзовых браслета из ромбической в сечении проволоки с заходящие друг за друга, концы (рис. 92,9,10).

Со скелетом № 2 можно связать подвеску из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис.92, 12). Один конец подвески обломан, а другой утончаясь, отходит в сторону. Подвеска располагалась перед лобной частью черепа № 2. Там же находился обломок круглой в сечении бронзовой проволоки. В нескольких сантиметрах к западу от подвесок найдено скопление белого и голубого ластового бисера (рис. 92, 4-8), аналогичного бисеру из каменного ящика № 1. Отличием является отсутствие в каменном ящике № 3 бисерин-пронизок с перетяжками и наличие здесь бисерин с 2-3 бородавочными выступами (рис. 92, 5,6). Здесь также найден комок глины, в котором сохранились расположенные цепочками бисерины (рис. 91). Сравнивая с аналогичной находкой из каменного ящика № 18 можно предположить, что и погребенный здесь ребенок был одет в одежду, вышитую бисе-

ром. Вместе с бисером была встречена одна черная пастовая бусина (рис. 92, 4), имевшая форму чечевицы (0,5 x 0,5 см) с продольным отверстием и выемками на обоих его концах.

Между черепами погребенных № 1 и 2 находились три бронзовых кольцевидных привески свернутых из круглой в сечении проволоки. Две с незамкнутыми концами и одна с заходящими обломанными концами (рис. 92, 1-3).

Каменный ящик № 21 (№ 4 раск. 2004 г – рис. 96; 97; 98).

Расположен в 0,25-0,30 м к северу от каменного ящика № 3, в северо-западном углу раскопа. При этом часть погребальной конструкции выходила за пределы раскопа и для его полного исследования необходимо было делать прирезку.

Перекрытие (кв. А-III, гл. - 0,55-0,97 м от 0) состоит из длинных прямоугольных плит, уложенных наискось по отношению к погребальной камере, юго-западный угол которой выступал из-под перекрытия. После снятия плит перекрытия на гл. 0,96-1,03 м от 0 обнажилась четырехугольная камера (рис. 96), ориентированная длинными сторонами по линии запад-восток с отклонением к югу (размеры ящика – 0,87 x 0,71 м; внутренние размеры погребальной камеры – 0,61 x 0,50 м; глубина – 0,45 м). Северная стенка состояла из одной массивной прямоугольной плиты (0,80 x 0,50-0,35 м, толщина 0,15-0,20 м). Западная стенка также состоит из одной плиты (0,59 x 0,40 м, толщина max 0,10–min 0,05 м) наращенной прямоугольным камнем в южной части. Южная стенка состояла из одной крупной прямоугольной плиты (0,91 x 0,50 м, толщина 0,05-0,07 см). Восточная стенка сложена из трех прямоугольных плит примерно одинаковых размеров (0,19 x 0,34; 0,17 x 0,33; 0,18 x 0,32 м), плотно подогнанных друг к другу длинными сторонами. Сверху эти плиты наращены длинным и узким прямоугольным камнем (0,50 x 0,10 x 0,07 м).

После расчистки погребального сооружения и выборки могильного заполнения в виде плотного желтовато-серого грунта на гл. - 0,38-0,40 м от 0 обнажились обломки детских черепов.

Череп I вплотную прилегал к западной стенке погребальной камеры, ближе к южному углу. Лицевая часть черепа не сохранилась. Примерно в 0,10 м к югу от него находился обломок другого черепа (№ II).

Глава II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальные сооружения

Для Шахсенгерского и Акярского могильников характерны одинаковые погребальные сооружения в виде четырехугольных каменных ящиков, расположенных правильными рядами в 1-2, иногда больше метрах друг от друга. Всего их исследовано 37-16 на Шахсенгерском и 21 на Акярском. Для возведения погребального сооружения в материковом грунте выкапывали четырехугольную яму и ее стенки закладывали каменными плитами. Все погребальные сооружения за редким исключением, возведены из массивных, вертикально установленных на бока плит, часто – по одной по сторонам и почти всегда – на торцах. Иногда такие плиты дополнены кладкой из прямоугольных камней или дополнительными плитами, зазоры заложены мелкими камешками, щели замазаны глиной. Полы погребальных камер выравнены. Перекрытия могил также состоят из массивных, тщательно подогнанных друг к другу каменных плит. Так что, от погребальных сооружений на древней дневной поверхности виднелись только перекрытия. В одном случае над перекрытием могилы выявлен камень, которым было отмечено погребальное сооружение. Сами могилы были весьма фундаментальными.

подавляющее большинство могил ориентировано по линии запад-восток, иногда с отклонением к югу или северу. Каменные ящики, ориентированные на СЗ (2), СВ (2), СВВ (2), ЗЮЗ (3), ЗСЗ (1), ЮЗ (3) представляются отклонением от канонических норм – западной ориентации.

Изредка над могильными перекрытиями прослежены следы тризны, от которой сохранились кости крупных и мелких животных, зола, угольки, керамические сосуды и каспийские раковины. Этот постпогребальный обряд, скорее всего, был дополнением к основному погребальному обряду.

Каменные ящики четырехугольной формы на территории Северо-восточного Кавказа появляются, с начала каякентско-харачоевской культуры (Круглов А. П., 1958; Крупнов Е. И., 1940; Смирнов К. Ф., 1952. С. 240 — 243; Мунчаев Р. М., 1958; Марковин В. И., 1969. С. 30-41; Марковин В. И., 1994. – С. 334-354; Абакаров А. И., Давудов О. М., 1993). Правда, они по оформлению существенно отличаются от шахсенгерских и акярских. Каякентско-харачоевские каменные ящики

сложены небрежно из тонких плит, имеют такие же перекрытия из таких же тонких плиты ориентированы произвольно. Автор специальной работы, посвященной каякентско-харачоевской культуре, В. И. Марковин пишет, что эти каменные ящики чаще всего сделаны наспех, плиты между собой не скреплены, иногда стенки ящика составлены из двух-трех обломков, для перекрытий также использованы такие же тонкие плиты (*Марковин В.И.*, 2002. С. 337). При всем этом каменные ящики Шахсенгерского и Акярского могильников схожи и очень близки по оформлению с Зандакскими (*Пикуль М.И.*, 1966. С. 296 и сл.; *Марковин В.И.*, 2002).

Здесь требуется разъяснения вопрос о Зандакском могильнике и его месте в каякентско-харачоевской культуре. В историко-культурной интерпретации Зандакского могильника существуют существенные разногласия. Первый исследователь этого памятника М.И. Пикуль определила, что Дагбашский (Зандакский) могильник характеризует переходный период от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (*Пикуль М.И.*, 1966. С. 296 и сл.). Определение весьма аморфное и никакого отношения к историко-культурной характеристике могильника не имеющее. Оно определяет хронологическое место памятника в системе материальной культуры.

Весьма интересны теоретические выкладки В.Г. Котовича. Он выделял на территории Северо-восточного Кавказа одну археологическую культуру, названную им «культурой обмазанной керамики». Эта культура охватывает громадный хронологический период от мезолита до конца эпохи раннего железа. В ее развитии В.Г. Котович выделял разные этапы, соответствующие известным археологическим культурам (*Котович В.Г.*, 1967. С. 84-85). В последующих своих работах он выделил великентский, мекегинский и карабудахкентско-гонобский этапы, в рамках средней бронзы – миатлинский, гинчинско-гатынкалинский, каякентско-харачоевский этапы, в рамках эпохи поздней бронзы – талгинский, зандакский этапы, в рамках эпохи раннего железа – шахсенгерский и предалбанский этапы и албанской эпохи – раннеалбанский и позднеалбанский этапы (*Котович В.Г.*, 1982. С. 117). Как видно, различные последовательно развивающиеся археологические культуры он определял как этапы развития племен Северо-восточного Кавказ (*Котович В.Г.*, 1971. С. 19-21). Под племенами Северо-восточного Кавказа имелись в виду предки современных нахско-дагестанских народов, занимавших эту территорию с эпохи мезолита. Индикатором этих племен он считал обмазанную керамику. При всей своей привлекательности это положение игнорирует основ-

ной таксонометрический инструмент археологии – археологическую культуру. И навряд ли возможно заменить археологическую культуру ее этапом. Тем более, если вспомнить, что археологическая культура – это группа памятников, относящаяся к одному определенному времени, отличающаяся местными своеобразными признаками и сосредоточенная на определенной ограниченной территории.

В.Г. Котович безусловно прав – у памятников Северо-восточного Кавказа, начиная от неолита и до средневековья прослеживается некоторая преемственность. Все последующие культуры вырастают из предыдущих, однако, существующей преемственности недостаточно для того, чтобы считать все известные археологические культуры, указанного очень продолжительного периода этапами развития некой общей культуры. К примеру, у дагестанского варианта куро-араксской культуры, у археологических культур средней бронзы, каякентско-харачоевской и других культур нет одинаковых признаков, имеются лишь определенные черты преемственности.

Но основным в его работе «К определению исторического места каякентско-харачоевской культуры» была ее архаизация и протест автора против ее омоложения. В этом он, безусловно, прав. Против выводов В.Г. Котовича выступил В.Б. Виноградов, который довел дату каякентско-харачоевской культуры до VII-IV вв. до н.э. (*Виноградов В. Б.*, 1974. С.5). И Зандакский могильник он относил к памятникам каякентско-харачоевской культуры (*Виноградов В.Б.*, 1974. С.5). Его поддерживал его ученик С. Л. Дударев.

В.И. Марковин в специальной монографии, посвященной каякентско-харачоевской культуре, отнес Зандакский могильник вместе с Акярским, Нютюгским, Мугерганским и др. могильниками к третьему этапу каякентско-харачоевской культуры, определив их дату после 900 г. до н.э., близко к скифскому времени (*Марковин В.И.*, 1969. С. 85). В.И. Козенкова на основании находок металлических предметов кобанской культуры в погребениях Зандакского могильника отнесла его к кобанской культуре (*Козенкова В.И.*, 1977. С. 7,8). Против этой точки зрения выступили почти все специалисты (*Марковин В.И.*, 1977. С. 318-321). Нахождение кобанского металла на могильнике, расположенном на границе с кобанской культурой, было вполне закономерным. Иначе и не могло быть. Погребальные сооружения, погребальный обряд и основной инвентарь, в особенности керамика Зандакского могильника противоречат мнению В. И. Козенковой. В числе выступивших против этой точки зрения был и В.Б. Виноградов.

Позже В.И. Марковин выступил против включения Зандакского могильника в состав памятников каякентско-харачоевской культуры:

«К сожалению в книгу (имеется в виду монография «Дагестан и горная Чечня в древности») был введен такой памятник, как Дагбашский-Зандакский могильник (раскопки М.И. Пикуль и В.И. Марковина в разные годы), отдельные комплексы которого содержат некоторые черты как каякентско-харачоевской (в керамике, металле), так и кобанской культур (более всего в металле)» (Марковин В. И., 1994. – С. 336).

Таким образом, в историко-культурном определении Зандакского могильника существуют самые разные, противоречивые мнения: по мнению одних исследователей он входит в каякентско-харачоевскую культуру, других – не входит. Как выше мы отмечали, для всех археологических культур Северо-восточного Кавказа, начиная с мезолита до конца албанского и даже средневековья времени характерны преемственность в развитии. За это время здесь не произошла смена населения. Изменения в характере материальной культуры обусловлены изменениями в социально-экономической структуре, развитием культуры. При этом у каякентско-харачоевской культуры намечается определенный рубеж, после которого памятники Северо-восточного Кавказа нельзя отнести к ней. Ш.О. Давудов отмечал, (это не моя идея, надо привести ссылку на работу, где она высказана впервые, я с ней только согласился) что в XII в. до н.э. сабадиновские племена проникли на территорию Восточного Кавказа, занятую каякентско-харачоевской культурой и затем прошли дальше на территорию современного Южного Азербайджана (Давудов Ш.О., 2002. С.35). О.М. Давудов отмечал что в XII в. до н.э. сабадиновские племена проникли на территорию Восточного Кавказа, занятую каякентско-харачоевской культурой и затем прошли дальше на территорию современного Южного Азербайджана (Давудов О. М., 1983. С. 114; Он же, 1985. С. 101-129).

Эта миграция и привела к качественному изменению всей материальной и духовной культуры населения каякентско-харачоевской культуры Дагестана и горной Чечни. Формируется новая культура, которую О.М. Давудов предложил назвать по первому хорошо изученному памятнику зандакской. Следовательно, Зандакский могильник вместе с синхронными памятниками характеризует новую историческую эпоху с новыми признаками материальной культуры и Зандакский могильник не является памятником каякентско-харачоевской культуры. И погребальные сооружения Шахсенгерского и Акярского могильников близки к погребальным сооружениям Зандакского могильника. Надо признать, что все археологические

культуры Северо-восточного Кавказа связаны преемственными узами с предшествующими культурами (*Атаев Г. Д.*, С.165-175).

Тем не менее, погребальные сооружения Шахсенгерского, Алярского и Зандакского могильники – это качественно новый тип каменных ящиков, возведенных более фундаментально. Они генетически связаны с погребальными сооружениями каякентско-харахоевской культуры. В Дагестане они сохранились и в скифское время (Берикейский могильник), а в приграничных районах Чечни и Дагестана встречаются даже в античное время (*Давудов Ш.О.*, 2006. С. 55-70).

Погребальный обряд

Основная часть погребальных сооружений как на Шахсенгерском, так и на Алярском могильниках разрушена, а сами погребения – потревожены. Поэтому характер погребального обряда определен по сохранившимся материалам. Из 37 изученных на обоих могильниках каменных ящиков 33 содержали индивидуальные погребения. Из них 2 определены как женские¹ и 10 как детские². Небольшая часть погребальных сооружений была занята коллективными захоронениями: их было 4 – два на Шахсенгерском и два на Алярском могильниках. На Шахсенгерском могильнике в одном погребальном сооружении среди разрозненных костей людей зафиксированы 4 черепа, в другом – 3, на Алярском могильнике в одном каменном ящике 3, в другом – 2 погребения. Часть коллективных захоронений принадлежит детям.

Погребальный обряд был строго канонизирован: костяки лежали в скорченном положении на правом или левом (женщины) боку и ориентированы в основном на запад (22 погребения из 37), иногда с легким отклонением в южную или северную стороны. Отмеченные ориентации на СЗ (2), СВВ (2), ЗЮЗ (3), ЗСЗ (1) и ЮЗ (3) представляются отклонением от нормы – западной ориентации.

В коллективных усыпальницах кости, ранее погребенных отодвинуты в сторону, освобождая место для нового покойника.

На Шахсенгерском могильнике к коллективной усыпальнице (к/я № 1) примыкал каменный ящик с инвентарем, но без малейших следов человеческого захоронения – кенотаф. Таких погребальных со-

---

¹ Судя по скелету, одна женщина при правильных чертах черепа имела слабо развитую грудную клетку, непропорционально массивный таз и ноги. У многих костяков были неправильные, неровные, острые, часто разъеденные кариесом зубы. Все это, видимо, обусловлено нехваткой полноценного питания. В то же время в погребальном обряде четко выступает социальное неравенство, подчеркнутое контрастом богатых и бедных могил.

² Доля детских погребений была высокой.

оружий обычно возводили, когда тело умершего утеряно. Такие каменные ящики на Северо-восточном Кавказе найдены на Мискинбулакском и Тахиркалинском могильниках эпохи поздней бронзы (Котович В. М., 1978. С. 81, 82, 84, 88; Магомедов А. Р., 1980. С. 47-50).

Сопутствующий инвентарь и заупокойная пища были помещены в строго определенном месте и в определенном порядке. Погребальный обряд повторяется во всех могилах. Для детских погребений изготавливали специальные «погребальные сосуды» миниатюрных размеров. Украшения также были миниатюрные. Так, вместе со скелетом ребенка 2-3 лет, обращенного головой на запад, найдены миниатюрные сосуды и бронзовые украшения, у ног – обмазанный низкий баночный сосуд, перед грудью – баночный сосуд с миской-плошкой внутри, у головы – височные привески в полтора оборота с сомкнутыми и разомкнутыми концами, спиральки; у груди – игла, раковины «каури», белая бусина и зеленоватый бисер; на запястьях рук – браслеты. Одна детская могила имела поверх перекрытия круглую плоскую плиту. Внутри этой погребальной камеры найдены костяки троих детей в возрасте до 2-3 лет. Все они лежали скорченно на левом боку, головами на запад. Сопутствующий инвентарь представлен лепным толстостенным баночным сосудом, бронзовыми височными привесками в полтора оборота, кольцами, иглами и раковинами «каури».

Скорченные на боку погребения, ориентированные на запад Шахсенгерского и Акярского могильников, находят аналогии на Берикейском и Зандакском могильниках. Такая скорченная на боку поза погребенных характерна для памятников Северо-восточного Кавказа, начиная с эпохи ранней бронзы и бытует до конца албанского времени. Хотя акярские и шахсенгерские каменные ящики связаны преемственными узлами с более ранними прототипами каякентско-харачоевского времени, говорить об их единстве, культурной общности или особой близости не приходится. Погребальный обряд Шахсенгерского и Акярского могильников разнообразнее, инвентарь богаче и существенно отличается от материалов каякентско-харачоевской культуры. Здесь можно говорить лишь о некоторой преемственности традиций отдельных элементов погребального обряда.

Весьма интересен постпогребальный обряд – тризна, отмеченный на Шахсенгерском (каменный ящик № 6 и 9) и Акярском (каменный ящик № 17) могильниках. От этого обряда над перекрытиями погребений отмечены зола, угольки керамика и украшения (просверленные каспийские раковины). Во многих могилах встречаются следы золы, угольков.

Особенно отличаются Шахсенгерский и Акярский могильники по характеру инвентаря. На этих могильниках он намного богаче и разнообразнее. В могилах железные предметы все еще встречается немало и в основном в качестве украшений и оружия, что указывает на начальный этап освоения его производства. Среди погребального инвентаря встречаются изделия из керамики, дерева, кремния, сердолика, бронзы, железа и кости.

Среди артефактов наиболее многочисленны толстостенные кухонные и тарные серые лощеные и столовые сосуды. Особый интерес вызывают хорошо выраженные формы одного горшка и одного кувшина. Хотя и не часто, но на могильниках встречаются глубокие деревянные миски с чуть направленными внутрь краями и другие деревянные сосуды, дно которых скреплены битумом. Орудия труда представлены кремневыми пластинками-вкладышами серпов, кремневыми ретушером с отполированными концами (сверла?), каменными оселками, железными ножами, костяным тупиком, костяными цилиндрическими трубочками разных размеров, одной четырехугольной костяной трубочкой, костяной проколкой, бронзовым шилом и бронзовыми иглами.

Оружие представлено железным кинжалом с бронзовой рукояткой т.н. «кабардино-пятигорского типа», обломками железных наконечников копий, бронзовыми черешковыми наконечниками стрел типа «площиков», костяным черешковым трехгранным наконечником стрелы.

Среди погребального инвентаря наиболее многочисленны украшения, представленные шейными гривнами, гвоздевидными головными булавками, бронзовыми браслетами с разомкнутыми концами, с разомкнутыми зооморфными концами, с заходящими концами, обломками железных браслетов, кольцом с сомкнутыми концами, круглыми и овальными височными привесками в полтора оборота разных размеров, коническими височными привесками, бронзовыми спиралевидными привесками, цилиндрическими привесками из бронзовой пластинки, железными четырехугольными обоймочками, умбоновидной бляхой с изображением креста и бусами, среди которых имеются пастовые, сердоликовые и бисер голубого цвета, подвеской в виде головки круторогого барана, подвесками в виде топора-секиры и простого топора, коромысловидное изделие, астрагалы и раковина «каури».

Среди конского инвентаря встречаются однокольчатые литые удила (II тип по А.А. Иессену), бляшки умбоновидной формы, псалии с тремя овальными отверстиями на одной плоскости.

Глава III. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

III.1. Орудия труда

Орудия труда на Шахсенгерском поселении и могильнике, а также на Акярском могильнике представлены разнообразными изделиями, изготовленными из камня, кости, металлов (бронзы и железа) и керамики.

Наиболее заметными среди них были **зернотерки**. Они изготовлены из плотного песчаника и имеют ладьевидные формы, вогнутую наружную рабочую поверхность (рис. 119). Это обычный продолговатый плоский камень, на рабочей поверхности которой с помощью мелкого каменного терочника ручным способом растирали зерно. Обнаружено нами на Шахсенгерском поселении всего 3 экземпляра и те лежали вне своей рабочей среды. Их размеры: 70x27x17 см; 52x25x19 см; одна сломана. В Дагестане зернотерки встречаются с эпохи неолита и продолжают встречаться на всех бытовых памятниках вплоть до появления водяных мельниц в средневековье, документируя занятие населения обработке зерна.

Кремневые пластинки – вкладыши серпов (рис. 20,19; 35,20; 47,17). Таких вкладышей срединных (прямоугольных) и концевых (подтреугольных с острым концом) на Шахсенгерском поселении, Шахсенгерском и Акярском могильниках встречено довольно много (рис. 30,9,10; 35, 23,24; 40, 15; 47, 17). Это частые находки на памятниках энеолита, эпохи бронзы и раннего железа Дагестана. Много их найдено и на Зандакском могильнике. Часто встречен целый набор вкладышей серпа (*Марковин В. И.*, 2002. Рис. 15,23). На Берикейском могильнике нами был обнаружен целый костяной серп с остатками полного набора кремневых пластинок – вкладышей *in situ*, скрепленных битумом. Для Серженюртовского поселения и одновременных ему памятников кобанской культуры характерны серпы с кремневыми вкладышами и железные серпы, которых В. И. Козенкова относит ко второму этапу существования кобанской культуры (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 11). Надо признать, что серпы с кремневыми вкладышами были весьма производительными и использовались древними жителями Дагестана для сбора урожая. Их не сразу удалось вытеснить железным серпам.

Сверла – треугольные в сечении кремневые стержни. Найдены 4 экз.: на Шахсенгерском могильнике 2 экз. – один, длиной 7,5 см, в

каменном ящике № 2 и еще один сломанный – в каменном ящике № 7. Еще один обнаружена цитадели, в нижнем слое (длина 8,3 см). Еще один имеется среди случайных находок Акярского могильника. Все они имеют три хорошо обработанные стороны и полированный один острый конец (рис. 20, 15; 32, 6; 126, 10). Складывается впечатление, что их использовали в качестве сверл.

Оселки – каменные точильные бруски прямоугольной в сечении формы отверстием на одном из концов (рис. 51,14; 126, 10). Среди наших материалов их 3 экз. Один из них происходит из Шахсенгерской цитадели (нижний слой). Его размеры: длина – 5, 8 см; ширина – 1, 4 см, диаметр отверстия – 0,6 см. Среди случайных находок Акярского могильника их два экз. Один из них сломан. Длина целого – 11, 2 см; ширина 2,4 см; диаметр отверстия 0,7-1,3 см.

Такие оселки найдены и на Зандакском могильнике (погреб. 24, 51 и среди случайных находок) (*Марковин В. И.*, 2002. Рис. 8, 10; 38, 3; 65, 14.). Характерны они и для памятников Северо-восточного Кавказа X-VII вв. до н.э. и более позднего времени кобанской культуры (*Козенкова В. И.*, 1982. С. 13, 14).

Тупик из нижней челюсти крупного рогатого животного (рис. 47, 14). Он среди наших материалов один и происходит из помещения № 1 Шахсенгерского поселения. Аналогичные тупики хорошо известны из пос. Планерское в Крыму, культурного слоя и помещений срубного поселения Усово озеро, многослойного поселения Кирово, из сабашиновского поселения Новокиевка в Херсонской обл., из поселения Безыменное II, Широкая Балка, из сабашиновского горизонта поселения Ильичевка на Северном Донце. Такие орудия употреблялись для обработки кожи и шкур. По всей вероятности, меховая одежда широко использовалась населением, оставившем Шахсенгерское поселение.

Костяная проколка из трубчатой кости животного с отверстием на ее расширенном конце, головке (рис. 47,1). Конец заострен. Имеется среди случайных находок Шахсенгерского могильника. Такие костяные проколки характерны для многих культур эпохи поздней бронзы.

Бронзовые шилья насчитывают пять экз. из Шахсенгерского могильника (рис. 20, 16; 32, 1) и три экз. – из Акярского (рис. 51,1). Изготовлены они из четырехгранного бронзового стержня, имеют остро заточенные одни концы и затупленные, другие, рассчитанные на рукоятку. Такие же шилья встречены на Зандакском (*Пикуль М. И.*, 1961. С.304), Шаракунском (*Пикуль М. И.* 1959; Она же. 1961 г.; Она

же. 1962 г.) могильниках и Аркасском поселении (*Пикуль М. И.* 1958 г.). Все они документируют занятия населения, связанные с кожевенным делом, изготовлением шуб, тулупов и обуви.

Бронзовые иглы на обоих могильниках найдено 10 экз.: 7 на Шахсенгерском могильнике (рис. 19,5; 20,17; 32,1; 38,1) и 3 на Акярском (рис. 51,2; 56,1). Изготовлены они из тонкого бронзового стержня. У некоторых концы прокованы и загнуты в ушко, у других концы раскованы и просверлены. Их длина колеблется от 6,3 до 11 см. Аналогичные нашим иголки встречены в памятниках эпохи бронзы на территории Кавказа (*Смирнов К. Ф. и Мунчаев Р. М.*, 1958, С. 154. Рис. 7, 5; *Пикуль М.И.* Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ, РФ ИИЯЛ, д. 2311; *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. С. 124, рис. 36,6), а в доскифских памятниках – в Мугерганском могильнике (*Пикуль М. И.*, Отчеты д. 1997 и 1997«а», Т. XI, II; 2307 и 2307«а», рис. 11, 6.). Качество заделки ушек иголок позже улучшается.

Пряслице плоскоцилиндрической формы из обломка керамического сосуда. Диаметр изделия – 5, 3 см; толщина изделия – 1 см; диаметр отверстия – 1 см. Найдено на Шахсенгерском могильнике.

Пряслице цилиндрической формы с полусферическим выступом на поверхности из глины. Изделие обломано пополам. Размер: высота 1 см; высота цилиндрической части – 0, 4 см; диаметр изделия 1,9 см; диаметр отверстия 0,5 см.

Оба пряслица происходят из Шахсенгерского могильника, первое плоскоцилиндрическое рассчитано на веретено для толстой нитки, второе – на тонкое веретено для изготовления тонкой нитки.

Ножи железные представлены пятью экземплярами 2 типов.

1 тип. С горбатой спинкой, чуть вогнутым лезвием, хорошо выделенным черешком и закругленным острием (рис. 19,6). Длина 11 см; длина черешка 4 см; длина лезвия 7 см. Происходит из каменного ящика № 1 Шахсенгерского могильника. Еще один обломок такого же ножа происходит из каменного ящика № 3 Шахсенгерского могильника. Ее размеры такие же.

2 тип. Ножи с прямой спинкой, прямым лезвием, закругленным острием и выделенным черешком (рис. 20, 8; 32,8; 72, 15,16). Их среди наших материалов три. Один из Шахсенгерского могильника (каменный ящик № 2), два из Акярского могильника (каменный ящик № 11 и 12). Длина ножа 8,7 см, длина лезвия - 4,7 см.;длина черешка - 4 см.

Аналогичные ножи, начиная с VII в. до н. э., получают широкое распространение во всех культурах южных зон нашей страны, в частности и Кавказа (*Пикуль М. И.* Отчеты. 1997 и 1997«а», Т. XI, II; 2307 и 2307«а». С.204).

Приведенная характеристика орудий труда из Шахсенгерского поселения и могильника, а также из Акярского могильника, несмотря на ограниченный характер раскопок, указывает на достаточно высоко развитое хозяйство, состоящее из земледелия и скотоводство, а также ремесел.

III.2. Керамика

Среди находок Шахсенгерского поселения, Шахсенгерского и Акярского могильников доминирующее место занимают керамические сосуды. Вместе с ними в погребальных сооружениях встречаются деревянные сосуды. К сожалению, они не сохранились. На месте, где в свое время стоял деревянный сосуд встречается труха от древесины. Но от деревянных сосудов сохраняются куски битума, которым было скреплено дно сосуда к его корпусу: круглые или овальные формы, указывающие на разные формы и размеры изделий. К большому сожалению составить представление о формах деревянных изделий не представляется возможным. Исключение составляет один сосуд, найденный среди погребального инвентаря. Он представляло собой глубокую миску с чуть направленными во внутрь краями. Но составить четкое представление даже об этом сосуде невозможно. Другое дело – керамика, составляющая наиболее массовый материал. Она представлена двумя большими группами – лепной с обмазанной или заглаженной наружной поверхностью и лощеной, изготовленной на гончарном круге.

Толстостенная лепная керамика из Шахсенгерского и Акярского могильников имела красноватый или серый цвета, заглаженную, обмазанную жидкой глиной или украшенную наклепными шишечками заглаженную поверхность. Внутренняя поверхность сосудов была или черного, или оранжево-красного цвета. Тесто было хорошо замешано и имело примеси шамота или кварцевого песка, реже раковин. Обжиг большей частью слабый.

Внутри этих технологических групп нами выделены следующие типы.

Тип I. Баночные сосуды с узким дном. Они имеют обмазанную, заглаженную или украшенную наклепными шишечками наружнюю поверхность, представлены тремя вариантами:

а) с отогнутым венчиком. Этот сосуд представлен единственным целым экземпляром, обнаруженным на Шахсенгерском могильнике в 1966 г. Он имеет небольшие размеры. Остальные сосуды фрагментированы.

б) с прямыми краями устья (рис. 43, 11).

в) с устьем, слегка обращенным во внутрь сосуда (рис. 43,8, 10,12, 13).

Обмазанные сосуды по основанию венчика вылощены. Наружная поверхность одного из сосудов Шахсенгерского могильника покрыта вертикальными полосками – каннелюрами (рис. 43, 10). Некоторые заглаженные сосуды на тулове имеют наклепные шишечки (рис. 43,3,11,12). Они встречены на Шахсенгерском (*Давудов О.М.*, 1968. С. 19, 20; Рис. 3, 3; 4, 1, 2; (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 49, 50; Табл. 24, 2-3, 8-13; 25, 2-4) и Акярском (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 85; Табл.11, 2.) могильниках. Аналогичные формы представлены на Берикейском могильнике, а также на Нижнесигитминском (*Давудов О. М.*, 1974.С. 139-145. Табл. VI, 22, 23.) и Ачису (*Давудов О. М.*, 1985. Рис. 6, 28, 7-12, 14-19; 4, 10-13, 1-21.) поселениях, а также на Зандакском могильнике (*Марковин В.И.*, 2002. С. 118, 119; Рис. 73, 33, 49, 5 (тип IV, Б)).

Как убедительно показали В.И. Марковин и В.Г. Котович, эти сосуды имеют глубокие местные корни и относятся к одной из ведущих форм каякентско-харачоевской керамики (*Марковин В.И.*, 1969. С. 58; *Котович В. Г.*, 1982. С.57). И действительно такие сосуды встречаются на памятниках ранней (Гоно), средней (Гинчи, В. Гуниб, Тарки, Харачой) и поздней (Мискин-булак, Кабарты-кутан) бронзы и, как уже отмечалось, на свите памятников зандакского (Зандак, Акяр, Берикей) и мугерганского (Мугерган, Куг) памятников (*Котович В.Г.*,1982. С. 57.Рис. 7,11-12, 29-31, 51-54,60-62,75-80). Они доживают в Дагестане до конца албанского времени. И прав В.И. Марковин считая, что появление такого рода сосудов на Северном Кавказе не может быть следствием влияния «контактов кобанской культуры с Карпато-Дунайским бассейном» (*Марковин В. И.*, 2002. С. 116).

Тип II. Сосуд биконпческой формы, острореберный, с широким дном и таким же устьем. он найден на акярском могильнике. размеры: высота сосуда – 7 см., диаметр тулова 7,5 см., диаметр дна – 3 см.

Тип III. Горшки лепные с шаровидным туловом и отогнутым венчиком (рис. 43, 15). Поверхность заглаженная. Орнамент на их поверхности отсутствует. Эти сосуды напоминают серолощенные горшки с пухлым венчиком. На Зандакском могильнике они встречены в погребениях № 14, 24, 35, 40 и 46 (*Марковин В.И.*, 2002. С. 118;

Рис. 26, 7; 5, 1). Один такой сосуд найден и на Берикейском могильнике (Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., 1978. С. 139; Рис. 2, 1).

Тип IV. Глубокие миски с выпуклыми боками и загнутым во внутрь устьем (рис. 43, 3, 16). Они широко представлены на Шахсенгерском и Акярском могильниках. Много их и на Зандакском могильнике. В.И. Марковин называет их кубками и относит к 6 типу своей классификации. Он вполне справедливо отмечает, что подобных сосудов на памятниках каякентско-харачоевской культуры нет (Марковин В. И., 2002. С. 116). Хотя эти сосуды функционально близки к мискам-плошкам из каякентско-харачоевских памятников и могут быть производны от них. На Шахсенгерском могильнике эти сосуды или имеют гладкие стенки, или украшены сосцевидными налестками и веревочным узором, опоясывающим основание венчика (Давудов Ш. О., 2002. Табл. 24, 2; 4, 9) (рис. 43, 1-5, 16). Высота их достигает 10-12 см. На Зандакском могильнике они обнаружены в погребениях 2, 19, 22, 32, 34, 44, 50, 52 (Марковин В.И., 2002. С. 119; Рис. 32, 1; 34, 1, 2; 58, 1; 17, 3; 40, 3; 4, 8; 44, 1; 67, 6).

Тип V. Миски-плошки – низкие усеченно-конические сосуды (VIII тип по В.И. Марковину). Происходят они из погребальных сооружений Шахсенгерского и Акярского могильников (рис. 44, 7-9; 45, 2). Все они заглаженные. Некоторые сосуды изготовлены небрежно, формы неправильные (Марковин В.И., 2002. С. 119-120; Рис. 8, 13; 17, 19; 43, 1; 63, 9; 36, 2; 62, 1; 67, 5). Аналогичные миски встречаются и на Зандакском могильнике. Причем там они заглаженные и обмозанные. Характерны они и для памятников каякентско-харачоевской культуры (Марковин В. И., 2002. С. 116).

Особо выделяется гладкостенный красный сосуд-плошка из Акярского могильника, видимо, связанный с ритуальными действиями (рис. 60, 6). На дне этого сосуда были встречены остатки жирной золы, а на внутренних стенках – следы нагара. По всей вероятности, его использовали в качестве курильниц. Он имеет четыре ложные ручки в виде выступов, отходящих от устья (Давудов Ш.О., 2002. С. 85; Табл. 11, 5). Аналогичные по форме сосуды обнаружены в детских могилах Акярского могильника. Они имеют миниатюрные размеры и ложные ручки в виде выступов устья.

Исследования В.И. Марковина показали, что миски-плошки бытовали на территории Северо-восточного Кавказа с глубокой древности. Они встречаются здесь в эпоху бронзы и последующего времени (Кичигамринский, Каякентский, Таркинский, Мамайкутанский, Берикейский и другие могильники, Новолакское, Андийское поселения) и

являются характерными для каякентско-харачоевской культуры сосудами (Марковин В.И., 1969. С. 58-59; рис. 25, 9-15). Причем у мисок из Каякентского могильника и близких к нему памятников поверхность украшена резными геометрическими узорами. Чем ближе к концу I тысячелетия до н.э., тем более расширяется ассортимент подобной посуды, тем многообразнее становится форма мисок (Марковин В.И., 1969. С. 59.). Вне Дагестана и Чечни такие сосуды не встречаются.

Тип VI. Кружка с петлевидной ручкой, украшенной выступом в верхней части, налепным валиком, украшенным косыми насечками в основании венчика и налепными шишечками на поверхности (тип VII по В.И. Марковину). У нее прямой обрез устья (рис. 45,1). Он среди наших материалов представлен единственным целым экземпляром. Кружка обнаружена в разрушенном каменном ящике Шахсенгерского могильника. Аналогичные обмазанные и заглаженные кружки встречаются на памятниках Дагестана эпохи раннего железа и албанского времени (Сыртычский могильник). Встречены они и на Зандакском могильнике. В И. Марковин отмечает, что этот тип керамики встречается сравнительно редко и генетически связан с традициями каякентско-харачоевской культуры (Марковин В. И., 2002. С. 116).

Лощеная керамика, произведенная на гончарном круге. Она предназначена для столовых и тарных нужд, изготовлена из глины с примесью дресвы или шамота. Обжиг равномерный, хороший. Имеет серый, коричневатый или красный цвет и лощеную поверхность (рис. 19, 3-4; 25; 44,1; 60,1; 92, 15; 94,3, 4). На памятниках каякентско-харачоевской культуры такая керамика вообще не встречается. На Шахсенгерском и Акярском могильниках, а также на Шахсенгерском поселении, а также на памятниках мугерганской культуры ее достаточно много, и в процентном отношении занимает второе место после толстостенных лепных изделий. На анализируемом памятнике они представлены горшками, тарелкой и кувшинами.

Тип I. Горшки с грушевидным туловом, узким, но устойчивым дном и пухлым венчиком (рис. 19, 3, 4; 25; 71,5; 92,15). Таких целых сосудов среди наших материалов минимум три, и все они происходят из Шаракунского могильника (рис. 19, 3,4). Много их фрагментов найдено на Шахсенгерском поселении, на Шахсенгерском и Акярском могильниках. Размеры одного из них: $h = 38,7$ см; h плечиков = 12 см; h тулова = 23,9 см; h венчика = 2,58 см; d тулова = 39,3 см; d дна = 12 см. Другой такой сосуд имеет такие размеры: h плечиков 33 мм; h горла 14 мм; h сохранившейся части тулова 76 мм; d венчика

105 - 113 мм; d горла 102-110 мм; d тулова 197 мм. Третий горшок имеет ложные ручки – выступы с вертикальными отверстиями.

Сосуды эти украшены резным геометрическим орнаментом: горловина – поясом из трех параллельных волнистых линий, тулово – поясом из трех линий из зерновидных вдавлен, заключенных в три прямые линии. Встречаются сосуды и без орнамента. Все они происходят из Шахсенгерского, Акярского и Берикейского могильников. Аналогичные сосуды характерны для памятников Мугерганской культуры (Давудов О.М., 1974. С. 60-61; Табл. X, 15; XIX, 127). Наиболее популярны они для памятников Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (Бешташины, Байбурт, Кедабек, Калакент, Самтавро, Ханлар, Головино, Мцхета, Сары-Тепе, Авейдаг, Тли, Атодобекян, Тазакенд, Наратус, Шильда и многие другие.) (Куфтин Б.А., 1941. С. 76; Табл. XVIII; Рис. 82; Табл. VIII; МАК, 1911. VI. С. 89-90, 98, 106, 137, 141, 158, 159; Табл. XII, 14; Абрамишвили Р. М., 1957. С. 31. Фиг. II, IV-41; С. 34, Фиг. VII-2; С. 114, Фиг. 46, 21; Он же., 1949. Вып 24. С. 55-56; Мартиросян А.А. 1954. С. 20-27. Табл. XI, 2; XII, 6; Чубинишвили Т.Н., 1957. С. 24. № 5527; Табл. XIV, 671, 518; XV, 5009; Нариманов И.Г., Халилов Дж.А., 1962. Т. IV. Табл. II, 3, 5; XV, 1; Рустамов Д.Н., Нариманов Н.Г., 1965. VI. С. 50; Табл. I, 2; Техов Б.В., 1957. Табл. XXI; Мнацаканян А.О., 1955. 60. С. 38; Мартиросян А.А., 1964. С. 29, Рис. 3, 202; С. 34; 86; Рис. 40, 1; 41, 3. Рис. 4, 71)

Тип II. Кувшины. Представлены двумя вариантами:

а) Кувшин со сливным носиком, шаровидным туловом, круглой ручкой, соединяющей венчик напротив сливного носика с плечиком и устойчивым дном. Низ шейки и плечики сосуда украшены поясами, каждый из пяти резных горизонтальных линий, основание шейки – налепным изображением в виде полумесяца, обращенного концами вниз. Этот кувшин происходит из Акярского могильника. Он имел лощеную темно-серую поверхность (Давудов Ш.О., 2002. С. 62, 85. Табл. 11, 2). Его размеры: h – 158 мм; h нижнего тулова = 58 см; h плечиков = 58 мм; h горла 42 мм; d горла = 39 мм; d тулова = 153 мм; d дна = 75 мм (рис. 60, 1). Аналогичные формы кувшинов встречаются на памятниках Дагестана предскифского (Мугерган) и скифского (Берикей, Хабада, Шаракун и др.) времени (Давудов О.М., 1974.–С. Табл. IX, 1; X, 4, 10-12, 23; Он же. Берикейский могильник. С. 130. Рис. 4,5). На памятниках мугерганского типа они известны с XII в. до н.э. и получают широкое распространение по всему Дагестану, становясь одним из определяющих элементов материальной культуры в последующее время.

б) Сероглиняный лощеный кувшин с цилиндрическим, расширяющимся к устью горлом, покатыми плечиками, переходящими в грушевидное тулово. Дно устойчивое. Круглая в сечении ручка соединяет плечики с венчиком. Кувшин, обнаруженный на Шахсенгерском могильнике (кам. ящик № 3, раскоп 3), был украшен поясом из резных параллельных друг другу линий по плечикам и перпендикулярными им линиями, опускающимися вниз по всему тулову (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 10, 50. Рис. 50, 1) (размеры: d венчика 130 мм, d дна 52 мм, h 92 мм). Сосуд изготовлен на гончарном круге (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 130. Рис. 4, 6.) (рис. 44,1). Аналогичный кувшин встречен в кургане VII в. до н.э. в Мильско-Карабахской степи Азербайджана. (*Иессен А.А.*, 1965. С. 22-30. Рис. 7, 1.).

Таковы основные типы керамических изделий, обнаруженных на Шахсенгерском и Акярском могильниках. Объем проведенных нами работ скромнен. Поэтому многие формы сосудов, использовавшихся для нужд населения не обнаружены. Даже серая лощеная керамика из подъемного материала указывает, что многие формы тарной, столовой и кухонной посуды не выявлены. Из восьми типов зандакской лепной керамики на Шахсенгерском и Акярском могильниках найдены всего пять. Вместе с тем у керамики из Зандакского могильника и у сосудов из Шахсенгерского и Акярского могильников имеются свои особенности. Даже в изготовлении одних и тех же форм наблюдаются свои своеобразия. Это указывает на локальные особенности памятников единой культуры, названной нами зандакской.

Для Шахсенгерского и Акярского могильников характерны столовые и тарные серые лощеные сосуды, не известные на Зандакском могильнике. В основном же керамика из Зандакского могильника вполне самостоятельна и более тяготеет к керамике из одновременных памятников Дагестана и, как определяет В. И. Марковин, представляет собой явление, возникшее вне какого-либо влияния «Кобани» (*Марковин В.И.*, 2002. С. 112).

III.3. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО УБОРА

Предметы вооружения представлены биметаллическими кинжалами т.н. «кабардино-пятигорского типа»; обломками железных наконечников копий; костяными, бронзовыми и железными плоскими черешковыми подтреугольными наконечниками стрел— «площичками», трех- и четырехгранными пирамидальными перьями с внутренней втулкой.

Биметаллический кинжал

Железный кинжал с бронзовой крестовидной рукояткой т.н. «кабардино-пятигорского типа» встречен на Шахсенгерском могильнике – 1 экз. (рис. 46). Аналогичные кинжалы найдены в Дагестане на Хосрехском святилище (1 экз.) и Мугерганском могильнике (1 экз.). За пределами Дагестана они встречены среди предскифских древностей на обширной территории Евразии: на Северном Кавказе, Северном Причерноморье, в Волго-Камье и Центральной Европе. Причем на Северном Кавказе насчитывается наибольшее их количество (*Махортовых С.В.*, 1994. С. 64). Анализу этих кинжалов в настоящее время посвящено довольно много литературы. Некоторые ученые считают их северокавказскими по происхождению (Е.И. Крупнов, Н.В. Анфимов, А.А. Иессен, Н.Л. Членова, В. Подборский, В.И. Козенкова и др.), другие (А.И. Тереножкин, В. Б. Виноградов и др.) полагают, что они первоначально возникли в степях Северного Причерноморья, в киммерийской среде и позже распространились в разные области Европы и на Северный Кавказ (*Котович В.Г.*, 1982. С. 33-35.). При этом В. Б. Виноградов оговаривается, что на Кавказе они изготовлены на месте по степным образцам (*Виноградов В.Б.*, 1973. С. 10, 11).

Исследователи предложили подробную классификацию этих кинжалов, основанную на форме рукоятки и характере ее орнаментации (См. подробнее об этом: *Козенкова В.И.*, 1995. С. 45-58. Рис. 5). С.Л. Дударев, посвятивший последнее исследование этой проблеме, следует классификации В.Б. Виноградова (*Дударев С.Л.*, 1999. С. 93-112). Рассматриваемые здесь кинжалы он включил в состав первой группы кинжалов с крестовидной рукояткой и вслед за А. И. Тереножкиным, В.Б. Виноградовым, А.М. Лесковым, В. И. Козенковой связывает по происхождению с киммерийской средой (*Дударев С.Л.*, 1999. С. 99-100). Однако можно отметить, что все дагестанские кинжалы близки между собой и характеризуются стройной гладкой круглой рукояткой, перекрестьем с опущенными крыльями и грибовидным несколько уплощенным навершием.

А.И. Тереножкин включает мугерганский кинжал вместе с николаевским и серженьюртовским типами в состав самых ранних кинжалов с крестовидными рукоятками Северного Кавказа (*Тереножкин А.И.*, 1976. С. 118.). В.Г. Котович в своей схеме также ставил мугерганский кинжал в самое начало эволюционного ряда (*Котович В.Г.*, 1978. VIII. С. 115). С.Л. Дударев полагает, что дальнейшее развитие мугерганского кинжала демонстрируют кинжалы из Хосрехского святилища и Сиртычского могильника (*Дударев С.Л.*, 1999. С. 93-112). С

этим можно согласиться с той лишь оговоркой, что речь идет не о сиртычском кинжале (там не нашли никакого кинжала), а о шахсенгерском.

Наконечники копий

Наконечники копий представлены обломками железных форм, обнаруженных на Акярском (*Давудов Ш.О., 2002. С. 57; Табл. 2, 21*) и Шахсенгерском (*Давудов Ш.О., 2002. Табл. 10, 11, 12.*) могильниках (рис. 30, 11, 12; 35, 15, 19; 51, 21).

По остаткам перьев и втулок можно составить представление о форме предмета в целом. Речь идет о железном наконечнике копья с узким листовидным пером, плавно переходящим в цельную втулку. Они встречены на Хосрехском святилище и на Зандакском могильнике (*Марковин В.И., 2002. С. 37, 75, 91; Рис. 24, 7; 55, 1; 65, 1*), а также среди древностей, собранных А.Л. Млокосевич в бывшем Казикумухском округе (*Круглов А.П. 1958. С. 74, Рис. 18, 1-4*). Аналогичные наконечники найдены на территории Северного Кавказа (*Крупнов Е.И., 1960. С. 237, 262-283; Давудов О.М.:1974. С. 67*) и в основном на памятниках Новочеркасского этапа (Бештаугорский клад, «индустрия», Эчкивашский, Султангорский и др. могильники) (*Иессен А.А., 1954*). Железные длинновтульчатые наконечники копий с коротким лавролистным пером встречены на Серженьюртовском могильнике в погребении № 26 вместе с тесловидным и боевым топорами, пластинчатым браслетом и биметаллическим кинжалом т.н. кабардино-пятигорского типа, на Зандакском могильнике в погребении № 51 вместе с костяными длинночерешковыми шипастыми наконечниками стрел, костяным наконечником стрел башенного типа с втулкой, железным ножом, каменным молотом, бронзовыми «площиками», бронзовыми и костяными ворворками и др. В другом комплексе Зандакского могильника он встречен с двукольчатыми бронзовыми удилами, бронзовой булавой и кинжалом кобанского типа, т.е. с находками середины VIII – рубежа VIII-VII вв. до н.э. (*Козенкова В.И., 1977, С. 82. Табл. VII*). Эта дата наконечников подтверждается исследованиями и других авторов. Погребение № 26 Серженьюртовского могильника можно датировать VIII в. до н.э. В это же время, по мнению Е.И. Крупнова, железные наконечники копий появляются на Северном Кавказе. (*Крупнов Е.И., 1960. С. 257*). В Ванских комплексах (Армения) встречены биметаллические наконечники копий с бронзовыми втулками и железными перьями, (*Хачатрян Т.С., 1975, С. 234*) а в катакомбах № 222 и 559 Артика – железные. (*Хачатрян Т.С., 1975, С. 255*).

Среди предметов материальной культуры редко представлены наконечники копий, датируемых X-IX вв. до н. э. (*Мартirosян А.А.*, 1964. С. 201). Железный наконечник копья был встречен с характерным инвентарем X-IX вв. до н.э. и в погребальных комплексах Норатуса (Севанский бассейн). (*Мартirosян А.А.*, 1964. С. 196). Они встречаются и в разных комплексах Ширака, Джархеча (раннеурартское время), Дилижана, Кировакана, Степанавана и Армавира и др., Астардора, Головино (Армения) (*Есаян С.А.*, 1966. С. 18, 22; *Мартirosян А.А.*, 1954. С. 21-22). Аналогичные железные наконечники копий происходят и из памятников Азербайджана и Грузии – из Самтавро, (*Чубинишвили Т.Н.*, 1955. С. 123, 124, Табл. XVI, XVII) Бешташени, памятников Иоро-Алазанского бассейна, (*Пицхелаури К.Н.*, 1965. С. 135, табл. XXI-XXII) Кедабека (МАК, VI), Мингечаура (*Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И.*, 1959. Табл. XV) и др. На территории персидского Талыша они встречены в сочетании с бронзовыми браслетами, украшенными насечками. (*ShaefferCl.*, 1948, fig.292, 1516)

В целом, первые железные копья в Закавказье появляются в конце II тыс. до н.э. и получают особенно широкое распространение в конце VIII в. до н.э. (*Погребова М.Н.*, 1977. С. 75).

Наконечники стрел

Значительный интерес представляют бронзовые, железные и костяные наконечники стрел.

Металлические наконечники стрел представлены бронзовыми и железными формами.

Бронзовые наконечники стрел вырезаны из бронзовой пластинки, имеют треугольную головку и короткий черешок. Нижние жала опущены. Они встречены на Шахсенгерском (рис. 20, 9, 10, 12; 47, 2, 3) (*Давудов О.М.*, 1968. С. 22. Рис. 3, 8, 7, 9; *Давудов Ш.О.*, 2003. С. 8, Рис. 28; 2, 3) могильнике. Обнаружены они и на Зандакском могильнике (*Марковин В.И.*, 2002. С. 130, Рис. 12, 4; 23, 2-8; 28, 1; 42, 3, 4 и др.) и на Серженьюртовском поселении и могильнике, на Аллеройском I, Нестеровском могильниках и Бамутском поселении (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 15, Табл. IX, 22-24). На более северных памятниках их мало. К примеру, на Белореченском 2 могильнике их найдено всего 2 экземпляра (*Дударев С.Л.*, 2004. С. 41. Рис. 2, 2). В литературе эти наконечники известны как «кавказское оружие». Наиболее ранние бронзовые наконечники Е.И. Крупнов относил к раннеурартскому времени, а поздние, изготовленные из железа, появляются в VI в. до н.э. (*Крупнов Е. И.*, 1960. С. 200).

Железные, кованые наконечники стрел – «площички», повторяют формы и размеры бронзовых (рис. 20, 11, 13). Они встречены на Шахсенгерском могильнике (*Давудов О. М.* Шахсенгерский могильник. С. 22. Рис. 7, 10). Аналогичные наконечники стрел происходят из комплексов VI-V вв. до н.э. Нестеровского (погр. 50 и 53) и Лугового (погр. 60, и 2 наконечника вне погребений) могильников (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 15, Табл. XI, 31).

Костяные трехгранные наконечники стрел с длинным черешком, заостренным к концу. Два таких наконечника происходят из шахсенгерских погребальных комплексов (рис. 20, 14; 35, 14) (*Давудов О.М.*, 1968. С. 18, 23. Рис. 3, 12). У одного из них круглый в сечении черешок заостряется тремя уступами. У другого черешок в конце первого уступа сломан. Форма черешка этих наконечников сближает их с костяными «площичками».

III.4. ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО УБОРА

Среди конского инвентаря, выявленного на Шахсенгерском и Акярскоммогидьниках, имеются бронзовые однокольчатые литые **удила**, бляхи умбоновидной формы, роговые псалии и ворворки.

Однокольчатые удила. Состоят из двух звеньев, соединенных между собой внутренними кольцами, и на наружных сторонах имеются по одному кольцу для соединения с уздой. Обнаружены они по одному на Шахсенгерском (рис. 47,16) и Акярском (рис. 51, 19) могильниках (II тип по А.А. Иессену). У удила из Шахсенгерского могильника звеня украшены веревочным узором (рис. 47, 16). Встречены они и на Мугерганском могильнике. Характерны такие удила для памятников Северного Кавказа эпохи раннего железа. Аналогичные удила с территории Северо-восточного Кавказа происходят из Николаевского, Абинского (погр. 1, кург. 1), Казазово-3, Пшишского 1 (погр. 83), Кочипэ (погр. 2, 28), Фарсовского (погр. 6,28), Берозовского № 1 (погр. 26), Белореченского -2 (погр. 32), Терезе (гробн. 3), Верхнекобанского и др. могильников (*Анфимов Н.В.*, 1961; *Он же.*, 1981 С. 50-58. Рис. 11; *Вильчак С.Б.*, 1993. С. 59. Рис. 21, 41; 1980. С. 193, 195. Рис. 6, 12; 1991. Табл. 19, 2; *Иессен А.А.*, 1953. С. 71. Рис. 12, 2,5; *Козенкова В.И.*, 1995.С. 104, 161. Табл. XXVI, 5,6: С. 164. Табл. XXIX, II; *Ловпаче Н.Г.*, 1991. С. 83, 102. Рис. 9; *Пьянков А.В., Тарабанов В.А.*, 1997. С. 62–63. Рис. 1, 6; *Сазонов А.А.*, 1995. С. 101. Рис. 4,1; *Эрлих В.Р.*, 1994. Табл. 16,6; *Вальчак, С. Б.*, 2009. – С. 26-27).

Большинство исследователей полагает, что эти удила на Северный Кавказ проникли из Закавказья (*Дударев С. Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы. С. 124), куда они были занесены с территории Ближнего и Среднего Востока. Причем известны они здесь с конца XIII и в XII в. до н.э. (*Членова Н.Л.*, 1967. С. 71; 112, 115). Такая точка зрения правомочна, хотя такие же однокольчатые удила широко распространены на обширной территории от Монголии до северной Италии (*Бабешко И.Г.*, 1989. С. 26; *Каменцев Т.*, 1986. С. 148). Не исключено, для этой территории, и для Северного Кавказа существует единый источник их происхождения. С.Л. Дударев полагает, что для более ранних удил характерна литая имитация обмотки, для более поздних удил – орнаментация стержня в виде трех – четырех рядов литой "веревочки" или острых шипов (*Дударев С. Л.*, 1999. С. 125). В.И. Козенкова датирует их серединой – второй половиной VIII в. до н.э. (*Козенкова В.И.*, 1995. С. 104).

Бронзовые трехчастные удила находились в составе материалов, переданных нам учителем средней школы сел. «Дружба». Они происходят из разрушенных при добыче гравия каменных ящиков Шахсенгерского могильника. Это довольно редкий тип удил. Аналогичные удила были обнаружены в могиле Билярского могильника Татарстана (*Халиков А.Х.*, 1977. С. 221. Рис. 81, 9). На аналогичные удила из коллекции В.Й. Заусайло в национальном музее Финляндии (№№ 5384, 4170) указывает А.Х. Халиков (*Potratz Н.А.* XIV. 1-2. 1941). Происходят они и из погребальных комплексов эпохи поздней бронзы и начала раннего железа Передней Азии (могильник Сиалк «Б») (*Tallgren А.М.*, 1916. II. Pl. V, 3). С.Б. Вальчак высказывает сомнение в датировке этих удил эпохой раннего железа и предлагает отнести их ко времени не ранее средневековья (*Вальчак С.Б.*, 2009. С. 39). Находки на Шахсенгерском могильнике и на могильнике Сиалк «Б» не позволяют согласиться с этим мнением. Удила следует датировать не позднее предскифского времени.

Псалии:

1. **Роговые псалии** с тремя овальными отверстиями на одной плоскости происходят из Шахсенгерского могильника. Одна пара таких псалий (рис. 47,5,6) здесь обнаружена под могильным перекрытием, сделанным из каменного антропоморфного изваяния (рис. 49) (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 14, 20. Табл. 28, 5, 6.). Обломки такого же псалия найдены в каменном ящике № 5 этого же могильника (рис. 35, 20) (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 11. Табл. 16, 20.). Еще один обломок та-

кого же псаля найден на Хосрехском святилище (Давудов О.М., 1983. С. 52-54, Рис. 7) и Зандакском могильнике (погр. 3, 15) (Марковин В.И., 2002. С. 42. Рис. 28, 4). Аналогичные псалии встречены на раннекобанском могильнике, (Уварова П.С., 1900. Табл. XXXIX, 2) предшествующем Каменноостковскому могильнику и Новочеркасскому кладу, на Николаевском (погр. 31), (Анфимов Н.В., 1961. С. 124. Табл. 6.) Кубанском (погр. 36) (Анфимов Н.В., 1975. С. 45-46. Рис. 4, 8) могильниках.

Псалии с тремя отверстиями на одной плоскости распространены на обширной территории Евразии (тип 5 по К. Ф. Смирнову) (Смирнов К.Ф., 1961. № 1. С. 65-68. Рис. 12; Спришевский В.И., 1958. № 71. С. 92. Рис. 27, 3; Тереножкин А.И., 1971. С. 77, 78. Рис. 4, 2, 5). Роговые псалии с тремя отверстиями на одной плоскости А.М. Лесков относит к IX – нач. VII вв. до н.э. (Тереножкин А.И., 1976. С. 157, 158, 208) Л.С. Дударев, классифицировав все северокавказские костяные псалии, предлагает хронологически разместить акярские (автор ошибся. Они найдены на Шахсенгерском могильнике) типы между Кубанскими и Николаевскими образцами (Дударев С.Л., 1999. С. 136-137). С.Б. Вальчак провел весьма дробную классификацию роговых псалий и включил наши находки в состав Жирноклеевских-1 – Николаевских 31 форм Восточной Европы (отдел 1, подотдел 2, группа 1, подгруппа 1, тип 2), отнесенных им к раннему периоду предскифских памятников (Вальчак С.Б., 2009. С. 81, 154; Табл. 5.). Нам представляется, что эти псалии, обнаруженные на территории Северо-восточного Кавказа, имеют степное происхождение (Котович В.Г., Давудов О.М., 1980. С. 43, 44, 50-51. Рис. 1, 76, 78; 2, 38). Особенно близки наши псалии к известным Восточноевропейским псалиям XI – IX вв. до н.э. (Тереножкин А.И., 1961. С. 90. Рис. 61, 1; Лесков А.М., 1971. С. 83-86. Рис. 4).

Ворворки

Среди предметов конского убора, обнаруженных на Шахсенгерском и Акярском могильниках, встречаются **ворворки**, среди которых встречаются и уникальные, аналогии которым не известны нигде.

Бронзовые, литые грибовидные **ворворки**. Такие ворворки встречены на Шахсенгерском могильнике (Давудов Ш.О., 2002. Табл. 16, 6). По характеру шляпки В.И. Козенкова делит их на два типа – с гранеными и округлыми выступами (Козенкова В.И., 1982. С. 32. Табл. XXI, 17, 18). Более вероятным кажется, что эти особенности обусловлены характером литья и не отражают закономерности развития форм. Аналогичные ворворки встречены в погребениях 38 и 51

Зандакского могильника (Марковин В.И., 2002. С. 72, Рис. 52, 4, 8, 9; С. 91. Рис. 66, 8). Они найдены также и на Аллероевском, «Индустриальном» близ Кисловодска, (Виноградов В.Б., 1972. С. 334. Рис. 18, 3). Березовском, (Виноградов В.Б., 1972. С. 356. Рис. 40, 5). Ахкинчу-барзойском (Дударев С.Л., 1976. № 1. С. 260) и Старом Ахмыловском (Поволжье) (Халиков А.Х. 1966. Архив ИА РАН. Р-1. № 3294) могильниках. Для скифского времени такие ворворки не характерны. Погребение Аллероевского I могильника, откуда происходит ворворка описываемого типа, датируется IX – VIII вв. до н. э. Очевидно к этому же времени относится Шахсенгерский комплекс с этой ворворкой.

Усеченно-коническая ворворка из бронзы встречена на Шахсенгерском могильнике. (Давудов Ш.О., 2002. Рис. 16, 6). Аналогичная ворворка из кости найдена в погребении № 51 Зандакского могильника (Марковин В.И., 2002. С. 91. Рис. 66, 4). Такие же ворворки, изготовленные из бронзы, железа и сурьмы, встречаются на памятниках Северного Кавказа (Сержень-Юртовский – погр. 30, Аллероевский I – погр. 2, Ханкальский I, Луговой могильники) (Козенкова В.И. 1982. С. 32-33). В.И. Козенкова полагает что эти ворворки появились в начале I тыс. до н.э. – вероятно на рубеже VII – VI вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1982. С. 32-33).

Бляхи

Из разрушенных каменных ящичков Шахсенгерского могильника происходит одна бронзовая бляха с гладкой выпуклой поверхностью и петлей на обороте. Диаметр изделия 8 см (рис. 47, 11). Среди разнообразных блях, обнаруженных на Хосрехском святилище, найдена одна бляха, повторяющая форму и размер шахсенгерской (диаметр 8 см). Аналогичная по форме и размеру бляха найдена на лобной кости черепа коня в погребении XII-X вв. до н.э. Мугерганского могильника вместе с бляшками для перекрещивавшихся ремней, с трехтрубчатыми псаллиями без выделенной головки и архаичными удилами.

Другая бляха из Хосрехского святилища отличается от первой лишь размером. Ее диаметр – 7 см. Третья бляха, диаметром 6 см, имеет более плоскую, чем у двух описанных поверхность. На обратной стороне у нее петля для присоединения к основанию. Остальные четыре бляхи полусферические и имеют более мелкие размеры. По нашему мнению, они были предназначены для скрепления ремней на перекрестьях. У трех из них имеются петли на обороте, у четвертой – отверстие в центре. Одна из мелких бляшек имеет диаметр 51 мм, дисковидный выступ в центре, выделенную кайму по наружной поверхности и поле, украшенное декоративно расположенными сквоз-

ными четырехугольными отверстиями (рис. 133, 26), другая диаметром 43 мм с выступающим пазом для инкрустации в центре. Ее поле не орнаментировано (рис. 133, 32). Третья бляха имеет бронзовый, украшенный косыми насечками бордюр, а в ее центре железную пластинку, спаянную с бронзой. На обороте бронзовая петля (рис. 133, 40). Бляха с отверстием в центре (диаметр 43 мм) имеет на краях два отверстия друг против друга для крепления к основанию (рис. 133, 39).

Разнообразные по размеру и форме бляхи от конского убора, в том числе аналогичные нашим типам, характерны для упряжки предскифского времени Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа.

На Шахсенгерском могильнике (каменный ящик № 3) обнаружена фрагментированная железная бляха с выпуклой гладкой поверхностью. Ее диаметр 65 мм (рис. 32, 11) (*Давудов Ш.О., 2002. С. 10. Табл. 12, 11*).

Их анализ дан в монографии А.И. Тереножкина, где он рассматривает их в качестве конского убора черноголовского этапа срубной культуры (900-750 гг. до н.э.) (*Тереножкин А.И., 1976. С. 157, 158, 208*). По итогам его исследований гладкие полусферические бляхи распространены на памятниках предскифского времени Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа, Сибири и Средней Азии. (*Смирнов К.Ф., 1961, С. 91. См. также ДП, Вып. II, табл. XII, 225; XV, 515; XVII, 317; XIX, 320а; СМЕЛА, Т. II, табл. XXIV, 4; Замятнин С. П., 1946, С. 43, рис. 32, 2; Городцов В.А., 1947, С. 24, рис. 16, 2; Комарова М.Н. 1952, С. 43, рис. 25, 12, 14, 17, 18; Кузнецов-Красноярский И., 1908. Табл. IV, 23; Бернштам А.Н. 1952. С. 298, рис. 128, 3; Степанов П.К., 1916, С. 10, табл. 1, С. 12, табл. II, XV, С. 11, рис. 4*) Встречаются они и на территории Ирана. Так, бляшки, выявленные на некрополе Сиалка «Б», датируются X-VIII вв. до н.э).

III.5. УКРАШЕНИЯ И ТУАЛЕТНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Среди погребального инвентаря наиболее многочисленны украшения, представленные бронзовыми шейными гривнами, гвоздевидными головными булавками, браслетами, обломками железных браслетов, бронзовым кольцом с сомкнутыми концами, круглыми и овальными височными привесками разных размеров, коническими височными привесками, спиралевидными, цилиндрическими привесками, подвеской в виде головки барана, в виде топора-секиры и про-

стого топора, железными четырехугольными обоймочками, и бусами из пасты, сердолика и бисер голубого цвета.

Шейные гривни в виде обруча из витой бронзовой четырехгранной проволоки с расплюснутыми и завернутыми в колечки концами. Две одинаковые по форме и размеру гривни обнаружены на Акярском могильнике (каменный ящик в центре могильника – рис. 53, 20; каменный ящик № 2 – рис. 59, 27) (Давудов Ш. О., 2002. С. 78. Табл. 4, 20; С. 84. Табл. 10, 27). Одна такая гривна найдена на Зандакском могильнике (погр. № 2 раск. М. И. Пикуль (Пикуль М.И., 1961. С. 305. Табл. IV, 12). Такая же гривна происходит из слоя X-VIII вв. до н. э. Серженьюртовского поселения (Козенкова В.И., 1982. С. 45). В.И. Козенкова приводит аналогии подобным гривнам из памятников близ сел. Хатуни и Куреной-беной Чечни. (Козенкова В.И., 1982. С. 45). Аналогичные гривны встречены в погр. 95 и 72 X в. до н.э. Тлийского могильника, (Техов Б.В., 1977. С. 150-151. Рис. 107, 17, 18.) в погребениях эпохи поздней бронзы Мингечаурского могильника (Азербайджан) в Лечхумском кладе (Грузия) (Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. С. 81, 118-119. Табл. XVIII, 17, 18; Куфтин Б.А., 1944. С. 27. Табл. XIV, 4). Встречаются они и на памятниках мугерганской культуры.

В Передней Азии шейные гривны встречены в более архаичных комплексах (Библос – 2100-1900 гг. до н. э., Алишар-Гуйук – 1900-1600 гг. до н. э.) (Schaeffer Cl., 1948. P. 59, Pl. XVI, 2; Fig. 195). Правда, все они изготовлены из круглой проволоки. Возможно, на Кавказ они попали из Передней Азии. Таких гривен много на памятниках Северного Кавказа.

Гвоздевидные бронзовые головные булавки представлены несколькими экземплярами. Две из них встречены на Акярском могильнике (погр. 5 и 7, рис. 53, 29; 59 17).

Одна акярская булавка имела слабо выделенную шляпку и отверстие на стержне, а пространство между отверстием и шляпкой украшено поперечными резными опоясывающими линиями (Давудов Ш.О., 2002. С. 60, 84. Табл. 4, 29). Другая акярская булавка имела более выразительную шляпку и расширение у отверстия на стержне (Давудов Ш.О., 2002. С. 63, 84. Табл. 17, 10). Аналогичные булавки встречаются на Мугерганском могильнике (Пикуль М.И., 1973. С. 35-50), а в более позднее время – на памятниках Дагестана скифского (Берикейский могильник) (Давудов О.М., 1978. С. 131. Рис. 3, 19) и албанского времени (Карабудахкентском I, Урцекском, Новолакском, Сиртычском могильниках) (Давудов О.М., 1996. С. 149).

Браслеты представлены на Шахсенгерском и Акярском могильниках разнообразными по форме и размерам изделиями, изготовленными из бронзы и железа.

Бронзовые браслеты с разомкнутыми концами свернуты из круглой в сечении проволоки и имеют закругленные концы. Они найдены на Шахсенгерском и Акярском могильниках (рис. 53, 23, 25). Размеры одного из них 4 x 3,7 см., другого – 4,8 x 4 см (*Марковин В.И.*, 2002. С. 55. Рис. 38, 4; 39, 1). Встречены также браслеты в погр. 24 Зандакского могильника. Еще два таких же бронзовых массивных браслета с разомкнутыми зооморфными концами, обнаружены на Акярском могильнике (рис. 59, 3) (*Давудов Ш.О.*, 2002. Табл. 4, 23, 25). Он найден в каменном ящике № 2. Концы этого браслета слегка сужены, а на концах вырезаны «глаза змеи?». Вдоль браслета прочерчена глубокая линия. (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 84. Табл. 10, 3).

Бронзовые браслеты с заходящими концами. Таких браслетов на Акярском могильнике обнаружено минимум два (рис. 59, 6,7; 92, 9,10). На Хосрехском святилище обнаружены два браслета с заходящими друг за друга заостренными концами и поперечными насечками на наружной поверхности. Один браслет был деформирован. Найден он и в погр. № 38 Зандакского могильника. Аналогичные браслеты (3 тип по В.И. Марковину) известны из памятников каякентско-харачоевской культуры (Чох, Маджалис, Уч-Авлах, Манас-кутан I, п-1, Бураган-Шоб у сел.Ст. Чиркей) (*Марковин В. И.*, 1969. С. 65. Рис. 28, 1-4). Известны они и в погребениях Мингечаура, (*Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И.*, 1959. Табл. XX, 16, 18) в погребениях третьей группы Арктикского могильника (Армения) (*Хачатрян Т.С.* 1979. С. 240. Рис. 153).

Обломки железных браслетов с разомкнутыми концами происходят из Шахсенгерского (погр. 3 и разрушенная могила, инвентарь которой был передан нам (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 37. Табл.12; С. 53. Рис. 4) и Акярского (из разрушенного погребения) (рис. 32, 10; 47, 4; 51, 20) (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 76. Табл. 2, 20) могильников. Они мало, чем отличаются от своих массивных бронзовых прототипов, изготовленных из круглого толстого прута. Такие браслеты происходят из Зандакского могильника (погр. 29) (*Марковин В.И.*, 2002. С. 60. Рис. 42, 5). В.И. Марковин полагает, что начищенные до блеска они были в свое время весьма эффектны (*Марковин В.И.*, 2002. С. 138). Железные браслеты, изготовленные по бронзовым прототипам, встречены на территории всего Кавказа, в том числе в Закавказье в X-VIII вв. до н.э. (*Хачатрян Т.С.*, 1975. С. 241. Рис. 154; *Мартиросян А.А.*, 1964. С.

195-196; *Мнацаканян А.О.*, 1955. С. 185-200; *Козенкова В.И.*, 1982. С. 50)

Железные четырехугольные обоймы. Их обнаружено на Шахсенгерском (каменный ящик № 4, разрушенные погребения) и Акярском (каменный ящик в центральной части, в разрушенных погребениях) могильниках много. Размеры: длина – 5-8 см, ширина – 2-2,3 см. Их включали в состав ожерелья. Начищенные до блеска, они производили достаточный эффект (рис. 35, 17,18; 40, 23-25; 51, 17,18; 53, 6,7,8; 59, 25).

Височные привески, свернутые из круглой в сечении бронзовой проволоки. В Дагестане такие привески появились в конце раннебронзовой эпохи (*Котович В.Г.*, 1961. С. 30) и с тех пор до раннего средневековья весьма популярны здесь (*Мунчаев Р.М.*, *Смирнов К.Ф.*, 1958. С. 65, 66; *Смирнов К.Ф.*, 1951. С. 260; 1961. С. 170, 173; 1958. С. 68; *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 65, 66; *Исаков М.И.*, 1957. С. 126 и сл.; *Пикуль М.И.*, 1959. С. 161; Она же. 1967. С. 20, 25,42; *Котович В.Г.*, 1978. Рис. 3,22-29,31-38,48, 51; *Котович В.Г.*, *Мунчаев Р.М.*, *Путинцева Н.Д.*, 1961. С. 279). Типологически они не претерпели существенных изменений.

1. *Височные подвески в виде круглого кольца* из проволоки, диаметром 0,3-0,4 см. Эти кольца имели разомкнутые, сомкнутые или заходящие друг за друга обрезанные или заостренные концы. Диаметр подвесок – 1,5-5 см. Одна из них происходит из Шахсенгерского могильника (*Давудов Ш.О.*, 2002. Табл. 28, 79. (Эта подвеска из круглой проволоки), другая – из Хосрехского святилища (*Давудов О. М.*, 1980. Рис. 1, 28), третья – из Зандакского могильника (погр. № 2, раск. 1. М. И. Пикуль) (*Пикуль М.И.*, 1961. Табл. IV, 5). В скифское время аналогичные подвески встречаются и на памятниках кобанской культуры. (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 35-36, Табл. XXIII, 11-15).

2. *Бронзовые височные подвески в полтора оборота.* На наших памятниках они встречаются разных форм и размеров.

а) Височные подвески, изготовленные из уплощенной граненной или полукруглой бронзовой проволоки. Форма подвесок овальная. Они происходят из Шахсенгерского могильника (погр. № 4) (*Давудов Ш. О.*, 2002. Табл. 14, 6, 7, 10). Аналогичные подвески обнаружены на Зандакском могильнике (погр. 1, 2, 23, 24, 38, 47, 49) (*Давудов Ш.О.*, 2002. Рис. 15, 10; 15, 6, 8-11; 16, 1-3; 17, 4; 20, 5, 6; 37, 1-4; 39, 4, 5; 51, 8; 53, 2, 3; 54, 5; 56, 4-6; 62, 1-2, 8).

б) Третий тип – подвески кольцевидной формы, свернутые из круглой в сечении проволоки. Они происходят из Шахсенгерского

(погр. 4, разрушенный кам. ящ. 1 – рис. 33, 9, 10; 38, 1, 4, 5, 7) (Давудов Ш.О., 2002. Табл. 14, 9, 10; 19, 1, 4, 5, 7; 21, 19; 28, 13, 15.) и Акярского (Давудов Ш.О., 2002. С. 78. Табл. 4, 31-34; 10, 4, 6) (каменный ящик в центральной части могильника, погр. 1 –рис. 53, 31-34) могильников. Обнаружены они и на Зандакском могильнике (погр. 9, 10, 15) (Марковин В.И., 2002. Рис. 9, 8; 25, 5; 29, 6-8).

в) Четвертый тип – подвески из круглого в сечении прута в 1,5; 2; 3 и 4 оборота. Они встречены на Акярском могильнике (рис. 53, 4, 30; 59, 5) (Марковин В.И., 2002. С. 76. Табл. 2, 5; 4, 4, 11, 30; 10, 5, 12). Аналогичные височные подвески встречены на Серженьюртовском поселении и могильнике, в погребениях Аллероевского могильника и некоторых других погребальных памятниках Чечни. (Козенкова В.И., 1982.С. 36, 37). Характерны они и для памятников каякентско-харачоевской культуры. (Марковин В.И., 1969. С. 65-66). Появились они здесь в конце III тыс. до н.э.А.Б. Куфтин связывал их появление на Кавказе с влиянием Месопотамии (Куфтин А.Б., 1941. С. 94. Рис. 96). В Месопотамии в III тыс. до н.э. эти украшения встречаются во многих разновидностях (царские гробницы Ура) (Wolley С.Л., 1934. Pl. 14, 17813; 219, 10735; Чайлд Г. 1956. Табл. XXV, 8569, 8613). На памятниках Северо-восточного Кавказа эти подвески появляются в эпоху средней бронзы (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. 1956. С. 201; Котович В.Г., 1978. С. 61-63; Магомедов Р.Г., 1998. С. 118-120; Рис. 117, 1-8; 118, 72) и доживают до раннего средневековья. Но одним из культууроопределяющих признаков они выступают лишь для каякентско-харачоевской культуры. Встречаются они и на памятниках колхидской и кобанской культур (Техов Б.В., 1977. С. 169-171), но здесь они не являются массовыми находками.

3. Височные подвески в форме спирали (накосники), скрученные из круглой или уплощенной проволоки. Их длина порой достигает 4,7-5,5 см. Они встречены на Шахсенгерском (Давудов Ш.О., 2002. С. 41. Табл. 16, 4, 5) и Акярском (Давудов Ш.О., 2002. Табл. 4, 1-5, 12; С. 84. Табл. 10, 18) могильниках. Обнаружены они и на Зандакском могильнике (погр. 32, 34, 38). (Марковин В.И., 2002. С. 71. Рис. 51, 9; 52, 1, 5; С. 133; Пикуль М.И., 1961. Табл. IV, II). Спиральные подвески в эпоху поздней бронзы были широко распространены в Закавказье и на Северном Кавказе (Самтавро, Джвари, Бешташени, Кюр-Дере, Кобань, Каменномостский, Эшакон, Нальчик, Калакент, Ханлар и др. могильники) (Техов Б.В., 1977.С. 169; Пикуль М.И., 1961. С. 310). Известны они и на памятниках эпохи бронзы европейской части России (Круглов А.П., 1958. С. 67). В Дагестане этот тип украшений появился

в первой пол. III тыс. до н.э., а начиная с первой половины II тыс. до н.э. становится традиционной деталью головного убора (Карабудахкентский № 2 могильник, Манас и др. (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 173. Рис. 3а, 10-12; Гаджиев М.Г., 1987. С. 69-73; Магомедов Р.Г., 1998. С. 123; Рис. 119, 1-30). Особенно популярными они стали в каякентско-харачоевское время (Круглов А. П., 1949. С. 116. Рис. 3, 5). Продолжали они бытовать на Северо-восточном Кавказе вплоть до раннего средневековья (Давудов О.М., 1996. С. 380. Рис. 29, 39; 48, 43).

4. Подвески в виде трубочек, свернутых из тонких бронзовых пластин. Диаметр трубочек – 0,5-0,8 см. Длина – 5-6 и более см. Эти подвески встречены на Акярском могильнике (рис. 56, 10) (Давудов Ш.О., 2002. С. 78. Табл. 4, 10). Такие же подвески обнаружены на Хосрехском святилище (Давудов О.М., 1980. С. 279. Рис. 1, 4). Но наиболее часто они встречаются на памятниках каякентско-харачоевской культуры (Харачой – погр. 2, 5, 47, Буйнакск, Кичи-Гамри, Маджалис, Талги, Янгикент и др.) (Круглов А. П., 1958. С. 66-68, 102 и сл. Рис. 28, 1; 62, 1, 2; Марковин В.И., 1969. С. 67; Давудов О.М., 1996. С. 381. Рис. 30). Такие украшения, как и спиральные подвески, в Дагестане продолжают встречаться до раннего средневековья (Давудов О.М., 1996. С. 381. Рис. 30).

5. Конические подвески, свернутые из тонких бронзовых пластинок или уплощенной проволоки. На Шахсенгерском (погр. 4) (Давудов Ш.О., 2002. С. 41. Табл. 16, 12, 13) и Акярском (погр. 5, 2, разрушенная могила (Давудов Ш.О., 2002. С. 76. Табл. 2, 6-8; 4, 9, 15, 16, 18, 19, 21; Давудов О.М., 1078. С. 131. Рис. 3, 12) (рис. 35, 12, 13, 16; 53, 15, 16, 18, 19, 21; 59, 15, 16, 19, 26; 72, 17) могильниках встречаются бронзовые и железные конические подвески. Наиболее древняя такая подвеска происходит из коллекции Н.В. Орла, которая была собрана при обследовании погребений в окрестностях Чеченского села Ведено (Круглов А.П., 1958. С. 69. Рис. 16, 12). В более позднее время они встречены на памятниках Дагестана албанского времени (Давудов О.М., 1006. Рис. 29, 41, 42; 56, 6; 63, 8, 16; 67, 17).

Поясные украшения встречены только на Акярском могильнике. Это *бронзовые поясные бляхи*. В каменном ящике № 5, в женской могиле, обнаружена литая бронзовая бляха в виде плоского диска с петлей на обороте. Лицевая сторона бляхи украшена кольцом из обегających спиралек, заключенным в двойной круг. Центр бляхи гладкий. Ее диаметр – 5,25 см (рис. 53, 17).

Другая бляха из каменного ящика № 7 имела окантовку внешнего края. Лицевая поверхность бляхи украшена резным узором в виде т. н. «виселицеобразного» креста, заключенного в круг (рис. 59, 24).

Детальми одежды являлись также и **пуговицы**, встреченные на Шахсенгерском (Давудов О.М., 1968. С. 18. Рис. 3, 14; Давудов Ш.О., 2002. С. 35. Табл. 10, 5) и Акярском (Давудов Ш.О., 2002. С. 84. Табл. 10, 1) могильниках. Эти пуговицы представляют собой *литые изделия с выпуклой наружной стороной и перемычкой на вогнутой обратной стороне* (рис. 20, 18). Эти перемычки служили ушком для пришивания к одежде. Размеры пуговиц: диаметр – 1,4-2,2 см., высота – 0,8-0,9 см. Такие же пуговицы обнаружены на поселении Ачису (Давудов О.М., 1985. Рис. 5, 7). Встречены они и на Зандакском могильнике (погр. 35, 38 и 45) (Марковин В. И., 2002. С. 68, 72, 1, 130. Рис. 48, 1; 51, 6; 59, 5). Обнаружены они и на памятниках более позднего времени Северного Кавказа (Луговое, Мужичи, Кумбулта и др.) (Мунчаев Р.М., 1963. С. 181, 187. Рис. 26, 8, 9; Крупнов Е.И., 1960. С. 228, 229. Рис. 33, 21).

Сурьмяные пуговицы – плоские круглые диски, диаметром 2 см. с узором из вписанных друг в друга резных кругов и с ушком на обороте. Два из них встречены на Шахсенгерском могильнике (рис. 20, 6) (Давудов О.М., 1968. С. 18. Рис. 3, 16; Давудов Ш.О., 2002. С. 46. Табл. 21, 6). Пять таких пуговиц найдены на Зандакском могильнике (погр. 23) (Марковин В.И., 2002. С. 52, 138. Рис. 37, 5).

Бусы. Об обилии бус на Шахсенгерском и Акярском могильниках не приходится говорить. В составе ожерелий, состоящих из раковин «каури» и каспийских раковин, встречаются сердоликовые «рубленные» и хорошо полированные шаровидные, стеклянные, пастовые и бронзовые бусы. Встречаются и пастовый бисер. На Акярском могильнике найдены 4 сердоликовые и одна пастовая бусины, на Шахсенгерском – 1 бронзовая, 18 сердоликовых и несколько пастовых бусин (Марковин В.И. 2002. С. 126, 127-138; Давудов О.М., 1968. С. 18. Рис. 3, 19; Давудов Ш.О., 2002. С. 39. Табл. 14, 1-5; С. 41. Табл. 16, 1-3; С. 46. Табл. 1-12, 16, 18; С. 84. Табл. 10, 8-11; С. 98. Табл. 24, 7). На Зандакском могильнике в 66 погребениях было найдено 36 сердоликовых бус. В одной могиле обнаружено 11 экземпляров, в большинстве же случаев – по одной подвески. В погребении № 23 находилось ожерелье из 124 сурьмяных бус. С Берикейского могильника происходят 4 сердоликовые бусины, 2 биконические бусины из зеленоватого стекла, 2 биконические (белая и зеленоватая) пастовые бусины, а также 19 экземпляров пастового бисера белого и коричневого цветов.

Сердоликовые бусы представлены в основном т. н. «рубленными», отколотыми от круглого стержня экземплярами, просверленными с одного конца, что образует коническое отверстие.

Стеклянные бусы круглой и биконической форм привезены из Передней Азии.

III.6. КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

На Акярском могильнике в каменном ящике № 2 раскопа 1984 года вместе с женским скелетом был обнаружен *загадочный бронзовый предмет, напоминающий ярмо* (рис. 59, 20). Ближайшие аналогии таким предметам на сопредельных территориях нам не известны. Они встречаются на китайских памятниках, датирующихся временем с XIII-XII по X в. до н.э., и на памятниках карасукской культуры VIII-VII или VII вв. до н.э. (Абакан-мост), VIII или VIII-VII вв. до н.э. (Тукай) (Членова Н.Л., 1976. С. 50,52, 61, 121. Там же литература). См. также: Комарова М.Н., 1952. С. 43, рис. 25, 12, 14, 17, 18; Там же литература. Кожин П.М., 1969. С. 36, 37; Новгородова Э. А., 1970. Рис. 40; Хлобыстина М. Д. 1970.). При чем описываемая находка из Акярского могильника по размерам ближе к находкам из карасукских памятников.

Астрагалы баранов. Их много на Шахсенгерском и Акярском могильниках (рис. 72, 11-14). На Хосрехском святилище обнаружено 1172 экземпляра, на Зандакском могильнике – в погр. 1, 10, 14, 39 (Марковин В.И., 2002. С. 21, Рис. 14, 5; С. 35, Рис. 25, 7; С. 41, Рис. 26, 11; С. 75, Рис. 49, 2). При чем на Хосрехском святилище встречаются и астрагалы крупного рогатого скота.

Модели сосудов. Они встречены на Акярском могильнике. Все они повторяют форму крупных баночных сосудов. Их размеры 2-4 см. в высоту (рис. 71, 1) (Давудов Ш.О., 2002. С. 64. Табл. 23, 1, 3).

Модель бронзового топора секировидной формы. Обнаружен в каменном ящике, расположенном в центральной части Акярского могильника (Давудов Ш.О., 2002. С. 60, Табл. 4, 35) (рис. 53, 35).

Модель бронзового клиновидного топора. Обнаружена в каменном ящике № 7 Акярского могильника (рис. 59, 21) (Давудов Ш. О., 2002. С.62. Табл. 10, 21).

Подвеска в виде головы барана с витыми рогами и глазами, переданными полусферическими выступами. Полусферический выступ на лбу, видимо, обозначает солнце. Обнаружена подвеска в каменном ящике, расположенном в центральной части Акярского могильника, в

составе украшений (рис. 53, 14) (*Давудов Ш.О.*, 2002. С. 60, Табл. 4, 14). Другая подвеска в виде «головки овцы» с небольшими закрученными рогами и вмятинами вместо глаз обнаружена в погребении № 15 Зандакского могильника (*Марковин В. И.*, 2002. С. 42, 137. Рис. 28, 3). Одна такая подвеска происходит из склепа № 5 Ирганайского могильника (*Магомедов Р.Г.*, 1998. С. 127-128; Рис. 108, 3). В.И. Козенкова относила зандакскую подвеску к кобанской культуре (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 161). В. И. Марковин вполне справедливо отрицает ее связь с кобанскими древностями (*Марковин В.И.*, 2002. С. 137). Действительно на территории Дагестана такие изделия встречаются в большом количестве. А в более позднее время (Бежтинский могильник) их здесь особенно много. «Вполне понятно, что ее носили не из одних только эстетических побуждений. Художественность вещи могла только усиливать ее магическое воздействие на окружающий мир, помогая ее обладателю в жизни и его деятельности», – писал В.И. Марковин (*Марковин В.И.*, 2002. С. 138).

В мифологии народов Кавказа мир состоит из трех частей, расположенных друг на друге. Вертикально расположенные миры разграничены между собой толщей земли и воздуха. Верхний мир заселен птицами, средний мир – людьми, животными и растениями, нижний мир – хтоническими существами. Эти миры связывает между собой мировое древо, стоящее на краю мира или ветвистые рога оленя. Эти сюжеты изображены на бежтинских пряжках (*Давудов О. М., Маммаев М.М.*, 2011. 150 с.). Переход из одного мира в другой для простых людей возможно с помощью коней и баранов черного и белого цвета (*Очиаури Г.А., Сургуладзе И.К.*, 1980). Среди археологических находок имеется химоевская статуэтка всадника на баране. Смысл этих бараных изображений можно раскрыть в дагестанской мифологии. В дагестанских сказках Герою, попавшему в «иной» мир, советуют, как выбраться в мир людей: на заре появятся белый и черный бараны и начнут бой. Ты бросайся на белого барана, и он вынесет тебя в мир людей. Герой ожидает в укрытии. На заре бараны появляются и начинают бой. В это время Герой бросается на белого барана, но попадает на черного. И его сбрасывает в нижний мир (*Сказки народов Дагестана*, 1965: Аварские народные сказки, 1972).

Глава IV. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Хронология и периодизация памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Дагестана все еще остается одной из наиболее актуальных проблем археологии. Создание единой общерегиональной периодизации и хронологии эпохи поздней бронзы – раннего железа является одной из важнейших и первостепенных задач кавказской археологии. Для ее решения необходимо, прежде всего, преодолеть значительные расхождения в определении хронологических рамок указанных эпох, которые имеют место в существующих ныне схемах, выработанных на материалах разных областей Кавказа. Особенно велики различия в определении хронологии стадияльно и территориально близких культур Закавказья и Северного Кавказа. Отметим, например, что в Закавказье начало эпохи поздней бронзы или переходного этапа от средней к поздней бронзе принято относить ко времени от XV-XIV вв. до н.э. до VIII-VII вв. до н.э., а в выработанной в 30-50 гг. XX в. периодизации древностей Северного Кавказа эпоха поздней бронзы первоначально ограничивалась XI-VIII вв. до н.э.

Как известно, А.А. Иессен первоначально ограничивал этот период рамками VIII – первой половиной VII в. до н. э., но затем Е. И. Крупнов значительно расширил рамки раннежелезного века, подразделив его в своей известной схеме на три периода: I – период перехода от бронзы к железу (XI-X вв. до н.э. с возможным углублением ранней даты до XII в. до н.э.), 2 – период начального освоения железа (IX–первая половина VII в. до н.э.), 3 – период массового внедрения железа (вторая половина VII-IV вв. до н.э.). Существование этих различий в свою очередь обусловлено все еще недостаточной изученностью памятников эпохи поздней бронзы на Северном Кавказе, без чего невозможно создать достоверное представление о характере местных культур той эпохи, особенностях их эволюции, и, естественно, хронологии.

Так, на Северо-западном Кавказе докобанский этап позднебронзовой культуры известен в основном по материалам кладов (Агурский, Боргустанский, Бекешевский), хронологическое место которых А.А. Иессен определил вслед за Андрюковскими курганами, датированными им 1200-1100 гг. до н. э. (*Иессен А.А.*, 1951. С. 119. В разное время и по разным поводам им были опубликованы три схемы периодизации памятников Северного Кавказа (*Иессен А.А.*, 1941. С. 7-50;

Он же. 1950. С. 157-200; Он же, 1954). Многие положения этих схем остаются верными и по сей день. Кобанская культура была отнесена им к позднему этапу бронзового века и соответствовала позднекубанскому периоду его схемы развития культуры Прикубанья. Хронологически эти периоды для него тождественны: «позднекубанский, или кобанский» (Иессен А. А., 1950. С. 175). Более динамичны взгляды А.А. Иессена на абсолютную хронологию кобанской культуры. В ранних статьях исследователя ее нижний рубеж определялся концом II тыс. до н.э., а верхний – скифским периодом. Но обе эти границы конкретизировались по мере углубления в имеющиеся источники или в связи с выявлением новых. Например, первоначально поздняя грань определялась VII-VI вв. до н.э. (Иессен А.А., 1941. С. 16), но к концу 50-х годов начало «скифского» (условность термина – по А.А.Иессену) периода уточнено «до VIII в. до н.э.», из чего логически следовало, что верхний хронологический рубеж кобанских памятников, не содержащих признаков «скифизации», не мог быть позднее указанной даты (Иессен А.А., 1956. С. 14, 15). Зарождение форм «собственно кобанской группы» А.А. Иессен относил к XII-XI вв. до н. э., что соответствовало и началу позднекубанского периода. В этой схеме Верхне-Кобанскому могильнику отводилось не самое раннее время. Сначала А.А. Иессен определял большинство его погребений IX-VIII вв. до н.э. Аргументы не были представлены в полной мере. За исключением одного, чрезвычайно важного: А. А. Иессен обратил внимание на рисунок К.И. Ольшевского – погр. 12 из раскопок Э. Шантра, где в одном комплексе с типично кобанским погребальным инвентарем были изображены двукольчатые удила с шипами-шишечками на стержнях (рис. 5). Определяя по ним абсолютную дату погр. 12 – VIII в. до н.э., исследователь считал его старше могил Каменноостского могильника на Малке, точнее, того курганного погребения 1921 г., в котором биметаллический кинжал «кабардино-пятигорского» типа был найден вместе со скифоидной когтевидной бляшкой – распределителем для перекрестных ремней (Иессен А.А., 1941. С. 22, рис. 4, 2-6). К самым поздним (VI-V вв. до н.э.) памятникам, по его мнению, относились погребения в верховьях Баксана (Хабаз, Мукулан) и клад из пещеры Алмалы-кая. К VII в. до н.э. относил А. А. Иессен и известное погребение 3 из раскопок Н. М. Егорова Березовского-1 могильника в Кисловодске (Иессен А.А., 1954. С. 107), что в настоящее время не подтверждается.

Исследования, связанные с выделением памятников группы Новочеркасского клада, позволили А.А.Иессену выделить и синхронные

кобанские комплексы VIII-VII вв. до н.э., где конская узда новочеркасского (кобанского) типа сочеталась с оружием кавказского кобанского облика (Иессен А. А., 1953; Он же, 1954). Детальный анализ материалов, близких Новочеркасскому кладу, и новые факты, появившиеся к 1953 г., заставили А.А.Иессена еще раз возвратиться к вопросу о хронологическом соотношении могил Верхне-Кобанского могильника. В 1955 г. исследователь выделял среди них не одну, как раньше, а две хронологические группы могил:

1) могилы VIII-VII вв. до н.э. – позднего комплекса древнекобанской культуры, синхронные Новочеркасскому кладу и содержавшие ранние железные предметы как доказательство «довольно широкого освоения железа»;

2) ранние погребения X-IX вв. до н.э., «где железо еще не встречается вовсе или может быть встречено как декоративный материал...» (Иессен А.А., 1954.С. 127). Учитывая общие, высказанные ранее соображения А.А. Иессена на относительную позицию металлических изделий Верхне-Кобанского могильника среди древностей кобанской культуры («соответствуют только определенному и не начальному отрезку истории развития этого производства...»), можно полагать, что он в дальнейшем был вынужден прийти к удревнению нижнего рубежа существования кобанской культуры по крайней мере на столетие. Однако этого не произошло, дата оставлена прежней, т. е. XII в. до н. э. (Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно - бронзового века.С. 119), хотя А.А. Иессену были известны некоторые памятники кобанского типа, которые с трудом вписывались в контекст господствовавших тогда представлений об абсолютной нижней грани хронологии Кобани (погребения на горе Бык, у горы Машук, на Эшкаконе, близ колонии Ольгенфельд, Бекешевский клад). Позднее датировка этих памятников была значительно удревнена (Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. С. 60-70; Он же. Раннежелезный век Северного Кавказа. С. 331-338; Он же. 1969. С. 16; *Kroupnov E.*, 1962.Рр. 6-12.)

Е.И. Крупнов в развитии кобанской культуры выделил периоды, в каждом из которых намечено хронологическое соотношение не только отдельных памятников - эталонов, но для некоторых из них, главным образом, могильников (Верхнерутхинский, Березовский, Каменноостский, Луговой, Нестеровский), предпринял попытку относительного датирования отдельных могил (Крупнов Е.И., 1960. С. 209, 234, 295). По его мнению, в развитии кобанской культуры различают-

ся два больших этапа: доскифский и скифский. В первом из них он выделил два периода:

1-й – формирование и становление основных признаков культуры на рубеже II-I тыс. до н. э. – в первые века I тыс. до н. э. (нижняя дата углублялась до середины XII в. до н.э., верхняя ограничивалась серединой IX в. до н.э.; он считал, что этот период является переходным от бронзы к железу, когда местное население лишь знакомилось с железными предметами;

2-й – расцвет культуры, вторая половина IX-VIII в. до н.э., «с некоторой оговоркой» – первая половина VII в. до н.э. (начало освоения железа местным населением. В это время «устанавливаются контакты с киммеро-скифским миром» (*Крупнов Е.*, 1966, С. 93-96, таблица). Второй этап развития кобанской культуры, скифский, был представлен, по Е.И. Крупнову, всего одним периодом, датированным второй половиной VII-V вв. до н.э. с возможным повышением позднего рубежа до начала IV в. до н.э. Основное его отличие от двух более ранних заключалось в переоформлении культуры под влиянием культур скифо-савроматского круга. Являясь качественно иной, кобанская культура, тем не менее, сохраняла традиционный облик в подавляющем числе признаков быта. Второй период озаглавлен широким освоением железа и местным изготовлением железного оружия и орудий труда. «Классический период» кобанской культуры датирован Е. И. Крупновым XI-VIII вв. до н.э. (*Крупнов Е.И.*, 1960, С. 108).

В результате раскопок Серженьюртовского поселения (1959-1967 гг.) были получены радиоуглеродные даты (*Крупнов Е.И.*, 1969, С. 17, 18), позволившие определить время раннекобанской культуры (3140 ± 95 ; 2890 ± 75 ; 2860 ± 60 ; 2620 ± 75 гг.), а в последние годы все более отчетливо выступает тенденция к удревнению верхнего хронологического рубежа северокавказской культуры в Прикубанье (*Нечитайло А.Л.*, 1978. С. 104, 105). Очевидно, все эти изменения должны учитываться и при определении нижнего хронологического рубежа позднебронзовой культуры данного региона. Довольно неопределенная ситуация сложилась и вокруг вопроса о начальном – докобанском этапе эпохи поздней бронзы в центральной части Северного Кавказа. Как известно, этот этап был выделен Е.И. Крупновым по материалам могильника Беахни-Куп и целого ряда внекомплексных находок (*Крупнов Е.И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. С. 60-70). Но В.И. Марковин отнес большинство этих материалов к третьему этапу северокавказской

культуры эпохи средней бронзы (*Марковин В.И.*, 1960. С. 51, 52, 80, 81; *Gimbutas M.*, 1957. Pp. 147, 148).

В 60-х годах XX в. проблемами периодизации и хронологии кобанской культуры занялся Д. Газдапустаи (*Газдапустаи Д.*, 1962; Он же. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Дисс. канд. ист. наук. Библиотека ЛГУ; *Gazdapustai Gy.*, 1963. Т. V.). Он попытался поэтапно разделить кобанские памятники, привлекая для обоснования абсолютной хронологии выделенных групп материалы Западной Европы. Так же, как и у Е.И. Крупнова, у Д. Газдапустаи представлена трехчленная модель развития кобанской культуры. У него наиболее ранний этап, период А (XII-X в. до н.э.) – это время формирования и кристаллизации черт культуры из элементов, предшествующих (северокавказской и дигорской) и новых культур, «из которых создается инвентарь следующего периода». Второй этап, период В (X-VII вв. до н. э.), по мнению Д. Газдапустаи, – время расцвета кобанской культуры, ее наибольшего распространения и образования локальных вариантов. Третий этап, период С (VII-V вв. до н.э.), – скифский период.

Как видим, в схеме Е.И. Крупнова, его предшественников и последователей эпоха поздней бронзы вообще не представлена. Образовавшийся таким образом пробел пытался заполнить В. А. Сафронов (В.А. Сафронов посвятил свои работы основам хронологии и интерпретации вещей Бородинского клада, по многим признакам близкого кавказским древностям предкобанского периода (*Сафронов В.А.*, 1968. Вып. 1. Ему удалось выделить так называемый «рутхинский погребальный комплекс северокавказской культуры»). Он уточнил в пределах XII в. до н.э., не только погребения №11, 15-17 могильника Верхняя Рутха, омоложенные в схеме Е.И. Крупнова, но и целую цепочку близких им источников на северо-западе Центрального Кавказа (типа Эшкакон и др.).(*Сафронов В.А.* О датировке Рухтинского погребального комплекса северокавказской культуры. С. 28-30). В целом его разработки оказались малоубедительными. Датировкой Бородинского клада занялся и В. С. Бочкарев (*Бочкарев В.С.*, 1968. Т. 1, С. 129-154), но его попытка оказалась неудачной из-за недостаточного владения кавказскими материалами. Это упущение было устранено Б.В. Теховым (*Техов Б. В.*, 1972. № 3. С. 35, 36; Он же. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. С. 4.)

Работы Б.В. Техова, основанные на исследовании Тлийского могильника в Южной Осетии, сыграли важную роль в упорядочении

хронологии Кобани. (Техов Б.В., 1972.; Он же.1977) На основе стратиграфических наблюдений над расположением могил, скрупулезного изучения типологии вещей из комплексов, тщательного сопоставления многих изделий с аналогичными, но лучше датированными изделиями более южных культур, Б. В. Техову удалось путем многократных перекрестных привязок довольно убедительно включить материалы Тлийского могильника в общую шкалу хронологической периодизации закавказских культур эпохи бронзы и раннежелеза, соотнести комплексы Тли с комплексами таких приоритетных для проблемы хронологии Кавказа памятников, как Самтаврский и Артикский могильники (Абрами-швили Р.М.К вопросу о датировке памятников эпохи бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике (Abramicshvili R., 1971), 1971; Хачатрян Т.С. Артикский могильник). Подобная работа была проделана Б. В. Теховым с аналогичными материалами Северного Кавказа, но они представлены в его работе лишь как фон.

К началу 70-х годов Б.В.Теховым для всего Центрального Кавказа была создана новая пятичленная периодизация, в основу которой были положены в первую очередь тлийские погребальные комплексы (Техов Б.В., 1972. Рис. 1, 2). До начала 80-х годов эта периодизация постепенно совершенствовалась автором (Техов Б.В., 1974; Он же, 1985. Т. III. Табл. 1). Но в целом основы полученной типолого-хронологической схемы оставались прежними. По Б. В. Техову, кобанская культура Северного Кавказа представляла лишь часть общей центрально-кавказской культуры, причем не самую раннюю. Ее хронология соответствует в данной схеме периодизации II этапу поздне-бронзового века (вторая половина XII-X в. до н.э.) и раннему железному веку, охватывающему три этапа (1-й – конец X-IX вв., 2-й – VIII – первая половина VII в.; 3-й – вторая половина VII-VI вв. до н.э.). Однако уже комплексы I этапа (XIV – первая половина XII в. до н.э.) Тлийского могильника достаточно наглядно демонстрируют неразрывную связь со II этапом, имея все черты переходности, «когда формируются исходные формы и прототипы бронзовых изделий последующего второго этапа» (Техов Б.В., 1972.С. 35). По сути этот вывод означал углубление нижней границы появления в материалах Тли черт кобанского облика уже с XIV в. до н. э.

К позитивным чертам периодизации Б.В.Техова следует отнести также попытки конкретного датирования целого ряда отдельных могил. Конечно, абсолютное датирование и хронологическое соотношение некоторых захоронений в каждом из выделенных этапов не бес-

спорны, на что в известной степени справедливо указывалось в литературе (*Паницхава Л.Н.*, 1975. С. 26; *Воронов Ю.Н.*, 1980. С. 201), но тем не менее периодизация Б.В.Техова представляла еще один шаг вперед в упорядочении накопленной лавины артефактов. Она наглядно свидетельствовала о расширенных хронологических рамках существования кобанской культуры, о ее механизме плавного развития через вызревание в недрах старой, предшествующей культуры и формирование через переходные стадии. Поэтапность прослеживалась не умозрительно, а на основе непосредственно наблюдаемой стратиграфии погребений эталонных могильников, в первую очередь наиболее изученного из них – Тлийского. Именно поэтому попытки иногда справедливой критики частностей периодизации Б.В.Техова не были убедительны для всей системы в целом, в периодизации которого, обоснованной огромным количеством новых, прекрасно документированных археологических материалов, выделенных как эпоха поздней бронзы, подразделенной на два этапа (первый датирован сначала XIV – первой половиной XII в. до н. э., затем XIV-XIII вв. до н. э., второй – сначала второй половиной XII-X в. до н. э., затем XII-X вв. до н. э.), так и эпоха раннего железа, подразделенная на три этапа (первый – конец X-IX в. до н.э., второй – VIII – первая половина VII в. до н.э., третий – вторая половина VII-VI вв. до н.э.). По Б.В. Техову, расцвет кобанской культуры приходится на второй – классический период эпохи поздней бронзы (XI-X вв. до н. э.). Эпоху раннего железа он датирует временем с конца X-IX в. до н.э. Тем не менее многие северокавказские археологи до сих пор пользуются укороченной хронологией А.А. Иессена (*Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. С. 104. ПО; Он же. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. С. 126-130*). Основываясь на этом, А.И. Тереножкин поставил новочеркасскую ступень развития предскифских культур после черногооровской и сделал вывод о приоритете степняков-киммерийцев в овладении железоделательным производством, которое, по его мнению, у них переняли другие племена, включая северокавказские (*Тереножкин А.И.*, 1976. С. 20, 22, 186-208).

В 70-х – начале 80-х годов появились работы В.И. Марковина, В.И. Козенковой, В.Б. Виноградова, С.Л. Дударева, В.М. Батчаева, А.П. Рунич, А.В. Найденко, Г.Е. Афанасьева, В.Б. Ковалевской и др., положивших основу для создания опорных источников для абсолютного датирования кобанской культуры на Северном Кавказе.

В результате этих усилий были проведены новые опыты дальнейших обобщений по уточнению абсолютной датировки региональных групп памятников. К итоговым исследованиям подобного рода следует отнести статью В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева (1983 г.) (*Виноградов В.Б., Дударев С. Л., 1983. С. 11.*), посвященную повторному анализу с учетом новейших данных некоторых погребальных комплексов Пятигорья и Карачаево-Черкесии. В ряде случаев авторы вынуждены были отказаться от своих прежних относительных и абсолютных дат некоторых могил этого региона. Исследователи выделили три хронологические группы: 1) X-IX вв. до н. э.; 2) IX-VIII вв. до н. э.; 3) конец VIII-VII в. до н.э. Не во всем можно согласиться с В.Б. Виноградовым и С. Л. Дударевым при конкретном обосновании хронологии периодов. Особенно это касается нижней границы первого периода. Даже следуя контексту самих авторов, согласно которому видна большая проделанная работа по сравнительно-типологическим привязкам анализируемых комплексов к другим, близким, но лучше датированным материалам, можно убедиться, что более правильной была бы расширенная шкала хронологии. Но даже в таком, казалось бы, всеохватывающем исследовании почти не уделено должного внимания пересмотру основ хронологии памятников центральной группы северного Кавказа. Между тем корректировка дат в свете всего вышесказанного очевидна и здесь. И действительно в ряде исследований она предложена.

Весьма интересным и плодотворным представляется опыт создания общей периодизации и абсолютной хронологии северокавказских памятников, предложенный профессором Мюнхенского университета Г. Коссаком (1983 г.) (*KossakG., 1980. 20, 21; KossakG., 1983.Band. 5.*). Он не считает дело создания детальной схемы периодизации северокавказских древностей бесперспективным. Приняв за точку отсчета комплекс инвентаря могилы 85 из Тли, исследователь методично, путем скрупулезного анализа с привлечением обширнейшего круга взаимопереплетенных археологических данных Кавказа, Средней Европы, Северного Причерноморья, Малой и Передней Азии выделил базовые группы диагностирующих, синхронных памятников.

Центрально-кавказская (кобанская) культура, согласно Г. Коссаку, прошла в своем развитии до середины VI в. до н.э. четыре последовательные и непрерывные стадии развития. Ранняя стадия Тли А («ранняя бронза») – это период до появления в погребениях Тлийского могильника фибул. Схема ведущих форм соответствует формам пласта кавказских древностей раннего этапа поздней бронзы. Дати-

ровка периода Тли А определена Г. Коссаком примерно XIII – концом XII в. до н.э. Следующая стадия, период Тли В, ограничена от более раннего появления в погребениях бронзовых дуговидных фибул – свидетельств принципиального изменения стиля костюма. Форма фибул с асимметричной дугой и узким приемником представляла ранний вариант средиземноморских. Данный тип фибулы, появляясь, по мнению Г. Коссака, в памятниках кобанского типа еще в XI в. до н.э., маркирует переход к поздней бронзе. Абсолютную дату периода Тли В в пределах XI – середины X в. до н.э. он убедительно подкрепляет сетью дат (Datennetz), полученных на основе анализа последовательности развития однопорядковых памятников Закавказья, причем эта хронологическая сеть не зависит от хронологической классификации фибул, а опирается на разработки хорошо датированных памятников Переднего Востока.

Третья стадия, период Тли С, с двумя фазами – ранней и поздней – относится, по Г. Коссаку, к эпохе раннего железа. В качестве руководящей формы по-прежнему выступают дуговидные фибулы, но другой модификации. Кроме того, отмечается появление в погребальных комплексах некоторых новых форм кинжалов.

К раннему этапу периода (С-alt) Г. Коссаком отнесены погребения с фибулами с высокой симметричной дужкой и расширенным в виде лопаточки приемником. Эти материалы, по мнению исследователя, несколько более ранние или синхронные колхидским, содержащим ассирийские шлемы IX в. до н.э. (Приморское), а также северо-причерноморско-черногоровского этапа, по А.И. Тереножкину. В абсолютных датах период С-alt охватывает вторую половину X-IX в. до н.э.

Поздний этап периода Тли С (Jung) характеризуется появлением в погребениях фибулы с утолщенной пиявкообразной дужкой круглого или розетковидного поперечного сечения, использованием железа в качестве основного материала для оружия. В декоре появляются изображения животных с повернутой назад головой. По мнению Г. Коссака, именно к этому этапу относились бронзовые широкие пояса с многофигурными композициями и бронзовые навершия посохов с изображением животного в стиле, близком «скифо-иранскому звериному стилю». Абсолютная дата этапа С (jung) определяется Г. Коссаком примерно временем новочеркасского периода киммерийской культуры по А.И. Тереножкину, т.е. серединой VIII в. до н.э. или последними его десятилетиями. Следует отметить, что Г. Коссак специально подчеркивает относительный характер разграничения между

двумя фазами периода Тли С. По его мнению, «формы предметов, применявшиеся на протяжении этого периода захоронения, формируются, по-видимому, вскоре после наступления последнего тысячелетия до н.э. и на протяжении последних десятилетий VIII века постепенно вытесняются *новыми формами*».

Начало последней стадии, период Тли D, также с двумя фазами, отнесен Г. Коссаком ко второй половине – концу VIII в., до н.э., поскольку некоторые его признаки уже обнаружались в недрах более ранней стадии С (jung). Данная общность форм развивалась до второй половины VI в. до н.э. Погребение 85 Тлийского могильника в рамках этой «общности» имело, по мнению Г. Коссака, дату около 700 г. до н. э. Основу абсолютной хронологии периода В составляли, согласно Г. Коссаку, новые модификации бронзовых фибул – с квадратным или розетковидным поперечным сечением дужки, форма биметаллических и железных акинаков, металлические урартские пояса с орнаментом, подражавшим стилистическим особенностям декора, на ближневосточных изделиях конца VIII-VII в. до н.э. Среди вариантов узоров на поясах и бронзовой посуде особо выделялся как типичный для периода узор в виде выпуклых ромбиков, в настоящее время хорошо известный не только в Тлийском, но и в Нартанском могильнике. Большое значение Г. Коссак придает бронзовым и костяным наконечникам ножен с изображением свернувшегося хищника (Rolltierstil). По мнению исследователя, эти предметы доказательно маркируют нижнюю хронологическую грань периода Тли D, так как подобный наконечник найден во втором мидийском слое в Сардах в сочетании с протокоринфской, эфесской и мидийской керамикой середины VII в. до н.э. Не менее важны и роговые трехдырчатые псалии с изображением копыта на одном конце, обнаруженные в погребении 68 Тлийского могильника. Наиболее ранние аналогии им Г.Коссак указывает в слое Хасанлу III (VII в. до н.э.), в Кавус-тепе и Кармир-блуре.

Верхняя граница периода Тли D (Qung) определяется им «после заката государства Урарту». Материальными индикаторами, обозначающими эту границу, являются, по мнению Г. Коссака, бронзовые фибулы «псевдо-шарнирной конструкции», гривны с раскованными ромбовидными концами, бронзовые и серебряные браслеты с прогнутой спинкой, т.е. изделия с четко обозначившимся ахеменидским влиянием не позднее середины VI в. до н.э.

Блестящее знание опубликованных в советской и зарубежной литературе материалов, широкий охват проблемы заставляет с главны-

ми выводами Г. Коссака согласиться. По глубине проникновения в материал, детальной прорботке ключевых групп памятников в настоящее время мы не располагаем более объективным опытом определения места древностей кобанского типа в шкале синхронизации евразийских культур эпохи бронзы и раннего железа. Из всего сказанного очевидна роль памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Юго-Восточной и Центральной Европы для уточнения деталей хронологии северокавказских памятников кобанской культуры, а вместе с тем и всех кобанских древностей.

Большую работу в области хронологии памятников кобанской культуры проделана В.И. Козенкова. Для восточного варианта этой культуры она выделила сначала X-IX вв. до н.э, конец IX – сер. VIII в. до н.э., VIII – рубеж VIII – VII вв. до н.э., потом – довела время функционирования каякентско-харачоевской культуры до середины второй половины X в. и с этого времени развивается восточный вариант кобанской культуры, которую она разделила на периоды – середина второй половины X – конец первой половины VII в. до н.э. и с этого времени до начала IV в. до н.э. (*Козенкова В.И.*, 1989. С. 1-52; Она же. 1990. № 3, С. 64-92; Она же., 1996. С. 1-167). Погребений Серженьюртовского могильника она разделила на три разновременные группы, из которых первая датирована X-IX в. до н.э., в том числе всаднические захоронения – концом IX –серединой VIII вв. до н.э., а переходная и вторая группы – суммарно серединой VIII- рубежом VIII-VII вв. до н.э. (*Козенкова В.И.*, 1077а. С. 81, 82). При этом она, в отличие от Е.И. Крупнова, признала достоверность нижней радиоуглеродной даты Сержень-Юртовского поселения. Но и эти оценки нельзя считать окончательными, поскольку установленная ею нижняя дата Сержень-Юртовского поселения определяется теперь XII в. до н.э., а одновременно ему могильника – на два столетия позднее, X в. до н.э. (*Козенкова В.И.*, 1977а. С. 70-95.; Она же, 1982; Она же, 1989. С. 1-52; Она же, 1990; Она же., 1006).

В Закавказье на основе обобщения новых археологических данных были созданы схемы периодизации по отдельным культурам эпохи бронзы и раннего железа центральной и восточной частей региона (*Чубинишвили Т.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Табл. XVI; *Техов Б. В.*, 1971. С. 84. Рис. 22; Он же. Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н.э. С. 20-24. Рис. 30; *Гогодзе Э. М.*, 1972. Табл. 33, 1, 3, 6, 15, 17; *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье. Рис. 39, 110 -112).

Для Шида-Картли и Иоро-Алазанского бассейна К.Н. Пицхелаури предложил четырехчленную периодизацию: 1) переходный период от эпохи средней бронзы к поздней бронзе – 1450-1350 гг. до н.э.; 2) ПБ I – 1350-1250 гг. до н.э.; 3) ПБ II – 1250-1100 гг. до н.э. и ПБ III – РЖ – 1100-900 гг. до н.э. (*Пицхелаури К.Н.*, 1972. С. 9-140), Р. М.Абрамишвили для Шида-Картли – 1-й период – от 1450-1400 гг. до н.э., до 1300 г. до н.э., 2-й период – 1300-1150 гг. до н.э., 3-й период – 1150-950 гг. до н.э., 4-й период – 950-850-800 гг. до н.э., 5-й период – 800-650 гг. до н.э., 6-й период – 650-500 гг. до н.э. (*Abramichvili R.*, 1971. P. 1-9, tab I.).

Вопросы периодизации и хронологии памятников Северо-восточного Кавказа в этих работах не затронуты, но видимая встречаемость материалов на памятниках обоих регионов побуждает специалистов задуматься о хронологическом соотношении памятников. Такой разнобой в определении хронологии и периодизации отмечается при том, что все эти памятники и культуры входили в состав единой Кавказской металлургической провинции и расположены близко друг от друга, подвергаются влиянию одних и тех же исторических процессов.

Но самая острая проблемная ситуация сложилась при разработке периодизации и хронологии культур поздней бронзы – раннего железа на Северо-восточном Кавказе, где долгое время в рамках названных эпох определялось историческое место каякентско-харачоевской культуры, считавшейся первоначально одновременной кобанской культуре (*Круглов А. П.*, 1958.. С. 93; *Крупнов Е. И.*, 1951. С. 225). Поэтому разделявший эти взгляды Е.И. Крупнов, распространяя свою схему на Северо-восточный Кавказ, отнес к первому и даже второму периодам его раннежелезного века целый ряд таких памятников каякентско-харачоевской культуры, как Талгинский и др. могильники, где железо вообще не было представлено (*Крупнов Е. И.*, 1965. С. 339, 340).

Все это определило необходимость дальнейших разработок периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа Северо-восточного Кавказа. Одним из первых шагов в этом направлении предпринял В.И. Марковин, датировавший Зандакский могильник концом II тысячелетия до н.э. – VIII в. до н.э. и поставивший вопрос о начале использования железа древним населением Северо-восточного Кавказа в те же исторические сроки, что и в Закавказье (*Марковин В.И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. С. 87).

Однако в вышедшей вскоре монографии, содержащей трехчленную периодизацию памятников Северо-восточного Кавказа конца II – начала I тысячелетий до н.э., Зандакский могильник был отнесен к третьему периоду (после IX в. до н.э.) первого «явного перехода к железу», тогда как памятники (в основном – каякентско-харачоевские) первого (XIII-XI вв. до н.э.) и второго (XI-IX вв. до н.э.) периодов были отнесены к эпохе поздней бронзы, поскольку в их материалах «еще нет железа, хотя в соседнем Закавказье с XII-XI вв. до н.э. начинают появляться первые изделия из нового металла» (*Марковин В. И.*, 1969. С. 82, см. также таблицу на С. 85).

Разработкой периодизации и хронологии соответствующих памятников занимались и дагестанские археологи (*Котович В. Г.* 1978. С. 46-76; *Пикуль М.И.*, 1959. С. 157-164; *Котович В.М.*, 1978. С. 77-98; *Давудов О. М.*, 1974. С. 31-110). В. Г. Котовичу удалось аргументировать принадлежность каякентско-харачоевской культуры к заключительному этапу эпохи средней бронзы, выявить первые памятники эпохи поздней бронзы, предложить даты, принятые для других областей Кавказа, главным образом для Закавказья. В.Г. Котовичем для древностей каякентско-харачоевского круга были предложена трехчленная периодизация. Памятники предшествующего времени («гинчинско-гатынкалинского этапа») он вслед за М.Г. Гаджиевым датирует первой половиной II тысячелетия до н.э.; памятники собственно каякентско-харачоевского типа – третьей четвертью II тысячелетия до н.э., а древности последующего времени («талгинского этапа») – последней четвертью II тысячелетия до н.э. (*Котович В.Г.*, 1978. С. 57 и сл.).

Почти все памятники типа Гоно, Миатлы, Гатын-Кале, Верхний Гуниб и др. содержат материалы, без учета которых нельзя представить развитие и каякентско-харачоевской культуры. Показателен в этом отношении анализ каякентско-харачоевской керамики, предпринятый В.Г. Котовичем. Лишь на «талгинском этапе», по его мнению, нарушается непрерывная линия развития керамических форм и ornamentации (*Котович В.Г.*, 1978. С. 57, 74).

Второй этап – время расцвета всех характерных черт культуры. Именно этот этап В.Г. Котович и называл собственно «каякентско-харачоевским». Датировка эта кажется В.И. Марковину основанной на базе предметов, встречаемых в соответствующих комплексах (листовидные ножи, височные подвески, булавки), длительное время бытовавших и встречавшихся не только в восточной части Кавказа. Другие типичные для культуры предметы, в первую очередь сурьмяные

изделия, возникли, по мнению В.Г. Котовича, как подражания северокавказским украшениям. Вероятно, в таком случае украшения из сурьмы не могли появиться тут же вслед за северокавказскими изделиями из бронзы, а с некоторым опозданием, когда их прототипы были уже широко распространены. Этот факт следует учитывать, если говорить о подражании. Однако, раннее появление бронзовых колпачков, раскованных и широких височных подвесок, характерных для культуры, но известных по таким ранним памятникам, как могильники у сел. Чох, Гинчи и Гатын-Кале, позволяет датировать этот этап более ранним временем, чем это делали раньше К. Ф. Смирнов, В. И. Марковин и др.

Дата второго этапа с учетом некоторых поправок В.Г. Котовича представляется примерно такой: от конца 1500 до 1250 г. до н.э. К тому времени можно отнести многие основные памятники культуры: Харачой, Каякент, Тарки, Берекей, Мамай-кутан, Маджалис, Казмалар (Новый Дейбук), район Махачкалы (Тарнаир), Ишхой-Юрт, Дарго, Белгатой, Капчугай, Хиндой, Миатлы, Гагатль, Старый и Новый Чиркей, Нижняя Сигитма (поселение), Новолакск (поселение) и др.

Третий этап – время заката культуры. Это, по В. Г. Котовичу, «талгинский» этап. Он отнесен автором к эпохе поздней бронзы. В. И. Марковину кажется, что данный этап неотделим от предшествующего времени. В недрах его происходит затухание ярких черт культуры. Так, крупнолопастные подвески почти исчезают, огрубляются волюты булавок, обмазка на керамике приобретает порой декоративный характер. Дата этого этапа довольно хорошо обоснована В.Г. Котовичем – от 1250 и почти до 1000 г. до н.э. (*Котович В.Г.*, 1982. С. 57, 58, 59-61, 117. Рис. 1; Он же, 1978. С. 59-74. Рис. 1,2). К данному этапу можно отнести памятники Талги, Мискинбулак (*Котович В.М.* 1978. С. 79- 93. Рис. 1-4), Кабарты-Кутан и др. (*Давудов О.М., Хангишиев Г.Дж.*, 1991. С. 49-60).

Проблемами хронологии и периодизации памятников поздней бронзы и раннего железа занимались и О.М. Давудов в соавторстве с В.Г. Котовичем. Первое выступление соавторов («Опыт хронологического расчленения некоторых памятников Северо-восточного Кавказа конца II – начала I тысячелетия до н.э.») было приурочено к научной конференции, посвященной этой проблеме в г. Сигнахи Грузинской республики в 1978 г.¹ Позже оно было опубликовано в журнале «Со-

---

¹ Конференция проводилась на базе археологической экспедиции, возглавляемой доктором исторических наук, ныне академиком НАН Грузии К. Н. Пицхелаури.

ветская археология». (*Котович В.Г., Давудов О.М., 1980. С. 38-54.*) Речь идет о региональной схеме трехчленной периодизации и хронологии памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Дагестана и Юго-Восточной Чечни, созданной в конце 70-х годов. В докладе и выступлении исследователей ставился вопрос о возникновении проблемной ситуации вокруг периодизации и хронологии памятников Северо-восточного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа. Эта работа была первым опытом исследования памятников Северо-восточного Кавказа, ставящая своей целью сопоставление материалов из обнаруженных на Северо-восточном Кавказе, в том числе в Дагестане могильников широкого хронологического диапазона (Серженюрт, Мугерган, Зандак и др.) с подобными же материалами из хорошо изученных и надежно датированных памятников Кавказа, в первую очередь Закавказья. При этом прослеживались изменения предметов вооружения, включая принадлежности конской сбруи, поскольку именно эти категории материальной культуры наиболее чутко и быстро реагировали на эпохальные и региональные изменения в производстве и военном деле, что представляет несомненную важность для хронологических построений. Для написания доклада и статьи были использованы новейшие археологические исследования, достижения ученых из сопредельных и отдаленных регионов. Надо сказать, что в это время во всех регионах шел процесс уточнения хронологии и периодизации культур, определялось место и роль предшествовавших и последующих культур Северо-восточного Кавказа. Одновременно разными исследователями предпринимались попытки рассмотреть Северо-восточный Кавказ в качестве региона, находящегося за пределами мировой цивилизации. В этой ситуации постановка и решение выдвинутой проблемы было актуальным и своевременным. Необходимость концентрации внимания на решении проблем хронологии и периодизации не вызывало сомнения. Материалы Северо-восточного Кавказа были разделены на периоды: ПБ-1 (XIV-XIII вв. до н.э.) период характеризуется материалами Талгинского, Кабартыкутанского и Мискинбулакского могильников в Дагестане, тесно связанных почти всеми чертами погребального обряда и керамикой с памятниками предшествующей каякентско-харачоевской культуры. Из чеченских памятников к этому периоду были отнесены наиболее архаичные погребения Сержень-Юртовского, Зандакского могильников и некоторые внекомплексные находки бронзового оружия. Ощутимые изменения претерпел металлический инвентарь. Из него почти полностью исчезли широколопастные височные подвески и сурьмяные

украшения, характерные для каякентско-харачоевской культуры. Вместо них появляются массивные прутковые подвески и браслеты.

К ПБ-II (XII-X вв. до н.э.) периоду были отнесены памятники с богатыми наборами бронзовых изделий, включающими разные типы оружия (втульчатые наконечники копий, наконечники стрел, кинжалы, топоры, принадлежности конской сбруи и др.) и украшений (браслеты, головные булавки, гривны, бусы, подвески и др.). Многие из них без заметных морфологических изменений бытовали и в последующем РЖ-I (IX – первая половина VII в. до н.э.) периоде. Это существенно осложняет возможности разграничения периодов ПБ-II и РЖ-I. Решающим критерием в этом отношении служит железо. В ПБ-II оно встречается еще крайне редко, тогда как в РЖ-I железо (и сталь) наряду с бронзой уже сравнительно часто применяется для изготовления оружия, а порою и украшений.

Период широкого освоения железа (РЖ-II) был приурочен ко второй половине VII-IV вв. до н.э.

В данную схему были включены и материалы Сержень-Юртовского могильника. О.М. Давудов по этому поводу придерживался мнения, что эта схема в значительной мере условна, как и всякая другая схема, и старался обратить внимание специалистов на существующие проблемы (*Котович В.Г., Давудов О.М.* 1980. С. 38-54).

После выхода в свет статьи В.Г. Котовича и О.М. Давудова началась полемика. Появилось большое количество работ, посвященных хронологии и периодизации памятников поздней бронзы – раннего железа на территории Северного Кавказа. В. Б. Виноградов и С. Л. Дударев стали отстаивать свою точку зрения (*Виноградов В.Б., Дударев С.Л.*, 1983. С. 7-17). Они включили каякентско-харачоевскую культуру в состав памятников предскифского и скифского времени. С этим трудно согласиться. Но в ряде случаев они правы. Они, например, вполне справедливо считают, что отнесение одно- и двухкольчатых, а также D-образных удил к ПБ-II периоду не правомочным. На Мугерганском могильнике трехдырчатый псалий, найденный вместе с однокольчатыми удилами, по находкам из Северного Причерноморья и лесостепной Украины, а также удила с D-образными концами из Ростовского кургана раскопок 1939 г. должны датироваться как с учетом гальштатского материала, так и характера погребального обряда, который тяготеет к раннескифскому. Последнее замечание о тяготении погребального обряда к раннескифскому спорно. Надо отметить, что они правы при определении даты псалия надо было учесть аналогии из памятников Северного Причерноморья и Степной Украины.

В.И. Козенкова указывает, что «выводы и замечания В. Г. Котовича и О.М. Давудова носили эскизный, рабочий характер, что замечания, высказанные по поводу предложенной схемы специалистами по кобанской культуре (В.Б. Виноградовым, С. Л. Дударевым, В.И. Козенковой) остались без ответа, что сама по себе нужная, но поспешная попытка уточнить на основе новейших материалов данного региона их хронологию и увязать ее с соответствующими схемами, принятыми для других областей Кавказа, оказалась во многом уязвимой для критики, причем главным образом в части, касающейся кобанских памятников, что без достаточных оснований и доказательной аргументации были удревнены до XII в. до н.э. Некоторые погребения Серженьюртовского и Зандакского могильников – эталонных источников восточнокобанской группы. Неудачными ей кажутся передатировка XII-X вв. до н.э. конской металлической уздычерногоровского и новочеркасского типов, а стремление вывести эти материалы из Закавказья не подкрепленным ни типологически, ни хронологически».

Из всего изложенного следует, что возможно пользоваться ранее предложенной схемой (1 период -XII-X вв. до н.э. – позднебронзовый II период, 2 период - IX-70-е гг. до н.э.– раннежелезный первый – эпоха первоначального появления железа, 3 период - 70-е гг VII– IV вв. до н. э. – ранний железный второй период или эпоха широкого распространения железа), но внутри схемы могут быть скорректированы археологические памятники.

Правда, надо уточнить, что могильники Талги, Мискинбулак, Кабарты-Кутан и др. относятся к последнему, третьему этапу развития каякентско-харачоевской культуры. Это ПБ I период (XIV-XIII вв. до н. э.). Конец каякентско-харачоевской культуры и начало новой, зандакской культуры связано с миграцией сабадиновских ираноязычных племен на территорию Закавказья и Передней Азии через Прикаспийский коридор в XII веке до н.э. В ходе этой миграции формируется новая археологическая культура, названная нами зандакской.

Датировка Шахсенгерского могильника обоснована в работах О. М. Давудова (*Давудов О.М.*, 1968. С. 16-37). Новые материалы полностью подтверждают эти выводы. Вместе с ранее выявленными здесь находками они указывают на дату могильника в пределах времени от XII в. до н.э. до 30-х гг. VII в. до н.э. Вместе с материалами, переданными нам учителем средней школы сел. «Дружба», были бронзовые удила из трех звеньев. Это довольно редкий тип удила. Аналогичные удила обнаружены в погребении Билярского могильни-

ка Татарстана (*Халиков А.Х.*, 1977. С. 221, рис.81,9.). Аналогичные удила происходят из памятников эпохи поздней бронзы и начала раннего железа Передней Азии (могильник Сиалк «Б») (*Tallgren A.M. Collection Zaoussailovaumusee National de Finlandea Hilgsinfors/ II/ Pl. V,3*). Одни такие удила хранятся в коллекции В.И. Заусайло в национальном музее Финляндии (№№ 5384, 4170) (*Potratz H.A.*, 1941).

Хорошо датируются роговые псалии с тремя овальными отверстиями на одной плоскости, обнаруженные под плитой в виде каменного изваяния. А. М. Лесков относит их к IX-началу VII в. до н. э. (*Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья*. С. 84. Рис. 4, 2, 3, 12).

Первоначально была предложена дата Акярского могильника в пределах конца II тысячелетия до н.э. (*Пикуль М.И.* Отчет 39, ф. 1. См. также: *Марковин В.И.*, 1969. С. 28; Он же, 27 февраля; *Давудов О. М.* 1974. С. 146-147). Предметы материальной культуры, найденные на раскопе, относятся к X – первой половине VII вв. до н.э. Вместе с ранее выявленными здесь находками они указывают на дату могильника в пределах времени от XII в до н.э. до 70-х гг. VII в. до н.э. Верхняя дата могильника ограничивается тем, что в погребальных комплексах не обнаружены вещи, относящиеся к скифскому времени.

На эту дату указывают однокольчатые удила, которые датируются серединой – второй половиной VIII в. до н.э. (*Козенкова В. И.*, 1995. С. 104). Как выше указывалось, в каменном ящике № 2 раскопа 1984 года вместе с женским скелетом был обнаружен загадочный бронзовый предмет, напоминающий ярмо. Ближайшие аналогии таким предметам на сопредельных территориях нам не известны. Они встречаются на китайских памятниках, датирующихся временем от XIII-XII по X в. до н. э. и на памятниках карасукской культуры VIII-VII или VII вв. до н.э. (Абакан-мост), VIII или VIII-VII вв. до н.э. (Туйкай). Причем, эта находка по размерам ближе к находкам из карасукских памятников.

На это время приходятся активизировавшиеся контакты местного населения с Передней Азией. Среди находок встречаются раковины «каури», поступавшие в Дагестан из Индийского океана по торговому пути, получившему впоследствии название «Великого шелкового». В предскифское время по этому пути в Дагестан поступало олово – важное стратегическое сырье, необходимое для производства бронзы, различные предметы материальной культуры, популярные в странах Ближнего Востока. Возможно, по этому пути попал в Дагестан и зага-

дочный предмет в виде ярма. Это было первое приобщение Дагестана к международной торговле, сыгравшей важную роль впоследствии в экономике, социальном, культурном и политическом развитии.

К ПЕРВОМУ ПЕРИОДУ, соответствующему XII-X вв. до н. э., относятся памятники с богатыми наборами бронзовых изделий, включающих различные типы втульчатых наконечников копий и стрел, кинжалы и топоры, принадлежности конской сбруи, браслеты, головные булавки, гривны, бусы, подвески и т.д. Многие из них без заметных изменений бытовали и в последующем ЗК – II периоде. Решающим критерием определения хронологии в этом случае выступает железо. В это время железо встречается редко, а в ЗК-II периоде – больше. Причем, железо и сталь наряду с бронзой применяется для производства оружия и украшений. Всем этим признакам отвечают древнейшие комплексы Шахсенгерского поселения, а также самые архаичные погребения Шахсенгерского и Акярского могильников.

Характерными для этого периода являются черешковые костяные наконечники стрел с опущенными жалами, с подтреугольными и вытянуто-ромбовидными в сечении, типа «площиков». На Шахсенгерском и Акярском могильниках представлены разнообразные формы наконечников стрел, в том числе с одним или двумя шипами или вовсе без них. Датируются они концом II тысячелетия – VIII-VII вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1982. С. 14).

Роговые псалии с тремя отверстиями на одной плоскости (одним овальным в центре и двумя мелкими по краям, обнаруженные на Шахсенгерском могильнике – тип 5 по К.Ф. Смирнову) (Аналогичные псалии встречены на Шахсенгерском могильнике, Хосрехском святилище и на Зандакском могильнике: см. Давудов О.М., 1980. С. 280; Он же, 1983. С. 50) распространены на обширной территории Евразии (Смирнов К. Ф., 1961. С. 65-68, Рис. 12; Спришевский В. И. Чуйстское поселение эпохи бронзы. С. 92. Рис. 27, 3; Тереножкин А. И., 1971. С. 77-78. Рис. 4, 2-5.). Особенно эта находка близка к известным восточноевропейским псалиям XI-IX вв. до н.э. (Тереножкин А. И., 1961. С. 90. Рис. 62, 1; Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. С. 83-86. Рис. 4).

Витые гривны такого типа, встреченные на Акярском могильнике, появляются в Закавказье в эпоху поздней бронзы (Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV-XII вв. до н.э.) Табл. LXIX; Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака. Рис 128; Асланов Г.М. Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. С. 59, Табл. XVIII, 17; Техов Б.В., 1972. Рис 107).

Среди предметов вооружения разнообразные кинжальные клинки, в том числе плоские клинки с отверстием для заклепок на плечиках. Как выше уже говорилось, Р.М. Абрамишвили датирует их XIV-XI вв. до н.э. (*Абрамишвили Р.М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. С. 314) К.Н. Пицхелаури – в пределах XIII-XII вв до н.э. (*Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. С. 103). Г. Кавтарадзе поддерживает дату, предложенную К.Н. Пицхелаури (*Кавтарадзе Г.К.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. С.146). Надо сказать, что в Закавказье за короткое время эти кинжалы появились и исчезли. Очевидно, такая же хронология их на Северо-восточном Кавказе. Вполне очевидно, что отделить время бытования этих кинжалов в Закавказье от времени их бытования на Северном Кавказе, особенно в соседнем Дагестане, нет основания. Следовательно, кинжальные клинки Северо-восточного Кавказа должны быть определены в тех же хронологических рамках, что и в Закавказье - XIII-XII вв. до н.э. Следовательно, дата погребения № 2 Зандакского могильника должна быть определена в рамках XII в. до н.э.

К этому же времени должно быть отнесено погребение № 9, где наряду с плоским кинжалом с отверстиями на плечиках найден браслет с «рогатыми» концами. Этим браслетам посвящено много исследований. В.И. Козенковой, которая выдвинула предположение об их возникновении по карпато-дунайским прототипам (*Козенкова В.И.*, 1975. С. 56). О.М. Давудов высказывал сомнение в этой связи и указывал на их генетическую преемственность с браслетом, выявленным в окрестностях Хасавюрта (*Давудов О.М.* 1978. С 153). Последний отличается реалистическим изображением бараньих голов на концах. В свое время В.И. Марковин датировал его 1700-1500 гг. до н.э. (*Марковин В.И.*, 1953. С. 49. Рис. 18, 3). Свои сомнения по его датировке О. М. Давудов повторил в работе, посвященной хронологии и периодизации памятников Северо-восточного Кавказа. С поддержкой этих сомнений выступили С.Л. Дударев, С.А. Скорей и Ф. Б. Рахимкулова (*Дударев С. Л.*, 1982. С. 31; *Скорый С.А.*, *Рахимкулова Ф.Б.*, 1985. С. 39). Наконец, с обстоятельным докладом о развитии зооморфных браслетов Северно-Восточного Кавказа, этапах их становления и их генетической связи с карпато-дунайскими прототипами выступила В. И. Козенкова на конференции «Крупновские чтения». Вскоре она опубликовала свой доклад в качестве статьи. Она датировала различные модификации этих браслетов периодом от конца XII – начала XI в. до н.э. до первой половины VIII в до н.э. включительно (*Козенкова*

В.И. 1989. №3. С. 27-34). Для этого же времени характерны находки бронзовых подвесок в виде голов круторогих баранов на территории Северо-восточного Кавказа (Зандак, Акяр).

ВТОРОЙ ПЕРИОД (IX –70-е гг. VII в до н.э.). Нижний рубеж этого периода согласуются с датами начального освоения железа, принятыми в сопредельных областях (Абрамишвили Р.М., 1957. С. 116-127; Пицхелаури К.Н. Основные проблемы истории племен восточной Грузии (XV-VII вв. до н.э.) С. 220, 221; Мартиросян А.А., 1964. С. 132, 160, 193; Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака. С. 232, 233; Тереножкин А.И., 1976. С. 207, 208), а верхний (70-е годы VII в. до н. э.) определяется началом ранних скифских походов в Переднюю Азию и массовым производством железа. К этому времени относится основная масса погребений, Акярского, Шахсенгерского могильников, культурные слои со строительными остатками Шахсенгерского поселения.

Погребения №№ 3, 15, 50, 10 Зандакского могильника отнесены В. И. Марковиным к VIII-VII вв. до н.э. (Марковин В.И., 2002. С. 148).

В погребении № 10 найдены наконечники стрел с треугольной головкой, имеющей в сечении форму вытянутого ромба и черешки круглой или квадратной формы. В.И. Козенкова определяет их в рамках первого этапа существования восточного варианта кобанской культуры (X-VII вв до н.э.), отметив верхнюю хронологическую грань их бытования рубежом VIII и VII вв до н.э. (Козенкова В.И., 1982. С. 14). Другая находка этого комплекса – это литой бронзовый наконечник копья с ребром пера, переходящим во втулку, украшенному в основании двумя валиками (XIII-XII вв до н.э) (Пицхелаури К.Н., 1969. С. 100). В XII в. на их смену появляются наконечники с гладкой втулкой. На памятниках восточного варианта кобанской культуры их появление В.И. Козенкова относит ко времени не ранее конца IX в. до н.э. в соответствии со своей хронологией (Козенкова В.И., 1982. С. 18), а В. И. Марковин – к XII-XI вв до н.э. (Марковин В.И. 1969. С. 82, прим. 53). Из этого же комплекса происходит плоский бронзовый наконечник стрелы с треугольной головкой, имеющей опущенные жаловидные концы –«площик». Они часто встечаются на Северном Кавказе и Дагестане предскифского времени, доживая до VII-VI в. до н. э. Аналогичные наконечники стрел характерны для памятников Центрального и Восточного Закавказья XIII-XII вв до н.э. (Абрамишвили Р. М., 1957. С. 455, 481, 501, 767 и др.). Очевидно, к этому же времени следует отнести появление на Северном Кавказе плоских «площиков». Дату этого погребения № 10 в последней своей работе

В. И. Марковин определяет в пределах IX в. до н.э. (Марковин В.И., 2002. С. 148).

Такое сочетание находок позволяет определить дату Зандакского погребения № 10 в пределах XII-IX вв. до н.э.

В погребении № 15 обнаружены обмазанный толстый лепной баночный сосуд и бронзовый инвентарь: подковообразный браслет из толстого прута, полусферическая бляха из тонкого листа, подвеска с заходящими концами из тонкого прута, костяные и роговые пуговицы, подвеска в виде головы барана, нож с черенком и прямой спинкой, таким же лезвием и овальным острием, а также роговой псалий с тремя отверстиями на одной плоскости, одним овальным в центре и двумя круглыми мелкими – по краям. Аналогичный псалий, как уже говорилось, был обнаружен в погребении № 1 (раск.М.И. Пикуль), датированном XII-X вв. до н.э. Эти псалии генетически связаны с металлическими псалиями, возникшими и развившимися на территории Северного Кавказа (Котович В. Г., Давудов О.М., 1974.С. 50).

К ТРЕТЬЕМУ ПЕРИОДУ (70-е гг. VII-IV вв. до н.э. – скифское время) относятся наиболее поздние погребальные комплексы Шахсенгерского и Акярского могильников

Так полусферические железные бляхи находят аналоги в погребальных комплексах скифского и предскифского времени Шахсенгерского могильника (Давудов О.М., 1974. С. 10. Табл. 12, 11.). Подобные, но бронзовые бляхи широко представлены на памятниках Северного и Северо-восточного Кавказа предскифского времени (Козенкова В.И., 1982. С. 33-36).

Железные черешковые ножи с горбатой спинкой, изготовленные по образцам бронзовых прототипов, появляются на территории Кавказа в VIII веке до н.э. и широко бытуют в скифское время (Крупнов Е.И., 1960. С. 204, 206; Мнацаканян А. О., 1952. С. 65. Рис. 14, 1-3; Пиотровский Б.Б., 1950. С. 37; Он же, 1944. С. 183. Рис. 47; Техов Б.В., 1957. С. 129. Табл. IV, 2,3;АбрамшвилиР.М., 1957; Махортых С.В. 1997. С. 8).

В каменном ящике № 2 Берикейского могильника встречены железный черешковый нож с выпуклым лезвием и вогнутой спинкой, костяная усеченно-коническая ворворка с геометрическим штрихованным орнаментом на поверхности, «рубленная» сердоликовая бусина с кратеровидной впадиной вокруг отверстия, пастовый бисер зеленоватого цвета и обломок лепного красноватого сосуда.Из всех этих находок наиболее хорошо датируются усеченно-коническая костяная ворворка. Аналогичные ворворки широко распространены в

Евразийских степях в середине I тысячелетия до н. э. (*Руденко С.И.*, 1953. С. 158. Рис. 97; *Покровська Е.Ф.*, 1957. XI. С. 151. Рис. 3, 8, 9; *Смирнов К. Ф.*, 1961. С. 93, 94). В начале I тыс. до н.э., во всяком случае на рубеже VII и VI вв. до н.э. они появляются на территории Северного Кавказа (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 33). Такие ворворки разных пропорций, изготовленные из бронзы, сурьмы, железа и рога встречены на памятниках Северного Кавказа, в том числе и на Зандакском могильнике (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 32. Табл. XXI, 21, 22). Одна такая ворворка усеченно-конической формы происходит из кургана 5 V века до н.э. у сел. Гойты (*Марковин В.И.* Скифские курганы у сел. Гойты (Чеченя). // СА. № 2. С. 164, Рис. 4, 9; *Виноградов В. Б.* 1972. С. 47-51). Усеченно-коническая ворворка из каменного ящика № 2, по всей вероятности, также датируется V в. до н. э. В каменном ящике № 3 среди многих предметов материальной культуры представлены птицеобразный сосуд, серый лощенный кувшин с цилиндрическим расширяющимся к устью горлом и т.д.

Сосуды в виде голубя широко представлены среди керамики Закавказья и Ближнего Востока с начала II тыс. до н.э. (*Погребова М. Н.*, 1977. С. 96-99. Табл. XX). Берикейский сосуд наиболее близок к сосуду VIII-VI вв. до н.э. из Хурвина (Иран) и Мингечаура (Азербайджан) (*Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре С. 20; *Голубкина Т.И.* О зооморфной керамике из Мингечаура. С. 106, 107. Рис. 3; *Асланов Г.М. Ваидов Р.М., Ионе Г.И.*, 1959. Табл. XXXVII, 8; *Погребова М.Н.*, 1977. С. 96-99). Погребение Мингечаурского могильника, где обнаружен упомянутый сосуд, авторы публикации датируют XI-IX вв. до н.э. (*Асланов Г.М. Ваидов Р. М., Ионе Г.И.*, 1959. С. 104-108), А.А. Мартиросян – X в. до н.э. (*Мартиросян А.А.*, 1964. С. 279, 280), О.А. Даниелян – IX-VII вв. до н.э. (*Даниелян О. Д.*, 1973. С. 111, 112. Табл. III, 5), А.И. Тереножкин – второй половиной VII-VI в. до н.э. (*Тереножкин А. И.*, 1971. С. 79, 82). Дата, предложенная А. И. Тереножкиным, кажется наиболее реальной. Дело в том, что псалий, обнаруженный в этой могиле авторы раскопок приняли за музыкальный инструмент. Между тем именно этот псалий датирует это погребение VII-VI вв. до н.э. Следовательно, и мингечаурский птицеобразный сосуд, и берикейский сосуд в виде голубя могут быть отнесены к VII-VI вв. до н.э.

Миниатюрный лощеный горшок из этого же каменного ящика находит аналогии на территории Закавказья и Дагестана второй половины II тыс. до н.э. I тыс. до н.э. (*Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV-VII вв. до н.э. С. 50-56,

106-109, 112-114. Табл. I. Рис. 19, 25, 28, 37,42, 45, 56, 67, 68, 91, 102, 129, 156-158, 162, 163, 164, 250-252, 257, 280-282; *Давудов О.М.*, 1974. С. 60, 61. Табл. X,15). На нашем сосуде имеется орнамент в виде резных узоров, заполненных, заполненных белой пастой. Такая техника орнаментации появляется в разных районах Закавказья и Ирана с начала II тыс. до н.э. Наибольшее распространение он (орнамент) получает в Восточном Закавказье в конце II – начале I тыс. до н.э. Эта техника генетически связана с техникой керамического производства андроновской культуры и памятников Тагискентского типа (*Погребова М.Н.*, 1977. С. 108-113). Лощеная керамика с белой инкрустацией встречается на памятниках Северного Кавказа и Украины скифского времени (*Пиотровский Б.Б., Иессен А.А.*, 1940. С. 31-44).

Сероглиняный кувшин с цилиндрическим расширяющимся к устью горлом аналогичен кувшину из малого кургана Мильско-Карабахской степи Азербайджана. Этот курган раскопал и датировал А. А. Иессен второй половиной VII века до н.э. (*Иессен А.А.*, 1965. С. 22-30. Рис. 7).

Таким образом, все материалы каменного ящика № 3 указывают на вторую половину VII века до н.э. Там нет материалов, противоречащих этой дате.

Каменный ящик из Берикейского могильника, расчищенный Л. Г. Нечаевой и В.В. Кривицким, датируется VII-IV вв. до н.э. (*Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В.*, 1978..С. 136- 144).

Все обнаруженные в этой могиле предметы материальной культуры, размещаются в пределах этой даты.

Ранее О.М. Давудов датировал Хосрехское святилище VIII – первой половиной VII в. до н.э. (*Давудов О.М.*, 1983. С. 51). Основанием для этого вывода служил скифский акинак с сердцевидным перекрестьем и брусковидным навершием. По аналогии с мечом из Лермонтовского разъезда Пятигорска О. М. Давудов относил его к VIII – первой половине VII в. до н.э. Такие параллели были вызваны господствовавшей тогда точкой зрения о том, что лермонтовский меч потерял навершие. Теперь установлено, что существовали мечи и кинжалы без наверший и с почковидными перекрестьями. Их настоящему времени обнаружено полтора десятка (*Махортых С.В., Скорый С.А.*, 1986. С 72-78). Они должны быть рассмотрены отдельно от акинаков с брусковидным навершием. Мечи и кинжалы (акинаки) с брусковидным навершием и почковидным перекрестием распространены на обширной территории Евразии, в том числе и на Кавказе. Характерные архаические признаки хосрехского акинака – вертикальное и го-

ризонгальное членение валиками, – свойственны рукояткам кинжалов из могил № 138 и № 85 Тлийского могильника. Б. В. Техов предложил для них дату VIII до н.э. А.И. Мелюкова вслед за ней С. А. Есаян и М.Н. Погребова отнесли их ко второй половине VII – началу VI в. до н.э. (Мелюкова А.И., 1964. С. 47-52; Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. С. 46). Эта дата может быть отнесена и к акинаку из Хосрехского святилища. Эти выводы позволяют сузить дату святилища и определить ее началом второй половины VII в. до н. э., т. е. временем ранних скифских походов. Действительно, планировка и сам характер Хосрехского святилища близко напоминают сооружение под курганом VII в. до н.э. в Ставропольском крае (Петренко В.Г., 1983. С. 44, 45). Вместе с тем О.М. Давудов указывал на ее близость к Тагискентским погребальным комплексам (4, 5а и 7) IX-VIII вв. до н.э., сочетающим в планировке круг с квадратом (Давудов О.М., 1974. С. 48). В более позднее время развитие архитектуры с квадратно-циркульной планировкой проходит от гробниц Геюксюра через античные памятники Средней Азии (Мансур-Депе, Боланды-2, Кух-и-ходжа, Чирик-Рабат) до средневековых сасанидских чортаг и средневековых мавзолеев.

Квадратные сооружения с остатками кремации встречены на памятниках Украины («Рясные могилы»), входящих в область распространения обряда трупосожжения XVI-XIV вв до н. э. Согласно существующей точки зрения этот обряд занесен на территорию срубной культуры из области расселения федоровской группы андроновской культуры (Отрощенко В.В., 1976. С. 178-181, 183-187). В.И. Козенкова на основании большей древности северо-причерноморских памятников с трупосожжением, чем федоровские отвергает эту точку зрения и предлагает в качестве исходного района, откуда распространился этот обряд в Западную Европу, где он был популярен еще V-IV тыс. до н.э. В эпоху средней бронзы она отмечает его в Подунавье и Повисленье, в первой четверти II тыс. до н.э. – в могильниках среднеднепровской культуры, в эпоху поздней бронзы (с 1200 г. до н.э.) она отмечается на обширной территории Европы от Карпат до Англии, а к рубежу II-I тысячелетий до н. э. до района правобережья Поднепровья (Козенкова В.И., 1982. С. 28). На памятниках второй половины XIII – первой половины XII вв. до н.э., VIII и VII-VI вв. до н.э. она отмечает их на Северном Кавказе, на территории кобанской культуры (Козенкова В.И., 1982. С. 26.). На территории Восточного Закавказья известны подкурганные квадратные грунтовые могилы с бревенчатými деревянными конструкциями, конскими захоронениями и обычаем поджигания погребального комплекса, в результате чего

происходила частичная кремация покойников. М.Н. Погребова датировала эти курганы по группам: первую - XIII-XII вв. до н. э., но основную - XI-VII вв. до н.э. Она полагает, что эти курганы документируют возможность проникновения одной из групп населения в конце II тысячелетия до н. э. из Нижнего Поволжья в Восточное Закавказье, где она, очевидно, осела, смешавшись с местным населением (*Погребова М. Н.*, 1977. С. 15, 133, 135, 140). В.И. Козенкова справедливо полагает, что т.н. кобанские племена Северного Кавказа заимствовали обряд кремации из областей Средней Европы, скорее всего из Подунавья через посредство сабатиновских племен (*Козенкова В.И.*, 1982. С. 28). На проникновение сабатиновских, а потом и белозерских племен на территорию Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана О. М. Давудов неоднократно обращал внимание. С ними он сопоставлял появление на Северном Кавказе и в Закавказье архитектуры полуподземных жилищ с облицовкой стенок каменной кладкой, отдельных керамических форм, кинжалов т.н. сабатиновского типа на могильнике Инчхе и т.д. С ними можно было бы сопоставить и появление святилищ Хосрехского типа. Об этом как будто бы свидетельствуют находки наконечников копий, многие из которых могут быть отнесены к XII в. до н.э. В таком случае хронологические рамки святилища расширились бы на период от XII до середины VII вв. до н.э. За это время обряд разжигания ритуальных костров должен был бы привести к накоплению огромной горы золы. А этого здесь нет. Но стратиграфические наблюдения позволяют отметить здесь минимум два строительных периода. Но все они связаны с одним и тем же жертвенным местом, одним и тем же алтарем, где наряду с золой неизбежно должен был накопиться больше предметов материальной культуры, принесенных в жертву, в том числе архаических. Вместе с тем, отсутствие большого количества золы можно объяснить возможностью выброса ее излишков по мере накопления в обрыв. Этот вывод чисто умозрительный, и он ни на чем не основан. Поэтому вопрос о нижней дате Хосрехского святилища остается открытым

Глава V. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ КАК ЕДИНАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ

Проблема историко-культурной интерпретации памятников Северо-восточного Кавказа поздней бронзы–раннего железа до сих пор остается актуальной и спорной. В настоящее время на эту тему существуют разные взгляды.

В. И. Канивец, когда материалов предскифского времени было мало, относил Дагбашский (Зандакский) могильник к каякентско-харачоевской культуре (*Канивец В.И.*, 1959. С. 50, 51). Но уже в то время В.Г. Котович и Н.Б. Шейхов определяли различную культурную принадлежность каякентско-харачоевских памятников и могильников зандакско-мугерганского типа, ограничив время бытования последних двумя-тремя столетиями в пределах II тыс. до н.э. (*Котович В.Г., Шейхов Н.Б.* У к соч. С. 344.).

Автор раскопок и первых публикаций о Дагбашском–Зандакском могильнике М.И. Пикуль рассматривала Дагбашский и Акярский могильники, а также Новолакское поселение в качестве связующего звена между памятниками каякентско-харачоевской культуры и памятниками Дагестана эпохи раннего железа (*Пикуль М. И.*, 1961. С. 296-319). Позже в посмертно изданной монографии она рассматривала материалы Дагбашского – Зандакского могильника как отражающие особенности переходного периода от эпохи бронзы к железу, «когда еще сохраняются многие черты, присущие эпохе поздней бронзы» (*Пикуль М. И.*, 1967. С. 19-22). Как видно, определенного вывода об историко-культурной характеристике этого памятника она не сделала.

Е.И. Крупнов, отнеся классические памятники каякентско-харачоевской культуры к XII-X вв. до н.э., характеризует второй этап его периодизации (X-VIII вв. до н.э.) как время заката каякентско-харачоевской культуры и появления новых памятников, связанных с предшествующим этапом, но осложненных взаимосвязями с поздне-кобанской культурой и Закавказьем. Одновременно эти памятники характеризуются и первыми признаками распространения железа. По существу, эти памятники и были определены как памятники предскифского периода раннего железа (*Крупнов Е. И.* Раннежелезный век Северного Кавказа. С. 340; *Крупнов Е.И.*, 1962.Рр. 11-13). При этом четкого определения по историко-культурной характеристике Зандак-

ского могильника он не дал, отметив, что погребальный обряд и керамика здесь каякентско-харачоевская, а металл и иные формы орудий труда – кобанские (*Крупнов Е.И.*, 1969. С. 14).

В это время В.М. Котович, следуя за М.И. Пикуль, высказал мнение о бытовании в Дагестане памятников переходного этапа от бронзы к железному веку (*Котович В.М.* Верхнегунибское поселение. С. 249-250).

В.И. Марковин относил Зандакский, Мугерганский и Кабартыкутанский могильники к последнему этапу развития каякентско-харачоевской культуры (после 900 г. до н.э.) (*Марковин В. И.*, 1969. С. 80-85). Таким образом, он придерживался старой точки зрения, высказанной еще В.И.Канивцом. В. Б. Виноградов также рассматривает Зандакский могильник и близкие ему памятники Дагестана и Горной Чечни как памятники позднего этапа каякентско-харачоевской культуры, отражающие особенности «зоны стыка» с кобанской культурой. В этой зоне, по его мнению, в предскифское время, должны были существовать поселения обеих культур и происходить общение их жителей. Результатом подобного смешения культур и является Зандак (*Виноградов В.Б.*, 1972. С. 245-265; Он же. Рецензия на кн.: Пикуль М. И., 1967. С. 28- 289; Он же. Рец. на кн. Давудов О.М. 1974. С. 5). И.М. Чеченов полностью разделяет эту точку зрения и относит Зандакский могильник, а вместе с ним и ряд других, близких ему памятников Чечни к каякентско-харачоевской культуре (*Чеченов И.М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. С. 33).

Анализ Зандакского, Акярского, Шахсенгерского и Берикейского могильников и одновременных сопредельных им поселений позволило нам отнести их к особой археологической культуре, названной по наиболее рано и хорошо изученному могильнику «зандакской» (*Давудов О.М.*, 1974. С. 32-40). При этом В.И. Козенкова относит Зандакский могильник к кобанской культуре (*Козенкова В.И.*, 1977.С. 21 и сл.). Правда, никто из ученых не поддерживает эту точку зрения. Более того В.И. Марковин выступил против этой концепции (*Марковин В. И.* 1980. С. 318-321). Первоначально он отрицательно отнесся и к мнению О.М. Давудова об определении Зандакского могильника в качестве памятника отдельной археологической культуры (*Марковин В.И.*, *Мужухоев М.Б.* Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии. С. 12-13.).

Требуют объяснения взгляды В. Г. Котовича на этнокультурную характеристику археологических памятников Дагестана, в том числе

каякентско-харачоевских и посткаякентско-харачоевских. По В. Г. Котовичу на Восточном Кавказе в конце V-IV тыс. до н.э. складывается своеобразная культура, которая по одному из характерных отличительных признаков может быть названа «культурой обмазанной керамики». Она бытует здесь в медно-бронзовом веке, включая в свой ареал помимо территории Дагестана также значительную часть Чечни, Ингушетии и южные склоны Большого Кавказа. В Дагестане на ее основе складывается и культура последующей эпохи раннего железного века, причем «обмазанная керамика» продолжает встречаться на памятниках этой культуры в середине, а местами во второй половине I тыс. до н.э. (История Дагестана. Т. I. С. 84). В статье, вышедшей в 1978 г., В. Г. Котович определил историческое место каякентско-харачоевской культуры, представляемой как этап развития культуры «обмазанной керамики» (*Котович В. Г. К определению исторического места каякентско-харачоевской культуры. С. 74-76*). По его схеме каякентско-харачоевская культура XV-XIV вв. до н.э. сменяется «Талгинским этапом» позднебронзового I периода XIV-XIII вв. до н.э. и далее следуют «Зандакский этап» позднебронзового II периода или периода начального освоения железа., Шахсенгерский этап раннежелезного первого периода или периода широкого освоения железа – IX – первая половина VII в. до н.э., предалбанский этап раннежелезного второго периода (скифский) – вторая половина VII-IV вв. до н.э. (*Котович В. Г., 1981. С. 69*). При этом, талгинский и зандакско-мугерганский этапы он считал самостоятельными (со своими археологическими культурами) этапами культурно-исторического развития местного этнического массива (*Котович В. Г., 1982. С. 69*).

В 90-х гг. В. И. Марковин вновь вернулся к рассмотрению проблемы каякентско-харачоевской культуры и Зандакского могильника. Талгинский, Мискинбулакский, Кабартыкутанский и др. могильники он относит к третьему этапу развития каякентско-харачоевской культуры. А Зандакский могильник как памятник переходного времени от бронзы к железу не считает возможным рассматривать в качестве характерного для каякентско-харачоевской культуры. Он полагает, что его материалы носят узколокальный характер и, возможно, могут рассматриваться как особая культура, ареал которой занимал небольшой участок между племенной территорией двух культур – затухающей каякентско-харачоевской и крепнущей кобанской (*Марковин В. И., 1994. С. 352*).

В 2002 г. В. И. Марковин выпустил монографию, посвященную Зандакскому могильнику (*Марковин В.И.*, 2002. С. 149-150). Под его руководством в течение ряда лет происходили раскопки этого интересного могильника. В ней на основании анализа полных данных по этому памятнику автор выводит свое окончательное мнение по вопросу о культурной принадлежности Зандака. Полемизируя с В. И. Козенковой по вопросу о «восточном варианте» кобанской культуры, в том виде, который придавала этому понятию исследовательница, В.И. Марковин отрицает кобанскую принадлежность не только Зандакского, но и Серженьюртовского могильника. Этот памятник, по его мнению, оставлен населением, испытавшим интенсивное культурное влияние соседних кобанских племен, но в основе материальной культуры этого памятника он видит «превалирующие черты, связанные с каякентско-хорочоевской подосновой» (*Марковин В. И.*, 2002. С. 149). Затрагивая указанные вопросы в связи с вопросами этногенеза вайнахских народов, В. И. Марковин не только критикует мнение В.И. Козенковой, считающей что восточнокобанский «фенотип» играл огромную роль в происхождении чеченцев и ингушей (*Козенкова В.И.*, 1991. С. 9, 12), но и высказывает мнение что в столь глубокой древности корни происхождения народов как Чечни, так и Дагестана, составляющих дагестано-нахскую языковую общность, надо рассматривать в единстве. Следовательно, без изучения каякентско-хорочоевской культуры и более ранних культур региона данный вопрос не может быть решен (*Марковин В.И.*, 1991. С. 9, 12; Он же. РА, 1994. № 1. С. 52-56, 62).

В.И. Марковин продолжает отрицать мнение В.Г. Котовича, рассматривавшего Зандак как этапный памятник. В этой работе он более, склоняется к предложению О.М. Давудова, считать зандакские материалы отражающими особую культуру. В.И. Марковин указывает на «аморфность» археологических признаков зандакской культуры и отсутствие к юго-востоку от Зандака находок аналогичных яркому вещевому комплексу, найденному в погребении № 38 данного могильника. Этот комплекс В.И. Марковин рассматривает как характеризующий весь могильник. Однако он высказывает мнение, что необходимо дальнейшее исследование районов на границе Чечни и Дагестана, где могут сосредотачиваться памятники зандакского облика. Все эти памятники, по его мнению, можно будет назвать зандакской культурой. Но, как подчеркивает В.И. Марковин, реальное выделение этой

культуры – дело дальнейших исследований (*Марковин В.И.*, 2002. С. 149-150).

Здесь В.И. Марковин отрывает Зандакский могильник от одновременных памятников Дагестана, связанных между собой тесными культурными узами. Между тем, памятники Дагестана и Чечни даже эпохи раннего средневековья были связаны между собой.

О.М. Давудов обосновывает положение о принадлежности Шахсенгерского поселения и могильника, а также Акярского могильника вместе с Берикейским и Зандакским могильниками и поселениями Ачису и Нижняя Сигитма, к отдельной археологической культуре эпохи поздней бронзы и раннего железа, названной нами по сравнительно рано и хорошо изученному памятнику – Зандакской.

Зандакский могильник и близкие ему памятники с каякентско-харачоевской культурой связывают погребальные сооружения в виде каменных ящиков и скорченные на правом или левом боку или сидячие позы погребенных, отдельные керамические изделия, некоторые образцы браслетов и наколенники. Различий же между каякентско-харачоевскими и зандакскими памятниками намного больше. Все погребальные памятники расположены правильными рядами. На памятниках Зандакского типа господствует скорченная на боку поза, однако в отличие от каякентско-харачоевских мужчины уложены на правом, женщины на левом боку. На каякентско-харачоевских могильниках не встречены коллективные усыпальницы и коллективные усыпальницы с обрядом отодвигания костей ранее захороненных, освобождая место для нового покойника. На памятниках зандакского облика и каякентско-харачоевских памятниках встречается обмазка поверхности сосудов густой глиной. На каякентско-харачоевских памятниках обмазка сосудов бессистемна, а на зандакских, помимо бессистемной обмазки, встречается обмазка, нанесенная вертикальными полосами, что придает сосудам декоративность. Иногда на памятниках зандакского облика встречаются сосуды с бессистемной обмазкой, но здесь они пережиточные. На памятниках зандакского типа обнаружено много совершенно новых форм керамических изделий неизвестных ранее. Много, также новых форм вооружения (копья, кинжалы, стрелы) и украшений (браслетов, подвесок, бляшек и др.) (*Давудов О.М.*, 1974. С. 38).

Зандакская археологическая культура отличается от одновременной ей культуры южного Дагестана – Мугерганской. Гораздо сильнее она отличается от кобанской культуры Северного Кавказа и ходжало-

кедабекской культуры Азербайджана. Отличается она и от предшествовавшей каякентско-харачоевской культуры, прежде всего деталями погребального обряда и инвентаря, о чем подробно говорилось выше.

Рассмотрим ближе материалы памятников зандакской культуры.

Для Зандакской культуры характерны поселения, расположенные в труднодоступных местах. На этих поселениях встречены многокамерные помещения с единой кровлей (Нижнесигитминское поселение) или полуземлянки, расположенные группами (поселение Ачису). На поселении Ачису встречены жилища, устроенные внутри котлована, выкопанного в материке или культурном слое поселения. Грунтовые стенки таких помещений выложены однорядной каменной кладкой. Внутри жилищ встречено по одному очагу.

На могильниках встречены каменные ящики, расположенные правильными рядами.

На Шахсенгерском могильнике раскопано 17 каменных ящиков, на Акярском – 21. Такие же 5 каменных ящиков раскопано на Берикейском могильнике. Эти каменные ящики содержали захоронения взрослых людей и захоронения детей. Соответственно их размеры тоже колебались.

На Зандакском могильнике раскопано 66 могил. Из них четыре, раскопанные М.И. Пикуль, представляют собой каменные ящики. Из погребений, раскопанных В. И. Марковиным 35 – каменные ящики, 18 – грунтовые ямы и 5 могил требуют уточнения. Такая же картина была отмечена В.И. Марковиным на ранних памятниках каякентско-харачоевской культуры (*Марковин В.И.*, 1969. С. 30-31; Он же. *Каякентско-харачоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. С. 337-339*). В свое время А.П. Круглов также отмечал на памятниках Чечни грунтовые захоронения. Однако он установил, что в таких могилах встречаются следы обугленного дерева. Из этого он делал вывод, что погребение было совершено в деревянном сооружении (*Круглов А.П.* 1958. С. 53). Иными словами, это то же погребальное сооружение только камень заменен деревом. В этом смысле Зандакский могильник продолжает традиции памятников каякентско-харачоевского времени. Следовательно, для Зандакского могильника преимущественно характерны погребальные сооружения в виде каменных ящиков.

Конструкции погребальных сооружений Шахсенгерского, Акярского, Берикейского и Зандакского могильников одинаковые. Как

правило, для возведения каменных ящиков выкапывали четырехугольные ямы и их стенки обкладывались каменными плитами, в Чечне – изредка досками. Иногда высоты таких каменных плит наращивали рядами каменной кладки. Материалом для каменных ящиков служили местные породы песчаника (Зандак), известняка (Акяр, Шахсенгер, Берикей), сланец (Акяр). Плиты тщательно подгоняли друг к другу, щели закладывали мелкими камнями и замазывали глиной.

Погребальный обряд, изученный на Шахсенгерском, Акярском, Берикейском и Зандакском могильниках мало чем отличается друг от друга. В могилах встречены захоронения одного, двух и более умерших. На Зандакском могильнике из 66 могил 19 были коллективными, на Шахсенгерском из 17 – 5, на Акярском – из 21 могил – 5, на Берикейском из 4 – все 4.

Индивидуальные захоронения взрослых и детей являются основным типом обряда. Как правило, покойники уложены скорчено на правом или левом боку. При коллективных погребениях кости, ранее погребенных отодвинуты в торец могилы для захоронения очередного покойника. Причем, последний уложен скорчено на боку.

Сопутствующий инвентарь связан с занятием погребенного, его полом и социальным положением (*Марковин В.И.*, 2002. С. 109). Место инвентаря в могиле канонизировано. Сосуды сложены у ног, у изголовья, спереди или сзади погребенного. Оружие, украшения, туалетные принадлежности обнаружены в местах, определенных их положением в системе костюма и снаряжения. Встречаются предметы как будто не связанные с костюмом. По мнению В.И. Марковина, они представляли собой приношения, брошенные в могилу в последний момент близкими, принимавшими участие в похоронах (*Марковин В. И.*, 2002. С. 103). Погребальный инвентарь 6 детей на Зандакском могильнике ограничен украшениями, игральными костями и миниатюрными сосудиками. На Шахсенгерском и Акярском могильниках вместе с детскими скелетами встречаются помимо украшений и сосуды, в том числе миниатюрные формы, специально изготовленные для умерших детей. В погребениях встречаются остатки заупокойной пищи – кости коровы, овцы, козы, коня, теленка, свиньи и собаки. Иногда рядом с костями погребенных встречены угольки.

Наиболее выразительными культуруопределяющими признаками являются керамические изделия. Они представлены обмазанными сосудами, среди которых встречаются баночные формы с прямыми, за-

гнутыми внутрь или наружу венчиками, низкими банками, иногда наделенными ручками (рис. 104а), усеченно-коническими плоскими и горшками с вздутыми туловами, узкими горловинами с отогнутыми венчиками. Иногда такие сосуды не обмазаны глиной. Такие сосуды встречены на Зандакском, Акярском, Шахсенгерском, Берикейском могильниках, Нижнесигитминском, Ачису и Шахсенгерском поселениях. Из них на каякентско-харачоевских памятниках встречены только широкоустные горшки и высокие баночные формы. Остальные сосуды характерны только для памятников Зандакско-Шахсенгерского типа. Причем узкогорлые горшки имеют наружную обмазку только в одном случае (Зандак). Во всех остальных случаях они имеют заглаженную поверхность. Один берикейский горшок украшен по тулову тремя горизонтальными параллельными наклепными поясками в виде шнура, другие (их три экз.) – орнаментом.

Другая группа сосудов – это тонкая столовая, в основном серая лощеная высококачественная керамика. На Зандакском могильнике такой керамики мало. Только в одной могиле (погр. 33) встречен обломок кувшина со сливным носиком (*Марковин В.И.*, 2002. С. 61. Рис. 45, 6). На Шахсенгерском, Акярском и Берикейском могильниках встречены серые лощеные горшки с пухлыми венчиками, украшенные чаще всего резными или наклепными шнуровыми поясками, горшком такой же формы, но без узоров, миниатюрным горшком с наклепами и резными узорами, заполненными белой пастой, кувшинами со сливными носиками, украшенными резными узорами и наклепами, кувшинами с цилиндрическими горловинами (Акяр, Берикей, птицеобразный сосуд).

На памятниках зандакского типа орудий труда много, но они не являются культуроопределяющими.

Предметы вооружения представлены боевыми топорами, бронзовыми подтреугольными черешковыми кинжалами, бронзовыми черешковыми кинжалами с длинными клинками, биметаллическими кинжалами, т.н. «кабардино-пятигорского» или «киммерийского» типа с крестовидным перекрестием, бронзовыми и железными наконечниками копий, костяными, бронзовыми и железными черешковыми подтреугольными наконечниками стрел – «площиками», трех- и четырехгранными пирамидальными наконечниками стрел с черешками и внутренней втулкой. Эти предметы вооружения характерны для памятников зандакского типа, но они или изготовлены в производственных центрах Передней Азии, в частности Ирана и Закавказья,

кобанской культуры Северного Кавказа или изготовлены на Северо-восточном Кавказе по импортным образцам. Только наконечники стрел можно уверенно считать местной продукцией.

Украшения и предметы туалета многочисленны и отличаются большим разнообразием. Среди них височные подвески в полтора оборота, спиралевидные подвески, подвески в виде трубочек, конические подвески, шейные гривны, браслеты разных форм и размеров, поясные умбоновидные бляхи, пуговицы, головные булавки, бусы. Некоторые из этих изделий генетически связаны с находками из памятников каякентско-харачоевской культуры. Но их мало и ограничиваются браслетами отдельных форм.

Среди конского убора встречаются однокольчатые литые удила (II тип по А.А. Иессену), бляшки умбоновидной формы, псалии с тремя отверстиями на одной плоскости, различные ворворки.

Культовые предметы представлены бронзовым предметом в виде ярма, парной статуэткой в виде обнаженных людей, стоящих в молитвенной позе, статуэткой оленя в статичной позе, статуэткой быка из Хосрехского святилища, астрагалами мелкого рогатого скота, моделями сосудов, бронзовыми подвесками в виде клиновидного топора и топора – «секиры», в виде головок барана, глиняными моделями колес.

Все приведенные признаки бытовых памятников, погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря характерны для Акярского, Шахсенгерского, Берикейского, Зандакского могильников, Нижнесигитминского, Ачису и Шахсенгерского поселений. Это позволяет нам еще раз утвердить уже не раз высказанную нами точку зрения о принадлежности всех этих памятников одной археологической культуре – зандакской. Причем, уже теперь можно говорить о двух локальных вариантах этой культуры – северном, представленном Зандакским могильником и южном, представленном Шахсенгерским, Акярским и Берикейским могильниками, а также Шахсенгерским, Ачису поселениями. Вопрос о том, к какому варианту относится Нижнесигитминское поселение остается открытым.

Таким образом, для зандакской культуры характерны:

1. Поселения, расположенные на труднодоступных местах.

На поселениях встречены многокамерные помещения под единой кровлей и полуземлянки, расположенные группами (Шахсенгер). Встречены также жилища, устроенные внутри котлована, выкопанно-

го в материке или культурном слое поселения. Грунтовые стены таких помещений выложены однорядной кладкой.

Погребальные сооружения в виде каменных ящиков, расположенных правильными рядами. Иногда на территории Чечни среди погребальных сооружений попадаются грунтовые могилы с остатками дерева, заменяющего каменные плиты.

Захоронения одного, двух или более умерших в скорченной на правом или левом боку позе. При коллективных захоронениях кости ранее погребенных отодвинуты к стенке погребальной камеры, освобождая место новому умершему.

Ориентация погребенных по линии С – Ю, СЗ – ЮВ, СВ – ЮЗ (на Зандакском могильнике), З – В и изредка СВ – ЮЗ (2 случая) на Шахсенгерском и Акярском могильниках, С – Ю или СЗ – ЮВ (Берикей).

Расположение погребального инвентаря в могиле около погребенных по строгим канонам.

Остатки заупокойной пищи в виде костей коровы, овцы, козы, коня, свиньи, теленка и мелких животных. Встречены и остатки растительной пищи.

Керамические изделия представлены лепными обмазанными и заглаженными сосудами: обмазанные баночные сосуды с прямыми, загнутыми внутрь или наружу венчиками, низкие банки, иногда с наделенными ручками, усеченно-конические плоские и горшки со вздутыми туловами.

На Шахсенгерском, акярском и Берикейском могильниках столовые тонкостенные серые лощеные сосуды встречено довольно много: горшки с пухлыми венчиками, кувшины со сливными носиками, кувшины с цилиндрическими горловинами. Среди таких изделий встречены мелкие горшки и зооморфные изделия. На Зандакском могильнике их мало.

Большое количество металлических предметов вооружения, украшений, туалетных принадлежностей, культовых изделий и конского инвентаря. Среди них много импортных изделий. Для северного варианта Зандакской культуры характерны находки некоторых форм металлических изделий, особенно предметы вооружения и конского убора, характерные для кобанской культуры. Для южной группы памятников характерны металлические изделия, в основном, Закавказского или переднеазиатского происхождения и тонкостенная столовая керамика, аналогичная Закавказской.

Все эти памятники располагаются на территории Дагестана и пограничных районов Чечни. О.М. Давудов проводил северную границу Зандакской культуры по линии сел. Гуни – Курчалой – Ишхой-юрт и далее к Хасавюрту. А на юге ранее доводил ее до Апшеронского полуострова (Давудов О.М., 1974. С. 40). Это объяснялось тем, что автор полагал, что зандакская культура сформировалась раньше, чем мугерганская. В настоящее время, так же на основании исследований О.М. Давудова, на Мугерганском могильнике были выявлены погребения, относящиеся к XII в. до н.э. Из этого следует, что мугерганская и зандакская культуры хронологически одновременны. Памятники мугерганской культуры встречаются в Дербенте. Это позволяет провести южную границу зандакской культуры по Дербентскому проходу.

Таким образом, северная граница зандакской культуры проходит по линии сел. Гуни – Курчалой – Ишхой-юрт – Хасавюрт, а южная – по Дербентскому проходу, соприкасаясь с Мугерганской культурой. Обе эти культуры входят в северо-восточно-кавказскую историко-культурную общность.

* * *

На территории Северо-восточного Кавказа разворачивались сложные исторические и этнокультурные события с глубокой древности, формировались отдельные этнические группы. Исследователи по мере выявления и изучения археологических памятников выделяли здесь археологические культуры, получавшие разные названия.

Уже в мезолите и неолите в Дагестане выделены археологические памятники, названные Чохской археологической культурой. Она представлена Чохским поселением, Аранинским и Казенойамским местонахождениями (Амирханов Х.А., 1985. С. 27-43). К этой культуре, по мнению некоторых ученых, относятся наиболее архаичные рисунки из гротов Чинна-Хиттаи Чуял-хвараб-нохо (Котович В.М., 1976. С.91). Правда, А.А. Фомозов полагает, что они не могут быть датированы старше бронзового века (Формозов А.А., 1978. №3.С.270--275).

В энеолитическое время здесь развивается археологическая культура ранних земледельцев и скотоводов, генетически связанная с предшествующей чохской культурой. В эту культуру входят, кроме руководящего Гинчикского поселения, другие памятники, в том числе ругуджинские, Чинна и другие сезонные поселения. Эта культура

названа энеолитической культурой Северо-восточного Кавказа Гинчинского типа (*Гаджиев М. Г.*, 1991; 1964; 1967. Т. I. С. 1974. С. 55-58; 1975. С. 18-22; 1980. С. 7-14; 1981. С. 4-35; 1983. С. 130-143; 1987. 48 с.). Она отличается от синхронных культур соседних территорий Кавказа – Шулавери-Шомутепе.

В эпоху ранней бронзы памятники куро-араксской культуры встречаются почти во всем Закавказье и Восточной Анатолии, а также в Иране и Палестине. В восточнокавказский вариант этой культуры Р. М. Мунчаев включает памятники восточного Азербайджана, Дагестана и значительной территории Северного Кавказа до Северной Осетии (*Мунчаев Р.М.*, 1975; Он же., 1961. № 100). Во II тысячелетии до н.э. образуются региональные металлургические провинции, в том числе и Кавказская, в состав которой входили различные археологические культуры. Культурное своеобразие Северо-восточного Кавказа проявляется и в последующие эпохи, но уже на новой основе. Здесь в первой половине II тысячелетия до н.э. были распространены отличающиеся от северокавказской культуры гинчикско-гатынкалинская, прикаспийская, присулакская культуры (*Гаджиев М. Г.*, *Магомедов Р. Г.*, 1998. 378 с.). Во второй половине II тысячелетия до н. э. эта территория покрывается каякентско-харачоевской культурой (XV-XIV вв. до н.э.) со своими локальными вариантами (*Крупнов Е.И.*, 1961.; *Круглов А.П.*, 1958.; *Марковин В.И.*, 1969).

На этой же территории Северо-восточного Кавказа встречаются памятники Зандакской и мугерганской культур эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Своеобразие этого региона продолжается и позже, когда письменные источники локализуют здесь предков современных дагестанцев и вайнахов.

Все эти культуры В.Г. Котович называл этапами единой археологической культуры, названной им культурой обмазанной керамики. По В.Г. Котовичу на Восточном Кавказе в конце V-IV тыс. до н.э. складывается своеобразная культура, которая по одному из характерных отличительных признаков может быть названа «культурой обмазанной керамики». Она бытует здесь в медно-бронзовом веке, включая в свой ареал помимо территории Дагестана также значительную часть Чечни, Ингушетии и южные склоны Большого Кавказа. В Дагестане на ее основе складывается и культура последующей эпохи раннего железного века, причем «обмазанная керамика» продолжает встречаться на памятниках этой культуры в середине, а местами во

второй половине I тысячелетия до н.э. (История Дагестана. Т. I. С. 84). В статье, вышедшей в 1978 г., В.Г. Котович определил историческое место каякентско-харачоевской культуры, представляемой как этап развития культуры «обмазанной керамики» (Котович В.Г., 1978. С. 74-76). По его схеме каякентско-харачоевская культура XV-XIV вв. до н.э. сменяется «Талгинским этапом» позднебронзового I периода XIV-XIII вв. до н.э. и далее следуют «Зандакский этап» позднебронзового II периода или периода начального освоения железа XII-X вв. до н.э., Шахсенгерский этап раннежелезного первого периода или периода широкого освоения железа – IX – первая половина VII в. до н.э., предалбанский этап раннежелезного второго периода (скифский) – вторая половина VII-IV вв. до н.э. (Котович В.Г., 1981. С. 69). При этом, талгинский и зандакско-мугерганский этапы он считал самостоятельными (со своими археологическими культурами) этапами культурно-исторического развития местного этнического массива (Котович В.Г., 1982. С. 69).

В последующих своих работах он в рамках эпохи древней бронзы выделил великентский, мекегинский и карабудахкентско-гонобский этапы, средней бронзы – миатлинский, гинчинско-гатынкалинский, каякентско-харачоевский этапы, в рамках эпохи поздней бронзы – талгинский, зандакский этапы, эпохи раннего железа – шахсенгерский и предалбанский этапы и албанской эпохи – раннеалбанский и позднеалбанский этапы (Котович В.Г. 1982. С. 117).

Замеченные В.Г. Котовичем при характеристике памятников Северо-восточного Кавказа особенности действительно существуют. Более того, если наложить на карту друг на друга эти последовательно развивающиеся археологические культуры от мезолита до средневековья, то они или их локальные варианты будут указывать на одну и ту же территорию, охватывающую Северо-восточный Кавказ, в основном в пределах современного Дагестана и горной Чечни, а также Ингушетии. Причем, эти культуры связаны между собой преемственными узами, в том числе различными формами обмазанной керамики. Но эта общность другого иерархического порядка. Район, в котором на протяжении длительного времени, несмотря на смену ряда культур, сохраняются некоторое единство, специфичность и общие традиции именуют культурной провинцией (Классификация в археологии, 1990. С. 63). Следовательно, памятники эпохи мезолита, неолита, эпохи бронзы и раннего железа Северо-воосточного Кавказа могут

быть объединены в пределах единой северо-восточнокавказской историко-культурной провинции.

В эпоху средней бронзы, в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Северо-восточного Кавказа отмечаются группы отдельных археологических культур. Эти культуры связаны между собой некоторыми общими признаками материальной культуры и рассмотреть в рамках единой северо-восточно-кавказской культурно-исторической общности.

***

В более позднее время со степным миром связаны и конские погребения, встреченные на памятниках Северо-восточного Кавказа (Зандак). К конскому инвентарю относятся умбоновидные бляхи, обнаруженные на Хосрехском святилище, Шахсенгерском, Акярском, Зандакском и др. могильниках. Они, как выше отмечалось, находят аналогии на памятниках Украины, Поволжья, Северного Кавказа и Восточного Закавказья (Асланов Г. М., Ваидов Р. Н., Ионе Г. И., 1959. С. 97. Табл. XXI, 12, 13; Шрамко Б. А., 1971. С. 92-102; Ивановский А. А., 1911. С. 128, 144. Табл. VII, 9). Особого внимания заслуживает деревянная посуда, обнаруженная на памятниках Дагестана предскифского и скифского времени (Акяр, Шахсенгер, Берикей). Такая посуда является одной из характерных особенностей материальной культуры евразийских кочевников.

Надо оговориться, что некоторые украинские ученые связывают сабашиновскую культуру с киммерийцами (Черняков И. Т., 1985. С. 148). Вопрос о киммерийском влиянии на материальную культуру племен Северного Кавказа имеет довольно значительную историографию. Однако мысль о контактах киммерийцев с древними племенами Дагестана, точнее о проникновении киммерийцев на юг вплоть до главного Кавказского хребта была высказана А. И. Тереножкиным (Тереножкин А. И., 1970; 1971). Это было связано с находкой на Мугерганском могильнике биметаллического меча с крестовидной рукояткой названного им киммерийским. В настоящее время таких кинжалов-мечей в Дагестане найдено три: на Хосрехском святилище, на Мугерганском и Шахсенгерском могильниках. При этом надо отметить, что упомянутые дагестанские мечи-кинжалы отличаются свое-

образом. Еще более убедительно киммерийско-дагестанские, ранне-скифско-дагестанские контакты документирует Хосрехское святилище XII-VII вв. до н.э. Это святилище по канонам планировки и остаткам костров внутри сооружения относится к кругу индоиранских культовых строений, отражающих их представление о миропостроении. Наиболее близкие аналогии Хосрехское святилище находит с подкурганном сооружением VII в. до н.э. из Ставрополя (*Петренко В.Г.*, 1983. С. 44-45). Это святилище близко и к мавзолеям 4, 5а, 7 Тагискентского могильника IX-VII вв. до н.э. (*Толстов С.П.*, 1962. С. 81-85, 201-204. Рис. 117). Одним из наиболее распространенных знаков киммерийского орнамента был круг, заключенный в квадрат или квадрат, вписанный в круг. В религиозно-мифологической системе древних индоевропейцев мир, т.е. земля и небо представляли в виде квадрата и круга с общим для них центром (*Лелеков Л.А.*, 1976. С. 7 и сл; *Раевский Д.С.*, 1977. С. 105-107). Скифы, например, представляли свою землю в виде квадрата со священным источником воды в центре (*Геродот*, IV. 52, 81, 101). Костры, разводимые на вымощенном круге Хосрехского святилища и на пристенном возвышении, видимо, символизировали все обновляющий эсхатологический мировой пожар (*Лелеков Л.А.*, 1976. С. 13.). Авеста, Рамайна, Махабхарата, Энеида, пехлевийские тексты и Эдды рассматривают эсхатологический мировой пожар в качестве обязательного условия достижения вечности. В Ригведе огонь является источником бессмертия даже для богов, «стражем священного порядка», призванным «сопровождать к счастью» (*Ригведа*, VII, 3, 3).

Таким образом, Хосрехское святилище отражает духовный мир индоиранских племен. Из этого следует – либо святилище оставлено пришлым индоиранским племенем, либо местным населением, подвергшимся влиянию индоиранских пришельцев.

Наиболее выразительно на связи с киммерийцами указывают предметы из клада, обнаруженного в селении Луткун Ахтынского района Республики Дагестан. В 1981 году здесь в огороде местного жителя в керамическом сосуде был обнаружен клад древних предметов - 131 артефакт из предметов вооружения и конского убора. Среди них был характерный биметаллический меч с крестовидным перекрестьем, удила, псалии, различные предметы конского снаряжения и колокольчик. Клад относится к киммерийскому времени (*Магомедов Р.Г., Эрлих В.Р.*, 2016. С. 154-161).

На много более выразительны на территории Северо-восточного Кавказа материалы, документирующие дагестано-скифские отношения. В середине VII в. до н.э. скифы совершили поход по Прикаспийскому проходу в Закавказье и Переднюю Азию. По Геродоту они прошли «имея по правую руку Кавказские горы» (*Геродот*, I. 103-106). Сведения письменных источников подтверждают археологические материалы. Из Дагестана происходят бронзовые наконечники стрел VII-VI вв. до н.э., сосредоточенные преимущественно в прикаспийском коридоре, по которому продвигались скифы. Их к настоящему времени набралось около 50 экз. Со скифами и их этнокультурным миром связаны также найденные в различных районах Дагестана железные мечи-акинаки с брусковидным навершием рукоятки и почковидным перекрестием (Согратль, Хосрех), брусковидным навершием и таким же перекрестием (Урцеки). Среди дагестанских находок имеются скифские удила, псалии и ворворки. Большой интерес представляют типичные скифские культовые навершия, найденные на Шаракункском и Каратинском могильниках. Наиболее выразительно дагестано-скифские контакты документируют произведения декоративно-прикладного искусства. В стиле скифо-сибирского искусства изготовлена костяная булавка из Берикейского могильника с навершием в виде крадущегося хищника кошачьей породы. Из окрестностей Хасавюрта происходит колчаный крюк, в котором сочетается изображение человеческой головы на одном конце и загнутого клюва хищной птицы на другом. В этом предмете сочетаются стиль антропоморфных изображений местного населения и зооморфных изображений скифов. Литая пластинчатая бляшка из Хабдинского могильника передает профильное изображение головы волка с раскрытой пастью, короткими ушами и небольшим глазным овалом. Такие изображения характерны для скифо-савроматского звериного стиля.

Еще одна пластинчатая литая бронзовая бляшка в виде профильного изображения головы хищника происходит из Аркаского городища Нах-меэр. В раскрытой пасти животного петлевидное изображение передает то ли язык, то ли зубы. Резными линиями нанесено изображение глаза в виде круга с точкой в центре. Раковина уха в виде острого овала, ноздря в виде окружности, пасть обведена линией, передающей вывернутые губы. М.И. Пикуль полагает, что это изображение головы лошади, М.М. Маммаев – голова хищника (пантеры). Он же усматривает в этом изображении савроматский стиль.

Из Урцекского могильника происходит пластинчатая бронзовая бляха в виде профильного изображения крадущегося хищника кошачьей породы с повернутой назад головой. У животного раскрытая пасть без выделенных зубов, короткая морда, торчащее, округленное к концу ухо, трехпалые лапы и длинный хвост, одна передняя нога полусогнута и приподнята, другая отставлена назад и кней подведена задняя нога. Аналогичные бляхи найдены среди древностей кургана № 4 Пятимарской 1 группы, кургана № 43 Сусловского могильника, по манере передачи образа и облику самого хищника урцекское изображение близко напоминает фигуру барса из прорезной Прескутанской бляхи V в. до н.э. Еще одна интересная бляшка в виде профильного изображения, припавшего к земле стилизованного хищника кошачьей породы, имеется среди древностей Дагестана. Она представляет собой часть сложной геральдической композиции, где животные были переданы в зеркальном отражении. Аналогичные изображения хищников встречены в Подонье на различных предметах, в том числе и на поясных крюках. Характерны они и для памятников Северного Кавказа VII-IV вв. до н.э.

Как видно, на различных этапах существования носители зандакской археологической культуры вступали в контакты с различными индоиранскими племенами и во взаимодействии с ними развивали свою материальную и духовную культуру. Именно такое развитие прослеживается по материалам исследованных в этой работе памятников.

РАЗДЕЛ II. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

I.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ШАХСЕНГЕРСКОГО ГОРОДИЩА

Шахсенгерское городище занимает небольшую ровную поверхность древней (третьей) морской террасы и ее южный и восточный склоны. Терраса ограничена с севера и с востока высокими и крутыми уступами (варьирующимися в пределах 30-45 м), отделяющими ее от нижележащей (второй) древнекаспийской террасы (рис.4; 5) 90 (*Голубятников Вл.*, 1957. С. 56). Эти склоны представляют собой естественные, довольно труднопреодолимые, препятствия. С западной и южной сторон место, занятое городищем, отделяется от остального массива террасы неглубокими лощинами, мягкий рельеф которых сам по себе не мог служить естественной преградой, но был использован обитателями городища при возведении системы оборонительных сооружений.

На Шахсенгерском городище отмечена сложная и высокоразвитая система фортификации. Само городище состоит из собственно укрепленной территории, разделенной на две части и обособленной цитадели. Приспособленная к местности высокоразвитая система фортификации состоит из оборонительных стен, протяженностью по периметру 1570 м с полукруглыми башнями и опоясывающим их снаружи обводным рвом. Подтреугольная цитадель с оборонительными стенами, фланкируемыми тремя полукруглыми башнями по углам, укреплена с напольной стороны глубоким рвом, с остальных трех сторон – крутыми, эскарпированными склонами. Оборонительная система цитадели была независима от остального городища и предназначалась для защиты города и удержания в повиновении населения. В ней, по-видимому, размещались правитель, его семья, а также военный гарнизон, защищающий ее (рис. 4;5).

В настоящее время, оставшиеся от стен валы, окружающие городище, сильно оплыли, местами достигая 0,5 м высоты и лишь в отдельных участках возвышаются до 0,7-0,9 м. Изредка валы почти полностью сливаются с окружающей местностью. С наружной стороны вал обведен западиной, указывающей на вероятность нахождения здесь рва, опоясывавшего стены.

Через определенные интервалы вал образовывал характерные изгибы, имевшие в плане форму полуокружностей, обращенных своими дугами к внешним по отношению к городищу сторонам. В них без труда угадывались следы башен.

Сохранившаяся часть стены ограждает с востока, юга и запада довольно большой участок северо-восточной оконечности третьей древнекаспийской террасы, общей протяженностью в меридиональном направлении около 500 м, и в пределах от 100 до 160 м в ширину.

Можно полагать, что в свое время эта внешняя оборонительная стена с множеством башенных выступов и рвом целиком окружала городище Шахсенгер.

Торгово-ремесленная округа – раббат или посад не сохранилась. На его наличие указывают остатки культурного слоя на примыкающих к городищу пахотных полях. Эта часть городища полностью уничтожена при распашке полей и создании виноградных плантаций.

Описание сохранившейся части стены мы начнем с ее северо-восточного участка. Он приурочен к верхней части второй древнекаспийской террасы. Здесь вал, уничтоженный с обеих сторон карьерами для добычи гравия, тянется на юго-восток на 120 м. На этой стене отмечены три башни (№№ 1-3), удаленные друг от друга на 35-40 м. Карьеры, видимо, уничтожили две башни. После третьей башни, следуя за рельефом местности, стена круто поднимается по уступу на третью каспийскую террасу, где поворачивает к западу, образуя уже южный участок.

На сохранившейся части восточного участка стены более или менее четко прослеживаются следы восьми башенных выступов, обозначенных на плане соответствующими номерами №№ 4-11. Расстояние между ними варьируется в пределах 60-65 м. Однако в двух случаях расстояние между башенными выступами 5-6 и 10-11 едва превышает 10 м. Можно предполагать, что в указанных местах в древности располагались въезды. При этом въезд между башнями 5 и 6, условно называемый первым, располагался у основания уступа третьей древнекаспийской террасы, тогда как второй въезд (между башнями 10 и 11), находился высоко над ним на поверхности третьей террасы. По-видимому, оба въезда фиксируют направление двух дорог, шедших соответственно в верхнюю и нижнюю части городища.

Наиболее короткий, южный участок оборонительной стены городища Шахсенгер имеет протяженность всего около 160 м. Он начинается от вторых въездных ворот и проходит вдоль края неглубокой, разложистой лощины, создающей некоторое естественное препят-

ствие перед стеной. На протяжении южного участка прослежены следы трех башенных выступов, обозначенных №№ 12-14. Расстояние между ними колеблется в пределах 40-60 м.

Между башнями 13 и 14 описываемая стена, следуя за направлением упомянутой выше лощины, поворачивает к северу и образует наиболее протяженный западный участок, который состоит из нескольких отрезков. Первый из них начинается от 14-й башни и на протяжении около 190 м идет в почти строго меридиональном направлении. Здесь насчитывается 4 башни: №№ 15, 16, 17 и 18. За 18-й башней стена, опять, следуя за контурами рельефа, делает крутой поворот в северо-восточном направлении. Этот отрезок, пересекает небольшую лощину (по краям лощины следы стены прослеживаются чрезвычайно слабо), где, вероятно, находился третий въезд на городище. На этом отрезке стены сохранились две башни: №№ 19 и 20. Расстояние между этими башнями составляет 40 м.

За 20-й башней стена снова делает крутой поворот и, следуя за краем террасы, идет в северо-западном направлении на протяжении около 340 м. На этом отрезке зафиксировано шесть башенных выступов: №№ 21, 22, 23, 24, 32, 33, расположенных на расстоянии 40-60 м друг от друга.

От 33-й башни стена снова поворачивает на северо-восток и идет вниз по склону террасного уступа, образуя уже северный участок. Протяженность этого участка стены достигает 240 м. На нем заметны следы трех башенных выступов: №№ 34, 35 и 36, разделенных расстоянием около 60 м. На этом участке стены перекрывают могильные сооружения эпохи раннего железа. Далее стена направляется на север. Здесь ее следы теряются.

По предварительным подсчетам размеры огражденной внешней стеной территории городища достигали не менее 12 га. Это территория шахристана.

На городище отчетливо прослеживается еще одна внутренняя стена, разделяющая шахристан на две части. Своим внешним видом она ничем не отличается от вышеописанной оборонительной стены и подобно ей имеет вид сильно оплывшего вала со рвом и башенными выступами.

Внутренняя стена берет свое начало от западного участка внешней стены, где соединяется с ней у 24-й башни. Оттуда она идет, пересекая ровную поверхность террасы, на расстояние около 80 м. На этом отрезке имеется одна башня, обращенная на юг. 25-я башня отдалена от 24-й башни расстоянием около 10 м, что позволяет считать

этот небольшой промежуток остатками еще одного въезда (№ 4), ведущего уже во внутреннюю часть городища. Восточный конец данного отрезка внутренней стены упирается в фасадную (западную) башню в стене цитадели, пересекая при этом, окружающий ее широкий ров.

Цитадель занимает сравнительно небольшой участок террасы, имеющий вид удлиненного выступа подтреугольных очертаний. С северной, восточной и южной сторон он огражден крутыми склонами террасного уступа, представляющими собой труднопреодолимое естественное препятствие. С западной стороны участок с цитаделью был отделен от остальной террасы искусственным рвом. Даже в нынешнем состоянии – с сильно заплывшими краями и дном – он имеет довольно внушительные размеры: протяженность около 50 м, глубину около 2 м и ширину поверху – 2,5-5,0 м.

Цитадель также окружена стенами. Она имеет несколько вытянутую, подтреугольную в плане форму. «Основанием» треугольника служит западный участок оборонительной стены, «вершиной» – восточный угол цитадели. Размеры цитадели: западная стена цитадели имеет протяженность 30 м, высота «треугольника», от западной стороны до восточного угла – около 45 м. На вершинах «треугольника» отчетливо прослеживаются следы трех башенных выступов. Два из них № 26 и № 27 приурочены к западному, по-видимому, фасадному участку оборонительной стены цитадели, третий № 28 – к ее сильно выступающей восточной части.

От этого башенного выступа отходит продолжение внутренней стены, разделяющей городище Шахсенгер, вследствие чего цитадель по своему расположению, оказывается, как бы вписанной в ее среднюю часть.

Восточный участок внутренней стены, также имевший вид невысокого, оплывшего вала, круто спускается по склону террасного уступа и теряется у его основания. Его длина достигает 170 м. На протяжении этого участка прослежены остатки трех башенных выступов №№ 29, 30 и 31, также обращенных на юг. Расстояние между 28-й и 29-й башнями достигает 35 м, между 30-й и 31-й башнями – 50 м. Башни № 29 и № 30 разделены небольшим (около 10 м) промежутком, на месте которого в древности, по-видимому, находился пятый по счету въезд, ведущий во внутреннюю часть городища.

Можно полагать, что восточный участок внутренней стены продолжался в своей несохранившейся части еще на 80-100 м, а затем соединялся с внешней стеной на ее также несохранившемся северо-

восточном участке. Таким образом, внутренняя стена разделяла городище Шахсенгер на две части.

В 180 м к югу от цитадели на таком же выступающем к востоку мысу находится сигнально-сторожевая башня, укрепленная точно также, как и цитадель, и зрительно связанная с последней. Через эту башню стража с цитадели могла контролировать необозримые с цитадели южные и юго-западные подступы к городищу.

Судя по ориентации башенных выступов и ряду других признаков, внутренняя стена была обращена своей фасадной частью на юг. Структура оставшегося на месте нее двойного вала свидетельствует о том, что она состояла из собственно стены, у основания которой с южной стороны проходил ров, перед которым, в свою очередь, находилась небольшая насыпь, образованная вынутым из рва грунтом. По своему внешнему виду обе части городища ничем не отличаются друг от друга. Правда, участок третьей террасы в южной части городища долгое время использовался местным населением под пахоту, вследствие чего поверхность его совершенно нивелирована. В отличие от него, в северной части городища таких работ не производились. Поэтому здесь на небольшом участке естественно ровной поверхности террасы отчетливо прослеживаются характерные западины округлых очертаний, как бы обведенные невысокими валиками. Диаметр их достигает 5-6 метров. Не исключено, что они являются следами жилых или хозяйственных построек. По-видимому, часть аналогичных построек жилого и хозяйственного назначения располагалась не только на поверхности третьей террасы, но и у подножья ее уступа, на прилегающей к нему части нижележащей второй террасы, также описанной внешней стеной городища. Относительно ровная поверхность этого участка пригодна для подобного строительства. И не случайно, именно здесь в естественных размывах местами прослеживаются обнажения культурного слоя, толщиной от 0,4 до 1,0 м, обильно насыщенного золой.

Очевидно, сходная картина имела место и в южной части городища. Правда, на его верхнем участке, приуроченном к распаиваемой поверхности третьей террасы, следы жилищ не прослеживаются. Скорее всего, все здесь сnivelировано. Однако внизу, в естественных размывах на второй террасе северо-восточнее въезда № 1, местами выступают обнажения культурного слоя той же мощности и консистенции, что и в северной части городища.

На территории городища имеются искусственные террасы, имеющие вид небольших, сильно оплывших горизонтальных площадок. Ими покрыт сверху донизу весь террасный уступ на всем протяжении городища от его восточного до северного участков внешней стены. За

пределами оборонительных стен подобного рода искусственные террасы совершенно отсутствуют. В результате раскопок на таких «террасах» удалось установить, что они предназначались для возведения жилых и хозяйственных сооружений.

В процессе исследования описываемого городища встал вопрос об источниках водоснабжения его древних обитателей. На самом городище видны следы водостока от верхней террасы в северо-западном направлении.

Можно предположить, что главным источником водоснабжения служила река Башлычай. В настоящее время она протекает по основанию Акярской возвышенности и направляется на северо-восток, в сторону моря. Ныне это небольшая, с незначительным водным балансом речка. В древности, видимо, она была намного более полноводной. На это указывают относительно крупные размеры и разработанность долины Башли-чай, представляющей собой широко открытый в сторону горных районов естественный проход. Старожилы помнят предания, когда эта река протекала по основанию Шахсенгерской возвышенности. По этой линии заметны растения, указывающие на подземные протоки.

Не исключено, что и на самом городище имелись источники воды и родники. На обилие водных источников в свое время указывает находка жернова водяной мельницы в цитадели. Судя по размеру жернова, во время работы мельницы водный источник на городище был небольшой.

Сравнительно внушительные размеры оборонительных сооружений Шахсенгерского городища производят впечатление даже в наше время, что отразилось и в самом наименовании памятника – Шахсенгер¹.

Сенгерское городище

В 3-4 км к югу от Шахсенгерского городища, на вершине и склоне оконечности хребта Пирбудаг-сырт, по правую сторону речки Янгичай расположено городище эпохи раннего средневековья, анало-

---

¹ Слово «Сенгер» по-персидски سنكر означает «укрепление», «окоп» (Миллер Б. В., 1950. С. 476). В значении «укрепление», «оборонительная стена» оно употребляется сейчас во многих дагестанских языках. Наименование «Шах-Сенгер» может быть переведено как «шахское укрепление» или «главное укрепление». Этим самым оно противопоставляется другому памятнику – городищу «Сенгер», расположенному в сходных условиях, на правом берегу р. Янги-чай, примерно в 4 км к югу от Шахсенгера. Городище Сенгер также имеет аналогичные по внешнему виду валообразные остатки внешней заградительной стены с башенными выступами и множеством искусственных террас внутри огражденной территории. Однако оно значительно уступает в своих размерах городищу Шахсенгер, чем, очевидно, и следует объяснить разницу их наименования.

гичное Шахсенгерскому городищу по системе дерево-земляных укреплений, топографии и хронологии (Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. С. 17. № 903). Это городище было раза в четыре меньше Шахсенгерского и, очевидно, находилось под защитой и покровительством последнего. Городище не изучено. Сведения о нем основаны на подъемном материале и обозримых следах оборонительных сооружений памятника.

Могильник, одновременный городищу, пока не обнаружен. Возможно он находился на обширном поле, расположенном к востоку от городища, занятом ныне под виноградники. На этом месте было найдено антропоморфное каменное изваяние, перевезенное В. Г. Котовичем в 1965 году в Институт ИЯЛ.

1.2. РАСКОПКИ НА ШАХСЕНГЕРСКОМ ГОРОДИЩЕ

Начиная с 1966 года в течение 4-х экспедиционных сезонов Шахсенгерское городище подвергалось раскопкам Экспедиции Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Раскапывались оборонительные сооружения, остатки бытовых и хозяйственных строений. На различных участках были заложены стратиграфические раскопы, траншеи и шурфы.

Шурф № 1, размерами 2х2 м(?), был заложен на ровной поверхности верхней части террасы, в 35 м к ЗЮЗ от западной стены цитадели и в 25 м к югу от внутренней стены (рис. 4). Цель шурфовки – установить наличие культурных напластований в этой части городища, систематически подвергавшейся распахиванию.

Глубина шурфа доходила до 1,03-1,08 м., от дневной поверхности до уровня материкаобразованного желтым известняковым щебнем с песком. Всего прослежено 3 слоя:

- гумус?;
- верхний слой суглинка, толщиной 0,34-0,45м., имел рыхлую комковатую структуру;
- под ним залегал темно-серый слой суглинка, толщиной 0,21-0,30м, содержал включения золы и угольков,
- нижний слежавшийся слой желтого суглинка, толщиной 0,32-0,41м, имел редкие включения золы и угольков. Этот слой залегал на материке, состоящем из желтого известнякового щебня вперемешку с дресвой и песком.

По всей толще шурфа встречаются осколки костей животных, невыразительные кремневые отщепы и обломки керамики. Последняя представлена образцами с обмазанной и заглаженной наружной поверхностью. Обе они находят аналогии среди соответствующих материалов из раскопа №1.

Таким образом, полученные из шурфа материалы свидетельствуют о наличии культурных слоев на распаханном участке в южной части городища Шахсенгер.

Шурф №2 ?

Шурф №3 размерами 2x2 м(?), заложен в 65 м к Ю от цитадели, на нераспаханном участке ровной поверхности террасы, неподалеку от ее уступа (рис.4). Им прорезана средняя часть небольшой (диам. около 4 м) западины, возможно, обозначавшей на современной поверхности древнюю постройку.

Под тонким (0,03-0,05 м) слоем современного гумуса в шурфе обнаружен мощный (0,37-0,41 м) слой светлого желтоватого суглинка, содержавшего некоторое количество известнякового щебня. Этот слой залегал непосредственно на материке. В разных местах раскопанного участка прослежены врытые (до 0,3-0,4 м в плане, и 0,15-0,2 м толщиной) включения темноцветного суглинка, также содержащего щебень. В нем встречены единичные древесные угольки. Результаты шурфовки недостаточно для суждения о характере западины.

Шурф № 4 размерами 2x2 м(?), заложен примерно в 25 м к СЗ от башни № 29 цитадели, примерно в 10 м к северу от внутренней стены (рис.4). Он расположен рядом с одной из западин – предполагаемых следов построек – в северной части городища.

Под современным гумусом, толщиной 0,07-0,11 м залегал слой темноцветного суглинка с щебнем, мощность которого достигала 0,22-0,29 м. В свою очередь, он залегал на материке. В слое темного суглинка обнаружены несколько кремневых отщепов и фрагменты керамики. Среди последней представлены образцы посуды с обмазанной наружной поверхностью, а также обломки красноглиняных сосудов с волнистым прочерченным орнаментом. И те, и другие обнаружены в верхнем и нижнем культурных слоях на цитадели. Полученные данные свидетельствуют о распространении культурного слоя и в северной части городища Шахсенгер.

Раскоп № 1 1966 г. был заложен на цитадели (рис.9). Внутреннее пространство цитадели, огражденное «треугольником» ее оборонительных стен, представляет собой относительно ровную, задернованную поверхность, на которой довольно четко прослеживаются неглу-

бокие (до 0,5-0,7 м) западины, как бы обведенные невысокими сильно оплывшими валиками. Местными жителями было подмечено, что при сильном ударе по поверхности этих западин раздавался своеобразный гулкий звук, свидетельствующий, по их мнению, о наличии внизу пустот. Однако подобные звуки образуются и в том случае, если поверхностный покров подстилает зольная прослойка. В пользу такого именно объяснения данного явления свидетельствовали прослеженные здесь, обнажения культурного слоя, обильно насыщенные золой.

Все эти признаки позволили В. Г. Котовичу рассмотреть описанные западины как остатки разрушенных построек. Не исключено, что это – следы «раскопок» местных жителей, искавших «пустоты» и «сокровища».

Одна из таких западин располагалась на расстоянии около 15 м от южной башни № 27 цитадели и непосредственно примыкала к южному участку ее оборонительной стены. На этом месте и был заложен первый раскоп, имевший целью получить сведения о характере строительных остатков жилых помещений и стратиграфии, а также об устройстве крепостной стены цитадели. Раскоп не доведен до конца и многие вопросы остались без полного ответа. Но полученные материалы важны для характеристики памятника, хотя и частично, выяснены.

Раскоп № 1 был ориентирован своими углами по странам света, а длинной осью – перпендикулярно оборонительной стене цитадели. Он был разбит на 12 квадратов, размерами 2 x 2 м. Позднее, в процессе раскопок было прирезано к данному раскопу еще 3 аналогичных квадрата с юго-восточной стороны, имевших целью получить сведения об устройстве фасадной части оборонительной стены цитадели.

После снятия первого штыка выяснилось, что характер подстилающих гумус отложений не одинаков на различных участках раскопа. Поэтому дальнейшее описание результатов раскопок дается по отдельным участкам,

В квадратах 1-3 на первом и отчасти втором штыках был полностью снят гумусный слой мощностью 0,1-0,2 м, местами достигавший 0,25 м. В нем найдено несколько фрагментов современной розовоглиняной керамики, а также обломки древних сосудов. Последние принадлежат сосудам, изготовленным вручную из плохо промешанного теста тёмно-серого, местами почти черного цвета, с примесями шамота. Наружные поверхности – бурые, покрытые характерной обмазкой.

На втором и третьем штыках вдоль северо-западной стенки раскопа, в квадратах 1-3 прослежена выкладка, образованная множе-

ством небольших плоских камней, уложенных почти горизонтально, с некоторым понижением в направлении ЮЗ-СВ. Высотные отметки ее юго-западной части достигают 0,48-0,52 м (на границе кв. 2 и 3). В северо-восточном направлении она понижается до 0,62-0,66 м (в кв.1). Общая протяженность описываемой выкладки- 3,3м, ширина ее - 0,6-0,8 м.Образующие ее камни уложены плашмя в один ряд. Местами между ними оставалось свободное пространство, образованное изаполненное плотным комковатым суглинком желтоватого цвета. Аналогичный суглинок прослежен поблизости от нее: он захватывает полностью кв. 3 и частично прилегающий к нему участок квадрата 6, а также почти полностью квадраты 2 и 1. В двух местах – юго-восточной части указанных квадратов прослежены остатки каменной кладки, образованной несколькими горизонтально уложенными плитами. В квадрате 1 они располагаются на глубине 0,79-0,84 м. Другой ряд кладки находится в квадратах 2-3, на гл. 0,70-0,75 м.

В квадратах 1-3 этого раскопа слой, образованный плотным, как бы утрамбованным суглинком, на поверхности которого местами сохранилась специальная горизонтальная кладка, занимает всю северо-западную часть раскопа. В процессе ее расчистки здесь было обнаружено всего 6 фрагментов древней керамики. Дальнейшее углубление этого участка не производилось.

В квадратах 4, 5, 6, 7, 8 и 9 толщина гумусного слоя варьирует в пределах от 0,1 до 0,25 м, достигая местами даже 0,3 м. Гумус подстилается, в свою очередь, слоем суглинка, обильно насыщенного золой что определило его серую окраску. После снятия верхних пластов гумуса, сохраняющих естественные неровности почвенного покрова, поверхность раскопа в квадратах 4-9 была расчищена и выровнена на глубине 0,8 м от репера. Дальнейшее углубление производилось по квадратам равномерными пластами на глубину одного штыка (20 см).

Пласты с глубины 0,8 до 1,0 м по всей площади квадратов 4-9 образованы аспидно-серым, чрезвычайно рыхлым, как бы пухлым от обилия золы угля суглинком. В нем изредка встречаются обломки древней керамики и кости животных. Общая характеристика керамических находок из данного раскопа будет дана ниже. Помимо керамики, в этом пласте обнаружены также другие находки; в центральной части кв.5, на гл. 0,88 м обнаружен железный, сильно окислившийся предмет, напоминающий лезвие ножа с широкой изогнутой спинкой. Длина сохранившейся части 8 см, ширина лезвия – 1,3-1,4 см (рис. 16,2). В южном углу кв.9, на гл. 0,94 м обнаружен небольшой пластинчатый серебряный (?) браслет овальной формы с незамкнутыми

слегка заходящими друг за друга концами. Его диаметр – 4,5 см, ширина пластинки 0,5 см (рис.16,4). В квадрате 8, на глубине 0,82-0,87 м обнаружено скопление камней, может быть принадлежавших какой-то конструкции. Здесь же встречено несколько кусков сильно высохшей глиняной обмазки, а также кусок черной битумной массы размерами 9x4x0,5 см. Аналогичное скопление камней прослежено и в квадрате 9, на гл. 0,89-0,96 м.

В квадратах 4 и 7, в описываемом пласте, было найдено несколько небольших кремневых отщепов, а в квадрате 4, помимо того, – обломок ладьевидной зернотерки, изготовленной из крупной речной гальки (рис. 17 в среднем фото).

При зачистке основания пласта в квадратах 4-9, в некоторых местах (в квадратах 4 и 6), на гл. 0,95-0,98 м обнаружены выходы плотного желтого суглинка комковатой структуры. Поэтому при снятии следующего пласта на описываемых квадратах дальнейшее углубление производилось не на полный штык, а выбирался только зольный слой до поверхности подстилающего его желтого суглинка. При этом, в южном углу кв. 9, на гл. 1,07 м найден костяной четырехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой и частично обломанным основанием, небольшой кусочек битумной массы. В других квадратах по-прежнему в небольшом количестве обнаружены фрагменты керамики и обломки костей животных. В среднем на 20 см пласт культурного слоя в квадрате 2x2 м. приходится от 10 до 25 обломков керамики, а в отдельных случаях число возрастает до 35, либо уменьшается до 5. Количество подобных находок в слоях городища Шахсенгер следует признать небольшим.

Керамику из верхнего культурного слоя В.Г. Котович подразделяет на две большие группы: с обмазанными и заглаженными наружными поверхностями. К более многочисленной первой группе относятся преимущественно обломки разных по размерам горшков (ни один сосуд не поддался реставрации), по-видимому, баночной формы, заканчивающихся прямым, ровно срезанным венчиком. Наружные поверхности покрыты густым слоем грубой глиняной обмазки за исключением узкой полоски вдоль венчика (рис. 15, 16, 17). Последняя иногда украшена орнаментом в виде валика, расчлененного насечками или вдавливами, иногда - круглыми налепами (Рис.15-17). Преобладающее большинство керамики этой группы – темноцветные, темно-серые и бурые, с почти черной внутренней поверхностью. Очень редко встречаются красноглиняные фрагменты керамики этого типа, с красной же обмазкой.

Вся эта керамика подготовлена вручную из грубого теста с примесями шамота и дресвы. Обжиг достаточный, но не всегда равномерный.

Вторая группа керамики может быть подразделена на три подгруппы:

а) темноцветная керамика с грубо заглаженной поверхностью. По характеру теста и обжига ничем не отличается от керамики первой группы. Наружная поверхность грубо заглажена; иногда украшена вдавленным орнаментом в виде разного рода насечек (рис. 15-17). Формы не восстанавливаются;

б) красноглиняная керамика, изготовленная в той же технике. Орнамент преимущественно в виде прорисованных волнистых линий (рис. 15-17). Формы не восстанавливаются;

в) сероглиняная лощеная керамика, изготовлена из глины с небольшим количеством примесей мелко истолченного шамота, возможно с применением медленно вращающегося круга. Внутренние поверхности – хорошо заглажены, внешние – залощены. Орнамент отсутствует. Формы не восстанавливаются.

После выборки золистого слоя установлено, что желтый суглинок подстилает его по всему раскапываемому участку в квадратах 4-9. Его верхний горизонт находится на гл. от 0,25 до 1,27 м. В квадрате 5 на поверхности слоя желтого суглинка обнаружено несколько камней, располагавшихся без какой-либо системы.

Для выяснения характера описываемого слоя он был разобран на небольшом участке, включавшем всю северную часть квадрата и (за исключением полуметровой полосы его юго-восточной и юго-западной стенок) прилегающую к нему 20-сантиметровую полосу вдоль юго-восточной стенки квадрата 1. В результате установлено, что мощность слоя желтого суглинка на раскопанном участке составляет от 0,9 до 0,17 м. В ней не обнаружено никаких культурных остатков. Однако местами в плотном желтом суглинке отмечались включения мелкоистолченной известняковой щебенки и дресвы тоже желтого цвета. Оба указанных компонента в сочетании с крупнозернистым песком образуют верхнюю свиту отложений третьей древнекаспийской террасы.

Повидимому, они попали в описываемый слой вместе с выбросом, образовавшимся при углублении в материк во время строительства оборонительной стены цитадели.

Дальнейшее углубление на данном участке показало, что ниже слоя желтого суглинка залегает культурный слой, также обильно

насыщенный золой. Разборка его с глубины 1,2 м производилось последовательным снятием 20 см пластов. По своей рыхлой, как бы пухлой структуре, цвету и консистенции он не отличается от верхнего слоя. Правда, здесь встречаются многообразные включения золы вперемежку с желтой мелкоистолченной щебенкой и дресвой, по видимому материкового происхождения. Они отличаются более плотной консистенцией, но, подобно другим участкам культурного слоя также содержат культурные остатки в виде фрагментов керамики и костей животных. Эти линзообразные включения имеют горизонтальную протяженность от 0,6 до 0,9 м, что хорошо видно на профиле северо-восточной стенки данного участка (рис. 10). Аналогичная масса заполняла и всю юго-восточную часть раскапываемого участка на гл. 0,25-0,6м вплоть до материка, образованного плотно слежавшейся желтой известняковой щебенкой с дресвой и песком. В северо-западной части этого участка зольный слой продолжается до самого материка, обнаруженного на гл. 2,10-2,20 м от репера.

В целом же, мощность нижнего слоя, достигающая 1,05-1,20 м, значительно превосходит мощность верхнего культурного слоя. Однако насыщенность его культурными остатками такая же. В нем встречены все типы разновидности керамики, представленной в верхнем слое, как с обмазанными (рис. 15-17) так и с заглаженными (рис. 15-17) и залощенными наружными поверхностями. Техника их изготовления аналогична вышеописанным приемам изготовления керамики верхнего слоя.

Еще один разрез через толщу плотного желтого суглинка был сделан в квадрате 7, где была вскрыта часть квадрата, исключая полуметровую полосу вдоль его северо-западной и северо-восточной стенок. Верхний горизонт слоя суглинка на данном участке залегал на глубине 1,17-1,25 м. Мощность слоя здесь более значительна: она достигает 0,14-0,25 м. Он имеет ту же консистенцию, плотность и окраску, что и на участке в квадрате 4, и также стерилен в археологическом отношении. При зачистке его нижнего горизонта обнажились края довольно крупных нескольких камней, которые вперемежку с небольшими камнями, вероятно, являются развалом какой-то кладки. Дальнейшее углубление на этом участке также, как и разборка слоя желтого суглинка и лежащих под ним напластований в квадратах 5, б, 8,9 в прошедшем сезоне не производилась.

Следующий участок описываемого раскопа охватывает квадраты 10,11 и 12. Этот участок имеет значительный наклон в юго-восточном направлении, соответствующий естественному уклону рельефа. Вы-

ступавшие местами сквозь почвенный покров края относительно крупных камней свидетельствовали о возможности обнаружения в этом месте остатков каменной постройки, каковой могла быть оборонительная стена цитадели. После снятия гумусного слоя, имевшего на данном участке толщину 0,12-0,17 м, обнаружился развал стены, образованный множеством сравнительно крупного (длиной от 0,2 до 0,5 м) рваного камня, главным образом известняка и ракушечника. Пространство между ними заполнено рыхлым золистым суглинком), вероятно, просочившимся из верхнего культурного слоя. В нем встречаются отдельные фрагменты керамики и обломки костей животных.

Описываемый развал строительных остатков не выходит за пределы общего направления вала, идущего вдоль юго-восточного края цитадели, что позволяет с необходимой уверенностью видеть в нем небольшой участкооборонительной стены цитадели. К сожалению, она оказалась здесь настолько сильно деформированной, что по раскрытому раскопом № 1 участку невозможно составить четкое и точное представление о ее устройстве. Ширина развала стены на описываемом участке варьирует от 1,6 до 1,8 м. При этом, его северо-западная часть значительно (на 0,5-0,6 м) возвышается над юго-восточной, что определяется общим понижением рельефа на данном участке, где имеет место переход от относительно ровной поверхности террасы к ее крутому уступу.

После расчистки верхней части описываемого развала был обнаружен в квадрате 10 участок стены, на котором сохранилось несколько рядов регулярной кладки, подвергшейся, однако, значительной деформации. Для изучения этого участка, также имея в виду получить данные об устройстве основания оборонительной стены цитадели было решено увеличить раскапываемую площадь в юго-восточном направлении, прирезав к ней еще три квадрата размерами 2x2 м (квадраты 13, 14, 15). Этот участок представляет собой часть относительно крутого склона террасного уступа. Поэтому раскопки его велись негоризонтальными пластами той же 20-сантиметровой толщины; с оставлением двух бровок для фиксации культурных напластований. Ниже гумусного слоя, мощностью 0,12-0,21 м, на втором штыке по всей площади описываемых квадратов прослежен слой рыхлого золистого суглинка, аналогичного по своей цветности и консистенции верхнему и нижнему культурным слоям в квадратах 4-9. В небольшом количестве в нем встречены обломки керамики с обмазанными наружными поверхностями, кости животных. Сравнительно часто встречаются в нем отдельные камни более или менее крупных (0,20-

0,35м) размеров, вероятно, оползшие при разрушении верхних ярусов кладки оборонительной стены цитадели.

Вдоль северо-западного края раскапываемого участка и частично по юго-восточной части квадратов 10-12 под зольным слоем на следующем штыке обнаружился слой плотного желтого суглинка комковатой структуры. Он простирается в северо-западном направлении, подстилая камни, лежавшие в основании оборонительной стены цитадели. Мощность его варьирует в пределах от 0,7 до 0,4 м. В юго-восточном направлении этот слой круто сходит на нет и исчезает в средней части квадратов 13-15.

На границе квадратов 10, 11, 13,14 в этом слое отмечено линзообразное включение в толщу суглинка большого количества мелкого щебня и дресвы.

Как и на других участках раскопа № 1, в этом слое практически не встречено культурных остатков. Исключение составляют всего несколько обломков костей животных. В юго-восточной части квадратов 13-15 этот слой не прослежен. На соответствующих штыках (третьем и четвертом) здесь шел все тот же серый золистый суглинок, содержащий небольшое количество обломков керамики и костей животных. Он же подстилает и вышеописанный слой плотного желтого суглинка, вероятно, являясь продолжением нижнего культурного слоя, прослеженного с внутренней стороны оборонительной стены цитадели в квадратах 4 и 7, однако значительно уступает ему в мощности. Толщина его варьирует здесь в пределах 0,15-0,35 м. Описанный слой, в свою очередь, подстилается зольным слоем, насыщенным мелкой известняковой щебенкой и дресвой. Мощность его неодинакова: от 0,05 до 0,6 м. Он залегает непосредственно на материке, представляющем собой естественные отложения мелкой щебенки, попеременно с дресвой и крупным песком. Цвет желтый.

Последовательность и взаиморасположение описанных слоев хорошо прослеживаются на соответствующих стратиграфических разрезах.

Как явствует из приведенного описания, стратиграфия напластований на участке за пределами оборонительной стены цитадели в основном повторяет стратиграфию прилегающих к ней напластований во внутренней части цитадели. Правда, мощности нижних слоев (твердого желтого суглинка и нижнего зольного слоя) различна для участков, расположенных по обе стороны крепостной стены.

В заключение характеристики описываемого участка отметим что по юго-восточному краю квадратов 13-15, в материке сделана выемка

глубиной 0,25-0,42 м. Образовавшийся благодаря этому уступ, по-видимому, служил дополнительным искусственным препятствием перед оборонительной стеной цитадели. Край этого уступа имеет неправильные извилистые очертания. На раскопанном участке выемка оказалась заполненной серым как гумусированным суглинком с большим включениями мелкой известняковой щебенки и дресвы.

Раскопки участка с внешней стороны оборонительной стены цитадели проливают некоторый свет на особенности ее устройства. Прежде всего, обращает на себя внимание расположение основания стены не на материке, а на слое желтого суглинка. Данное обстоятельство, весьма интересно как в хронологическом, так и в стратиграфическом отношении, ибо оно, свидетельствуя о сооружении оборонительной стены цитадели на позднем этапе существования городища, служит в то же время еще одним доказательством правомерности выделения на нем трех строительных периодов. Сдругой стороны, оно указывает на несовершенство строительного дела, в частности, фортификационного строительства: ведь именно отсутствие надежного фундамента обусловило непрочность крепостной стены, оказавшейся на раскопанном участке чрезвычайно деформированной. Не помогла в этом отношении и мощная прослойка плотного суглинка, вероятно предназначенная, по мнению древних строителей, служить своеобразным стиллабатом.

Судя по сохранившимся участкам, основание крепостной стены цитадели было сооружено насухо из рваного известняка и ракушечника, уложенного в традиционный для Дагестана того времени технике: горизонтальными рядами с заполнением свободного пространства мелким камнями и, вероятно, подсыпкой землей. Ширина стены вряд ли превышала одного метра по основанию. Стало быть, и высота ее на южном участке не могла быть значительной. Последнее, однако, компенсировалось естественной крутизной склонов, на которых, к тому же сооружались специальные выемки. Все это, в целом, образовывало довольно мощный для своего времени оборонительный комплекс.

Таким образом, в результате работ, произведенных на раскопе №1 получены данные о стратиграфии культурных напластований и о некоторых деталях устройства оборонительной стены цитадели. К сожалению, остался нерешенным вопрос о характере строительных остатков во внутренней части цитадели. Правда, основываясь на фактах нахождения в культурных слоях в квадратах 4-9 скоплений строительного камня и обломков глиняной обмазки, а также учитывая характер окружающей местности, далеко отстоящей от скальных обна-

жений, могущих служить каменоломнями, можно предполагать, что на цитадели, как и в других местах городища постройки могли быть глинобитными или турлучными на каменном основании. Однако решение этого вопроса станет возможным после проведения здесь раскопок в более широком масштабе.

Помимо указанных данных, в раскопе № 1 получен сравнительно небольшой, но весьма интересный материал, главным образом керамический, основываясь на котором можно составить достаточно определенное заключение о характере культуры, представленной на городище Шахсенгер, ее особенностях, а также о хронологии данного памятника. Другие материалы – обломки зернотерок и кости животных послужат основой для характеристики хозяйства обитателей городища. После завершения раскопок нижнего культурного слоя в квадратах 5, 6, 7, 8 и 9 коллекция археологических материалов, несомненно, пополнится в количественном отношении (*Котович В.Г., Давудов О.М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25. Л. 38-39.).

I.3. СТРУКТУРА ШАХСЕНГЕРСКОГО ГОРОДИЩА

Шахсенгерское городище состоит из цитадели, шахристана и рабата (الرباط), имело оборонительные сооружения, состоящие из стен с полукруглыми башнями и обводного рва (рис. 4; 5).

I.3.1. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ (СТЕНЫ, БАШНИ, РВЫ И ВОРОТА)

В 1966 г. В. Г. Котовичем был заложен раскоп (№ 2) на западном участке внешней оборонительной стены, над 18 башней (рис. 4; 10). Для изучения структуры рва была заложена дополнительная траншея. Здесь под слоем гумуса залегал слежавшийся щебень, аналогичный естественным отложениям, характерным для третьей древнекаспийской террасы. Этот слой, расположенный по обе стороны рва, видимо, являлся выбросом, образовавшимся при рытье рва. Сам ров с обеих сторон начинался широкими и пологими откосами, которые затем резко опускаются вниз, образуя «ложбину» (ширина по верху - 1,8-2,1 м, по низу - 0,7-0,85 м). Глубина рва от древней дневной поверхности - 1,05-1,30 м, а глубина рва относительно нижних краев откосов - 0,65-0,85 м (рис. 11; 12) (*Котович В.Г., Давудов О.М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25. Л. 38-39). Обычно рвы вырыва-

лись, как часть оборонительной системы, затрудняющей доступ к крепостным стенам, в том числе осадным орудиям – таранам или осадным башням. Рвы периодически очищали от мусора и наносов. Иногда на дне рвов вкапывали колья, затрудняющие его преодоление.

Здесь был исследован изгиб «вала», образующий башенный выступ. Были вскрыты две каменные стенки, расположенные на расстоянии от 0,9 м до 1,75 м друг от друга и образующие два панциря основы оборонительной стены. Внутренний диаметр башенного выступа равен 4,5-4,6 м (рис. 10).

Основание внешней стены залегает непосредственно на древней дневной поверхности. Стена сложена насухо из небольших (0,1-0,15 м) камней. Кладка четко прослежена в отдельных участках раскопа, а в одном месте она сохранилась лишь частично. Затем кладка исчезает, будучи замененной глинобитной конструкцией неясного устройства и назначения.

Основание внутренней стены располагалось на прослойке желтого суглинка, который В. Г. Котович считает специальной подсыпкой. Благодаря этому основание внутренней стены здесь на 0,3-0,5 м выше, чем внешней. Но далее к югу эта прослойка исчезает. Внутренняя стенка также сложена насухо из рваного камня (0,15-0,2 м). Пространство между стенками было заполнено щебнем. В процессе зачистки внутреннего пространства между стенками было обнаружено 3 крупных куска древесных стволов. Длина обломков 0,2-0,25 м, диаметр сохранившейся части 0,11-0,13 м (рис. 10) (Котович В.Г., Давудов О.М. 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25.Л. 40-41).

Был изучен участок стены, примыкающей к башне. Он также образован двумя стенками-панцирями, являвшимися продолжением соответствующих стен башни. Расстояние между стенками-панцирями 0,8-0,85 м. От обеих стенок сохранилось по одному ряду кладки. Еще раз повторим – наружная стенка располагалась прямо на древней дневной поверхности, а внутренняя – на слое желтого суглинка.

В квадратах 5 и 5а были прослежены остатки внутреннего панциря оборонительной стены, сохранившиеся на 1-2 ряда кладки. В этих квадратах были расчищены остатки сильно деформированной, оплывшей глинобитной конструкции. В.Г. Котович полагает, что она являлась продолжением внешней стенки, отсутствующей на этом участке. На этом раскопе были обнаружены остатки крупных древесных стволов, лежавших почти параллельно друг другу в широтном направлении. Длина их колеблется от 0,3 м до 0,7 м, диаметр – от 0,12 до 0,15 м. В. Г. Котович полагал, что это остатки деревянного тына,

шедшего вдоль внешней оборонительной стены (*Котович В.Г., Давудов О.М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25.Л. 41-43). Эта точка зрения подтвердилась последующими нашими раскопками.

Во внутренней части раскопа было обнаружено бревно, длиной ок. 1,5 м. Один его конец находился на кладке внутренней стены, а другой, утолщенный конец располагался в месте, соответствующем центру башенного выступа. Это позволяет считать его центральной опорой некой конструкции, занимавшей внутреннюю часть башни (*Котович В.Г., Давудов О.М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25. Л. 44).

Во втором раскопе был найден обломок бронзового пластинчатого браслета и обломок бронзовой пластинки. В.Г. Котович упоминает всего о трех фрагментах керамики, найденных здесь (*Котович В.Г., Давудов О.М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, №25.Л. 43).

Керамика представлена фрагментами толстостенных лепных горшков с обмазанной наружной поверхностью, красноглиняных светлых и темных сосудов (некоторые черепки имели насечки, а красноглиняная керамика – и орнамент в виде прочерченных волнистых линий), серая лощеная керамика. Обломки сосудов относятся к предскифскому времени и раннему средневековью. Но В. Г. Котович, исходя из того факта, что большая часть найденной на территории городища и могильника керамики имеет характерную обмазку, относил могильник и городище к одному и тому же времени – предскифскому (*Котович В.Г., Давудов О.М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25. Л. 27-28). Только, как показали последующие работы, керамика предскифского времени связана с могильником и поселением нижнего горизонта, а средневековая керамика – с Шахсенгерским городищем.

В 1984 г.О.М. Давудовым был заложен раскоп (№ 2)(а где раскоп 1 1984 г.?) над шестой башней в восточной части оборонительной стены (рис. 5). После зачистки обнажилась двухпанцирная стена, толщиной от 0,9 м до 1,26-1,3 м. Промежуток между наружным и внутренним панцирями был заполнен гравием, землей и мелкими камнями. Были выявлены остатки полукруглой башни; выступающей на 1,7 м за линию оборонительной стены. Стена здесь не имела фундамента и была возведена прямо на древней дневной поверхности. На раскопанном участке стена появляется и идет под углом 45° к стенкам раскопа, затем она круто поворачивается на юго-запад и, описав полукруг, вновь направляется на юго-запад под уклоном в 45°. Этот полукруг и выполнял функции башни. С северо-западной стороны, до-

ступ в башню оставался открытым. В 0,35 м к юго-востоку от линии стены, в 1,5 м от юго-западного панциря и в 1,92 м от внутреннего панциря башни зачищена ямка, диаметром 20 см и глубиной 30 см – след от опорного столба. Это означает, что эти башни были сверху крытыми. Выявлены также камни разных размеров, не связанные с очертаниями стены и башни. По всей вероятности, они упали со стены. Камни, лежавшие в системе стен, были уложены в ряд на бока и составляли, как бы панцирь кладки. Количество камней и характер кладки в стене не оставляет сомнения, что это основание стены, а не сама стена (рис. 19: 19а). По наблюдениям В.Г. Котовича и О.М. Давудова, стена выше была наращена тыном из деревянных столбов.

Удалось установить, что слои городища раннего средневековья перекрывали могильник и поселение эпохи раннего железа (рис. 19а).

В 2002 году на цитадели Шахсенгерского городища, на башне №27 был заложен **раскоп № 7** (рис. 5) (в разделе описаны раскоп 1 и 2 1966 г, раскоп 2, 1984 г. Остальные раскопы не упоминаются. Нужно отдельно указать какие раскопы на городище, какие на могильнике). Он имел первоначальные размеры 6 x 6 м и был ориентирован по странам света. В 2004 году раскоп был расширен на 1 м во все стороны света. Такая необходимость стала очевидна к концу раскопок первого сезона. В результате раскоп расширился с 36 кв. м. до 64 кв. м. (8 x 8 м) и позволил четче рассмотреть остатки строений. Он состоит из 9 квадратов, размером 2 x 2 м, 9 полуквадратов, размером 2 x 1 м и 4 малых квадратов, размером 1 x 1 м. В качестве 0 репера взята северо-западная точка раскопа. Это не самая высокая точка на раскопе, но она удобна для учета квадратов, находок и нивелировки раскопа. Квадраты с севера на юг обозначены буквами Д, А, Б, В, Г, а с запада на восток – цифрами V, I, II, III, IV. Нивелировочные отметки внешних и внутренних стенок квадратов приведены на схеме (15, 13; 14). Максимальный перепад поверхности раскопа по линии СЗ – ЮВ составляет 1,55 м (рис. 20; 21; 22; 23).

Этот раскоп должен был уточнить характер боевой башни цитадели, определить ее признаки, общие с башнями оборонительной стены городища и особенности, характерные только для башен цитадели. Не снимался вопрос и о стратиграфии памятника.

В результате раскопок удалось выявить уточнить, что здесь имеются три строительных горизонта. Правда, материалы слоев перемешаны. Строители верхнего горизонта очень часто врзались в нижние горизонты и нарушали нижележащие культурные пласты. Между слоями нет стерильных прослоек. Слои улавливаются по тому, как

более поздние строения перекрывают более ранние (Рис.20; 21; 22; 23).

На раскопе, во втором, среднем строительном горизонте, в кв. А-I, Б-I, В-I, А-II, Б-II, В-II, Б-III, В-III на глубине +0,22 м от 0 обнажилась полукруглая башня (рис. 20; 21; 22; 23), диаметром 3,5-4 м, обращенная открытой стороной на северо-восток, в сторону цитадели. Абсолютно правильного полукруга здесь нет. Этим объясняется искажения в пределах 50 см. Высота стены башни в разных местах достигала от 1,25 до 1,75 м (рис. 31; 32; 33). Толщина башенной стены составляет около 1 м (рис. 20-23). Она сложена из «сырцовых кирпичей» – кусков глины разных форм и размеров (рис. 31; 32). Для изготовления «кирпичей» строители не использовали форму, а кусок желтой или серой глины в подсушенном, но все еще сыром виде укладывали в стену. Такой «кирпич» иногда обретал четырехугольную, иногда округлую формы. Стена из таких «кирпичей» напоминает среднеазиатские пасховые сооружения и должна была обладать большой прочностью.

Эта башня вписана в систему оборонительной стены, выступая полукругом во внешнюю сторону. Основу оборонительной стены представляет собой вертикально установленные скальные блоки, составляющих основу двухпанцирной оборонительной стены, наращенной выше тыном (частоколом) из двух рядов бревен, пространство между которых заполнено гравием и землей (откуда такая информация? В раскопах везде описан один ряд бревен). Толщина этих стен в цитадели составляла 1,28 м (рис. 20-23).

В кв. А-V на гл. – 0,56 найден обломок темно-красного лощеного сосуда из теста с примесью шамота и дресвы (инв. № 5), в кв. Б-V на гл.-0,58 м от 0 – обломок светло-красного сосуда с шероховатой наружной поверхностью. Тесто с примесью дресвы и шамота (инв. № 6).

В кв. А-V на гл.-0,57 м. от 0 найден обломок серого лощеного горшка с пухлым отогнутым венчиком, горлом-перехватом и грушевидным туловом. Плечики сосуда украшены двумя горизонтальными поясами из резных линий. Черепок плотный из теста с примесью шамота и дресвы. Размеры сосуда: dвенчика=194 мм; dгорла = 177 мм (тип на рис. 40, 10; инв. № 9).

На глубине -1,4-1,64 м от 0 внутри башни встречена земля с камнями и золистыми включениями. В толще заполнения башни встречены кости мелкого рогатого скота, каменный терочник и обломки керамики. Причем, куски одного и того же сосуда попадались на разных глубинах, но восстановить форму не удалось.

Керамика, обнаруженная в башне, относится к разным эпохам. Среди керамики встречены обломки керамики с заштрихованной поверхностью. Крупные тарные сосуды с заштрихованной наружной поверхностью появляются в каякентско-харачоевское время и продолжают бытовать в албанское время. Обломок тонкостенного кружального красного столового сосуда со следами красной краски, нанесенной горизонтальными полосами на наружную поверхность, обломок горловины большого красноглиняного сосуда с прямым венчиком, украшенным по наружной поверхности, горизонтальными ангобными полосами (рис. 38, 9) относится к развитому средневековью. Обломок кружального сосуда с серой лощеной наружной и заглаженной внутренней поверхностью также относится к раннему средневековью. Архаичная керамика, в частности два обломка эпохи раннего железа в слое раннего средневековья, по всей вероятности, попали из древнего культурного слоя поселения в результате деятельности человека в более позднее время.

Обломок толстостенного кухонного сосуда с обмазанной наружной поверхностью и обломок крупного серого лощеного горшка с пухлым, отогнутым наружу венчиком и полосами из резных линий на плечиках относится к эпохе раннего железа. Эта керамика встречена в одном комплексе с керамикой позднего времени. Обломки этой керамики и иные предметы материальной культуры попали в заполнение башни из древних, нижележащих слоев. Это объясняет почему на Шахсенгерском городище в одном комплексе встречается разновременная керамика.

Пол башни залегал на глубине -1,5 м. от 0. Он был плотно утрамбован и довольно ровный. На юго-западной стороне башни встречены песчаниковые плиты, которыми частично пол был вымощен. Эта площадка с плитами имеет размеры 0,9 x 2,52 м и вытянута с юго-запада на северо-восток. Возможно, она использовалась в качестве лежанки для стражи башни (рис. 30).

Всередине башни на гл. -1,35 м от 0 расчищен круглый открытый очаг (глубина = 0,07 м), размером 0,6 x 0,56 м (рис. 35). Из этого очага происходят обломки разновременной керамики.

ВОРОТА. В системе оборонительных стен отмечены 5 въездов (рис. 4; 5). Их ширина составляет приблизительно 10 метров. Ни один из них не подвергнут раскопкам. Обычно такие въезды представляют городские ворота в системе оборонительных стен. В фортификационных сооружениях древности и средних веков ворота были наиболее слабым, с точки зрения обороны, звеном. В хорошо сохранившихся и лучше изученных оборонительных сооружениях проходы в воротах перекрывали различ-

ными дверями (собственно воротами), решетками и т. д., усиливали при-
вратными башнями с большим количеством амбразур и др.

Однако, об устройстве въездов на Шахсенгерском городище на данный момент ничего не известно и о характере их устройства можно делать только предположения.

Об устройстве ворот здесь ничего не известно.

1.3.2. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В результате работ, проведенных В.Г. Котовичем в 1966 г. на раскопе №1 в цитадели получены интересные сведения о характере строительных остатков во внутренней части цитадели. В культурных слоях квадратов 4-9 были выявлены скопления строительного камня и обломков глиняной обмазки. Можно предположить, что на цитадели постройки могли быть глинобитными или турлучными на каменном основании (*Котович В.Г., Давудов О. М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25. Л. 38-39).

Им тогда же был заложен шурф (№ 2), где описаны остальные шурфы?) на одной из небольших искусственных террас, расположенных на крутом склоне, в 30 м к ССЗ от северо-западной башни (№ 26) цитадели (рис. 4). Под тонким (0,02-0,03 м) слоем современного гумуса здесь прослежен довольно мощный (0,22-0,31 м) слой относительно рыхлого гумусированного суглинка, равномерно насыщенного известняковой щебенкой. Нижнее шел материк с щебенкой, дресвой и песком (рис. 10). Находки в шурфе отсутствуют. В.Г. Котович полагает, что он представляет собой пахотный участок. Надо заметить, что террасное земледелие не характерно для гуннских племен плоскостного Дагестана (о гуннах еще речи не было, и об их хозяйстве мало что известно). Однако эта терраса была слишком мала. Скорее всего эти маленькие террасы служили для установления палаток или легких жилых сооружений.

Недалеко от северного могильника в 1984г. был заложен раскоп (№ 1), где в верхнем культурном слое были прослежены остатки помещения (Рис.18). В заполнении этого помещения были обнаружены обломки лепной обмазанной, реже серой лощеной керамики, а также обломок «сырцового кирпича» подчетырехугольной формы. Здесь же в слое были найдены и обломки глазурованной керамики¹⁴. Было высказано мнение, что вскрытые строительные остатки представляли собой жилище с легкими стенами (*Абакаров А.И.*1986. С. 6).

1.3.3. ЦИТАДЕЛЬ

Подтреугольная цитадель с оборонительными стенами, фланкируемыми тремя полукруглыми башнями по углам, укреплена с напольной стороны глубоким дополнительным рвом, с остальных трех сторон – созданием крутизны склонов путем эскарпирования. Размеры крепости – 30 x 40 м (Рис.4; 5). Цитадель имела самостоятельную оборону и предназначалась для защиты города и удержания собственного населения в повиновении. В ней размещались владеющий ею государь, а также военный гарнизон, защищающий ее и город.

Строительные остатки в цитадели специально не изучались. В. Г. Котович обнаружил на раскопе в цитадели обломки глиняной обмазки с отпечатками прутьев, что позволило ему допустить наличие здесь турлучных строений. Остатки жилища, изученного на северной стороне городища, в районе шахристана также состояли из легких конструкций. По-видимому, постройки в цитадели состояли из таких же конструкций.

Всю вышеописанную фортификацию следует охарактеризовать как дерево-земляную оборонительную систему.

Здесь мы предварительно сообщим, что город, известный ныне, как Шахсенгерское городище, принадлежал Савирам, называемым гуннами. Он был их столицей, известной в армянских источниках под названием Варачан. Систему доказательств об их принадлежности мы приведем ниже. Здесь же отметим, что с этим городом и вышеописанной цитаделью можно связать имена, жизнь и деятельность правителей гуннов-савир, их политику и экономику.

По сведениям Прокопия, в 498-518 гг. **Гунн Амбазук** владел Каспийскими воротами. При нем гунны умело «торговали с Византией и Ираном» (Ковалевская В. Б., 1984. С. 109). «Гунн Амбазук» состоял в дружбе с византийским императором **Анастасием** (Ковалевская В. Б., 1984. С. 498-518; Артамонов М. И., 1962. С. 64). «Приближаясь к смерти, этот гунн предложил Анастасию купить у него крепость у Каспийских ворот, но тот отказался, не видя возможности там содержать византийский гарнизон. Когда Амбазук умер, эту крепость захватил персидский **шах** Кавад (Ковалевская В. Б., 1984. С. 498-518. В 520 г. в крепости господствовал гуннский правитель), изгнав оттуда детей Амбазука» (Артамонов М. И., 1962. С. 64.).

Царь гуннов (Савир) по имени **Болах** упомянут Прокопием Кесарийским под 520-м годом. Он имел двух сыновей от царицы Боарикс.

После смерти Болахацарица **Боарикс** управляла страной савир. Прокопием под этим же 520-м годом сообщается, что под ее властью находились 100 тыс. гуннов. Она была, как указывает Феофан, «союзницей и другом царя Юстиниана». Резиденцией этого царя и этой царицы была город Варачан.

С царицей **Боарикс** связаны события этого времени. Племенные вожди внутренних гуннов Стиракс и Гленис или Глонис собрались выступить в 520 г. с 12-тыс. войском против Византии на стороне шаха Кавада. Однако их на пути следования встретила царица Боарикс и разгромила. Гленис погиб в бою, Стиракс был захвачен, закован в кандалы и отослан в оковах к императору в Константинополь, где и был казнен.

К 522 г. относится рассказ Феофана о другом «царе гуннов» **Зилигде** (*Зилигд, Зилгивин, Зилги, Зилгиби, Зилгибий* – Зилги князь), которого император Юстин склонил воевать с персами, но тот получил дары от Кавада и тут же перешел на сторону последнего и с 26-тысячным войском выступил против Византии. Тогда Юстин сообщил Каваду, что гуннский предводитель задумал изменить персам и предложил ему лучше заключить мир, чем позволять варварам играть собою. Разгневанный Кавад уничтожил Зилигда и его войско (Летопись Феофана, С.130).

Особо важные события происходили в Варачане в 682 г. После трудного пути в феврале этого года (62 год хиджры), по просьбе гуннского князя **АлпИлитвера** албанское посольство Исаея прибыло в столицу царства гуннов-савир Варачан для распространения христианства среди гуннов (*Каланкатуаци Мовсэ, 1984*).

Наиболее ранние сведения об АлпИлитвере содержит «История агван» Моисея Каганкатваци. В ней говорится об участии знатного юноши в походе на Албанию в 626 г. вместе с Джебу-хаганом Орханом. Его Моисей Каганкатваци называет «*кровожадным орлёнком*». Величали его Шадом («шад» – принц), а собственное имя было Булу. Этот титул Булу носил до смерти Орхана в 631 г. и переподчинения гуннов хазарским ханам из рода Ашина. С этого времени стал именоваться «Алп-илитвер» от титула «*ил-тебер*» – титул вассальных князей в значении наместник (*Каланкатуаци Мовсэс, 1984. С. 110, 119*).

Алп-Илитвер был выдающимся государственным деятелем гуннов-савир. Он был талантливым полководцем, государем-реформатором, начавшим религиозные преобразования у гуннов. Алп-Илитвер «*дожил до почтенной старости и воздвиг во многих местах церкви и умножил почести священников божьих*». (*Каланкатуаци-*

Мовсэс, 1984). Моисей Каганкатваци писал, что Алп-Илитвер, выделяясь силой и доблестью, прославился в состязаниях как победитель на греческих олимпиадах, отличившись силой среди всех остальных, он снискал себе великолепное имя доблестное, совершив многие подвиги храбрости в Туркестане при хаканехазиров, он снискал любовь хакана, и тот выдал за него свою дочь. А также был он удостоен сана илитуерства и прославлен в пределах всех трех стран, потому что наставления епископа о светлом вероучении он принял как венец славы. Моисей Каганкатваци дает ему самые разные и лестные эпитеты: «царь гуннов», «великий князь гуннов», «высокопрестольный князь гуннов» и другими (*Каганкатваци Моисей*. С. 110, 119). В «Армянской географии» он назван царем. В его руках были сосредоточены рычаги управления внутренней и внешней жизнью страны гуннов-савир: заключал союзы, совершал набеги, был верховным судьей. При этом был вынужден считаться со старой родоплеменной аристократией и советоваться с ними по особо важным вопросам (*Гмыря Л. Б.*, 1995. С. 169). А. В. Гадло считал, что «Царство гуннов» при Алп-Илитвере искал выхода из-под хазарской опеки и сближения с Албанией (*Гадло А. В.*, 1979). Недовольный убийством заговорщиками союзного албанского князя Джеваншира в 669 году, Алп-Илитвер совершает вторжение в Албанию, принудив нового албанского правителя, князя Вараз-Трдата к принятию вассальной зависимости.

В области языческой религии он старался постепенно прекратить исступленный плач над мертвыми и бешеную резню и, поняв, что отечественные верования скверны и отвратительны, он дал перед всеми обет [разрушить] капищу Аспандиата запретить жертвоприношения другим языческим богам и повелел поклоняться только живому Богу, Творцу небес и земли, а также Сыну Единорожденному и Духу равносильному. Выбросив вон из головы своей всю скверну зла, он, как младенец новорожденный, жаждал цельного молока. В 682 году Алп-Илитвер вместе с Царством гуннов принял христианство от Кавказской Албании. Важную роль в этом событии сыграл албанский епископ Израэль (*Артамонов М. И.*, 1962. С. 186).

Эр-Тегин. В 682 г. Алп-Илитвер отправил его послом в Армению. В источниках он упомянут не по имени, а по титулу «тегин» – принц. Эр-Тегин был владельцем земли Хурсан, расположенном недалеко от Чола, на берегу Каспийского моря (*Минорский В. Ф.*, 1963. С. 114-115).

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ИНВЕНТАРЯ

В 1966 г. В.Г. Котович отмечал, что в целом культурный слой городища слабо насыщен фрагментами керамических изделий. По его подсчетам на раскопе № 1, в среднем на 20-сантиметровый пласт слоя на площади 4 кв. м приходится в среднем всего 10-25 фрагментов керамики. Такая же картина прослеживается и на последующих раскопах О.М. Давудова.

Всю керамику В.Г. Котович разделил на две большие группы: к первой группе он отнес фрагменты обмазанных баночных горшков разных размеров с прямым, ровно срезанным венчиком, ко второй группе – серую лощеную керамику, изготовленную из глины с примесью небольшого количества мелко истолченного шамота, возможно с применением гончарного круга; орнамент на ней отсутствует, формы ее не восстанавливаются. Вся эта керамика датируется эпохой раннего железа. Здесь В.Г. Котович игнорирует значительную часть более поздних керамических обломков. Такая классификация не отвечает реальной картине.

Лепная обмазанная керамика однообразна и представлена в основном баночными сосудами и мисками, а тарной столовой керамикой, представленной сосудами разных форм и размеров (непонятен смысл предложения). Более того, встречаются тарные и столовые сосуды, хронологический диапазон которых шире. В нижнем слое встречается только лепная обмазанная и заглаженная, а также серая лощеная столовая и тарная керамика эпохи раннего железа. Средневековая керамика здесь, в нижнем слое вовсе не встречается. Зато в среднем и верхнем слоях обломки архаичной керамики встречаются вместе с средневековой керамикой. Это является следствием деятельности средневековых жителей города.

На раскопе № 7 кухонная керамика представлена обломками грубых, лепных сосудов, чаще всего горшков и баночными формами (рис. 38, 7; 41, 1, 2, 4; 42, 1, 7;).

Столовая и тарная керамика не всегда можно отличается друг от друга по обломкам. Чаще всего индикатором здесь выступает толщина черепка. Толщина черепка зависит от размера сосуда. При этом тарные сосуды малых размеров могут иметь тонкие черепки.

Среди находок встречены обломки крупного тарного сосуда с серой, лощеной наружной поверхностью. Тесто с примесью шамота и дресвы (рис. 38, 10; 41, 3; 42, 8; инв. № 9, 4, 87).

Вся эта керамика относится к эпохе раннего железа.

В коллекции керамики раскопа № 7 преобладает средневековая керамика.

К тарной керамике относятся обломки сосуда со штрихованной наружной поверхностью. При этом они имеют довольно тонкий черепок (рис. 37, 1-5; 38, 4,4; 40, 3-10). Их наружная поверхность украшена сложным узором. Один обломок имеет штрихованную наружную поверхность и параллельные полосы из защипов по налипному валику и зерновидных вдавлен. По поверхности темно-красной ангобной краской нанесены полосы и узоры (инв. № 24). На другом обломке сосуда имеется широкая полоса, нанесенная по штрихованной поверхности, ниже – пояс из зерновидных вдавлен (инв. № 18). На третьем обломке по штрихованной поверхности нанесен пояс из зерновидных вдавлен, ниже – темно-красной ангобной краской нарисован широкий горизонтальный пояс, от которого вниз под углом спускаются почетыре тонких прямых полос и тройных пальметок. На четвертом обломке по штриховке наклеплен рельефный пояс, украшенный пальцевыми защипками. На пятом обломке имеется часть, не покрытая штриховкой. Она заканчивается налипным поясом с пальцевыми защипками, за которым следует штриховка, покрытая широким ангобным поясом, от которого вниз под углом спускаются широкие тройные и четверные широкие полосы. На отдельных черепках поверх штриховки имеются тонкие тройные и четверные линии, нанесенные ангобной краской (инв. № 18). Отдельные черепки имеют поверхность, украшенную штрихованными вертикальными каннелюрами.

Один сосуд с гладкой розовой поверхностью и росписью, нанесенной темно-красной ангобной краской горизонтальными полосами, имел цилиндрическое горло, суживающееся от плечиков к устью и отогнутый пухлый венчик (рис. 38,1, 8).

Штрихованная керамика в Дагестане появляется в начале I тысячелетия н.э. и бытует довольно долгое время, включая эпоху развитого средневековья. Из этой керамики наших сосудов выделяет способ орнаментации ангобной росписью поверх штриховки. Прием ангобирования керамики появляется в Дагестане в III в. н.э. и исчезает к IX-X вв. Возможно, прием росписи ангобной краской поверх штри-

ховки появляется после X в. Во всяком случае нам не известны такие сосуды на памятниках Дагестана.

А вот обломок красного сосуда с гладкой наружной поверхностью, украшенной горизонтальным наклепным валиком с пальцевыми защипками и последующими за ним двумя параллельными поясами из кружочков, нанесенных соломиной, видимо относится к столовой керамике (рис. 38, 9; инв. № 23). Близкие формы характеризуют обломки сосуда светло-красного цвета: два обломка от горловины и один – от тулова. Поверхность этих сосудов украшена двумя поясками, начерченными гребенкой в виде параллельных друг другу четырех-пяти волнистых линий. Черепок плотный, сосуд изготовлен из теста с примесью шамота и дресвы (рис. 40, 6; инв. № 86). Эта керамика по своему облику относится средневековой эпохе.

Особый интерес представляют обломки кувшинов (рис. 38, 3,9; инв. № 2, 3, 19, 46, 88). Некоторые из них имеют круглые в сечении ручки (инв. № 3, 46, 88).

От лощеного коричневатого кувшина с цилиндрическим горлом и шаровидным туловом сохранились части от горловины и тулова. Основание горла этого сосуда украшено наклепом овальной формы (инв. № 2); от другого такого же красного лощеного кувшина сохранилась большая часть с наклепной лентой, украшенной пальцевыми защипками в основании шейки (инв. № 19). Эти красноглиняные кувшины относятся к типам, характерным для раннего средневековья. Они представлены на памятниках Дагестана эпохи раннего средневековья. М. П. Абрамова датирует их IV-V вв.

ГЛАВА III. ХРОНОЛОГИЯ ШАХСЕНГЕРСКОГО ГОРОДИЩА

Хронология Шахсенгерского городища представляет собой достаточно сложную проблему. Для ее разрешения необходимо прояснить стратиграфию памятника, проанализировать все находки и материалы, связанные с городищем. А также сведения письменных источников.

Шахсенгерское городище представляет собой уникальное явление, среди одновременных памятников Дагестана.

В.Г. Котович датировал Шахсенгерское городище эпохой раннего железа, сопоставив его материалы с материалами Шахсенгерского могильника, относящегося к эпохе раннего железа. В.Г. Котовича ввел в заблуждение тот факт, что на городище в одних слоях встречается древняя и раннесредневековая керамика. Также он рассматривал территориальную близость городища и могильника в качестве доказательства их одновременного функционирования (*Котович В.Г., Давудов О.М.*, 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, №25. Л. 38-39).

Однако В.Г. Котович не учел того, что в истории развития оборонительной техники прослеживается последовательное появление сначала оборонительных стен, затем четырехугольных башен в их системе и наконец – полукруглых и круглых башен. Появление круглых башен связано с развитием таранной техники, что позволяло разрушать четырехугольные башни, путем сбивания угловых камней.

В Дагестане исследовано не одно раннесредневековое городище с четырёхугольными башнями. В Урцекском городище и городище Таргу-Хамзин, например, в системе фортификации преимущественно встречаются четырехугольные башни. Наличие полукруглых башен на Шахсенгерском городище само по себе ставит под сомнение предложенную В.Г. Котовичем датировку.

Исследования О.М. Давудова позволили установить многослойный характер памятника на Шахсенгерских высотах. В нижнем горизонте расположены поселение и могильник эпохи раннего железа, их перекрывают фортификационные, бытовые и хозяйственные сооружения Шахсенгерского городища (рис. 19а).

В нижних слоях поселения эпохи раннего железа встречается только архаическая керамика эпохи раннего железа и не встречается керамика раннего средневековья. Зато в верхних горизонтах городища встречается архаичная керамика раннего железного века вместе с

раннесредневековой керамикой. Все это свидетельствует о том, что жители, оставившие верхние слои в ходе строительной и хозяйственной деятельности тревожили культурные слои нижнего слоя и занесли в верхний слой древнюю керамику из нижних слоев.

К эпохе раннего средневековья относится керамика, обнаруженная на VII раскопе. Среди этой керамики встречены обломок сосуда темно-охристого цвета с шероховатой наружной поверхностью, украшенной поясом из парных резных полос (кв. Г-IV; -0,1 м.); обломок сосуда с резным штрихованным узором, по которому темно-красной краской нанесена широкая полоса (18 мм) под линией из косых зерновидных насечек. От этой полосы косо проведены 4 линии, длиной 45 мм и такой же краской снизу к этой полосе подведены три пальметки. Черепок в изломе плотный, из теста с примесью шамота и дресвы (кв. А-III; гл. -0,42-0,5 м); обломок сосуда со штрихованной наружной поверхностью. Вся поверхность имеет цвет темно-красного ангоба. Черепок крепкий, внутренняя поверхность розовая. Тесто с примесью шамота и дресвы (кв. Д-III; гл.-0,40-0,42 м); 7 обломков сосуда со штрихованной наружной поверхностью и параллельными полосами из защипов по валику и зерновидными вдавлен. По поверхности нанесена красная ангобная краска (кв. Д-III, А-III, Д-IV, А-IV: гл. -2 шт.): обломок ручки кувшина. Цвет красный. Поверхность шероховатая. Черепок плотный из теста с примесью дресвы и шамота (кв. В-V: гл. -0,58): обломок красного сосуда с шероховатой поверхностью, украшенной поясом из резных волнистых линий (кв. В-V: гл. 0,58 м); обломок светло-красного сосуда с шероховатой наружной поверхностью. Тесто с примесью дресвы и шамота (кв. Б-V: гл. -0,5 8): обл. темно-красно-охристого сосуда. Поверхность гладкая. Черепок плотный из теста с примесью толченого песка (кв. Г-3: гл. - 0,58 м): обломок придонной части сосуда. Поверхность красновато-охристая, шероховатая, еще четыре обломка сосуда со светло-красной наружной поверхностью. Черепок плотный, тесто с примесью шамота и дресвы (кв. А-III: гл. -0,74 м.): обломок темно-красного лощеного сосуда из теста с примесью шамота и дресвы; обломок лепного красноглиняного гладкостенного сосуда правильных пропорций. Черепок плотный из теста с примесью песка: обломок красной ангобированной керамики. Черепок плотный из теста с примесью толченого песка: обломок красного сосуда со штрихованной наружной поверхностью. Черепок плотный из теста с примесью толченого песка: обломок красной ангобированной керамики. Черепок плотный из теста с примесью толченого песка (кв. А-V: гл. - 0,56 м).

Из этой керамики хорошо датируется красная ангобированная керамика. В работе О.М. Давудова «Материальная культура Дагестана албанского времени» проведен ее анализ (Давудов О.М., 1996. С. 110-113.). Высказано мнение о том, что в Центральном и Предгорном Дагестане такая керамика появилась под влиянием грузинского очага производства. Такая керамика представлена на поселении «Ховлегора» в Центральной Грузии, среди материалов конца VII-VI вв. до н.э. Некоторые учёные связывают ее появление с процессом эллинизации страны (М.М. Иващенко), другие пытаются вывести ее из местных корней (Р.М. Рамишвили), третьи связывают с влиянием из юга (Д.Л. Мухелишвили, Ю.М. Гагошидзе, К.Н. Пицхелаури). Согласно последней точке зрения, такое влияние было двухэтапным, первый из которых возник в связи с волной миграции урартских племен, разгромленных в конце VII в. до н.э., второй – с активизацией ахеменидской торговли на Кавказе в конце V в. до н.э. (Пицхелаури К. Н., 1977. С. 221-229; Он же, 1979. С. 132-136) Ю.М. Гагошидзе связывает оба этапа с непосредственной миграцией южного населения. (Гагошидзе Ю.М., 1964. С. 62,68; Пицхелаури К. Н., 1977. С. 221-229; Он же, 1979. С. 132-136; Мухелишвили Д. Л. 1977. С. 213-220). Керамика, о которой идет речь, появившись в Грузии в конце VI в. до н.э., продолжает бытовать здесь и в более позднее время. Возможно, тогда же техника производства красноангобированной керамики из Грузии проникла в горный Дагестан и затем, несколько позднее распространилась по предгорным и равнинным районам страны.

На Шахсенгерском городище не удалось реставрировать ни один сосуд. Но в Дагестане известны различные формы красноангобированных сосудов. Их производили на территории предгорной и горной части Центрального Дагестана во II в. н.э. Наибольшее распространение эти формы получили в III-VIII вв. н.э. (Давудов О.М., 1996. С. 110-113). Так, в могиле № 9 II в. н.э. Сумбатлинского могильника найден кувшин с пачкающим ангобом. (Давудов О.М., 1977. С. 119, 120, 127, 128. Табл. III, 7). Позже качество ангобирования становится более совершенным. Значительное количество красной ангобированной керамики найдено на Карабудахкентском I (5 экз.) могильнике. Встречены они и среди материалов Таркинского (2 экз.) и Хабадинского (I экз.) могильников в комплексах II-III вв. н.э. (Смирнов К.Ф., 1952. С. 268. Рис. 20, 3,6; Он же, 1961. С. 179, 187; 189, 191. Рис. 22, 279; 32, 417, 421; 33,59; 35, 63; Пикуль М.И., 1967. С. 179. Табл. X, 8). На Карабудахкентском III могильнике III-VIII вв. их доля уже составляет 30%. (Смирнов К.Ф., 1958. С. 211-214). Преобладает такая керамика и в

Большом Буйнакском кургане III-V вв., преимущественно в поздних комплексах, а среди ранних встречен лишь один сосуд (Абрамова М.П., 1965. С. 125: Она же. 1977. С. 54-73: Она же. 1980. С. 115-117, 119-129). Обнаружены они и в поздних комплексах Гоцатлинского (I-II вв.), Ленинкентского (Сергокалинского района) I-II вв. могильников (Пикуль М.И., 1967. С. 132, 146, 152).

Интересно проследить изменение количества красной ангобированной керамики на памятниках Центрального Дагестана. На нижнем Чуглинском городище (Левашинский район), например, из 209 обломков керамики нижнего слоя, датируемого концом I тысячелетия до н.э. – IV в.н.э., черепки красные с ангобом составляли 179 экз. (85,6%), из 425 обломков второго–среднего слоя V-IX вв.н.э. – было 220 красных с ангобом (51,7%) и из 113 обломков верхнего слоя X-XIV вв. – лишь 6 подобных обломков (5,3 %) (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г., 1980. С. 97, 98, 102). Такая же картина наблюдается на Охлинском городище, расположенном поблизости (Абакаров А.И., Гаджиев М.Г., 1982. С. 97) и Верхнелабкомахинском городище. Как видно, в Центральном Дагестане наибольшее распространение такая керамика получает в первой половине I тысячелетия н. э. Причем появляется она со II в. н. э. В Северном Дагестане она вовсе не встречается. Нет ее и в Новолакском склепе I-II вв., в погребении около сел. Верхний Чирюрт (I-II вв.), на Бавтугайском могильнике (II в. до н. э. – II в.н.э.) (Пикуль М.И., 1967. с. 133-143, 148, 149) и т.д. В единичных экземплярах встречается красная ангобированная керамика и среди массы серой лощеной посуды Андрейаульского городища (Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. С. 134) и других, одновременных ему памятников Северного Дагестана.

Не встречается красная ангобированная керамика и в Южном Дагестане вплоть до раннего средневековья. Такая география находок ставит под сомнение тезис о происхождении данной керамики из Азербайджанских районов Кавказской Албании. Если бы она произошла именно из этих районов Албании, то больше всего ее следовало бы ожидать на Шаракунском (V в. до н.э. – III в.н.э.), Мамрашском, Сиртичском (I-III вв.н.э.) могильниках и Ганзирском, Сиртичском поселениях и Чичикарском городище I-V вв.н.э. в Южном Дагестане. Но ее там нет. Более того, албанские, т.н. крашенные сосуды, сопоставляемые с нашими красными ангобированными изделиями, выполнены по совершенно иной технологии.

Таким образом, происходящая с Шахсенгерского городища красноангобированная керамика встречается на территории Дагестана на

протяжении длительного времени, однако наибольшее распространение эта керамика получила в III-VIII вв. н.э. (Давудов О. М., 1996. С. 110-113). Учитывая это, а также дерево-земляную фортификацию городища (наличие полукруглых башен), памятник не может быть датирован временем раньше раннего средневековья.

Письменные источники позволяют уточнить датировку городища. Для этого здесь мы предварительно отметим, что в начале VI в. гунны-савиры владели Прикаспийским проходом и территорией, примыкающей к Дербенту с северной стороны (Ашурбейли С., 1983. С. 62). М.И. Артамонов вполне обоснованно считает, что «Царство гуннов» и царство Савиров – одно и то же (Артамонов М.И., 1962. С. 83). Эта точка зрения получила широкое признание у специалистов. Столицей его был город Варачан, локализуемый на месте Шахсенгерского городища. Это положение подробно освещается ниже в специальной главе. Здесь же приведем сведения византийских авторов об этом городе. По сведениям Прокопия, в 498-518 гг. гуннский правитель Амбазук владел Каспийскими воротами (Ковалевская В. Б., 1984. С. 109). Он состоял в дружбе с византийским императором Анастасием (Ковалевская В. Б., 1984. С. 498-518). «Приближаясь к смерти, этот гунн предложил Анастасию купить у него крепость у Каспийских ворот, но тот отказался, не видя возможности содержать там византийский гарнизон» (Артамонов М. И., 1962. С. 64). Следовательно, в конце V в. укрепление Шахсенгерского городища существовало.

ГЛАВА IV. СТАТУС ШАХСЕНГЕРСКОГО ГОРОДИЩА

Шахсенгерское городище имеет трехчастную структуру, состоящую из цитадели, шахристана, разделенного на две части и в значительной части уничтоженного более поздними сельскохозяйственными земляными работами рабада. Оно дополняет список трехчастных раннесредневековых городищ плоскостного Дагестана (по классификации М.Г. Магомедова «Крупные городища», по классификации Л.Б. Гмыри – «Поселения с трехчастной системой планировки» (*Магомедов М.Г.*, 1970, р-2. С. 178; *Он же*, 1970а. С. 12. *Гмыря Л.Б.*, 1980) – Хамзин-Таргу, Урцеки и др. Правда, Шахсенгерское городище почти в два раза меньше их.

Для Шахсенгерского городища характерны все основные градопределяющие признаки как военного и административного центра и крупного населенного пункта. По характеру фортификационных сооружений шахсенгерское городище резко выделяется из среды сопредельных раннесредневековых памятников Дагестана. В особенности это касается дерево-земляных укреплений, стен из бревен (тын – частокол из вертикальных брёвен) на двухпанцирном основании, сложенном из бутового камня, уложенного насухо или «сырцовых кирпичей», а также обводных рвов. Таких памятников в Дагестане известно только два – Шахсенгерское и Сенгерское городища. Для таких городищ характерно групповое расположение мелких поселений вокруг крупного, сильно укрепленного городища. Такие мелкие поселения пользовались защитой мощного центра. Аналогии этим памятникам, скорее всего, надо искать в степном мире. Судя по данным археологии, городища со сложной системой укреплений из «валов» с деревянным тыном и рвом, а также пахсовыми укреплениями на территории северной и центральной Азии появились в эпоху бронзы и продолжали встречаться до конца средневековья. Особенно характерны они для саргатской культуры в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири (*Дмитриев П. А.*, 1929.С. 189; *Матвеева Н. П.*, 1999.; *Матвеева Н. П.*, 1993.172 с.; *Ражев Д. И.*, *Ковригин А. А.*, 1999.С. 171-175; *Соловьёв А. И.*, 2003; *Татаурова Л. В.*, *Толпенко И. В.*, 1999. С. 176-180; *Цембалюк С. И.*, 2004. С. 99-102; *Чернецов В. Н.*, 1953. С. 238; *ParzingerHermann*2006.Pp. 564 ff., 715 ff., Abb 184, 185, 225, 226, 227. См. также: *Киселев С.В.*, 1957. С. 146-148.*Абсалямов М.Б.*, *Мартинов А. И.*, 1974. С. 71-82; *Троицкая Т.Н.*, *Молодин В.И.*, *Соболев В. И.*,

1980. С. 143; *Щетенкі А.Я.*, 1983. С. 46 и сл.; *Щетенко А. Я.*, 1983. С. 47; *Давыдова А.В.*, 1985. С. 11-26; *Худяков О. С.*, 1993. С. 58; *История Хакасии с древнейших времен до 1917 года.* М., 1993. С. 106-107). Оборонительные стены, аналогичные дерево-земляным укреплениям Шахсенгера, описываются некоторыми средневековыми авторами у различных кочевых народов. Деревянными стенами была обнесена резиденция Великого вождя гуннов Аттилы (*Иордан*, 1960. С. 104). У Диодора Сицилийского говорится о деревянных стенах крепости сиракского царя Арифарна. Тацит сообщает о городе Успе в «земле сираков», укрепленном рвами и стенами «из сплетенных прутьев с насыпанной посередине землей» (*Тацит*, 1969, XII, 16. С. 202). Византийский историк Агафий рассказывает о лагере гуннов-савир, обнесенном палисадом (*Агафий*, IV, 18). Эти описания, особенно характеристика лагеря савир, напоминают укрепления Шахсенгерского городища.

Также можно заметить аналогии с Савирским (Суварским) городищем X-XIV веков в Поволжье. На этом городище сохранились остатки дерево-земляных оборонительных сооружений (*Губайдуллин А. М.*, 2012. С. 217-220; Он же. 2018. С. 297-306). При этом около Суварского городища, выявлены одновременные ему поселения Покровское, Татгородокские 1 и 2 (*Смирнов А.П.*, 1941; *Хузин Ф.Ш.*, *Шарифуллин Р.Ф.*, 1999). Это также напоминает расположенные рядом Шахсенгерское и Сенгерское городища. Все это позволяет предположить, что Шахсенгерское и Сенгерское городища, с абсолютно чуждыми для раннесредневекового Дагестана традициями фортификационной архитектуры, были построены пришельцами. Наиболее вероятно, что в IV-V вв. такими пришельцами могли быть племена гуннов-савир.

В науке прочно утвердилось мнение о том, что савиры пришли в Западную Сибирь из Центральной Азии вместе с хуннами (*Приск Панийский*). Из Западной Сибири в 463 г. они были изгнаны аварами. В результате Савиры поселяются на территории степей Западного Прикаспия. Здесь они обосновались в юго-восточной, прикаспийской части европейских степей и завладели долиной вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента (*Новый список Географии*, приписываемой Моисею Хоренскому). *М.И. Артамонов* локализует Савир в раннем средневековье в Прикаспийском Дагестане, к северу от Дербента. Он опирается на сообщение арабского автора *Ибу Хордадбеха* (*Артамонов М.И.*, 1962. С. 183; *Караулов Н. А.* С. 17). Эта точка зрения получила широкое признание у специалистов. Так на основании пись-

менных источников и археологических материалов Л. Б. Гмыря определила «страну гуннов» в пределах от низовий Волги на севере до Дербентского прохода на Юге. (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 153-169). Эту точку зрения также поддержали Яков Александрович и Гаджи Саидович Федоровы (1972) и Ю.Р. Джафаров (1985) (*Семенов И. Г.*, 2001). Татарские историки З.З. Мифтахов и Д. Ш. Мухамадеев пишут: «До переселения в наши края, савиры жили южнее барсил. Их земли были в предгорьях Кавказа между нижним течением реки Сулак и городом Дербентом. Здесь савиры создали свое государство Сувар (или Джидан). Столицей Сувара был город Варачан. Он располагался на холме в 15 км, от побережья Каспийского моря. Это был хорошо укрепленный город-замок на древней караванной дороге вдоль западного побережья Каспия» (*Мифтахов З.З., Мухамадеев Д.Ш.*, 1993).

По автору VI в. Захарию Ритору (Псевдо-Захарий) в составе гуннских племен, проживающих в Приморском Дагестане, севернее Дербента упоминаются: «...бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть города и аланы. У них пять городов. ...Авнагур— народ, живущий в палатках. Авгар, **сабир**, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием». (*Пигулевская Н.В.*, 1941. С. 165).

После смерти Атиллы (в 453 г.) народы, жившие в районе Черного и Каспийского морей, стали свободными. Старая конфедерация оногуровраспалась и на ее месте сформировалось новое военно-политическое объединение гуннских племен во главе с савирами (*Джафаров Ю. Р.*, 1985. С. 69). В эту конфедерацию входили болгары, а также хазары, ничем не заявившие о своем существовании в течение всей первой половины VI в.

Савиры были воинственным племенем. Их воины были хорошо вооружены. Основным оружием были мечи. Они имели большой опыт в использовании стенобитных орудий. Савиры создали такие стенобитные машины, которыми удивляли даже опытных в этом деле византийских инженеров. Савирские воины отличались от других и своим внешним видом. Мужчины-воины подстригали волосы спереди, а сзади заплетали несколько кос (*Мифтахов З. З., Мухамадеева Д.Ш.*, 1995).

Византийский историк Прокопий Кесарийский (ок. 500-560-е гг.) писал, что сабиры являются гуннскими племенами: живут они около Кавказских гор и вблизи их владений находятся два главных прохода

– Каспийские ворота (Дербентский) и проход Тзур (Дарьяльский). Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Гунны-савиры занимали поля, ровные и гладкие, орошаемые обильными водами, удобными к содержанию коней (*Кесарийский Проконий*. 107). Тогда же (когда проникли в Прикаспийский Дагестан) савиры стали самым могущественным среди гуннов племенем и выделилась династия, претендующая на постоянное управление племенем и их конфедерацией.

А.К. Аликберов считает, что «владения хамринцев прежде назывались Сувари, принадлежали савирам» (*Аликберов А. К.*, 2003. С. 159). В действительности Хамзин принадлежал барсилам, которые в VI в. входили в конфедерацию, возглавляемую Савирами. Более подробно об этом говорится в статье В.Г. Котовича о раскопках городища Таргу (*Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М.*, 1983. С. 57-82).

Савирских памятников, видимо, было больше и вероятно жили здесь представители только одного, отдельного «колена» или отдельной этнической группы племени савир. Но это была привилегированная группа. А все племя савиров, по подсчетам исследователей, населяло значительно большую территорию (*Салмин А. К.*, 2011. С. 23-28). Остальные группы савиров следует искать севернее, в Приморском Дагестане, в том числе в долине реки Кума и в Закавказье.

На высокий уровень военного искусства савир указывают события, происходившие при военных действиях между Ираном и Византией в Лазике. Правитель лазов Губац во время ирано-византийской войны 550-556 гг. нанял савиров и алан для защиты от персов, но не смог вовремя расплатиться, и союзники перешли на сторону Ирана. Византийский император Юстиниан прислал необходимую сумму. Три савирских вождя прибыли за ней к византийскому войску, осаждавшему город Петру. Савиры научили византийцев строить переносные тараны особой конструкции, благодаря чему город был взят (*Удальцова З. В.*, 1967. С. 333).

Менандр Византиец сообщает, что византийский император Юстиниан (правил с 527 по 565 г.) убедил аваров напасть на гуннские племена утигуров, салов и савиров. Авары, получив подарки и все, что было послано им царем, начали войну и разгромили утигуров, салов и савиров. В 562 г. савирское объединение было разгромлено персидским шахом Хосровом I Ануширваном. В результате часть савир была насильно переселена в Закавказье.

Эти события положили конец могуществу савир. С остатками савирского объединения принято связывать «царство гуннов» (хонов), существовавшее в Дагестане в VI – начале VIII веков (*Артамонов М. И.* 1962). Как выше указывалось, им, вероятно, принадлежит изучаемый нами памятник. В VIII в. страна Савир – Сувар становится хазарским федератом.

Столицей царства Савир армянские источники называют Варачан – Вараджан. Ее местоположение вызывает споры в научных кругах. Одни исследователи локализуют ее на одном из притоков Койсу (Й. Маркварт) (*Marquart J.* 1903. Рр. 16-19, 166), другие – между городами Баку и Дербент (Д. Данлоп и А. В. Тоган) (*Салмин А. К.*, 2019. С. 44-45), третьи – в районе современного города Буйнакск (С.Т. Еремян, М.И. Артамонов) (*Еремян С. Т.*, 1939; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. С. 17. № 903), четвертые – на месте городища Урцеки (В.Г. Котович) (Котович В. Г., 1965. С. 155; Он же, 1974. С. 182-196; *Ludwig D.*, 1982. Рр. 249), пятые (В. Ф. Минорский) – у селения Башликент Каякентского района Дагестана (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 128-129. *Minorsky L.*, 1937. Рр. 453; 3. Рр. 125, 126; *Danlop V.*, 1954. Рр. 43, 44).

Последняя точка зрения заслуживает особого внимания тем, что согласно источникам Варачан расположен близко к Дербенту. Известный хазаровед, академик А.П. Новоселцев помещает Варачан в нижнем течении реки Уллучай (*Новоселцев А. П.*, 1990. С. [123-124](#)). Речь идет о месте его расположения, а не о конкретном памятнике.

В последнее время к проблеме локализации города Варачан вернулся дагестанский археолог М.С. Гаджиев, который предложил поместить его на месте Шахсенгерского городища (*Гаджиев М.С.*, 1995. С. 29-35; *Он же.* 1990. С. 77-78). Его поддержали О.М. Давудов, который занимался непосредственными раскопками этого городища, а также Я.А. и Г.С. Федоровы, К.Н. Акопджанова и А. К. Салмин (*Акопджанова К.Н.*, 2002. *Салмин А. К.*, 2019. С. 45). Локализацию Варачана на месте Шахсенгерского городища также поддержали З. З. Мифтахов и Д.Ш. Мухамадеев. Однако само Шахсенгерское городище имеет не очень большие размеры (около 12 га укрепленной территории, площадь рабада неизвестна). В северном Дагестане хазарские городища и городище Таргу – Хамзин значительно превосходят по размерам Шахсенгерское городище. Основным аргументом В.Г. Котовича при локализации Варачана на месте Урцекского городища было отсутствие в окрестностях сел. Башликент сколько-нибудь крупного памятника с раннесредневековыми культурными напласто-

ваниями, который мог бы быть с достаточным основанием сопоставлен с городом Варачан. Он же достаточно убедительно отверг точки зрения других исследователей о локализации Варачана в других местах. Также достаточно убедительно аргументировал тезис о локализации Варачан на месте Шахсенгерского городища М.С. Гаджиев. Мы здесь отсылаем читателя к его работе. Эта точка зрения привлекательна тем, что в «Истории Агван» Моисея Каганкатваци подробно и скрупулезно описывается путь албанского посольства, а отрезок пути от Дербента до Варачана не освещен, что может указывать на близость обоих городов, удаленных друг от друга примерно на один дневной переход (35 км). В краткой редакции «Армянской географии» VII в. говорится: «Севернее (Дербента) живут Гунны, у которых город Варачан и другие города (Армянская география. I. С. 38), в пространной редакции – «К северу (от Дербента) близ моря находится царство Гуннов, на западе у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр (Семендер)» (Армянская география. II. С. 30). Учитывая все за и против Шахсенгерское городище можно принять за остатки столицы гуннов-савирВарачан.

В монографии Л.Б. Гмыри, посвященной религиозным представлениям населения Прикаспийского Дагестана IV-VII вв., на основании письменных источников определен статус города Варачан. По ее данным, Варачан характеризуется как обширный населенный пункт, с развитой планировкой и многочисленными улицами, площадями, городскими воротами, городским храмом и царским дворцом (*Гмыря Л. Б.*, 2009. С. 206-211). Все эти признаки характерны для Шахсенгерского городища.

Развитая планировка и структура Шахвенгерского городища показаны на плане памятника (рис. 4,5). Они разумны и весьма рациональны. Для столь крупного города (цитадель и шахристан составляют 14 га), где жилища, расположенные плотно, должны быть разделены множеством улиц и переулков. На плане видны также большие и малые ровные площади, использовавшиеся народом для собраний и проведения различных массовых мероприятий. В системе фортификации видны пять проходов – городских ворот.

Дворец правителя находился в цитадели. Он далек по размерам и форме от привычных нам представлений о дворцах. Резиденция властителя гуннской империи, распространенной от Рейна до Волги Аттилы был деревянным (*Приск Панийский*, 2005. С. 435-534). «Дворец» племенного вождя должен быть намного скромнее. Не следует забывать и о том, что Варачан– столица сабириков, живших «в палатках»

(*Пигулевская Н.В.*, 1941. С. 165). На территории шахсенгерской цитадели встречены остатки турлучных сооружений, вероятно, происшедших от «дворца» правителя.

То же самое можно сказать об языческих храмах. Послесабиров-язычников на территории Варачана жили сабиры-христиане и мусульмане-арабы, которые относились к языческим святыням без почтения. Они должны были их уничтожить.

Л.Б. Гмыря в той же работе разбирает этимологию названия «Варачан». Она выводит название города из древнеперсидского *waraka* > авест. *vaga* – «ограда», «укрепление», «укрепленное поселение» (от корня *wağ* – окружать, защищать) (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 206-211. См. также: *Котович В.Г.* 1974а. С. 182, 193-196.; *Кляшторный С.Г.*, 1978. примеч. 37, С. 246). Интересно то, что современное название Шахсенгер с современного персидского переводится как «главное укрепление» (см. выше).

На рассматриваемой нами савирской территории, выявлены Шахсенгерское и Сенгерское городища. Их, видимо, было больше. Следовательно, остается место для поиска интересующего нас памятника. Современное название городища «Шахсенгер» – главное укрепление и «Варачан» – «центральное укрепление», «главный город» указывает на один и тот же город – столицу савиров – Варачан.

2. Некоторые исследователи отождествляют город Варачан с другими известными по армянским и иранским источникам городами. Так А. П. Новосельцев Варачан армянских источников отождествляет с Беленджером арабских и персидских авторов (*Новосельцев А. П.*, 1990. С. [123-124](#)). Эта точка зрения впервые была высказана немецким ученым Марквартом и поддержана М.И. Артамоновым, С. А. Плетневой и другими исследователями (*Marquart J.*, 1903. Рр. 168-19, 166; *Еремян С. Т.*, 1939. С. 143-145; *Артамонов М. И.*, 1962. С. 186, 229, 312; *Федоров Я. А.*, *Федоров Г. С.*, 1978. С. 192; *Marquart J.*, 1898. С. 87; История халифов вардапета Гевонда, 1862. С. 155, прим. 174; *Бартольд В. В.*, 1963. С. 674; *Плетнева С. А.*, 1976. С. 27).

Б.Н. Заходер считал, что Варачан носил название «Беленджера», «Хамлиджа» и «Семендера» (*Заходер Б. Н.*, 1962. С. 183). С этим мнением не согласны многие авторитетные исследователи (*Новосельцев А. П.*, 1990. С. [123-124](#); *Ибн Хордадбех*, С. 123; *Йакут*, Ч. 1. С. 489-490; Ч. 3. С. 253). Одни авторы помещают Баланджар – Беленджер на одном из притоков Койсу (Й. Маркварт), другие – на нижнем течении Сулака «по дороге, ведущей из Петровска в Кизляр» (Ф. Вестберг),

третьи – на месте городища Маджары (Б. А. Рыбаков), четвертые – на месте Верхнечирюртовского городища, в Северном Дагестане (М. Г. Магомедов, С.А. Плетнева), пятые – на месте Белиджинского городища (В. Г. Котович), шестые – к востоку от Самандара, в степях центральной части Предкавказья (А. В. Гадло). Арабский историк Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи (умер в 926 году) в «Книге завоеваний», описывая поход ал-Джарраха ибн Абдаллаха ал-Хаками против хазар, прослеживает его маршрут от реки Рубас через город Баб аль-Абваб к реке Ар Ран (*Артамонов М.И.*, 1962. С. 183; *Караулов Н.А.*, С. 17) – городу Хасин – городу Бар'уф– далее к городу Баланджар – городу Вабандар и к городу Самандар (*Ал Куфи*, С.). У Табари вместо реки Ар-Ран назван город Нарван, расположенный в 6 фарсах севернее от Дербента (35 км). Здесь у обоих авторов после Баб аль-Аббаба названы шесть городов и первым числится город Нарван, расположенный у реки Ар-Ран, в 6 фарсах к северу от Дербента, далее Хасин, расположенный в долине реки Гамри-озен, далее – весьма неопределенный город Бар'уф, который считают ошибочным написанием названия «Таргу» и лишь третьим – город, называемый арабскими авторами «Баланджар», расположенный севернее долины реки Гамри-озень. Ибн аль-Асир (12 мая 1160 – 1233 или 1234) с Юга на Север перечисляет реку Ар-Ран, Хусайн (Хамзин), Яргуа (Таргу), Баланджар, Олубайдар (Вабандар). Здесь Беленджер также упоминается севернее долины Гамри-озень (*Ибн Аль Асир*). Информаторы Ал Куфи приводят два названия одного и того же города – Хамсин и Бар'уф–Яргу, но также называют Беленджер после Гамри-озень. Если Беленджер локализовать после Гамри-Озень, южнее остаются города Хамзин и город Нарван, расположенный на месте реки Ар-Ран – Уллучай. Названием Баланджар в арабских и персидских источниках обозначены племя баланджар, город Баланджар (*Ат-Табари*, С. 895), река Баланджар (*Ибн Ал-Факих*, С. 287; *Ал-Белазури*, С. 203; *Ал-Йакуби*, Т. 2. С. 194), проход Баланджар (*Ат-Табари*, Сер. 1. С. 2889; *Ибн Ал-Факих*, С. 289. Упоминается стена на пограничье «Сагр» Баланджара. Но «Сагр» в арабском значит и «ущелье») и горы Баланджар (*Ат-Табари*, Сер. 2. С. 1560). Казем-Бек в тексте Табари название Беленджер читал как «Булкер» или «Балк» и считал, что такого названия «Беленджер» никогда не существовало и оно появилось в результате небрежности переписчиков. Эту точку зрения поддерживал Я. Г. Гаркави (*Гаркави А.Я.*, 1878. С. 271, *Артамонов М.И.*, 1962. С. 184). По описанию источников, на роль города, который арабы называли Беленджером больше подходит Урцекское городище, рас-

положенное севернее долины реки Гамри-озен и южнее города Семендер, локализуемого большинством исследователей на месте Таркинского городища. Оно занимает своеобразную округу, замкнутую с трех сторон горными отрогами. Недалеко протекает речка Количи. Имеется проход, открытый в сторону гор. Урцекское городище имеет около 40 га площади. К городищу примыкает обширная сельскохозяйственная округа, укрепленная стенами. Источники четко различают город Варачан от города, который арабские и персидские источники называют Беленджером.

Интересны сведения об арабской агрессии против Варачан. Армянский историк конца VIII века Гевонд пишет: «После того Мерван, сын Махмета, собрав сильное войско и взяв с собою армянского князя Ашота и других вельмож с их дружинами, предпринял с ними поход в землю Гуннов. Разбив городские войска (гарнизон), он овладел городом. По взятию города, когда жители увидели, что неприятель одолел их, то многие из них стали бросать имущество свое в море, а другие и сами бросались в море и погибали в безднах его. Захватив оставшихся в живых жителей с их имуществами, войска исмаильские и Мерван с Ашотом, обремененные несметною добычею, возвратились из стран гуннских, торжествуя славную победу. Достигнув Шахастан-Партава, (Мерван) пятую часть добычи и пленных отправил к властителю своему, Гешиму, вместе с письмом, которым доносил ему о победе. Получив подарки из добычи, халиф изъявил свою искреннюю благодарность Мервану и войску его...Остальную добычу и пленных Мерван роздал войскам своим; уделил часть Ашоту и другим почетным князьям, дал им рабов и рабынь» (*Гевонд*). Здесь «город гуннов не назван его собственным названием. Но другой армянский ученый – историк VIII в. Вардан Великий, описывая поход арабского полководца Мервана с участием армянского князя Ашота в 737 г., пишет: «... пошел походом на Варачан– город Гуннов, и возвратился оттуда победителем» (*Вардан Великий*). В «Истории Агван» Моисея Каланкатуйского в переводе К. П. Патканова (СПб., 1861. С. XII) город Варачан назван «великолепным» (*Каланкатуйский Моисей*, 1861. I. С. 192) А. П. Новосельцев исправляет этот эпитет на «известный, знаменитый» (*Новосельцев А. П.*, 1990. С 123). По сведениям Моисея Каланкатуйского в окрестностях Варачана были размещены священные места, где справлялись языческие обряды (*Каланкатуйский Моисей*, 1861. I. С.).

Военным действиям арабов 737 г. предшествовали покорение Тумана (735/6 г.), Лакзов (736/7 г.) и Серира (737/8). Арабский воена-

чальник Мерван Ибн Мухаммад, собрав огромное войско (по Ал-Куфи у него было 150 тыс. воинов), (*Ал-Куфи*, 1981. С. 49) вторгся в пределы Хазарского каганата. Наступал он двумя группами. Одна из них во главе с Усайдом ибн Зафиром ас-Сулами наступала через Дербент, по Прикаспийской низменности. С этим войском соединились ополчения накануне покоренных «царей гор» (*Ал-Белазури*, 1927. С. 207).

Другую группу через Дарьяльский проход Мерван повел сам, и он вышел к Самандару, где обе группы арабских войск соединились (*Ал-Белазури*, 1927. С. 207; *Ал-Куфи*, 1981. С. 49). Город был взят и разгромлен, захвачена большая добыча, в том числе рабы и рабыни (*Левонд*. С. 113-114).

После этого арабы добрались до «славянской реки», которую некоторые исследователи считают Доном или Итилем. Результаты сражений для хазар были печальными: отборное 40 тысячное войско во главе с Хазар-тарханом было разгромлено, 10 тысяч хазар было убито, 7 тысяч попало в плен, а остальные разбежались. Арабы взяли и разграбили хазарские города, в том числе и город Варачан, покорили савир, болгар, барсил. Хазарский каган, узнав о разгроме своей армии, запросил мира. Мерван согласился с условием принятия ислама. Каган согласился и принял ислам.

Последствия этого нападения для многих хазарских племен были далеко идущими. Под напором арабской агрессии хазары перенесли свою столицу на Итиль. Многие хазарские племена, в том числе Савиры (Сувары) покинули беспокойный Приморский Дагестан и переселились в Среднее Поволжье. Вместе с барсилами здесь разместились и беленджеры. Булгары основали здесь город Биляр, ставший столицей Волжской Болгарии. Савиры (сувары) также основали здесь свой город – Сувар, который находился на реке, которая в настоящее время называется Сухая Утка. Основав город, савиры, как и в Приморском Дагестане, обнесли его дерево-земляными оборонительными стенами, перед которыми вырыли глубокие рвы, насыпали валы, а в некоторых местах даже в два ряда. Остатки валов и рвов сохранились до настоящего времени. Сувар расположен у современного селения Кузнечиха Спасского района Республики Татарстан. Расцвет города относится к первой половине X века. Существовал он до 1236 года. Разрушен в ходе общемонгольского Западного похода, возглавляемого Бату, и больше не восстанавливался.

В источниках IX в. сведения о «Беленджере» в Дагестане продолжают фигурировать в перечнях хазарских городов. Полагают, что

город в это время ещё существовал, поскольку его жителем был известный аббасидский гулям и полководец хазарского происхождения Исхак ибн Кундаджик. По русским летописям 13 в. известно, что в Беленджере жили и русские купцы.

Таким образом, приведенные археологические материалы и письменные источники позволяют уточнить хронологию Шахсенгерского городища. Как уже говорилось, незадолго до 463 г. савиры были изгнаны из своих земель в Западной Сибири аварами. Не позднее 502 г. они завладели территорией вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента. Здесь савиры создали свое государство со столицей Варачан на месте Шахсенгерского городища. К 498-518 гг. относится сообщение Прокопия об укреплении Амбазукау Каспийских ворот (*Ковалевская В. Б.*, 1984. С. 109). Первоначально это была стоянка кочевников. Вскоре она превратилась в город с высокоразвитыми фортификационными сооружениями. Конец савирского периода истории этого города точно определяется не позднее 737 г., когда савиры под напором арабской агрессии переселились в Поволжье.

***

В дагестанской историографии появился вопрос о взаимоотношениях савиров с местным населением и политическими образованиями. Отдельно о савирах трудно говорить, тем более, господствующее положение они занимали короткое время. Тем более, для этого нет основания. Надо говорить о гуннах вообще. Прежде всего, их остатки, сохранившиеся в Прикаспии после миграции основной массы племен в Поволжье, впоследствии приняли участие в этногенезе кумыков. Сложнее вопрос об их роли в этнокультурной и политической истории горных народов (предков современных аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев и др.). Особенно часто обыгрывали гуннскую проблему в конце XIX – начале XX вв. В наши дни наиболее обстоятельно ей занимался востоковед А. К. Аликберов. Он прав, когда говорит о влиянии гуннов на местное население в целом, но в деталях нужны уточнения. Он полагает, что топонимы с основой «гун»/«хун» зафиксированы на обширной территории, в бассейне реки Аварское Койсу и ее притоков. В качестве таковых он приводит названия лакского села Хуна, аварских селений Гуниб, Гонода, Хунзах, Хиндах Хунзахского района, Хиндах Шамильского района, Хиндах и Гунзиб Тляратинского района. При этом он отмечает параллель образования этнонима Гунзиб и названия селения Хунзах. С гуннами

он также связывает гидроним Хунних, кумухского квартала гунналал (Аликберов А.К., 2003. 847 с.). Все эти названия возникли из созвучия слов на русском и дагестанских языках. У народов Дагестана под названием «гунны» не известны этнические группы, во всяком случае у аварцев. Грузинская летопись «КартлисЦховреба» («Житие Грузии») ЛеонтиМровели (XI в.) также не знает этнос под названием «гуннов» (ГадлоА.В., 1979. С.19; Каухчишвили С. Г., 1955; Т. П.Тбилиси, 1959). Топоним «Гуниб» (ав.ГЪуниб) состоит из двух частей: «гъуни» – ав. куча и локатива «б», у кучи, Гонода (ГЪонода– из «ГЪоно» (не поддается объяснению, но далек от Гунн) и локатива «да»,– над, Хунзах («Хунзахъ» – из Хунз– названия общества и окончания «ахъ»– у Хунзов. По этой же схеме образовано название цунтинского малочисленного народа (около 900 чел.) Гунзиб в русском звучании (самоназвание ГЪонкьос, ав. ГЪунзал, груз. Энзеби). Хиндах (ав. «ХЪиндахъ» состоит из «ХЪин» (в различных диалектах ав. яз. ЛЪин/ЛЪим, ХЪин/ХЪим– вода. Жителей речных долин аварцы называют ХЪиндалал).

Некоторые этнонимы Дагестана образованы по единой схеме – Хун-з-ах, ГЪун-з-ал, Лак-з. Здесь слово надо представить лингвистам – объяснить явление, исходя из законов местных языков. ЛеонтиМровели пишет: «Хозаних, что был самым знаменитым в роду Лекана, ушел в горную теснину, воздвиг там город и дал ему свое имя – Хозанихети» (МровелиЛеонти, 1979. С. 25, 56). В тексте летописца ясно звучит – Хозаних – сын Лекоса (не гуннов) и отступил он в горы под воздействием «хазар». А.В. Гадло выводит имя эпонима Хозаних от осетинского «хазныг» – «богатый», восходящую к древнеиранскому (согдийскому) «сокровище», «хранилище», «богатство» (Гадло А.В., 1979. С. 24-25; Абаев В.И., 1973. С. 302, 303).

При датировке перемещения Хозаниха в горы существуют разные взгляды. Немецкий ученый Й. Маркварт на основании расположения рассказа об отступлении Хозаниха в горы до рассказа об Александре Македонском полагал, что речь идет о миграции Хозаниха под натиском скифов (MarquartJ., 1903, S. 168). Эту точку зрения поддерживали многие советские ученые. Н.Я. Марр полагал, что речь идет о хазарском времени, как в источнике. А.В. Гадло весьма убедительно доказал, что речь идет об отступлении Хозаниха под натиском тюркютских племен (ГадлоА.В., 1979. С.).

На Хунзахском плато Д.М. Атаев изучил Галлинский могильник, расположенный около селения Батлаич. Могильник состоял из трех слоев и содержал вытянутые на спине или слегка повернутые на бок

захоронения в каменных ящиках и грунтовых могилах. Инвентарь нижнего слоя могильника относится к V-VII вв., среднего слоя – к VIII-X вв. и третьего, верхнего слоя – к XI-XIII вв. (*Абакарова А. И., Давудов О. М.*, 1993. С. 169. № 686. См. также: *Атаев Д. М.*, 1959. С. 177-199; Он же, 1961. С. 228-238; Он же, 1963. С. 25-32; *Котович В. Г.*, 1961. С. 46-53). Первый, нижний слой могильника таким образом относится ко времени переселения Хозаниха.

Долина среднего течения Аварского Койсу в настоящее время занята населением, говорящим на переходном диалекте аварского языка. Они живут в селениях Нижний Батлук, Заната, Могох, Голотль и Корода. Специалист по аварскому языку Ш.И. Микаилов утверждал, что переходный диалект аварского языка вклинился между южным и северным диалектами (*Микаилов Ш. И.*, 1959. 511 с.). Эта миграция аварских племен относится ко второй волне и, видимо, связана с хазарским периодом, и датируется погребениями второго слоя Галлинского могильника (VIII-X вв.).

Влияние гуннских – хазарских племен на местное население некоторые ученые прослеживают в V-X вв. по склеповым захоронениям (*Плетнева С. А.*, 1999. С. 184 -185; *Смирнов К. Ф.*, 1951. С. 113-119). Одни из них отождествляют склепы с катакомбами, считая их теми же катакомбами, только выполненными в камне, другие предлагают отбросить термин «катакомбы» как неудачный и заменить его термином «земляной склеп» (*Нечаева Л. Г.*, 1961. С. 151-159; Она же, 1972. С. 267-292; Она же, 1956. С. 18; *Морковин В. И.*, 1970. 4.; Он же, 1982. С. 9-19). Как известно, склеп представляет собой коллективную, семейно-родовую усыпальницу и возводили его для богатых семей воинской знати и обычно содержит богатый погребальный инвентарь, необходимый их владельцам на том свете.

Склепы в предгорном и отчасти в горном Дагестане появляются в албанское время и получают широкое распространение в V-X вв. В раннем средневековье они встречены на Курклинском, Мегебском, Урцекском, Дегва, Гапшиминском, Уркарахском, Дурангинском, Верхнекаранайском, Аркассском, Таркинском, Агачкалинском и Узунталинском могильниках¹. Они отличаются богатством инвентаря. Их распространению отчасти способствовали гуннские и хазарские племена (Материалы из гробницы V в. Связаны с Гуннами. *Давудов О. М.*,

---

¹Встречаются склепы и на памятниках Северного Кавказа. Но они по структурным особенностям несколько отличаются от наших.

1979. С. 184-187; Он же., 2013.С. 82-97; Он же, 1982. С. 54-55; Он же, 1984. С. 77-87. Он же. *Котович В.Г.*, 1979. С. 36).

В окрестностях селения Алмак расположен могильник, состоящий в основном из каменных склепов. Алмакские склепы особенно близки к Агачкалинским, приписываемым хазарам. Алмакские склепы, видимо, принадлежат воинской знати гуннского племени салов, от этнонима которого произошел топоним Салатау и гидроним реки Саласу. Все склепы, найденные в плоскостном Дагестане, видимо, принадлежали гуннам, вошедшим после 7 века в состав Хазарского каганата.

Склеп, изученный О.М. Давудовым на окраине селения Куркли Лакского района, ограблен. Остатки инвентаря позволяют судить о его богатстве. С ним связана грунтовая могила с захоронениями 13 коней с богатым серебряным снаряжением и одного крупного рогатого животного. Такие погребальные сооружения в последнее время характеризуют как «княжеские». Характер погребальных сооружений и погребального инвентаря Курклинского могильника позволяет ставить его в один ряд с могильниками Дагестана V-VII вв. (*Давудов О. М.*, 2012. С. 48-73; Он же, 2012. С. 642).

М.Р. Гасанов приводит сведения о том, что южные табасаранцы верхних табасаранцев называют «гъуннар», «гъуннажви». Если это не простое созвучие, оно указывает на длительные контакты верхних табасаранцев с гуннами. Такие языковые реплики должны были появиться не от общего названия гунно, а от конкретного этнонима племени, в данном случае от савиров. А вот легенда, записанная в Табасаране известным лингвистом П. К. Усларом, гласит, что гунны напали на местного правителя Базузайхана и разграбили его имущество (*Гасанов М. Р.*, 1975 С. 186; *Генко А. Н.*, 1941.). Легенда весьма сомнительная.

Территория плоскостного Дагестана от Дербентского прохода до Салатавии, где наиболее часто встречаются склепы, входила в состав т.н. «Царства гуннов» (Джидан). Позже она вошла в состав Хазарской федерации, салтово-маяцкой культуры как Дагестанский вариант. «Гунны» в V-X вв. способствовали распространению склеповых погребальных сооружений в Дагестане.

ГЛАВА V. ШАХСЕНГЕСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ. ВЕРХНИЙ СЛОЙ

После вытеснения гуннов-савилов в результате арабской агрессии, на короткое время, город Варачан-Шахсенгер опустел. Во 2-й половине VIII в. город Варачан в дагестанских исторических источниках появляется под названием «Суварская крепость». По «Тарихи Дербент наме» в это время хазары стали активнее нападать на подвластные арабам Восточное Закавказье и Баб аль-Абваб. При этом их действия были довольно успешными. Тогда правителем Баб аль-Абваба был Йезид ибн Асад ибн Зафир Сулейми. Аббасидский халиф Абу Джафар Мансур (род. 714, правил 754-775 гг.) пригласил его к себе и спросил: «О, Йезид ибн Асад! Каким путем и каким способом возможно защитить мусульманский народ от злодеяний кафиров?» Йезид ибн Асад ответил: «Если ты хочешь, чтобы злодеяния и вред кафиров не достигали мусульман Арминии, Азербайджана и Ирака, построй от Дербенда в сторону хазар крепости и города и оставляй в тех крепостях и городах много войска. Тогда у страны кафиров прервется алчность и мусульманские страны будут защищены от злодеяний кафиров».

В соответствии с приказанием халифа Абу Джафара Мансура были построены новые города и крепости, благоустроены старые (восстановлены были крепости Мюта, Камах, Суфнан, укреплены деревни Дарваг, Ерси, Гумейди, Магатыр, Маграга) (Бакиханов А.-К., 1991. С. 57). Все они были заселены выходцами из арабских стран. Среди старых, благоустроенных «крепостей» была и Суварская крепость, заселенная 1000 арабских воинов. Эта «крепость» раньше в армянских источниках называлась Варачан.

После этих мер состояние Дербента улучшилось, все южные районы были избавлены от набегов хазар и разных кочевников (Мухаммед Аваби Акташи «Тарихи Дербент наме». С.). При этом надо заметить, что у арабов во время завоеваний строительное искусство стояло на более низком уровне, чем во многих из захваченных ими стран. Поэтому в покоренных странах они ориентировались на местные традиции. Особенно сильное влияние на развитие арабской архитектуры оказало высокоразвитое зодчество Сасанидского Ирана. У них арабы восприняли схему мечетей, медресе, мавзолеев и т.д. Арабы в соответствии с местными природно-климатическими условиями использовали в строительстве камень, кирпич, бетон, каркасную конструк-

цию. В Баб аль-Абвабе и вновь созданных и перестроенных дагестанских городах, поселениях и крепостях широко использовали камень и кирпич. Такое же каменное строительство какое практиковалось в Дербенте и сопредельных, вновь возведенных и перестроенных населенных пунктах, выявлено и в Шахсенгере, в верхних слоях, связанных с арабами. Камень в Шахсенгер, видимо, привозили из Дербентских и сопредельных каменоломен и речных долин. Возможно, использовали и строительные материалы из фортификационных комплексов савир.

С этими арабскими воинами-переселенцами и их потомками следует связать остатки каменных строений, обнаруженных в цитадели, на раскопе № 7, в верхнем строительном горизонте.

Этот раскоп был заложен О.М. Давудовым в 2002 году над башней № 27 цитадели Шахсенгерского городища (рис. 5). Он первоначально имел размеры 6 x 6 м и был ориентирован по странам света. В 2004 году раскоп был расширен до 64 кв. м. Это позволило четче рассмотреть остатки строений. В результате удалось выяснить, что здесь имеются три строительных горизонта. Правда, артефакты в двух верхних горизонтах перемешаны. Строители верхнего горизонта очень часто врезаются в нижние горизонты и нарушают нижележащие культурные слои. Между слоями нет стерильных прослоек. Слои улавливаются по тому, как более поздние строения перекрывают более древние.

Первый (верхний) строительный горизонт

На глубине -0,18-0,37 м от 0 встретились остатки лучше сохранившихся каменных стен двух помещений (рис. 20-23).

Помещение № 1 (рис. 22). В кв. Д-II, А-II и А-III на глубине -0,18-0,29 м от 0 и на гл. 0,37 м от 0 появились очертания угла прямоугольного помещения, ориентированного углами по странам света и возведенного из песчаниковых камней и речных булыжников. От этого помещения на территорию раскопа попадает южный угол. В кв.кв. А-III, А-VI расчищена юго-западная стена помещения (рис. 22). Кладка стены регулярная, сложена из камней больших и средних размеров без применения связующего раствора. Толщина стены колеблется от 0,58 до 0,62 м. при высоте сохранившейся части до 0,4 м – три-четыре ряда кладки. В кв.кв. Д-II А-II эта стена смыкается с другой стеной, направляющейся с северо-запада на юго-восток (рис. 23-24). Эта часть стены хуже сохранилась. В отдельных местах она имеет три ряда, высоту до 0,5 м. В толщину она достигает – 0,9 м. Кладка этой стены также регулярная, сложена без применения связующего рас-

твора. В кладке этой стены обнаружен верхний жернов водяной мельницы (рис. 27; 28). На юго-западном углу этого помещения положение кладки позволяет предположить, что там находился проход в помещение: камни, лежащие здесь ровные и затерты сверху (рис. 30).

На уровне порога и конца стен пол в помещении не улавливается. Вниз идет рыхлая земля с золой. Внутри помещения на уровне места, где должен быть пол и ниже прослежены камни, заваленные безо всякого порядка (гл. 1 м от 0). Скорее всего, эти камни попали сюда при разрушении стен помещения (рис. 30).

Находки из этого помещения представлены в основном керамикой.

В кв. Д-III, на гл. 2 шт. найдены 7 обломков керамического сосуда со штрихованной наружной поверхностью и параллельными друг другу полосами из защипов по рельефному валику и зерновидными вдавливаниями. По поверхности красной ангобной краской нанесены линии и узоры (рис. 37, 1-6. 38, 1-9. Инв №18, 24).

В кв.кв. Д-III, Д-IV, А-III, А-IV на гл. 2 шт обнаружены обломок тулова оранжевого сосуда из теста с примесью шамота и дресвы. Внутренняя и наружная поверхности обмазаны глиной (инв. № 20); Обломок лепного баночного сосуда из теста с примесью грубо истолченного шамота и дресвы. Поверхность шероховатая. Обломок серого лощеного сосуда с коротким, отклоненным венчиком (инв. № 21); обломок серого лощеного столового сосуда с плотным черепком из теста с примесью истолченной раковины (инв. № 22); обломок красного сосуда с налепным валиком, украшенным пальцевыми защипами и двумя поясками из кружечков, нанесенных соломкой (рис. 38, 4). Поверхность гладкая, лощеная. Черепок крепкий из теста с примесью шамота и дресвы (рис. 39, 3. инв. № 23); обломок придонной части сосуда. Черепок плотный из теста с примесью шамота и дресвы (гл. 2 шт.).

В кв. А-III на гл.-0,74 м. найдены обломок придонной части сосуда. Поверхность красновато-охристая, шероховатая (инв. № 14); четыре обломка сосуда со светло-красной наружной поверхностью. Черепок плотный, тесто с примесью шамота и дресвы (инв. № 15); обломки (3 шт.) серой лощеной столовой керамики. Наружная поверхность лощеная, внутренняя - шероховатая (инв. № 16).

В кв. Д-III, А-III, Д-IV, А-IV на гл.- 0,42-0,5 м от 0 встречены обломки сосуда с резным штрихованным узором на поверхности (рис. 39). У одного обломка по поверхности темно-красной ангобной краской нанесена широкая полоса (18 мм) под линией из косых насечек имеются линии из зерновидных вдавлен. От этой полосы косо прове-

дены 4 линии, длиной 45 мм и такой же краской снизу к этой полосе подведены три пальметки. Черепок в изломе плотный, из теста с примесью шамота и дресвы.

У другого обломка со штрихованной наружной поверхностью вся поверхность окрашена ангобной краской в темно-красный цвет. Черепок крепкий, внутренняя поверхность сосуда заглаженная. Обломок сосуда со штрихованной наружной поверхностью имеет параллельные полосы из защипов по рельефному валику и зерновидных вдавлен. У них тоже по поверхности красной ангобной краской нанесены линии и узоры (инв. № 18).

В кв. Д-III, Д-IV, А-III, А-IV на гл.-1,2 м от 0 обнаружены обломки красного лощеного горшка с цилиндрической шейкой, основание которого украшено волнистым наклепным валиком с пальцевыми защипами (рис. 39,1; инв. № 19).

В кв. Д-III на гл.-0,4 м от 0 найден обломок серого лощеного сосуда (инв. № 25), в том же кв. на гл. - 0,4-0,42 м от 0 – обломок такого же серого лощеного сосуда. Черепок плотный из теста с примесью шамота и дресвы (инв. № 26).

В кв. А-IV на гл. - 0,78 от 0 найдены:

Обломок баночного сосуда с поверхностью, обмазанной жидким раствором глины. Сосуд лепной. Черепок плотный из теста с примесью дресвы и шамота. Внутренняя поверхность сосуда гладкая (рис. 39,4; инв. № 76); обломок дна серого лощеного сосуда. Черепок сосуда плотный. Тесто с примесью битой ракушки (гл. - 0,78. Рис. 38,8);

На гл. -1,01 м от 0 этих же квадратов найден обломок красного лепного сосуда. Черепок плотный из теста с примесью толченого песка (инв. № 8); на гл.-1,26 м. от 0 – найдены 9 обломков не обожженной обмазки печи светло-охристого цвета из теста с примесью дресвы и шамота (рис. 41, 1,2; инв. № 44); на гл. - 1,26 – обломки сосудов с обмазанной жидким раствором глины наружной поверхностью. Черепок плотный из теста с примесью дресвы и шамота (инв. № 45); обломок ручки серого лощеного кувшина (инв. №, 62); обломок красного лощеного сосуда. Черепок плотный из теста с примесью шамота и дресвы (инв. № 47); обломки сосуда с обмазанной жидким раствором глины наружной поверхностью. Черепок плотный из теста с примесью дресвы и шамота (инв. № 48). В том же кв. А-IV на гл. - 1,26 м от 0 найдены еще один обломок такого же сосуда с обмазанной жидким раствором глины наружной поверхностью. Черепок плотный (инв. № 49); обломок красного сосуда с шероховатой поверхностью. Черепок плотный из теста с примесью шамота и дресвы (инв. № 50).

Помещением № 2 (рис. 22; 23). В кв. В-I на гл. -0, 6-0,77 м от 0 обнажилась каменная стена, длиной 1, 66 м и толщиной 0,72-0,84 м. Она сохранилась в высоту на три ряда кладки, т.е. на 0,48 м (рис. 22; 23; 24). Ее кладка характеризуется как регулярная. К ней под прямым углом направляется другая стена (кв. В-I, Г-I; гл. 0,63-0,75 м от 0), от которой сохранились камни кладки. Остатки кладки стен в кв.кв. В-V, В-I на гл. 0, 63-0,91 м от 0 и Г-I, В-I, судя по их направленности можно принять за две стены, составляющие угол одного помещения (рис. 22; 23; 24).

В кв. В-V на гл.- 0,58 от 0 обнаружены обломки красной тонкостенной керамики: один от стенки сосуда, другой – от основания ручки кувшина. Цвет красный. Поверхность шероховатая. Черепок плотный из теста с примесью дресвы и шамота (рис. 39, 2; инв. № 7); обломок красного сосуда с шероховатой поверхностью, украшенной поясом из резных волнистых линий (тип на рис. 39, 2; инв. № 3).

В.М. Котович датирует Анадинский замок предмонгольским временем по находкам аналогичной нашей красноглиняной керамики со штрихованной наружной поверхностью (*Котович В. М.*, 1980. С. 228, 230). А.И. Абакаров и М.Г. Гаджиев выявили эту керамику во втором и третьем слоях Охлинского и Нижнечуглинского городищ на Левашинском плато. Эти слои они датируют временем от VIII-IX до XIV в., связав гибель поселений с агрессией Тимура (*Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.*, 1980. С. 100-107; *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.*, 1983. С. 116-117).

Все эти сооружения происходят из верхнего строительного горизонта. Керамика, как и везде на городище, имеет смешанный характер: основная масса черепков относится к концу VIII-XIV вв. Эта керамика находит аналогии среди керамических форм Дербента (*Кудрявцев А.А.*, 1993. С. 37-38). Меньшая часть керамики относится к эпохе раннего железа. Эта древняя керамика, как установлено, попала в верхние слои в результате земляных работ поздних поселенцев. Поздняя керамика характеризует их материальную культуру.

Остатки каменных помещений из верхнего слоя, в том числе жернов водяной мельницы, красная керамика с волнистым орнаментом, красная керамика с лепными поясками и кружочками из отпечатков соломки и др. относятся к эпохе развитого средневековья. Каменное строительство на Шахсенгерском городище и строительство водяных мельниц в Дербенте и его окрестностях относится к последующим за 789/90 годом времени и связаны с арабскими воинами-переселенцами.

Требует анализа такая редкая находка, как жернов водяной мельницы, обнаруженный в кладке стены (рис. 27; 28). Понятно, что его использовали для кладки из-за ненадобности по назначению. Но она связана с определенным этапом развития городища и дает интересную и ценную информацию о времени, когда вода на территории города была в изобилии.

Жернов представляет собой плоский каменный диск, диаметром, 0,65 м и толщиной 12 см. Рабочая поверхность потерта, но испещрена густыми насечками, нанесенными острым орудием. Это сделано специально, для повышения эффективности орудия. В центре диска сделано отверстие, диаметром 7 см и по нему высечен четырёхугольный паз (5x15 см) для насадки на веретено. (*Вильдедорф Х.*, 1989. С. 82; *Пономарев Н.А.*, 1955. С. 83).

Около 90-х годов I в. до н.э. в Малой Азии (в период царствования Митридата VI Евпатора — 132-63 гг. до н.э.), в Понтийском царстве была изобретена водяная мельница с горизонтальным водяным колесом, на веретене жернового постава которого были укреплены деревянные лопасти. На нижнем опорном конце веретена должно было иметься металлическое острие, на котором вращалось колесо. Водяная струя под напором била по лопастям водяного колеса и вращала его. Страбон сообщает: «В Кабирах были построены дворец Митридата, водяная мельница, зверинец; поблизости расположены также охотничьи уголья и рудники» (*Страбон. III*, 30).

До последнего времени такие простейшие водяные мельницы понтийского типа встречались повсюду на горных речках Армении и Грузии (*Пономарев Н.А.*, 1955. С. 83). По этнографическим данным такие же мельницы были популярны и в селениях горного Дагестана. В Даргинском округе, например, было зафиксировано 627 мельниц на 18807 хозяйств. В большом количестве мельницы встречались в Андийском, Гунибском и Самурском округах — в Мехельта — 20 мельниц, в Аргвани и Тинди — по 17, в Анди — 15, Ахты и Калакюре — по 20, Имрах — 14 и т.д. Мельницы строились не только для своих, сельских потребностей, но и с расчетом на потребности других, особенно ближайших селений. Такое описание дает этим мельницам М. О. Османов: «Водяные мельницы с горизонтальным колесом, характерный для горных районов (т.е. так называемый понтийский тип мельниц — О.Д.), подразделяется на два вида: с резервуаром и без него. В первом случае вода из канавы поступает в большой вертикальноустановленный резервуар. Резервуаром служит выдолбленный ствол большого дерева. Во втором случае вода из канавы подается в

поставленный под уклон желоб, который подводит воду к турбине¹. К турбине в виде барабана прикреплялись лопасти. Турбина соединена с жерновом, над которым устроен резервуар для зерна. От этого резервуара к жернову идет подающее устройство» (*Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаев А.Г.*, 1967. С. 34. См. также: *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГИЭД. С. 134; *Гаджиева С.Ш.*, 2000. Кн. 1. С. 142).

М.О. Османов полагает, что водяные мельницы в Дагестане известны с древнейших времен (Османов М.О., 1996. С. 224). По Н. А. Понамареву водяные мельницы с горизонтальным колесом к 1431 году получают широкое распространение по всему Кавказу (*Понамарев Н.А.* Ук. Соч. С. 54, 60). По всей вероятности, водяные мельницы в горный Дагестан попали из Грузии. Наиболее благоприятные условия для интеграции дагестанской и грузинской культур имели в VII-XIV вв., когда Дагестан входил в сферу христианского влияния грузинской церкви. Мельницы из Грузии могли проникнуть в горный Дагестан в VII в. В хозяйственном и общественном быту народов Дагестана мельнице придавалось очень большое значение. Она находилась под неослабным контролем сельской общины (*Османов М. О.*, 1996. С. 224).

Для датировки шахсенгерского жернова важны сообщения «Дербент наме». В 173 г. хиджри (789/90 году) халиф Харун ар-Рашид отправил военачальника Хузейма ибн Хазима с войском в Дербент, который он укрепил и благоустроил. Вскоре Харун ар-Рашид, сам прибыл в Дербент и сделал многое для его благоустройства: провел в Дербент арыки с водой, построил мельницы, повелел разбить сады и огороды, освободил жителей Дербента от мельничного сбора (*Акташи Мухаммед Аваби*, 1992)

Аналогичные меры могли быть произведены в 789/90-м годах и в прилегающих к Дербенту населенных пунктах. Следовательно, можно предположить, что жернов водяной мельницы из Шахсенгера мог быть изготовлен не ранее 789/90 гг.

Остатки каменных помещений из верхнего слоя, в том числе жернов водяной мельницы, красная керамика с волнистым орнаментом на поверхности, красная керамика с лепными поясками и кружочками из отпечатков соломки и др. относятся к арабскому времени.

---

¹ Такой современный термин приводит М. О. Османов для описания водяных мельниц.

Начиная со второй половины IX в. политическая ситуация на восточном Кавказе и в Дербенте в корне меняется. Дербент перестает играть роль опоры Арабского халифата в защите северных границ. Не исключено, что с этого времени и арабские воины в бывшей Суварской крепости также не были обязаны охранять северные рубежи Закавказья и Халифата. Более того, в этом не было необходимости. В X веке Хазарский каганат распадается и угрозы кочевников с севера исчезают. Это нашло отражение на всей военно-политической обстановке региона. Аббасидский халиф Джафар аль-Мутаваккиль (847-861 гг.) в 851 г. передал Дербент и прилегающие к нему владения в виде феодального владения наместнику Азербайджана, Армении и Ирака Мухаммаду бен Халиду. После его смерти, в 869 г. феодальная верхушка Дербента избрала себе нового правителя Хашима бен Сурака, ставшего основателем новой местной династии Хашимидов, что и стало началом существования Дербентского эмирата (*Кудрявцев А. А.*, 1993. С. 37-38). После 928 года Дербент окончательно отделился от Халифата и власти халифов в Дагестане пришел конец. В этой ситуации Дербентский эмир навряд ли продолжал заботиться о ставших уже не нужными воинах охраны Суварской крепости.

Потомки арабских воинов жили в Варачане–Суварской крепости столько сколько им позволяли условия окружающей среды. Помимо вышеуказанных политических событий одной из причин вынужденного ухода людей могло быть постепенное обезвоживание территории, без которого существование крупного поселения было невозможным.

Исчезновение воды могло быть связано с глобальными климатическими изменениями. Как известно, в XIV-XIX вв. наступает глобальное относительное похолодание– Малый ледниковый период. Ему предшествовал малый климатический оптимум, охватывающий X-XIII вв. Предположительно, в течение этих относительно жарких столетий, и пересохли водные источники в районе Шахсенгера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам изучения Шахсенгерского городища установлено наличие здесь двух культурных напластований. В нижнем культурном слое встречены остатки поселения эпохи раннего железа и одновременного ему могильника. Аналогичный могильник изучен на Акярской возвышенности, в 3 км севернее от Шахсенгерского городища.

На поселении найдены остатки четырехугольных в плане слегка опущенных в материк легких жилых сооружений, в каждом из которых встречены очаги у стены и мусорные ямы. Глинобитные полы отмечены на глубине -1,80-1,56 м от 0. На восточном конце одного из этих помещений расчищена глубокая, колоколовидная мусорная яма. В ней обнаружены обломки серой лощеной и лепной обмазанной керамики, тупик из кости животного (рис. 37а, 14), четырехугольная костяная трубочка (рис. 37а, 12), костяной полукруг с двумя отверстиями и астрагал с отверстием (рис. 37а, 9).

Между этими двумя помещениями выявлена еще одна мусорная яма (кв. Г1, Г2, В2) с заполнением иззолы, перемешанной с землей. Аналогичные помещения раскопаны на Нижнем Сигитминском поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа (*Бредэ К.А.*, 1959. С. 22-24; Он же. 1956 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Д. 35/ 2412; ЛЛ. 119; Он же. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 3; Он же. 1958 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 82/2551; *Давудов О.М.*, 1974. С. 32-33) и на поселении Ачису. Правда, на последнем жилища возводились в котлованах, выкопанных в материке или в культурном слое ранее разрушенных сооружений (*Давудов О.М.*, 1985. С. 102-107). Между жилищами из Шахсенгера и жилищами из Нижней Сигитмы и Ачису имеются некоторые различия, но все они находят некоторые аналогии с памятниками саба-тиновской и белозерской культур Юго-Восточной Европы (*Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И.Н.*, 1986. С.87-92, 121-26). Дагестанские жилища представляют промежуточное звено между памятниками Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа (Чми) и восточного Закавказья (*Давудов О.М.*, 1985. С. 107).

Археологические материалы документируют продвижение в XII в. до н.э. индоиранских племен. В это движение включились саба-тиновские племена (*Sandars N.K.*, 1978). Часть этих племен продвину-

лась на юг, часть – на юго-восток (*Иванов В.Б.*, 1962. С. 214; *Замаровский В.*, 1968. С. 281-283; *Заблоцка Ю.*, 1989. С. 277-281). Последняя прошла через Северный Кавказ и Дагестан в восточное Закавказье, где отмечены памятники, близкие к сабатиновской культуре. В Дагестане под их влиянием происходят существенные изменения в материальной культуре населения каякентско-харачоевской культуры, трансформировавшейся в зандакскую и мугерганскую культуры.

Находки из мусорной ямы, лепная толстостенная и серая лощеная тарня и столовая керамика из заполнения помещений хорошо датируются эпохой поздней бронзы и раннего железа (XII-VII вв. до н. э.). Эти материалы характерны для поселений и могильников зандакской и мугерганской культур Северо-восточного Кавказа.

Для Шахсенгерского и Акярского могильников характерны одинаковые погребальные сооружения в виде четырехугольных каменных ящиков, расположенных правильными рядами в 1-2, иногда больше метрах друг от друга. Всего их исследовано 38 экземпляров, 17 – на Шахсенгерском и 21 – на Акярском. Для возведения погребального сооружения в материковом грунте выкапывали четырехугольную яму и ее стенки обкладывали каменными плитами. Все погребальные сооружения за редким исключением, возведены из массивных, вертикально установленных на бока плит, часто по одной по сторонам и на торцах. Иногда такие плиты дополнены кладкой из прямоугольных камней или дополнительными плитами, зазоры заложены мелкими камешками, щели замазаны глиной. Полы погребальных камер выравнены. Перекрытия могил состоят из массивных, тщательно подогнанных друг к другу каменных плит. Так что, от погребальных сооружений на древней дневной поверхности виднелись только перекрытия. В одном случае над перекрытием могилы выявлен камень, которым было отмечено погребальное погребального сооружения.

Подавляющее большинство могил ориентировано по линии запад-восток, иногда с отклонением к югу или северу.

Изредка над могильными перекрытиями прослежены следы тризны, от которой сохранились кости крупных и мелких животных, зола, угольки, обломки керамических сосудов и каспийские раковины.

Каменные ящики Шахсенгерского и Акярского могильников очень близки по оформлению к Зандакским (*Пикуль М.И.*, 1961. С. 296 и сл.; *Марковин В.И.*, 2002).

Каменные ящики на территории Северо-Восточного Кавказа появляются с начала каякентско-харачоевской культуры (*Круглов А. П.*,

1958; Крупнов Е. И., 1940; Смирнов К. Ф., 1952. С. 240-243; Мунчаев Р. М., 1958; Марковин В. И., 1969. С. 30-41; Он же, 1994. С. 334-354; Абакаров А. И., Давудов О. М., 1993). Правда, они по оформлению проще и существенно отличаются от шахсенгерских и акярских.

Из 38, изученных нами на обоих могильниках каменных ящиков, 33 содержали индивидуальные погребения. Из них 2 определены как женские¹ и 10 как детские². Небольшая часть погребальных сооружений была занята коллективными захоронениями: их было 4 каменных ящика, два – на Шахсенгерском и два – на Акярском могильниках. На Шахсенгерском могильнике в одном погребальном сооружении среди разрозненных костей людей зафиксированы 4 черепа, в другом – 3, на Акярском могильнике в одном каменном ящике – 3, в другом – 2 погребения. Часть коллективных захоронений принадлежит детям.

Погребальный обряд был строго канонизирован: костяки лежали в скорченном положении на правом (мужчины) или левом (женщины) боку и ориентированы в основном на запад (22 погребения из 38), иногда с легким отклонением в южную или северную стороны.

В коллективных усыпальницах кости ранее погребенных отодвинуты в сторону, освобождая место для нового покойника.

На Шахсенгерском могильнике к коллективной усыпальнице (к/я № 1) примыкал небольшой каменный ящик с инвентарем, но без малейших следов человеческого захоронения – кенотаф (Давудов О. М., 1968. С.).

Сопутствующий инвентарь и заупокойная пища были помещены в строго определенном месте и в определенном порядке. Для детских погребений изготавливали специальные «погребальные сосуды» миниатюрных размеров. Украшения также были миниатюрными.

Скорченная на боку поза погребенных характерна для памятников Северо-Восточного Кавказа, начиная с эпохи ранней бронзы и до конца албанского времени. Такие погребения, ориентированные на запад из Шахсенгерского и Акярского могильников, находят аналогии на Берикейском и Зандакском могильниках. Хотя акярские и шахсенгерские каменные ящики связаны преемственными узлами с более

---

¹ Судя по скелету, одна женщина при правильных чертах черепа имела слабо развитую грудную клетку, непропорционально массивный таз и ноги. У многих костяков были неправильные, неровные, острые, часто разъеденные кариесом зубы. Все это, видимо, обусловлено нехваткой полноценного питания. В то же время в погребальном обряде четко выступает социальное неравенство, подчеркнутое контрастом богатых и бедных могил.

² Доля детских погребений была высокой.

ранними прототипами каякентско-харачоевского времени, говорить об их единстве, культурной общности или особой близости не приходится. Погребальный обряд Шахсенгерского и Акярского могильников разнообразнее, инвентарь богаче и существенно отличается от материалов каякентско-харачоевской культуры. Здесь мы можем говорить лишь о некоторой преемственности традиций отдельных элементов погребального обряда.

Весьма интересен постпогребальный обряд – тризна, отмеченный на Шахсенгерском (каменный ящик № 6 и 9) и Акярском (каменный ящик № 17) могильниках. Об этом обряде над перекрытиями погребений говорят зола, угольки, керамика и украшения (просверленные каспийские раковины). Во многих могилах встречаются следы золы, угольки.

В.И. Марковин в специальной монографии, посвященной каякентско-харачоевской культуре, отнес Зандакский могильник вместе с Акярским, Нютюгским, Мугерганским и др. могильниками к третьему этапу каякентско-харачоевской культуры, определив их дату после 900 г. до н.э. близко к скифскому времени (*Марковин В.И.*, 1969. С. 85). В.М. Козенкова на основании находок металлических предметов кобанской культуры в погребениях Зандакского могильника отнесла его к кобанской культуре (*Козенкова В.И.*, 1977. С.). Против этой точки зрения выступили почти все специалисты (*Марковин В.И.*, 1977. С. 318-321). В числе выступивших против этой точки зрения был и В.Б. Виноградов. Нахождение кобанского металла на могильнике, расположенном на границе с кобанской культурой, было вполне закономерным. Иначе и не могло быть. Погребальные сооружения, погребальный обряд и основной инвентарь, в особенности керамика Зандакского могильника противоречат мнению В. И. Козенковой.

Позже В. И. Марковин выступил против включения Зандакского могильника в состав памятников каякентско-харачоевской культуры: «К сожалению в книгу (имеется в виду монография «Дагестан и горная Чечня в древности») был введен такой памятник, как Дагбашский–Зандакский могильник (раскопки М.И. Пикуль и В.И. Марковина в разные годы), отдельные комплексы которого содержат некоторые черты как каякентско-харачоевской (в керамике, металле), так и кобанской культур (более всего в металле)» (*Марковин В.И.*, 1994. С. 336).

Таким образом, в историко-культурном определении Зандакского могильника существуют самые разные, противоречивые мнения: по мнению одних исследователей он входит в каякентско-харачоевскую

культуру, других – не входит. Как выше мы отмечали, для всех археологических культур Северо-Восточного Кавказа, начиная с мезолита до конца албанского и даже средневекового времени характерны преемственность в развитии. Изменения в характере материальной культуры обусловлены изменениями в социально-экономической структуре, развитием культуры. При этом у каякентско-харачоевской культуры намечается определенный рубеж, после которого памятники Северо-Восточного Кавказа нельзя отнести к ней. В XII в. до н.э. сабатиновские племена проникли на территорию Восточного Кавказа, заняв каякентско-харачоевской культурой и затем прошли дальше на территорию современного Южного Азербайджана (*Давудов Ш.О.*, 2002. С.). О влиянии сабатиновских племен на каякентско-харачоевских отмечалось в нашей статье, посвященной раскопкам поселения Ачису (*Давудов О.М.*, 1983. С. 114; *Он же*, 1985. С. 101-129. См. также: *Котович В.Г.*, 1978. С.; *Он же*. 1982. С.; *Атаев Г. Д.*, 2010. С. 165-175). Это и привело к качественному изменению всей материальной и духовной культуры населения каякентско-харачоевской культуры Дагестана и горной Чечни. Формируется новая культура, которую мы называем по первому хорошо изученному памятнику зандакской. Следовательно, Зандакский могильник вместе с синхронными памятниками характеризует новую историческую эпоху с новыми признаками материальной культуры и Зандакский могильник не является памятником каякентско-харачоевской культуры более к кобанской культуре. И погребальные сооружения Шахсенгерского и Акярского могильников близки к погребальным сооружениям Зандакского могильника. Надо признать, что все археологические культуры Северо-Восточного Кавказа эпохи раннего железа связаны преемственными узлами с предшествующими культурами. Погребальные сооружения Шахсенгерского, Акярского и Зандакского могильников – это качественно новый тип каменных ящиков, возведенных более фундаментально. Они генетически связаны с погребальными сооружениями каякентско-харачоевской культуры. В Дагестане они сохранились и в скифское время (Берикейский могильник), а в приграничных районах Чечни и Дагестан каменные ящики каякентско-харачоевского типа встречаются даже в античное время (*Давудов Ш. О.*, 2006. С. 55-70).

Особенно отличаются Шахсенгерский и Акярский могильники по характеру инвентаря. На этих могильниках он представлен новыми формами, намного богаче и разнообразнее. Железные предметы все еще встречаются немного и, в основном, в качестве украшений и оружия, что указывает на начальный этап освоения его производства.

Среди погребального инвентаря встречаются изделия из керамики, дерева, кремния, сердолика, бронзы, железа и кости.

Анализ Зандакского, Алярского, Шахсенгерского и Берикейского могильников и одновременных сопредельных им поселений позволило нам отнести их к особой археологической культуре, названной по наиболее рано и хорошо изученному могильнику «зандакской» (Давудов О.М., 1974. С. 32-40).

Для Зандакской культуры характерны следующие признаки:

1. Поселения, расположенные на труднодоступных местах, вблизи от водных источников.

2. На поселениях встречены помещения – полуземлянки, расположенные группами (Шахсенгер), жилища, устроенные внутри котлована, выкопанного в материке или культурном слое поселения. Грунтовые стены таких помещений облицованы однорядной каменной кладкой.

3. Погребальные сооружения в виде каменных ящиков, расположенных правильными рядами. Иногда на территории Чечни среди погребальных сооружений попадаются грунтовые могилы с остатками дерева, заменяющего каменные плиты.

4. Захоронения обычно одного, иногда двух или более умерших в скорченной на правом или левом боку позе. При коллективных захоронениях кости ранее погребенных отодвинуты к стенке погребальной камеры, освобождая место новому умершему.

5. Ориентация погребенных по линии С – Ю, СЗ – ЮВ, СВ – ЮЗ (на Зандакском могильнике), З – В и изредко СВ – ЮЗ (2 случая) на Шахсенгерском и Алярском могильниках, С – Ю или СЗ – ЮВ (Берикей).

6. Расположение погребального инвентаря в могиле около погребенных по строгим канонам.

7. Остатки заупокойной пищи в виде костей крупных и мелких животных. Встречены и остатки растительной пищи.

8. Керамические изделия представлены лепными обмазанными и заглаженными сосудами (обмазанные баночные сосуды с прямыми, загнутыми внутрь или наружу венчиками, низкие банки, иногда с наделенными ручками, усеченно-конические плоские и горшки со вздутыми туловами). На Шахсенгерском, Алярском и Берикейском могильниках столовые тонкостенные серые лощеные сосуды встречаются довольно много (горшки с пухлыми венчиками, кувшины со сливными носиками, кувшины с цилиндрическими горловинами). Среди

таких изделий встречены мелкие горшки и зооморфные изделия. На Зандакском могильнике их мало.

9. Большое количество своеобразных металлических предметов вооружения, украшений, туалетных принадлежностей, культовых изделий и конского инвентаря. Многие из них являются культуроопределяющими. Среди них много импортных изделий. Для северных памятников Зандакской культуры характерны формы металлических изделий, особенно предметы вооружения и конского убора, характерные для кобанской культуры. Для южной группы памятников характерны металлические изделия, в основном, Закавказского или переднеазиатского происхождения и тонкостенная столовая керамика, аналогичная Закавказской.

Северная граница зандакской культуры проходит по линии сел. Гуни – Курчалой – Ишхой-юрт – Хасавюрт, а южная по Дербентскому проходу, соприкасаясь с Мугерганской культурой. Обе эти культуры входят в северовостокавказскую историко-культурную общность.

В работе указывается место зандакской культуры в археологии Северо-Восточного Кавказа. В этой связи интересны теоритические разработки В.Г. Котовича. Он выделял на территории Северо-Восточного Кавказа одну археологическую культуру, названную им «культурой обмазанной керамики». Эта культура охватывает громадный хронологический период от мезолита до конца эпохи раннего железа. В его развитии В.Г. Котович выделял разные этапы, соответствующие известным археологическим культурам (*Котович В. Г.*, 1967. С. 84-85). В последующих своих работах он выделил великентский, мекегинский и карабудахкентско-гонобский этапы, в рамках средней бронзы – миатлинский, гинчинско-гатынкалинский, каякентско-харачоевский этапы, в рамках эпохи поздней бронзы – талгинский, зандакский этапы, в рамках эпохи раннего железа – шахсенгерский и предалбанский этапы и албанской эпохи – раннеалбанский и позднеалбанский этапы (*Котович В. Г.*, 1982. С. 117). Как видно, различные последовательно развивающиеся археологические культуры он сопоставлял с этапами развития племен Северо-Восточного Кавказа (*Котович В.Г.*, 1971. С. 19-21). Под племенами Северо-Восточного Кавказа имел в виду предков современных нахско-дагестанских народов, занимавших эту территорию с эпохи мезолита. Индикатором этих племен он считал обмазанную керамику. Это положение игнорирует основной таксонометрический инструмент археологии – археологическую культуру, как группу памятников, расположенных на определенной территории, относящихся к определённому промежут-

ку времени и характеризующихся определенными признаками. И вряд ли можно заменить археологическую культуру ее этапом. Но при этом замеченные В.Г. Котовичем при характеристике памятников Северо-Восточного Кавказа особенности действительно существуют. У памятников Северо-Восточного Кавказа, начиная от мезолита и до средневековья прослеживаются некоторую преемственность отдельных признаков. Все последующие культуры вырастают из предыдущих. Более того, если наложить на карту друг на друга эти последовательно развивающиеся археологические культуры от мезолита до средневековья, то они или их локальные варианты будут указывать на одну и ту же территорию, охватывающую Северо-Восточный Кавказ, в основном в пределах современного Дагестана и горной Чечни, а также Ингушетии. Причем, эти культуры связаны между собой преемственными узлами, в том числе различными формами обмазанной керамики. Но эта общность другого иерархического порядка. Район, в котором на протяжении длительного времени, несмотря на смену ряда культур, сохраняются некоторое единство, специфичность и общие традиции именуют культурной провинцией (Классификация в археологии, 1990. С. 63). Следовательно, памятники эпохи мезолита, неолита, эпохи бронзы и раннего железа Северо-Восточного Кавказа могут быть объединены в пределах единой северо-восточно-кавказской историко-культурной провинции.

На различных этапах существования носители зандакской археологической культуры вступали в контакты с различными индоиранскими племенами, переднеазиатскими цивилизациями и сопредельными северокавказскими и закавказскими культурами во взаимодействии с ними развивали свою материальную и духовную культуру. Именно такое развитие прослеживается по материалам наших памятников.

***

Шахсенгерское городище занимает ровную поверхность древней (третьей) морской террасы и его южный и восточный склоны. Терраса ограничена с севера и востока высокими и крутыми уступами, отделяющими ее от нижележащей (второй) древнекаспийской террасы (рис. 3; 4; 5) (*Голубятников Вл.*, 1957. С. 56). На Шахсенгерском городище отмечена сложная и высокоразвитая система фортификации. Само городище состоит из укрепленной территории шахристана, разделенного на две части и обособленной внутри нее цитадели. Система

фортификации, состоящая из оборонительных стен, протяженностью по периметру 1570 м с полукруглыми башнями и обводным рвом, была приспособлена к рельефу местности. В настоящее время эта стена и ров имеют вид небольшого вала и параллельной ему западины в виде небольшой канавки.

Подтреугольная цитадель с оборонительными стенами, фланкируемыми тремя полукруглыми башнями из сырцовых «кирпичей» по углам, укреплена с напольной стороны глубоким дополнительным рвом, с остальных трех сторон – созданием крутизны склонов путем их эскарпирования. Цитадель имела независимые укрепления и предназначалась для защиты города и удержания в повиновении населения. В ней размещались владеющий ею государь, его семья и приближенные – двор, а также военный гарнизон, защищающий ее. В ней хранились и запасы боеприпасов и продовольствия (рис. 4;5).

С этой цитаделью связаны имена, жизнь и деятельность правителей савир. – Амбазука (498-518 гг.) (*Ковалевская В. Б.*, 1984. С. 109, 498-518) царя гуннов по имени Болах, царицы Боарикс (520 г.), царя Зилигда (*Зилигд, Зилгивин, Зилги, Зилгиби, Зилгибий* – Зилги князь) (522 г.) АлпИлитвера (первое упоминание 626 г., принятие христианства – 682 г.) (*Каланкатуаци Мовсэс*, 1984), Эр-Тегина (682 г. Алп-Илитвер отправил его послом в Армению) (*Минорский В. Ф.*, 1963. С. 114-115).

В 180 м к югу от цитадели на выступающем к востоку мысу находится сигнально-сторожевая башня, укрепленная точно также, как и цитадель, и зрительно связывающая с последней южные подступы. Через эту башню стража с цитадели могла контролировать не-обозримые с цитадели южные и юго-западные подступы к городищу.

Торгово-ремесленная округа – рабад или посад не сохранилась. Она уничтожена почти полностью последующими сельскохозяйственными работами. На нее указывают остатки культурного слоя на примыкающих к шахристану пахотных полях. В свое время он, видимо, имел размеры, не уступающие шахристану. Следовательно, общие размеры Шахсенгерского городища приближаются к 30 га из расчета 12-14 га шахристана и столько же и более территории торгово-ремесленного рабада.

На склонах городища находятся искусственные террасы, имеющие вид небольших, горизонтальных площадок. В результате раскопок на таких «террасах» удалось установить, что они предназначались для возведения жилых и хозяйственных сооружений.

В процессе исследования городища встал вопрос об источниках водоснабжения его древних обитателей. На самом городище видны следы водостока от верхней террасы в северо-западном направлении. Но главным источником воды, видимо, служила река Башличай. В настоящее время она протекает по основанию Акярской возвышенности и направляется на северо-восток, в сторону моря. По этой линии заметны растения, указывающие на подземные протоки. Видимо, на самом городище имелись источники воды и родники. На обилие водных источников в свое время указывает находка жернова водяной мельницы в цитадели.

Могильник, одновременный Шахсенгерскому городищу не обнаружен. Возможно, он находился на обширном поле, расположенном к востоку от городища, занятом ныне под виноградные плантации. На этом месте было найдено каменное изваяние (каменная баба), перевезенное В.Г. Котовичем в 1965 году в Институт ИЯЛ.

При раскопках цитадели и шахристана Шахсенгерского городища наибольшее внимание было уделено оборонительным сооружениям, состоящим из стен с полукруглыми башнями и из обводных рвов.

При изучении 18 башни (рис. 4; 12; 13; 14) были вскрыты две параллельные друг другу каменные стенки, расположенные на расстоянии 0,9-1,75 м друг от друга и образующие два панциря основы оборонительной стены. Внутренний диаметр башенного выступа равен 4,5-4,6 м (рис. 12).

Основание внешней стены залегает непосредственно на древней дневной поверхности. Стена сложена насухо из небольших камней. Внутренняя стенка также сложена насухо из рваного камня. Пространство между стенками было заполнено щебнем. В процессе зачистки внутреннего пространства между стенками было обнаружено 3 крупных куска бревен (длиной 0,2-0,25 м, диаметр 0,11-0,13 м) (Котович В.Г., Давудов О.М., 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25.Л. 40-41).

Участок стены, примыкающий к башне также образован из двух стен, являющихся продолжением соответствующих стен башни. Расстояние между стенками составляет 0,8-0,85 м. Остатки бревен, обнаруженных на этом месте, лежали параллельно друг другу. В. Г. Котович предположил, что это остатки деревянного тына, шедшего вдоль оборонительной стены (Котович В.Г., Давудов О.М., 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25.Л. 41-43). Эта точка зрения подтвердилась и последующими раскопками.

Во внутренней части раскопа было обнаружено бревно, длиной ок. 1,5 м. Один его конец находился на кладке внутренней стены, а другой, утолщенный конец – в центре башни.

Раскопки шестой башни в восточной части оборонительной стены подтвердили выводы, сделанные при раскопках 18 башни. (рис. 5) Здесь также выявлены остатки двухпанцирной стены, толщиной 0,9-1,26-1,3 м. Промежуток между наружным и внутренним панцирями был заполнен гравием, землей и мелкими камнями. Были обнаружены остатки полукруглой башни, выступающей на 1,7 м за линию оборонительной стены. Стена здесь не имела фундамента и была возведена прямо на древней дневной поверхности. Доступ в башню оставался открытым с северо-западной стороны. В центре башенного выступа обнаружена ямка (диаметром 20 см и глубиной 30 см) от опорного столба. Это означает, что эта башни были сверху перекрыты кровлей. Количество камней и характер кладки в стене не оставляет сомнения, что это основание стены, а не сама стена (рис. 19; 19а), которая выше была наращена тыном из деревянных столбов.

При раскопках этой башни удалось установить, что слои городища раннего средневековья перекрывали могильник и поселение эпохи раннего железа (рис. 19а).

Оборонительные сооружения на цитадели более основательные. Башня № 27 имела полукруглую форму диаметром 3,5-4 м, обращенную открытой стороной на северо-восток, в сторону цитадели. Она сложена полностью из «сырцовых кирпичей» – кусков глины разных форм и размеров (рис. 31; 32). Высота сохранившихся стен башни достигает в разных местах 1,25-1,75 м. Толщина башенной стены составляет около 1 м (рис. 20-23).

Эта башня вписана в систему оборонительной стены, выступая полукругом в наружную сторону. Основание оборонительной стены представляет собой кладку из вертикально установленных массивных скальных блоков, составляющих основу двухпанцирной оборонительной стены, наращённой выше тыном из двух рядов бревен, пространство между которыми заполнено гравием и землей. Толщина этих стен составляла 1,28 м (рис. 20-23).

Пол башни был плотно утрамбован и частично вымощен. Возможно, он использовался в качестве лежанки для стражи башни (рис. 30). В середине башни расчищен круглый открытый очаг, размером 0,6 х 0,56 м (рис. 35). Из этого очага происходят обломки разновременной керамики.

С этой башней связаны находки керамики эпохи раннего средневековья и эпохи раннего железа. Последние попали сюда из нижних слоев.

По характеру дерево-земляных фортификационных сооружений, особенно по стенам, представляющим собой частокол на двухпанцирном основании, сложенном из бутового камня, уложенного насухо или «сырцовых кирпичей», а также по обводным рвам, Шахсенгерское городище резко выделяется из среды сопредельных раннесредневековых памятников Дагестана. Подобный памятник в Дагестане известен только один – Сенгерское городище, расположенное в 5-6 км южнее.

В системе Шахсенгерских оборонительных стен выявлены 5 въездов (рис. 4; 5). Их ширина составляет приблизительно 10 метров. Ни один из них не был раскопан. Обычно такие въезды представляют собой городские ворота в системе оборонительных стен. Обычно городские ворота имели оборонительную, торговую или иные функции. Строились они и для того, чтобы установить контроль за входом и выходом людей, транспорта, товаров и животных из укрепленного стеной города и обратно в город. Обычно ворота охранялись специальной стражей. Она же запирала их на ночь и отпирала утром, хранила от них ключи. Для входа при закрытых основных воротах служила расположенная сбоку от ворот калитка.

Аналогичные Шахсенгерским, дерево-земляные укрепления описываются некоторыми средневековыми авторами у различных кочевых народов. Византийский историк Агафий рассказывает о лагере гуннов-савир, обнесенном палисадом (Агафий, 1953, IV, 18). Такое же Савирское (Суварское) городище X-XIV веков, расположенное в Поволжье, аналогично Шахсенгерскому городищу. На этом городище сохранились остатки дерево-земляных оборонительных сооружений. (Губайдуллин А.М., 2012. С. 217-220; Он же. 2018. С. 297-306). При этом около Суварского городища, как Сенгерское около Шахсенгерского городища, выявлены поселения Покровское, Татгородокские 1 и 2 (Смирнов А.П., 1941. Вып. 16; Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., 1999).

На территории Шахсенгерского городища обнаружены остатки легких турлучных жилищ, возведенных на каменном фундаменте. Остатки жилища, изученного на северной стороне городища, в районе шахристана также состояли из легких конструкций. В.Г. Котович обнаружил на раскопе в цитадели обломки глиняной обмазки с отпечатками прутьев, что позволило ему допустить наличие здесь турлучных

строений. «Дворец» правителя, видимо, также состоял из легких конструкций. Вся территория склонов городища покрыта мелкими террасами, вероятно, предназначенных для ещё более легких жилищ типа палаток или юрт. Захарий Ритор в состав 13 народов, живущих к северу от Дербента, называет саби́ров, которые «живут в палатках» (*Пугулевская Н.*, 1941. С. 165).

Таким образом, аналогии оборонительным сооружениям Шахсенгера прослеживаются в степном мире. Городища со сложной системой укреплений из валов с деревянным тыном и рвом, а также пахсовыми укреплениями на территории Северной и Центральной Азии появились в эпоху бронзы и продолжались встречаться до средневековья. Особенно характерны они для гуннских памятников (*Киселев С.В.*, 1957. С.146-148; *Абсалямов М.Б.*, *Мартынов А.И.*, 1979. С. 71-82; *Троицкая Т.Н.*, *Молодин В.И.*, *Соболев В.И.*, 1980, С. 143; *Давыдова А.В.*, 1985. С. 11-26; *Худяков Ю.С.*, 1993. С. 58; *История Хакасии*, 1993. С. 106-107).

Находки керамики, связанные с вышеупомянутыми фортификационными сооружениями и строениями городища, относятся к эпохе раннего средневековья. Письменные источники свидетельствуют о том, что в начале VI в. савиры владели Прикаспийским проходом (*Ашурбейли С.* 1983. – С. 62). М. И. Артамонов считает, что «Царство гуннов» и царство Савир – одно и то же (*Артамонов М.И.*, 1962. С.83). Согласно точке зрения, предложенной М. С Гаджиевым, именно это укрепленное городище следует идентифицировать со столицей «царства гуннов» в Дагестане – городом Варачан (*Гаджиев М.С.* 1995.). По сведениям Прокопия, в 498-518 гг. савирский правитель Амбазук владел Каспийскими воротами (*Ковалевская В. Б.*, 1984. С. 109). Он состоял в дружбе с византийским императором Анастасием (*Ковалевская В. Б.* 1984. С. 498-518; *Артамонов М. И.* 1962. С. 64). «Приближаясь к смерти, этот гунн предложил Анастасию купить у него крепость у Каспийских ворот, но тот отказался, не видя возможности содержать там византийский гарнизон (*Артамонов М. И.*, 1962. С. 64). Следовательно, в это время укрепление Шахсенгерского городища уже существовало.

Разгром хазар и Савир арабским полководцем Мерваном и миграция савиров из Дагестана, в том числе из Варачана относится к 737 г. Следовательно, савирский период Шахсенгерского городища относится ко времени от 498-518 до 737 г.

После вытеснения гуннов-савир в результате арабской агрессии (в 737 г.) на короткое время город Варачан (Шахсенгер) опустел.

Позднее, в дагестанских исторических источниках появляется название «Суварская крепость». Под этим названием может скрываться город Варачан. В это время хазары стали активнее нападать на подвластные арабам Восточное Закавказье и Баб ал-Абваб. При этом их действия были довольно успешными. Тогда правителем Баб ал-Абваба был Йезид ибн Асад ибн Зафир Сулейми. Он по приказу аббасидского халифа Абу Джафар Мансура (род. 714, правил 754-775 гг.) построил от Дербента в сторону хазар ряд укреплений. Тогда же были благоустроены старые укрепления (восстановлены были крепости Мюта, Камах, Суфнан, укреплены деревни Дарваг, Ерси, Гумейди, Магатыр, Маграга) (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 57). Все они были заселены выходцами из арабских стран. Среди старых, благоустроенных «крепостей» была и Суварская крепость, заселенная 1000 арабских воинов.

После этих мер состояние Дербента улучшилось, все южные районы были избавлены от набегов хазар и разных кочевников (*Аваби*, 1992).

Если отождествить Суварскую крепость с Варачаном, заселенную арабскими воинами-переселенцами, следует связать каменные строения, обнаруженные в верхнем строительном горизонте цитадели и в районе шахристана, с ними следует связать и остатки двух помещений и двора, возведенных из камня. Здесь же был обнаружен жернов водяной мельницы.

Для датировки этой шахсенгерской мельницы важны сообщения «Дербенд-наме». В 789/90 году халиф Харун Рашид отправил военачальника Хузейма ибн Хазима с войском в Дербент с заданием укрепить и благоустроить его. Вскоре Харун Рашид, сам прибыл в Дербент и сделал многое для его благоустройства: провел в Дербент арыки с водой, **построил мельницы**, повелел разбить сады и огороды, освободил жители Дербенда от мельничного сбора. (*Акташи Мухаммед Аваби*. Дербенд-наме, 1992) Очевидно тоже самое было сделано в прилегающих к Дербенту населенных пунктах, в том числе в бывшей «суварской крепости», занятых арабами.

С этим периодом жизни городища также связана красная керамика с волнистым орнаментом, с лепными поясками и кружочками из отпечатков соломки и др., остатки помещения из Шахристана, где был выявлен обломок глазурованной керамики.

Начиная со второй половины IX в. политическая ситуация на восточном Кавказе и в Дербенте в корне меняется. Дербент перестает играть роль опоры Арабского халифата в защите северных границ. В X веке Хазарский каганат распадается и угрозы кочевников с севера

исчезает. Это нашло отражение на всей военно-политической обстановке региона. Аббасидский халиф Джафар аль-Мутаваккиль (847-861 гг.) в 851 г. передал Дербент и прилегающие к нему владения в виде феодального владения наместнику Азербайджана, Армении и Ирака Мухаммаду бен Халиду. После его смерти, в 869 г. феодальная верхушка Дербента избрала себе нового правителя Хашима бен Сурака, ставшего основателем новой местной династии Хацимидов (*Кудрявцев А.А.*, 1993. С. 37-38) и создателем Дербентского эмирата. После 928 года Дербент окончательно отделился от Халифата и власти халифов в Дагестане пришел конец. В условиях утраты Дербентом стратегического значения или нехватки средств, дербентский эмир вряд ли продолжал заботиться о воинах Суварской крепости. Тем более, после распада Хазарского каганата угрозы со стороны кочевников исчез.

Одной из причин вынужденного ухода населения из Варачана–Шахсенгера могли быть климатические изменения и связанное с ним постепенное обезвоживание города и близкой к нему территории. Это могло быть связано с засушливым периодом Малого климатического оптимума в X-XIII вв.

Однако достоверных сведений о судьбе арабских жителей Суварской крепости не сохранилось. Они, по всей вероятности, переселились в Дербент или поселения и города, занятые потомками арабского населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Агафий*. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. М. В. Левченко. –М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953, IV, 18.
2. *Акташи Мухаммед Аваби*. Дербенд-наме. Пер. с тюрк., и араб. списков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А. Р. Шихсаидова. Комментарии Г.М.-Р. Оразаева. –Махачкала, 1992.
3. Армянская География VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Перевод и подготовка издания К. П. Патканова. — СПб., 1877.
4. *Ибн ал-Асир*, Иззуддин Абуль-Хасан Али ибн Мухаммад аль-Джазари. Полный свод истории / Пер. с араб. П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана. –Баку, 1940.
5. *Ал-Баладзури* - Абу-ль-Хасан Ахмад ибн Яхья ибн Джабир ибн Дауд аль-Балазури. Книга завоевания стран. Перевод П.К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана. –Баку, 1927. Вып. III.
6. *Геродот* // Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примечания Г.А. Стратоновского. –Л.: Наука. 1972. С. 200, 208, 212, 213.
7. *Ал-Истахри*, Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад аль-Истахри. Книга путей и царств. Пер. Караулов Н. А. Сведения вранскихърисателей о Кавказе, Армании и Азербайджане //СМОМПК. –Тифлис, 1901. Вып. XXIX.
8. История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. –СПб., 1862.
9. *Ал-Йакуби*, Ахмад ибн Абу Якуб ибн Джафар ибн Вадих аль-Катиб аль-Аббаси аль-Якуби. История. Перевод П.К. Джузе. Материалы по истории Азербайджана. –Баку, 1027. Т. IV.
10. *Йакут ар-Руми*, Йакут, Ибн Абдаллах ар-Руми аль-Хамави Указ. соч. Ч. 1. С. 489.
11. *Каланкатуаци Мовсэс*. История страны Алуанк. –Ереван Изд. Института древних рукописей им. Маштоца «Матенадаран», 1984.
12. *Кесарийский Прокопий*. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. – М., 1950.
13. *Ал Куфи* Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. — Баку, 1981
14. *Летопись Феофана*.
15. *Ал-Масуди*–Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди. Золотые копи и россыпи самоцветов Пер. с араб., комм. и указатели Д. В. Микульского. –М.: Наталис, 2002. 800 с.

16. *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. – М.: «Наука», 1979.

17. *Приск Панийский*. Сказания/ Пер. Г. С. Дестуниса // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания / Изд. подг. А. И. Цепков. – Рязань, Александрия, 2005. С. 435-534.

18. Ригведа VII, 3, 3.

19. *Ат-Табари–Абú Джафар Мухаммад ибн Джарират-Табари*. История пророков и царей. Сер. 2. С. 1560. Том 2. – Махачкала: Издательский дом «Нурульишад»: 2010.

20. *Ибн ал-Факих*. –Ибн аль-Факих аль-Хамадани Книга стран. С. 287;

21. *Ибн Хордадбех–Абу-ль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 123.

22. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. статья, пер., комментарии Е. Ч. Скржинской. –М.: Изд-во вост. лит., 1960, С. 104.

23. Новый список Армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП, 1883, март.

24. *Тацит Корнелий*. Анналы. –Л.: Наука, 1969, 444 с.

Литература.

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. -Л., 1973. -448 с.

2. *Абакаров А.И.* Шахсенгерское городище // ТД НСПИЭИ ИИ-ЯЛ в 1984-1985 гг. -Махачкала, 1986.

3. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Сб. статей. - Махачкара, 1983. -С. 108 - 132.

4. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Нижнечуглинское городище // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана-Махачкала, 1980. -С. 94 - 114.

5. *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. -М: Наука, 1993. 325 с.

6. *Абрамишвили Р.М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // Вестник ГМГ. -Тбилиси, 1957. -Вып. ХХХ-А и ХХI-В (на грузинском яз. с русским резюме).

7. *Абрамишвили Р.М.* К вопросу об освоении железа на территории Вос-, точной Грузии. // Вестник ГМГ. -Тбилиси, 1961. Т. XXII-В. -С. 291-382.

8. *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган // Материалы по археологии Дагестана. -Махачкала, 1977. Т. 7. -С. 54-73.

9. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган. // Материалы по археологии Дагестана. -Махачкала, 1980. -Т. 9. -С. 115-129.

10. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* К вопросу о происхождении раннесредневековой культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. -М., 1980.

11. *Абсалямов М.Б., Мартынов А.И.* Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасо-Минусинской котловине и Ачинско-Минусинской лесостепи // Археология Южной Сибири.-Кемерово, 1979. -Вып. 10. -С. 60-86.

12. Аварские народные сказки. –М.: наука, 1972. -176 с.

13. *Акопджанова К.Н.* Хазарский каганат VII—VIII вв.: история вопроса, проблемы. Дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 2002.

14. *Акташи Мухаммед Аваби.* Дербенд-наме. Пер. с тюрк, и араб. списков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Комментарии Г.М.-Р. Оразаева. –Махачкала, 1992

15. *Алиев Б.Г.* Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Махачкала, 2002. -408 с.

16. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.). М.: Восточная литература, 2003. -847 с.

17. *Амирханов Х.А.* Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. -Махачкала, 1985. -176 с. 27-43.

18. *Анфимов Н.В.* Протомеотский могильник с. Николаевского // СМАА. -Майкоп, 1961, Т. II.-С. 103-126.

19. *Анфимов Н.В.* Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. –Майкоп, 1981.-С. 48-59.

20. *Анфимов Н.В.* Новый памятник древнемеотской культуры: могильник хут. Кубанского (Краснодарский край). // Скифский мир. - Киев: Наукова думка, 1975. С. 45-51.

21. *Артамонов М.И.* История хазар. -Л.: Изд-во гос. эрмитажа, 1962.-523 с.

22. *Асланов Г.М., Ваидов Р.М, Ионе Г.И.* Древний Мингечаур. - Баку, 1959. -190 с.

23. *Атаев Г.Д.* О преемственности Присулакской и Каякентско - Хорочоевской культур эпохи бронзы Северо - восточного Кавказа. // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. -Екатеринбург, 2010. -С. 165 - 175.
24. *Атаев Д.М.* Могильник в местности «Чампар» у города Махачкалы. // Уч. записки Института ИЯЛ ДагФАН СССР. -Махачкала, 1970. Т. XX. С. 351-358.
25. *Атаев Д.М.* Некоторые средневековые могильники Аварии // Материалы археологии Дагестана. -Махачкала, 1961. -Том 2. -С. 228-238;
26. *Атаев Д.М.*, Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира). // Материалы археологии Дагестана. - Махачкала, 1959.. Том I. С. 177-199;
27. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. - Махачкала, 1963. -С. 25-32;
28. *Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. // СА. 1981. № 2, С. 161-177;
29. *Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.). — Баку: Элм, 1983. — 343 с.
30. *Бабешко И.Г., Потанов В.В.* Погребение предскифского времени на окраине г. Азова // Научно-практический семинар "Проблема охраны и исследования памятников археологии в Донбассе": Тезисы докл. -Донецк, 1989. С. 26;
31. *Бакиханов А.-К.* Гюлистан И Ирам. -Баку: Элм, 1991. 304 с.
32. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Собр. соч.: Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 257-372;
33. *Барцева Т.Б.* Бронзовые кинжалы Сержень-юрта // КСИА. - М.: Наука, 1988. Вып. 194.-С. 23-29.
34. *Барцева Т.Б.* Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII-VII вв. до н.э. // КСИА. -М.: Наука, 1985. Вып. 184. -С. 42-49.
35. *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов. // Археологические исследования на новостройках Кабардино - Балкарии. -Нальчик, 1985. Т. 2, С. 7-115;
36. *Березанская С.С., Отроцгнко В.В., Чередничко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. - Киев: Наукова думка, 1986. С.87 — 92, 121 — 126.
37. *Берзин Э.О.* Железная революция. // Знание-сила. -М., 1978. № 7, -С. 22-23, 25-26; № 8. -С. 23-26.23.

38. *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая// МИА. М.,-Л. 1952. № 26, -347 с.
39. *Биджиев Х.Х., Козенкова В.И.* Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево - Черкессия). // СА. 1980. № 3. С. 225-237;
40. *Борухович В.Т.* Ахейцы в Малой Азии. // ВДИ. 1964. № 3. С. 91-106.
41. *Бочкарев В.С.* Проблема Бородинского клада. // Проблемы археологии. Л., 1968. Т. 1, С. 129-154.
42. *Бредэ К.А.* Новые поселения на Сулаке. // Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. –Махачкала, 1959. С. 22-24;
43. *Бредэ К.А.* О дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижне-Сигитминском городище, а также о разведках на прибрежных полосах низовьев Сулака. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 3;
44. *Бредэ К.А.* Отчет о раскопках археологических памятников на горе Сигитма в 1956 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Д. 35/ 2412; ЛЛ. 119;
45. *Бредэ К.А.* Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследовании Сигитминского нижнего поселения в 1958 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 82/2551;
46. *Вардан Великий.* Всеобщая история Вардана Великого. -М., 1861. 217 с.
47. *Вильдедорф Х.* Мельницы, дробильки. // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. -М.: Наука, 1989. С. 82;
48. *Вильчак С.Б.* О некоторых цельнолитых уздечных комплексах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989 — 1990 гг. –М.: изд. МГУ, 1993. С. 59. Рис. 21, 41;
49. *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа// АЭС. -Грозный, 1969. Т. III. -С. 95-137.
50. *Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // АЭС. -Грозный, 1976. Т. IV. -С. 29-63.
51. *Виноградов В.Б.* Предисловие // Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. –Махачкала, 1974. С.5.
52. *Виноградов В.Б.* Рец. на кн. Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. –Махачкала, 1974. С. 5.
53. *Виноградов В.Б.* Рецензия на кн.: Пикуль М.И., 1967. С. 28-289;

54. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. (VII-IV вв. до н.э.). Грозный: ЧИ книжное изд-во, 1972. С. 264-283.

55. *Виноградов В.Б., Дударев СЛ.* О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н.э. из Карачаево - Черкессии и Пятигорья. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево - Черкессии. Черкесск, 1983. Вып. 2. С. 11.

56. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.Л.* Киммерийско - Кавказские связи;

57. *Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья. // АЭС. Грозный, 1976. Т. IV. -С. 29-63.

58. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (Материалы к археологической карте) // Тр. ЧИНИИ. -Грозный, 1966. Т. 10. -150 с.

59. *Воронов Ю.Н.* О хронологических связях киммерийско - скифской и колхидской культур. // Скифия и Кавказ. –Киев, 1980. -С. 200-218.

60. *Гагошидзе Ю.М.* Раннеантичные памятники с Ксанского ущелья (на груз. яз.). -Тбилиси, 1964. С. 62,68.

61. *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северовосточного Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы / Ин-т истории, яз.и лит. им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. -М.: Наука, 1991. - 263 с.;

62. *Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане.// Северный Кавказ в древности и в средние века. -М., 1980. С. 7 - 14;

63. *Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство Горного Дагестана // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тез. докл. конф. -М., 1974. -С. 55 – 58;

64. *Гаджиев М.Г.* Древнейшее поселение земледельцев и скотоводов в горном Дагестане. // Тез. докл. на сессии Кавказа Объединенного пленума ИА и ИЭАН СССР. М., 1964;

65. *Гаджиев М.Г.* Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. - Махачкала, 1981. С. 4 – 35

66. *Гаджиев М.Г.* Культура раннеземледельческих племен Северовосточного Кавказа (Эпоха энеолита и ранней бронзы). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. -Ереван, 1987. -48 с.

67. *Гаджиев М.Г.* Северо-восточный Кавказ в эпоху ранней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. - Тбилиси, 1987. -С. 69-73.
68. *Гаджиев М.Г.* Энеолит // История Дагестана. М.: Наука, изд. Вост. лит, 1967. Т.1. С.
69. *Гаджиев М.Г.* Энеолитическая культура Дагестана // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1975. С. 18 – 22;
70. *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. -Махачкала, 1996. -464 с.
71. *Гаджиев М.Г., Корневский С.Н.* Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. - Махачкала, 1984. -С. 7-27.
72. *Гаджиев М.С.* К локализации Варачана // XVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа 1990. -С. 77-78.
73. *Гаджиев М.С.* О местоположении Варачана // РА. 1995. № 2. С. 29-35;
74. *Гаджиев М.С., Кудрявцев А.А.* Новый памятник эпохи поздней бронзы Дагестана // Кавказ и древний Восток. -Махачкала, 1999. - С. 148-159.
75. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. -М.: -Изд. АН СССР, 1961. -388 с.
76. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. -Махачкала, 2000. Кн. 1. -С. 142.
77. *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаев А.Г.* Материальная культура даргинцев. -Махачкала, 1967. -301.с.
78. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.. - Л.,: Изд-во ЛГУ, 1979. - 216 с.
79. *Газдануштаи Д* Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореф. канд. ист. наук. -М., 1962.-12 с.
80. *Гаркави А.Я.* Существовала ли у хазар столица под названием Баланджар? // Изв. РАО. -Т.IX. -Вып. 2—3, _ СПб., 1878. -С. 271,
81. *Гасанов М.Р.* Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана // Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). -Махачкала, 1975 -С. 186;
82. *Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии арабистов. М.-Л. 1941. Ч.1.
83. *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. — С. 169.

84. *Гмыря Л.Б.* Некоторые сведения о гуннах в Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. – Махачкала, 1980. С. 153-169.ё
85. *Гмыря Л.Б.* Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV-VII вв. (По данным письменных источников). Махачкала: "Наука ДНЦ", 2009. -540 с.
86. *Гогодзе Э.М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, «Мецниереба», 1972. 150 с.
87. *Голубкина Т.И.* О зооморфной керамике из Мингечаура // МКА. -Баку. 1951.2.-С. 103-140.
88. *Голубятников Вл.* Морские и речные террасы Дагестана // Тр. АИЧПЕ, вып.Ш, 1957, стр.56.
89. *Граков Б.Н.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР // СА. -М., 1958, № 4. -С. 3-9.
90. *Губайдуллин А.М.* О фортификации городища Сувар // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 217-220;
91. *Губайдуллин А.М.* Типы средневековых дерево-земляных оборонительных сооружений и способы их возведения // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). с. 297-306.
92. *Гуммель Я.И.* Археологические очерки (сб. статей). -Баку: Изд. Азербайджанского филиала АН СССР, 1940. -166 с.
93. *Гуммель Я.И.* Курган № 2 близ Ханлара // КСИИМК. -М., 1949. Вып. 24. -С. 55-58. .
94. *Давудов О.М.* Акярский могильник // ТД НСПИЭИ ИИАЭ и ИЯЛИ в 19921993 гг. -Махачкала, 1994. -С. 10-14.
95. *Давудов О.М.* Берикейскиймогидбник скифского времени. // Материалы по археологии Дагестана. Т. 8:Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. -Махачкала: ИИЯЛ, 1978. – С. 129-135..
96. *Давудов О.М.* Гробница из сел. Ираги // Народное декоративно–прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979. С. 184–187;
97. *Давудов О.М.* Добыча и обработка железа в древнем Дагестане // К вопросу о материальной культуре и производстве Древнего Дагестана. -Махачкала, 1968. -С. 3-15.
98. *Давудов О.М.* Еще раз о пряжках бежтинского типа // Древности Дагестана. -М., 1974.-С. 106-120.
99. *Давудов О.М.* Ирагинское блюдо //XII Крупновские чтения. Конференция по археологии Северного Кавказа (тез.докл.). М., 1982. С. 54 – 55;

100. *Давудов О.М.* Историко-культурная характеристика поселения Ачису // МСПИЭИ ИИЯЛ в 1980-1981 гг: ТД. -Махачкала, 1982. - С. 4-5.

101. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X- IV вв. до н.э.). -Махачкала, 1968. -40 с.

102. *Давудов О.М.* К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. -Махачкала, 1978. -С. 145-156.

103. *Давудов О.М.* К периодизации погребальных комплексов Мугерганского могильника//МСПИЭИ в Дагестане в 1973-1975 гг. ТД. -Махачкала, 1976. -С. 4-6.

104. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. - Махачкала,1974. -192 с.

105. *Давудов О.М.* Курклинский могильник раннего средневековья // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 3 (31). С. 48–73;

106. *Давудов О.М.* Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. — IV вв. н.э.) / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. — Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. —428 с.

107. *Давудов О.М.* Могильники предскифского времени около сел. Башлыкент // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. (Тез.докл.). – Майкоп, 1982. – С. 46-48;

108. *Давудов О.М.* Мугерганская культура // Кавказ и восточная Европа в древности. -М.: Наука, 1973. -С. 125-130.

109. *Давудов О.М.* Некоторые культовые места горного Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. -Махачкала, 1991. -С. 62-86.

110. *Давудов О.М.* Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции // АО 1983. -М.: Наука, 1984. -С. 116-117.

111. *Давудов О.М.* Новые исследования Южнодагестанской экспедиции // АО1977. -М., 1978.-С. 115-116.

112. *Давудов О.М.* О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками // Кавказ и степной мир в древности и средние века. -Махачкала, 2000. -С. 26 - 63.

113. *Давудов О.М.* О месте памятников Зандакского облика среди синхронных культур Кавказа // ТДІV КЧ по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. -С. 27-30.

114. *Давудов О.М.* О происхождении и путях развития зандакской культуры // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1982-1983 гг. -Махачкала, 1984. -С. 4-5.

115. *Давудов О.М.* Об итогах археологических исследований около селения Башлыкент (Новые работы Центральнодагестанской археологической экспедиции). Махачкала, 2001. Альбом к отчету об итогах археологических исследований около селения Башлыкент. Махачкала, 2001;

116. *Давудов О.М.* Погребальный комплекс Ирагинского могильника // Вестник Института истории, археологии и этнографии: - Махачкала, 2013. N. 1 (33) С. 56 - 71.

117. *Давудов О.М.* Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. –Махачкала, 1985. С. 101 – 129.

118. *Давудов О.М.* Раскопки 1974 г. на Мугерганском и Берикейском могильниках // Новейшие открытия советских археологов. ТД. Киев, 1975. Ч. 2. -С. 106-107.

119. *Давудов О.М.* Раскопки бытовых, погребальных и культового памятников на юге Дагестана // МСПИЭ в Дагестане в 1976-1977 гг. ТД. -Махачкала, 1978. -С. 4-7.

120. *Давудов О.М.* Раскопки поселения Ачису // Археологические открытия 1981 года. – М.: Наука, 1983. –С. 114;

121. *Давудов О.М.* Раскопки поселения Ачису // Археологические открытия 1981 года. – М.: Наука, 1983. –С. 114;

122. *Давудов О.М.* Раскопки поселения Ачису // Древние культуры Северо - Восточного Кавказа. -Махачкала, 1985. -С. 101-125. 78

123. *Давудов О.М.* Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. -Махачкала, 1983. С. 43-56.

124. *Давудов О.М.* Хосрехское святилище (ДагАССР) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы Всесоюз. археол. конф. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. С. 277-285.

125. *Давудов О.М.* Хосрехское святилище в высокогорном Дагестане // X Крупновские чтения: тез. докл. М., 1980. С. 20-21; 1983. С. 52-54, Рис. 7, 1.

126. *Давудов О.М.* Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан) // СА. М., 1984. № 1. С. 77 – 87.

127. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник. // Материалы по археологии Дагестана. Т. 6: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. -Махачкала, 1977. С. 108-129.

128. *Давудов О.М.* Могильник на окраине селения Куркли // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 64. 106–7566.

129. *Давудов О.М.* Шахсенгерский могильник // К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X-IV вв. до н.э.). -Махачкала, 1968.-С. 16-37.

130. *Давудов О.М., Абакаров А.И.* Новые исследования Шахсенгерского городища // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советских археологов в XI пятилетке».: ТД. -Баку, 1985. -С. 128-130.

131. *Давудов О.М., Абакаров А.И.* Раскопки Шахсенгерского городища // Археологические открытия 1984. М.: Наука, 1986. С. 94 – 95;

132. *Давудов О.М., Давудов Ш.О.* Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции // Археологические открытия 2004.– М.: Наука, 2005.–С.282 – 283;

133. *Давудов О.М., Котович В.Г.* Богатые погребальные комплексы из сел. Ираги и Калкни // IX Крупновские чтения. Тезисы докладов. Элиста, 1979. С. 36).

134. *Давудов О.М., Маммаев М.М.* Художественный металл Западного Дагестана VIII – X вв.(Зооморфные пряжки). Махачкала 2011. 150 с.

135. *Давудов О.М., Хангишиев Г.Дж.* Памятники предскифского времени около сел. Башлыкент // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1984-1985 гг., -Махачкала, 1986. -С. 5-6.

136. *Давудов О.М., Хангишиев Г.Дж.* Гюхракский могильник. // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Сб. трудов. Махачкала, 1991. С. 49-60.

137. *Давудов Ш.О.* Археологические исследования вблизи дагестанского селения Башлыкент. Махачкала, 2002. -102 с.

138. *Давудов Ш.О.* Археологические находки из окрестностей с. Алмак // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 4 (8). С. 55-70.

139. *Давудов Ш.О.* Импортные предметы из Акярского могильника – свидетельство культурных связей // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. —Махачкала, 2004. С. 25- 26.

140. *Давудов Ш.О.* К вопросу о погребальной обрядности Акярского могильника // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 1 (17). С. 96-121;
141. *Давудов Ш.О.* Шахсенгерское городище // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сб. статей, посв. 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала, 2005. С. 227-252;
142. *Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс - памятник хунну. Забайкалье. Л., 1985. С. 11-26;
143. *Даниелян О.А.* К хронологии некоторых курганов Азербайджана // МКА.1973. Т. VII. -С. 102-113.
144. *Даутова Р.А., Дударев С.Л., Власова Т.Н.* К изучению материалов рубежа II - I - начала I тысячелетия до н.э. из плоскостной Чечено - Ингушетии // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено - Ингушетии. Грозный, 1982, С. 62-78;
145. *Джапаридзе О.М.* Бронзовые топоры Западной Грузии (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры) // СА, 1953, XVIII. -С. 281 - 300.
146. *Джапаридзе О.М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры.-Тбилиси, 1961.-С.
147. *Джапаридзе О.М.* Эпоха бронзы в Закавказье (III тыс. до н.э.) // Кавказ и Средиземноморье. -Тбилиси, 1980. -С. 50.
148. *Джафаров Ю.Р.* Гунны и Азербайджан. — Баку, 1985. — С. 69.
149. *Дикшит С. К.* Введение в археологию. -М.: Изд. ин. лит. 1960. -507 с.
150. *Дмитриев П.А.* Мысовские стоянки и курганы // Труды секции археологии РАНИОН— М., 1929. — Т. 4. — С. 189;
151. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича: документально-художественная литература, Ч. 1. М., 1859. С. 137;
152. Древности. Тр. Моск. археол. общества. 1906. Т. XXI. I. Протоколы
153. *Дударев С.Л.* Белореченский 2-й могильник памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. -Армавир, 2004. Вып. 3. -100 с.
154. *Дударев С.Л.* Бронзовые зооморфные браслеты конца II начала I тыс. до н.э. из Чечено-Ингушетии // ТД XII КЧ по археологии Северного Кавказа. -М., 1982.-С. 30-32.
155. *Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. - Армавир, 1999. -400 с.

156. *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. -Грозный, ЧИТУ. 1991. -124 с.
157. *Дударев С.Л.* О ранних погребениях Аллероевского I могильника // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. -Грозный, 1981.-С. 112-122.
158. *Дударев С.Л.* Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1991.-88 с.
159. *Дударев С.Л.* Раскопки могильника у с. Ахкинчу-барзой (Чечено-Ингушетия)//СА. 1976. № 1. -С. 257-261.
160. *Дударев С.Л.* Рец. на книгу: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. -Махачкала, 1974 //Изв. СКНЦВШ. - Ростов-на-Дону, 1974. № 1 (17). -С. 114-115.
161. *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. -М., 1967. - 495 с.
162. *Еремян С.Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Уч. зап. ИВ АН СССР. Т. VII. М., Л., 1939. С. 143—145;
163. *Есаян С.А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III-I тыс. до н.э.). -Ереван: Изд. АН Арм ССР, 1976. -272 с.
164. *Есаян С.А.* Оружие и военное дело древней Армении (III -I тыс. до н.э.). -Ереван: Изд. АН Арм ССР, 1966. -160 С.
165. *Есаян С.А., Погребова М.Н.* Скифские памятники Закавказья. -М.: Наука, 1985. -152 с.
166. *Заблоцка Ю.* История Ближнего Востока в древности (От первых поселений до персидского завоевания). -М.: Наука, 1989. -416 с.
167. *Замаровский В.* Тайны хеттов. -М.: Наука, 1968. -336 с.
168. *Замятнин С.Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА, 1946, VIII. -С. 9-50.
169. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1: Горган и Поволжье в IX-X вв. - М.: Изд. вост. лит., 1962. -279 с.
170. *Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте) // МАД. -Махачкала, 1959. Т. I. -С. 195-242.
171. *Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана: Материалы к археологической карте. -Махачкала, 1966, -145 с.
172. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. -М.: Наука, 1988. -544 с.
173. История Дагестана. -М., 1967. Т. I. -432 с.

174. *Иванов В.Б.* Очерк истории и культуры хеттов // Керам К.В. Узкое ущелье и Чёрная гора М.: Изд. восточной литературы, 1962. — С. 214;
175. *Ивановский А.А.* По Закавказью: Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. и с предисл. гр. Уваровой. - М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888-1916. Вып. 6. С. 89- 159; Рис. XII, 14;
176. *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. -1941. №3.-С. 7-50.
177. *Иессен А.А.* Древние очаги металлургии и металлообработки на восточном Кавказе // ТД НС ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. -Махачкала, 1959. -С. 29-30.
178. *Иессен А.А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. 1965. № 125. -С. 10-35.
179. *Иессен А.А.* Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // ТД На пленарном заседании конф. По археологии Кавказа, со-стоящейся в Ереване в октябре 1956 г. -М., 1956. -С. 11-18.
180. *Иессен А.А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе// ИГАИМК. М.-Л., 1935. Вып. 120. -С. 7-237.
181. *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. XVIII. -С. 9-110.
182. *Иессен А.А.* К хронологии "Больших кубанских курганов" // С А. 1950. Т. XII.-С. 157-200.
183. *Иессен А.А.* Некоторые памятники VII-VIII, вв. до н.э. на Северном Кавказе, ВССА, -М., 1954. -С. 112-131.
184. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. М.-Л., 1951, № 23, -С. 75-124.
185. *Иессен А.А.* К хронологии "Больших кубанских курганов" // С А. 1950. Т. XII.-С. 157-200.
186. Из «Книги побед» *Шериф-ад-Дина Йезди.*// СМИЗО. Т.П. С. 186
187. *Ильинская В.А.* Культовые жезлы скифского и пред скифского времени. // МИА. -М., 1965. № 130. -С. 206-211.
188. *Ильинская В.А.* Образ коня и быка в раннескифском искусстве // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-саматской археологии. -М., 1972. -С. 41-44.
189. *Исаков М.И.* Талгинский могильник // КСИМК. М., 1957. С. 126 и сл.;

190. *Исаков М.И.*, Археологические памятники Дагестана: Материалы к археол. карте. Сокр. вариант. Махачкала, 1966.
191. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1. -431 с.;
192. История народов Северного Кавказа. Т. 1.
193. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
194. *Кавтарадзе Г.К.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. -Тбилиси, 1983. -156 с.
195. *Казиев С.М.* Археологические раскопки в Мингечауре // МКА 1949. -С. 9-49.
196. *Каменцеи Т.* Предскифская эпоха в восточной Венгрии // Археология Венгрии. -М.: Наука, 1986. с
197. *Канивец В.И.* Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. -Махачкала, 1959. Т. I. С. 21-59.
198. *Караулов Н.А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. // СМОМПК. 32.
199. *Каухчишвили С.Г.* «КартлисЦховреба». Т. I.-Тбилиси, 1955; Т. II.Тбилиси, 1959 (на грузинском языке).
200. *Керам К.В.* Узкое ущелье и черная гора.-М: Изд. восточной лит. 1962. -216 с.
201. . *Киселев С.В.* Древняя история Монголии // СА. 1957. 2. С. 146-148.
202. Классификация в археологии: терминологический словарь-справочник / *Е.М. Колпаков, В.С. Бочкарёв, И.О. Васкул, Л.Б. Вишняцкий, Е.В. Власова, А.А. Ковалёв, Н.Н. Чеснокова, О.В. Шаров.* -М.: Наука, 1990. 156
203. *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. -М. 1984. -192 с.
204. *Козенкова В.И.* Большой Кавказ в XIV - IV вв. до н.э. (кобанская культура: модель тысячелетнего развития). Научн. докл., представленный на соискание ученой степени доктора ист. наук. -М., 1989. -52 с.
205. *Козенкова В.И.* Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. -Махачкала, 1977. - С. 70-95.
206. *Козенкова В.И.* Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов: Всесоюзная научная конференция. ТД. -Шатой, 1991. - С. 9-12.
207. *Козенкова В.И.* Восточный вариант кобанской культуры в свете последних археологических исследований // Горы и равнины

СевероВосточного Кавказа в древности и средние века. МАД. - Махачкала, 1978. Т. 8.-С. 99-109.

208. *Козенкова В.И.* Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) // СА. 1989. №3. -С. 27-34.

209. *Козенкова В.И.* Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт// КСИА. -М.: Наука, 1967. Вып. 112, -С. 82-89.

210. *Козенкова В.И.* Кобанская культура: Восточный вариант // Археология СССР. САИ. М.: -Наука, 1977. Вып. В2-5. -88 с.

211. *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). -М., 1996. -164 с.

212. *Козенкова В.И.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии // АЭС. -Грозный, 1968. Т. II. -С. 9-38.

213. *Козенкова В.И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // С А. 1982. №3. -с. 14-35.

214. *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // Археология СССР. САИ. -М., 1995. Т. 4. -166 с.

215. *Козенкова В.И.* Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника // КСИА, -М., 1970. Вып. 123, -С. 114-116.

216. *Козенкова В.И.* Раннекобанский могильник у сел. Сержень-Юрт // СА. 1969. №4, -С. 114-116.

217. *Козенкова В.И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-дунайским миром: (Некоторые археологические параллели) // Скифский мир. -Киев: Наукова думка, 1975. -С. 52-73.

218. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // Археология СССР. САИ. -М.: Наука, 1982. Вып. В2-5. -176 с.

219. *Козенкова В.И.* Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.С. 64-92;

220. *Козенкова В.И.,* Найденко А.В. Кобанский могильник близ станции Исправной (Ставропольский край) // СА. 1980. № 1. -С. 195-210.

221. *Комарова М.Н.* Томский могильник памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. -М., 1952, № 24. -С. 7-50.

222. *Коробкова Г.Ф., Гаджиев М.Г.* О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) // СА. 1983. № 1. С. 130 - 143;
223. *Котович В.Г.* Археологические работы в горном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Том 2. С. 46-53.
224. *Котович В.Г.* Новые археологические памятники южного Дагестана // МАД. -Махачкала, 1959. Т. I. -С. 121-156.
225. *Котович В.Г.* Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. 1964 г. в СССР. Баку, 1965.
226. *Котович В.Г.* Процесс этно-культурного развития дагестанских племен в медно-бронзовом веке. // История Дагестана. М.: ГРВЛ, 1967. С. 84-85.
227. *Котович В.Г.* К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. -Махачкала, 1978. -С. 46-76.
228. *Котович В.Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Материалы по археологии Дагестана. Т. 5: Древности Дагестана. -Махачкала: 1974. С. 181-131.
229. *Котович В.Г.* О происхождении "кабардино-пятигорских" или "киммерийских" биметаллических мечей и кинжалов // МАД. - Махачкала, 1978. VIII, -С. 110-123.
230. *Котович В.Г.* О процессе урбанизации в древнем Дагестане. // Древние и средневековые археологические памятники. -Махачкала, 1980. С. 78 – 93.
231. *Котович В.Г.* Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры // ТД., поев, итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. в СССР. -Тбилиси, 1971, - С. 19-21.
232. *Котович В.Г.* Отчет о работе третьего разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г., РФ ИИЯЛ, лл. 48 – 49
233. *Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. -М.: Наука, 1982. - 235 с.
234. *Котович В.Г., Абдуллаев М.М., Котович В.М. и др.* Некоторые итоги работ на городище Таргу // МСПИЭИ в Дагестане в 1976-1977 гг. ТД. -Махачкала, 1978, -С. 9-11.
235. *Котович В.Г., Давудов О.М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. №4.-С. 38-54.

236. *Котович В.Г., Давудов О.М.* Отчет о работе 1-го отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2, оп. 1, № 25. Л. 38-39.

237. *Котович В.Г., Котович В.М.* Археологические исследования на городище Таргу //МСПИЭИ в Дагестане в 1978-1979 гг. - Махачкала, 1980, -С. 5-7.

238. *Котович В.Г., Котович В.М.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. -М.: Наука, 1973, -С. 77-85.

239. *Котович В.Г., Котович В.М.* О древнем обряде срубных захоронений в Дагестане и на Кавказе // ТД IX КЧ. -Элиста, 1979. -С. 16-17.

240. *Котович В.Г., Шейхов Н.Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. (Итоги и проблемы) // Уч. Записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. -Махачкала, 1960. Т. VIII. -С. 322-364. .

241. *Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М.*Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Сб. статей. – Махачкала, 1983. С. 57 - 82.

242. *Котович В.Г, Мунчаев Р.М., Путинцева Н.Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 271-286.

243. *Котович В.М.*Анадинский замок // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана (Тематический сборник). - Махачкала, 1980. С. 228, 230.

244. *Котович В.М.*Верхнегунибское поселение. -Махачкала, 1965. -260 с.

245. *Котович В.М.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. - М.: Наука. 1976,-100 с.

246. *Котович В.М.* К вопросу о древних разработках сидеритовых руд в горном Дагестане и их первоначальном использовании // Древние промыслы ремесло и торговля в Дагестане. -Махачкала, 1984. -С. 28-42.

247. *Котович В.М.* Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. -Махачкала, 1978. -С. 77-98.

248. *Кривцова-Гракова В.И.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. // МИА. № 46. 1955. С. 117-118;

249. *Криштопа, А.Е.* Дагестан в XIII - начале XV вв. Очерк политической истории. — М., «ТАУС», 2007. С. 63 - 90.

250. *Круглов А.П.* Археологические работы на реке Терек // СА. № 3, 1937. -С. 245-250.

251. *Круглов А.П.* Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа // Уч. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. -Л., 1949, -С. 111-128.
252. *Круглов А.П.* Северо-восточный Кавказ во II–I тысячелетиях до н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. Древние племена и народности Кавказа. – Т. 68. –М.; Л., 1958.
253. *Круглов А.П.* Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. Тезисы кандидатской дисс. // КСИИМК. -М., 1946. XII.С. 31-40.
254. *Крупнов Е.И.* Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. -М., 1949. Вып. 27. -С. 11-20.
255. *Крупнов Е.И.* Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // АЭС. - Грозный, 1969. Т. III. -С. 7-20.
256. *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. -М., 1957. -176 с.
257. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. -М.: Изд. АН СССР, 1960, -520 с.
258. *Крупнов Е.И.* Каякентский могильник — памятник древней Албании. // Тр. Государственного исторического музея. Вып. XI. – М., 1940;
259. *Крупнов Е.И.* К историко-археологическому изучению степного Дагестана // ТД на научной сес. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. -Махачкала, 1959, -С. 14-17.
260. *Крупнов Е.И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. -М., 1951. № 23, -С. 17-74.
261. *Крупнов Е.И.* Новый памятник древних культур Дагестана: Опыт первого исследования Таркинского могильника в 1947 г. // МИА. М.-Л., 1951. № 23. -С. 208-225.
262. *Крупнов Е.И.* Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1969. № 1. -С. 13-18.
263. *Крупнов Е.И.* Раннежелезный век Северного Кавказа: Опыт датировки памятников материальной культуры // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Серия ист. -Махачкала, 1965. Т. 14. -С. 325-341.
264. *Кудрявцев А.А.* Феодалный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI —середине XIII в.—М: Наука, 1993. -320 с.
265. *Кузнецов-Красноярский И.* Минусинские древности. -Томск, 1908. Вып.1. -25 е., 13 л., ил.
266. *Кузьмина Е. Е.* Навершие со всадниками из Дагестана // С А. 1973. № 2. -С. 178-190.
267. *Кузьмина Е. Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. -Киев, 1977. -С. 96-119.

268. *Куфтин Б.А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Восточную Осетию и Имеретию. -Тбилиси, 1949. - 230 с.
269. *Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети. - Тбилиси, 1941. -491 с.
270. *Куфтин Б.А.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // Вестник гос. музея Грузии. -Тбилиси, 1944. Вып. XII-В. -С. 291-440.
271. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. -Тбилиси, 1949. Т. I. -360 с.
272. *Куфтин Б.А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит// ВГМГ. -Тбилиси, 1944. XIII-В. -С. 1-171.
273. *Кушнарера К.Х.* Древнейшие памятники Двина. -Ереван, 1977. 112 с.
274. *Кушнарера К.Х.* Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. 1957,-С. 135-177.
275. *Лалаян К.А.* Раскопки могильников советской Армении. - Ереван, 1931. -240 с.
276. *Лелеков Л.А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. // ИКНСА. 1976. -С. 7
277. *Лесков А.М.* Заключительный этап бронзового века на Юге Украины. Автореф. дисс. докт. ист. наук. -М., 1981.
278. *Лесков А.М.* Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. -Киев: Наукова думка, 1970. -С. 7-59.
279. *Лесков А.М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. 1971. №177.-С. 75-91.
280. *Ловпаче Н.Г.* Могильник Кочипэ (Восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов. -Майкоп, 1991.
281. *Ломтатидзе Г.А.* Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтав.
282. *Магомедов М.Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1970.
283. *Магомедов А.Р., Криштопа А.Е.* Позднебронзовый могильник в приморском Дагестане // АО 1976. -М., 1977, -С. 109-110.
284. *Магомедов Р.Г.* Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. - Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998. - 378 с.
285. *Магомедов Р. Г., Эрлих В. Р.* Луткунский клад киммерийского времени из Южного Дагестана (предварительное сообщение) // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа:

Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25-27 апреля 2016 г.). - Москва, 2016. С. 155-161.

286. *Магомедов Р.М.* История Дагестана. -Махачкала, 1961. -292 с

287. *Марковин В.И.* Акрыский могильник // Дагестанская правда. 27 февраля 1952?

288. *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-харачоевская культура // МИА. М: Наука, 1969. № 122. -116 с

289. *Марковин В.И.* Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су. (Северо-Восточный Кавказ). -М.: Наука, 2002. -154 С.

290. *Марковин В.И.* Каякентско-Харачоевская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза. –М., 1994. – С. 334 – 354.

291. *Марковым В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 93.-152 с.

292. *Марковин В.И.* Об археологическом аспекте в изучении этногенеза вай-нахов// Проблемы происхождения нахских народов: Всесоюзная научная конференция. Тез. докл. -Шатой, 1991. -С. 7-9.

293. *Марковин В.И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни// КСИА. 1964. 98. -С. 81-89.

294. *Марковин В.И.* Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // АО 1979. -М., 1980. -С. 117-118.

295. *Марковин В.И.* Рец. на кн.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. -Махачкала, 1974. -189 с. // СА. 1976. № 3. -С. 345-348.

296. *Марковин В.И.* Рец. на кн.: Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977. САИ. Вып. 2–5.С. 318 – 321.

297. *Марковин В.И.* Скифские курганы у сел. Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. 1965. № 2. -С. 160-173.

298. *Марковин В.И.* Склепы эпохи бронзы из сел. Эгикал в Ингушетии // СА. 1970. 4. (середина I тысячелетия до н.э. — первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. -М., 1982. Вып. 54. С. 9-19.

299. *Марковин В.И.* Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // Российская археология. 1994. № 1. -С. 51-66.

300. *Марковин В.И., Мужухоев М.Б.* Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.-С. 5-23.

301. *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований //КСИА. -М., 1965. Вып. 100. -С. 40-49.
302. *Мартirosян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. -Ереван: изд. АН АрмССР, 1964. -305 с.
303. *Мартirosян А.А.* О периодизации археологических памятников в Армении эпохи бронзы и раннего железа // С А. 1964. № 3. -С. 21-36.
304. *Мартirosян А.А.* Раскопки в Головино. -Ереван. 1954. -117 с.
305. *Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе / Отв. ред. Н. В. Полосьмак. — Новосибирск: ВО «Наука», 1993. — 172 с.
306. *Матвеева Н.П.* Материалы к палеодемографической характеристике Саргатской общности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 1999. — № 2.
307. *Махортых С.В.* Киммерийцы на Северном Кавказе. -Киев, 1994. -94 с.
308. *Махортых С.В.* Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X-VIII вв. до н.э. // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. -М.: Наука, 1997. -С. 4-13.
309. *Махортых С.В., Скорый С.А.* Мечи и кинжалы скифского времени без наверший // Археология. АН Укр. ССР ИА. -Киев: Наукова думка, 1986. Вып. 56, -С. 72-78.
310. *Мегрелидзе И.В.* Археологические находки в Дидо // СА. М.-Л, 1951. Т. 15,-С. 281-291.
311. *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // Археология СССР. САИ. -М.: Наука, 1964. Вып. Д1-4, -92 с.
312. *Мерперт Н.Я.* Раскопки Сержень-юртовского поселения в 1960 г. // КСИА. 1962. Вып. 88, -С. 33-44.
313. *Микаилов Ш.И.* Очерки аварской диалектологии. - М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1959. - 511 с., 2 л. табл., карта.
314. *Миллер Б.В.* Персидско-русский словарь. – М.: ГИИИНС 1950..1152с.
315. *Минкевич-Мустафаева Н.В.* О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа // МКА. -Баку, 1962, Т. 4. -С. 109-139.
316. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. - М.: Изд-во вост. лит., 1963. - 265 с.

317. *Мифтахов З.З., Мухамадеев Д.Ш.* История Татарстана и татарского народа. –Казань: Изд. «Казань», 1993.
318. *Мнацаканян А.О.* Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан // СА. -М., 1955. XXIII. -С. 185-200.
319. *Мнацаканян А.О.* О раскопках могильников у села Головино (Армения) // КСИИМК. -М., 1952. Вып. 46.-С. 62-71.
320. *Мунчаев Р.М.* Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – Т. 71. – М., 1958.
321. *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. -М., 1961. № 100.
322. *Мунчаев Р.М.* К истории археологического изучения Дагестана // МАД. -Махачкала, 1959. Т. I. -С. 9-20.
323. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. -М.: Наука, 1975.
324. *Мунчаев Р.М.* Луговой могильник (исследования 1956-1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. -М.: Изд-во АН СССР, 1963. -С. 139-211.
325. *Мунчаев Р.М.* Основные итоги и перспективы историко - археологического изучения Дагестана // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. -Махачкала, 1954. -30 с.
326. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники близ сел. Карабудахкент(Даг.АССР) // МИА. 1958. №68. -С. 147-175.
327. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане // СА. 1956. Т. XXVI. -С. 167-203.
328. *Мухелишвили Д.Л.* К вопросу о распространении красноангобирванной керамики на территории Восточной Грузии в ранне-средневековую эпоху (по материалам раскопок Ховлегора) // СА.1977. 3. С. 213-220:
329. *Мифтахов З.З., Мухамадеева Д.Ш.* История Татарстана и татарского народа Ч. 1. Казань: Магрия, 1995.
330. *Мхитаров Н.К.* Железная руда // Сокровища недр Северного Кавказа. Пятигорск, 1937.
331. *Мхитаров Н.К.* Черные металлы Северо-Кавказского края // Природные богатства Северо-Кавказского края. Москва-Пятигорск, 1935.
332. *Нариманов И.Г., Халилов Дж.А.* Археологические раскопки на холме Сары-тепе (1956 г.) // МКА. -Баку, 1962. Т. IV. -С. 6-67.
333. *Нераденко Т.Н.* К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на при-

мере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. -Орджоникидзе, 1986. -С. 57-69. .

334. *Нераденко Т.Н.* Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций Древнего Востока в конце II начале I тысячелетия до н.э. Автореф. дис. канд. ист. наук. - Киев, 1988. -17 с.

335. *Нечаева Л.Г.* Могильник Алханкала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. дисс. канд. ист. наук. -Л., 1956. - 21 с.

336. *Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. -Л., 1961. С. 151- 159;

337. *Нечаева Л.Г.* Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин // Этническая история народов Азии. -М., 1972. С. 267-292;

338. *Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В.* Погребение скифского времени у сел. Бе-рикей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. -Махачкала, 1978.-С. 136-144.

339. *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. - Киев,1978.-152 с.

340. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука,1990.

341. *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана.Махачкала, 1996.

342. *Отрощенко В.В.* Белозерская культура. //В кн. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 117—152

343. *Отрощенко В.В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. -Киев: Наукова думка, 1976. -С. 172-190.

344. Очерки истории Дагестана. -Махачкала, 1957. Т. I. -392 с.

345. Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. -М., 1956. -616 с.

346. *Очаури Г.А., Сургуладзе И.К.* Кавкаско-Иберийских народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия.-М.:1980.Т. 1: 671 с.,

347. *Панцхава Л.Н.* К истории художественного ремесла колхидской и ко-банской культур // Автореф. дисс. канд. ист. наук. -Тбилиси, 1975. -32 с.

348. Персидско-русокий словарь проф. Б.В. Миллера.М., 1950.

349. *Петренко В.Г.* Скифская культура на северном Кавказе // Археологический сборник. -Л.: Искусство. № 23. 1983. -С. 44-45.
350. *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. -М.: Изд. АН СССР, 1941. С. 165.
351. *Пикуль М.И.* Дагбашский могильник // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. -Махачкала, 1961. Т. IX. -С. 298-319.
352. *Пикуль М.И.* Мугерганский могильник // МАД. -Махачкала, 1973. Т. III. -С. 35-50.
353. *Пикуль М.И.* О раскопках в южном Дагестане в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Д. 2307, 2307«а».
354. *Пикуль М.И.* О результатах археологических исследований 3-го Бавту-гайского отряда ДАЭ ИИЯЛ за 1958 г. Архив ИА АН СССР, д. 1838"и 1838«а».
355. *Пикуль М.И.* Отчет о раскопках в южном Дагестане в 1962 г. Архив ИА АН СССР.
356. *Пикуль М.И.* Раскопки на Сулаке в 1955 г. // МАД. - Махачкала, 1959. Т. I. -С. 157-175.
357. *Пикуль М.И.* Итоги археологических разведок в юж. Дагестане в 1959. Архив ИА АН СССР, д. 1997, «а».
358. *Пикуль М.И.* Отчет по археологическим работам в северном Дагестане. Архив ИА РАН. 39. Ф. 1. 1951.
359. *Пикуль М.И.* Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ, РФ ИИЯЛ, Л. 2311
360. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник // МАД. Махачкала, 1961. II.
361. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. - Махачкала, 1967. -176 с.
362. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане // Тез. докл. на научной сес. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. -Махачкала, 1959. -С. 33-39.
363. *Пиотровский Б.Б.* История и культура Урарту. -Ереван, 1944. -364 с.
364. *Пиотровский Б.Б.* Кармир-Блур. I. -Ереван, 1950.-100 с.
365. *Пиотровский Б.Б., Иессен А.А.* Моздокский могильник. -Л., 1940. -56 с.
366. *Пицхелаури К.Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.-158 с.
367. *Пицхелаури К.Н.* Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна. -Тбилиси, 1965. -150 с.
368. *Пицхелаури К.Н.* Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы раннего железа // Тр. Кахетинской археологической экспедиции. Т. I. -Тбилиси, 1969. -С. 89-110.

369. *Пицхелаури К.Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV-VII вв. до н.э.). Авторефдисс. докт. ист. наук. - Тбилиси, 1972. -142 с.

370. *Пицхелаури К.Н.* Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии//СА. 1977. 3. С. 221-229;

371. *Пицхелаури К.Н.* Центральное Закавказье на раннем этапе эпохи поздней бронзы // Культурный прогресс в эпоху поздней бронзы и раннего железа. -Ереван: Изд. АН АрмССР, 1982. -С. 32.

372. *Плетнева С.А.* Очерки Хазарской археологии. – М. – Иерусалим: "Мосты культуры" - "Гешарим", 1999. -.С. 184 -185;

373. *Плетнева С.А.* Хазары. М.: Наука, 1976.

374. *Погребоев М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. -М. 1977. -184 с.

375. *Погребоев М.Н.* Несколько иранских кинжалов на Кавказе // КСИА. 1965. Вып. 103.-С. 11-18.

376. *Покровська Е.Ф.* Раскопки курганов V ст. до н.э. поблизу м. Шполи // Археологія. -Кіев, 1957. XI. -С. 148-153.

377. *Пономарев Н.А.* История техники мукомольного и крупяного производства. Ч. 1. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. М.: изд. тех. и экон. лит.повопр. заготовок, 1955. С. 83.

378. *Пьянков А.В., Тарабанов В. А.* Могильник протомеотского времени Казазово-3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. -М., 1997.

379. *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. - М., 1977. -С. 105-107.

380. *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. - М., 1977. -С. 105-107.

381. *Ражев Д.И., Ковригин А.А.* Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества// Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов конференции: сборник. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. — С. 171-175;

382. Ранниетюрки на Северном Кавказе, -М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 118.

383. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. -404 с.

384. *Русов А.А.* Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // V Археологический съезд. Т. I. Тр. предварительного комитета. -М., 1882. -С. 503-621.

385. *Рустамов Д.Н., Нариманов И.Г.* Древние поселения и курганные погребения на Авейдаге // МКА. -Баку, 1965. -С. 44-50.
386. Сокровища недр Северного Кавказа, ред. Н. И. Тамбовцев. - Пятигорск, 1937.-144 с.
387. *Спришевский В.И.* Чустское поселение эпохи бронзы // КСИИМК. 1958. №71.-С. 86-98.
388. *Степанов П.К.* История русской одежды. Вып.1, -М, 1916. - 34 с., 31 л. ил.
389. *Садыхзаде Ш.Г.* Древние украшения Азербайджана. -Баку, 1971. -79 с.
390. *Сазонов А.А.* Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотско-го могильника Пшиш-1 // Археология Адыгеи. - Майкоп, 1995. -С. 84-107.
391. *Салмин А.К.* Савиры на Кавказе. // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений: этнология, история, археология, культурология (2010 – 2011). –Санкт—Петербург, 2011. –С. 23 – 28.
392. *Салмин А.К.* Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. — СПб.: Нестор-История, 2019. — С. 44-45.
393. *Сафронов В.А.* Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. -Л., 1968. Вып. 1.-С. 75-128.
394. *Сафронов В.А.* О датировке рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры // КСИА. 1966. Вып. 108. -С. 23-30.
395. *Семенов И.Г.* К локализации савир (по данным «Армянской географии» VII в.) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12-15 апреля 2001 г.). –Ставрополь: Изд. Ставропольского государственного университета, 2001.
396. *Сихарулидзе А.Н.* К вопросу о значении изображений быка на триалет-ских вишапах и вишапоидах // КЭС. 1972. IV. -С. 24-52.
397. Сказки народов Дагестана. М.: Наука, 1965. 319 с.
398. *Скорый С.А., Рахимкумова Ф.Б.* К вопросу о контактах Северного Кавказа и Карпато-Подунавья в эпоху поздней бронзы раннего железа // Археология и краеведение ВУЗу и школе. Тез докл. - Грозный, 1985. -С. 38-40.
399. *Смирнов А.П.* Сувары: итоги раскопок 1933–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16.
400. *Смирнов К.Ф.* Агачкалинский могильник - памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. 1951. XXXVIII. С. 113 - 119.

401. *Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. -С. 46-72.
402. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.//МИА. -М., 1952. Вып. 45. С. 240-243.
403. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов.// МИА, М.: Наука, 1961. Вып. 101. -162 с.
404. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у селения Карабудахкент // МАД. Т. II. -Махачкала, 1961.
405. *Смирнов К.Ф.* Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. // КСИИМК. 1950. XXXII. -С. 113-125.
406. *Смирнов К.Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. XXXVII. -С. 151-160.
407. *Смирнов К.Ф. и Мунчаев Р.М.* Археологические памятники близ с. Карабудахкент (Дагестанская АССР). // МИА. 68. -М-Л.,1958.
408. *Соловьёв А.И.*Саргатская культура (эпоха раннего железного века) // Оружие и доспехи.// Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. — Новосибирск: «Инфолио-Пресс», 2003.
409. *Спришевский В.И.* Чустское поселение эпохи бронзы // КСИИМК. 1958. № 71.-С. 86-98.
410. *Степанов П.К.* История русской одежды. Вып.1, -М, 1916. 31 л. ил.
411. *Татаурова Л.В., Толпенко И.В.*Саргатская и кулайская культуры: проблемы взаимодействия // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сборник. — Барнаул, 1999. — С. 176-180;
412. *Тереножкин А.И.* Дата Мингечаурских удил // СА. 1971. № 4. -С. 71-84.
413. *Тереножкин А.И.* Киммерийцы и Кавказ. ТД СПИПАИ 1970. -Тбилиси, 1971. С.
414. *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. -Киев: Наукова думка, 1976. -224 с.
415. *Тереножкин А.И.*Предскифский период на Днепровском правобережье. -Киев: Изд. АН Укр. ССР, 1961. -248 с.
416. *Техов Б.В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. -Тбилиси, 1971.-294 с.
417. *Техов Б.В.* Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. -Сталинир, 1957. -172 с.
418. *Техов Б.В.*Стырфазские кромлехи. -Цхинвали, 1974. -98 с.

419. *Техов Б.В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культур поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа // С А. 1972. № 3. -С. 18-37.
420. *Техов Б.В.* Тлийский могильник. Каталог. -Тбилиси, 1985. Т. III. -70 е., 60 л. ил.
421. *Техов Б.В.* Тлийский могильник. (Комплексы XVI-X вв. до н.э.). -Тбилиси, 1980. Т. III. -58 е., 137 л. ил.
422. *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н. э. -М.: Наука, 1977. -240 с.
423. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГИЭД. С. 134;
424. *Ткешелашвили О.В.* Погребение эпохи поздней бронзы в Навтлуги // Вестник гос. музея Грузии. -Тбилиси, 1963. Вып. XXIV-В. -С. 49-53.
425. *Толстов С.П.* По дельтам Окса и Яксарта. -М. 1962. 184 с.
426. *Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.
427. *Уваров А.С.* Курганы с расчленением близ Дербента // Тр. V АС. Т. 1. Тр. предварительных комитетов. -М., 1882. -С. 61-75.
428. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. -М 1900. Вып. VIII. 381 с.: ил., 135 л. ил.
429. *Удальцова З.В.* Внешняя политика Юстиниана. Попытки реставрации империи на Западе. Войны с Ираном. Византийская дипломатия // История Византии. -М., 1967. — Т. 1. — С. 333.
430. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе, М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 192;
431. *ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК.* «Хронография» («Жизнеописания византийских царей») С.49.
432. *Формозов А.А.* Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии: (Обзор публикаций 1973-1976 гг.)// СА 1978. №3. -С. 275.
433. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). -М.: Наука, 1977. -264 с.
434. *Халиков А.Х.* Отчет о работе Марийской экспедиции 1966. Архив ИА РАН. Р-1. № 3294.
435. *Халифа-заде Ч.М., Аббасова С.М.* Сидеритовые залежи Дагестана. -М., 1963.-135 с.
436. *Хачатрян Т.С.* Арктический некрополь. Каталог. -Ереван, 1979. -404 С.
437. *Хачатрян Т.С.* Древняя культура Ширака. -Ереван, 1975. - 280 с.

438. *Хачатрян Т.С.* Материальная культура древнего Артика. - Ереван, 1963. -219 С.

439. *Хлобыстина М.Д.* К изучению минусинских культовых древностей // СА. 1970. №3.-С. 186-193.

440. *Худяков Ю.С.* Археология Южной Сибири II в. до н.э. - V в. н.э. Новосибирск, 1993.

441. *Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.* Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.

442. *Цембалюк С.И.* К вопросу об этнической интерпретации саргатской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии учёного совета Института проблем освоения Севера СО РАН 2003 г : сборник. — Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 2004. — Вып. 5. — С. 99–102;

443. *Цилоссани Н.О.* Дневник раскопок, веденных в южном Дагестане // V Археологический съезд. Т. I, Тр. предварительного комитета. -М., 1882. -С. 456-473.

444. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новейших исследований. -М., 1956. -383 с.

445. *Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии. — М., 1953. — Вып. 35. — С. 238;

446. *Черных Е.Н.* Metallургическая провинция // Большая российская энциклопедич. М., 2012. Том 20. С.

447. *Черняков И.Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. -Киев: Наукова думка, 1985. -С. 148.

448. *Чеченов И.М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сб. -Нальчик, 1974. Вып. 1. - С. 14-51.

449. *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. -М.: Наука, 1967. -300 с.

450. *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. - М.: Наука, 1976. -248 с.

451. *Чубинишвили Т.Н.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. -Тбилиси, 1957. -163 с.

452. *Чубинишвили Т.Н.* К истории раннего этапа позднебронзовой эпохи Шида-Картли. Автореф. дис. канд. ист. наук. -Тбилиси, 1954. -21 С.

453. *Чубинишвили Т.Н.* Самтаврское курганное погребение № 243 // Материалы по археологии Грузии и Кавказа, 1. -Тбилиси, 1954. -С. 5-24.

454. *Чурсин Г.Ф.* Авары. Этнографический очерк. -Махачкала, 1995. -92 с.
455. *Чурсин Г.Ф.* Культ железа у кавказских народов // Известия КИЛИ, т. VI, -Тифлис, 1927. -С. 67-106.
456. *Шарафутдинова И.Н.* Сабатиновская культура // С. 83-116.
457. *Шарафутдинова И.Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. -Киев: Наукова думка, 1982. -160 с.
458. *Шарафутдинова Э.С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура) // Археология СССР. САИ. - Л., 1980. Вып. В1-II. -128 с.
459. *Шрамко Б.А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // МИА. 1971. № 177. -С. 92-102;
460. *Щетенкі А.Я.* Раскопки средневекового городища Важин-Алаак // Древние культу] евразийских степей. Л., 1983. С. 46 и сл.;
461. *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. -М., 1994.
462. *Яковлев Н.Ф.* Новое в изучении Северного Кавказа: Предварительный отчет о работах Дагестано-Чеченской экспедиции 1923г. в Дагестане // Новый восток. 1924. № 5. -С. 238-254.
463. *Abramicshvili R.* Le necropole de Samthavro et Chronologie des civilisationarchéologiques du Bronze resent et du debut ru fer au Caucase. // VIII Congr. In tern.De sei.préhistoriques et protohistoriques. (Belgrade, 1971).М., 1971.
464. *Danlop V.* The History of Jewish Khazars.NewJersey, 1954.С. 43, 44.
465. *Davudov O.* Kimmerier, Skythen und Dagestan. Ein hochalpinenfeuerheiligtumimkontext der reiternomadischenvorderasienszüge.II Hamburger beiträgezurarchäologie. 18. 1991. S. 47-56.
466. *GAZDAPUSTAI GY.* BeziechungenzweschendenpraskythischenKulturendesKarpatenbeckensundNordkaukasus (BeiteagezumsogenanntemKimmerierproblem) // Aktaantiquaetarchaeologien. Szegel, 1963. T. V.
467. *Ghirshman R.* Fouilles de Sialkpres du Kashan 1933, 1934, Paris, 1939, vol. II, PL. LV, S. 592.
468. *GIMBUTAS M.* Borodino, Seima and there Contemporaries. //PPS. 1957. XXII. P. 147, 148.
469. *Goubert P.* Byzanceavantl'I slam, t. I, p. 101, n. 5.
470. *KOSSAK G.* "Kimmerische" Bronzen. BemerkungenzurZeitstellungin Ost- und MitteleuropaSimla.Kjubljana, 1980.20, 21;
471. *Kossak G.* Tli Grab 85. BemerkungenzumBeginndesskythenzeitlichenFormenkreisesimKaukasus // BeitragezurallgemeinenundvergleichendenArchaologie. Bonn, 1983.Band. 5.

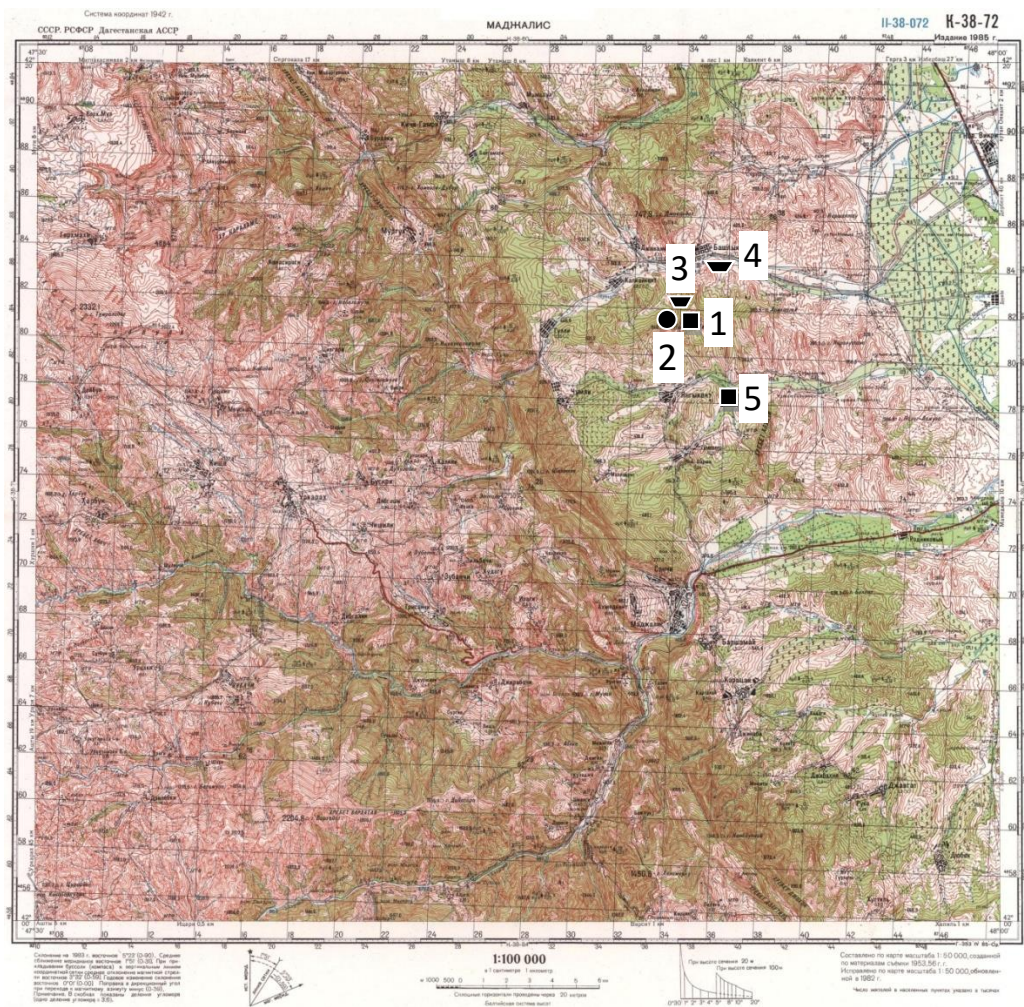
472. *Kozenkova V. I.* Scrzen-Jurt: Ein Friedhot der Späten Bronze und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus. Mainz am Rhein, 1992.
473. *Kroupnov E.I.* A propos de la Chronologie de l'âge du Fer au Caucase Nord // VI Congrès international de sciences préhistoriques et protohistoriques. Moscou, 1962. P. 11-13.
474. *Ludwig D.* Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quelle. Münster, 1982. S. 249.
475. *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898. C. 87;
476. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 168
477. *Minorsky L.*, (translator). *Ḥudūd al-'Ālam*, "The Regions of the World," a Persian Geography 372 A.H./982 A.D. 1937. C. 453; 3, C. 125, 126;
478. *Parzinger Hermann* Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. Historische Bibliothek der Gerda-Henkel-Stiftung, Band 1 Beck. — München 2006. — S. 564 ff., 715 ff., Abb 184, 185, 225, 226, 227.
479. *POTRATZ H.A.* Die pferdgebisse der zwischenstromlandischen-Raumes // Archiv für Orientforschung, XIV. 1-2. 1941.
480. *Robbins, Manuel* Collapse of the Bronze Age: the story of Greece, Troy, Israel, Egypt and Peoples of the Sea. AuthorsChoicePress, 2001.
481. *Rolle R.* Stat auf Radern zur Entwicklung des nomadischen Wohnwagens // Gold der Steppe archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S. 85-92. ABB 1,5, 6.
482. *Sandars N.K.* The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250-1150 BC. London: Thames and Hudson, 1978.
483. *SANDARS N.K.* The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250-1150 b.c. London:
484. *Schaeffer C.* Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1952.
485. *Shaeffer CL. F. A.* Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale (III et II millénaire). L., 1948.
486. *Tallgren A.M.* Caucasian monuments. The Kazbek Treasure. // ESA. Helsinki, 1939. V. P. 160
487. *Tallgren A.M.* Collection Zaoussailov au musée National de Finlande à Helsingfors. II. Pl. V. 3.
488. Thames and Hudson, 1978.
489. *Wolley C.L.* Ur excavations. Vol. II. The royal Cemetery. New York, 1934.

ИЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Карта Дагестана с обозначением Шахсенгерского комплекса памятников: 1 - Шахсенгерское городище; 2- Шахсенгерское поселение; 3 - Шахсенгерский могильник; 4 - Акярский могильник; 5 - Сенгерское поселение.

Рис. 2. Карта Каякентского района Дагестана, на которой обозначены Шахсенгерское городище (1); Шахсенгерское поселение (2); Шахсенгерский могильник (3); Акярский могильник (4); Сенгерское поселение (5).

Рис. 3. Шахсенгерское городище (вид с востока)

Рис. 3а. Шахсенгерское городище. Вид с восточной стороны

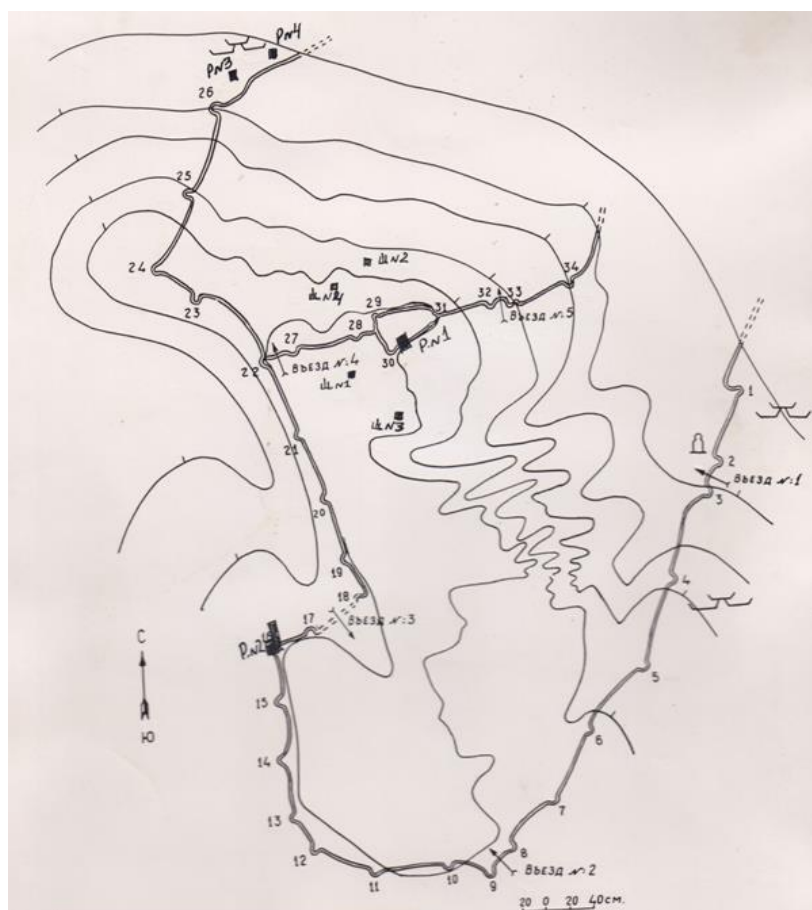
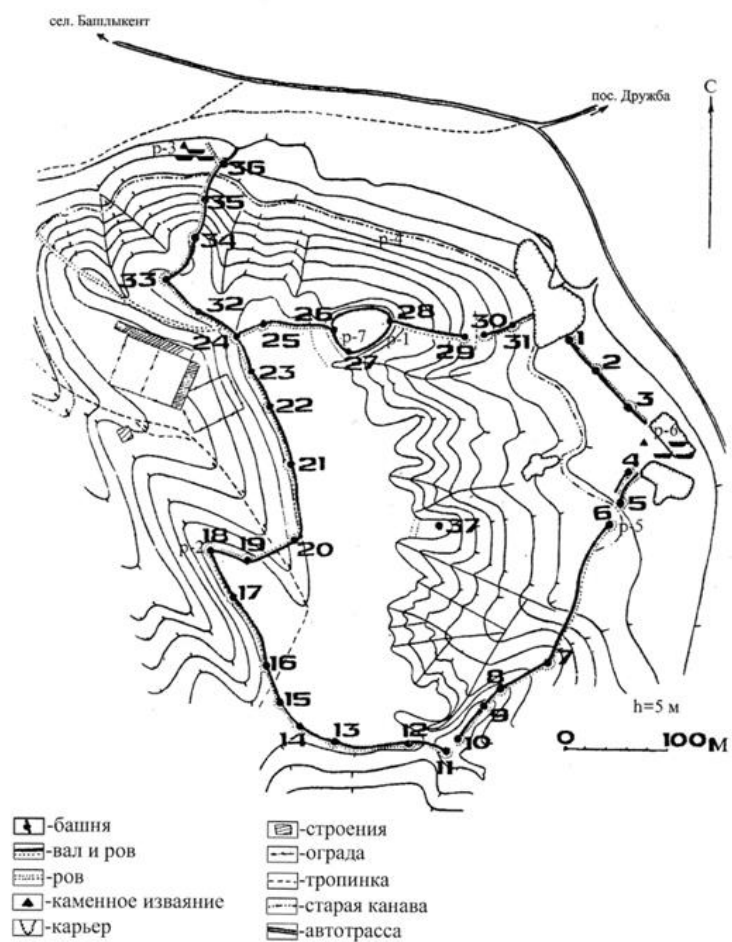

Рис. 4. План Шахсенгерского городища. Глазомерные съемки 1966 г., выполненные В. Г. Котовичем

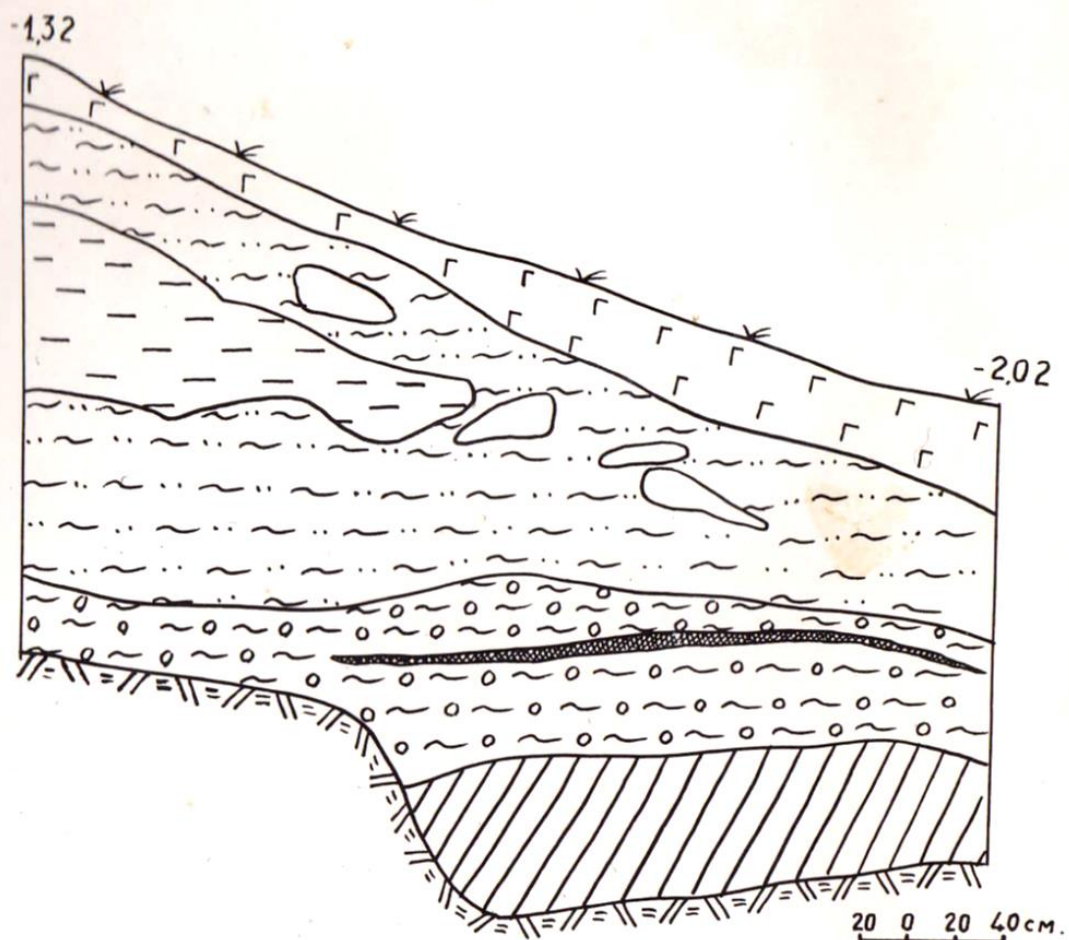

Рис. 5. План Шахсенгеоского городища

Рис. 6. Снимается первый дерновый слой

Шах-Сенгер - 66г. Раскоп №1
 Профиль Северо-восточной стены кв. 13.

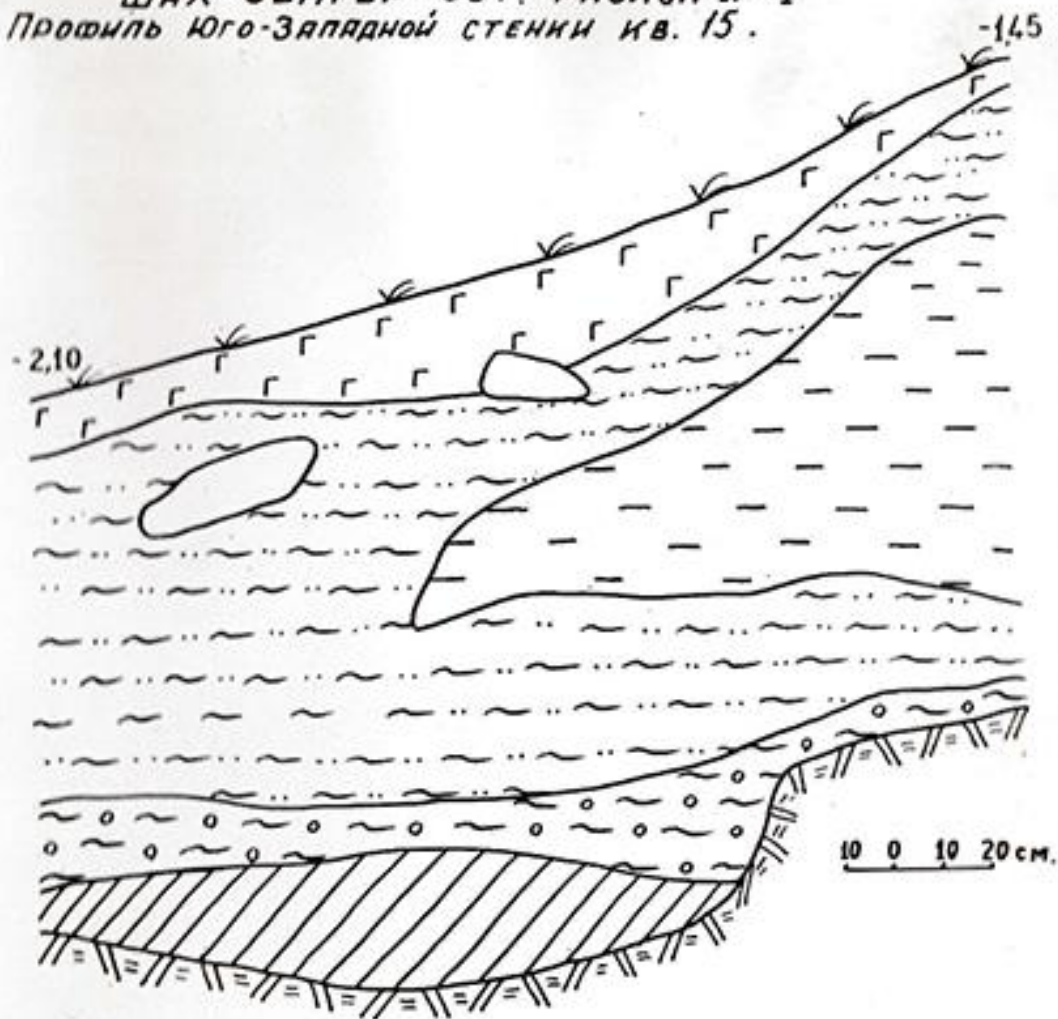
- - Гумус
- - Суглинок с золой
- - Желтый суглинок.
- - Темный суглинок с щебенкой
- - Угольный слой
- - Темносерый суглинок.
- - Материк

Рис. 7. Раскоп № 1. Профиль СВ стенки (кв. 13)

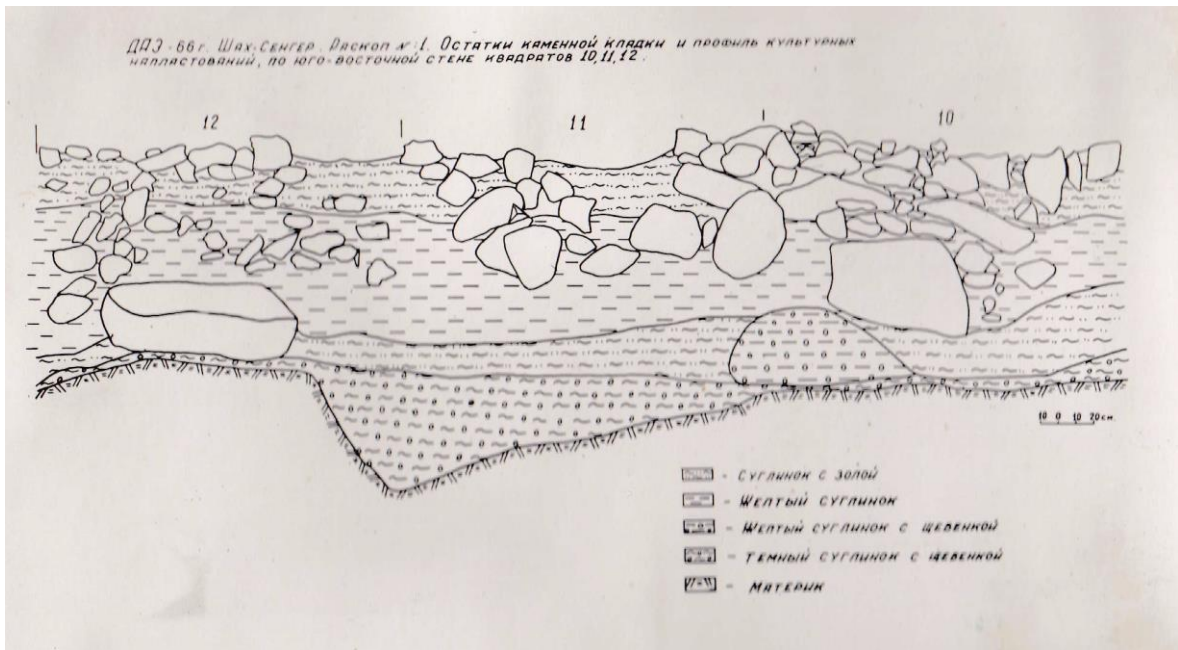
ШАХ-СЕНГЕР-66 г. Раскоп №1
 Профиль Юго-Западной стенки кв. 15.

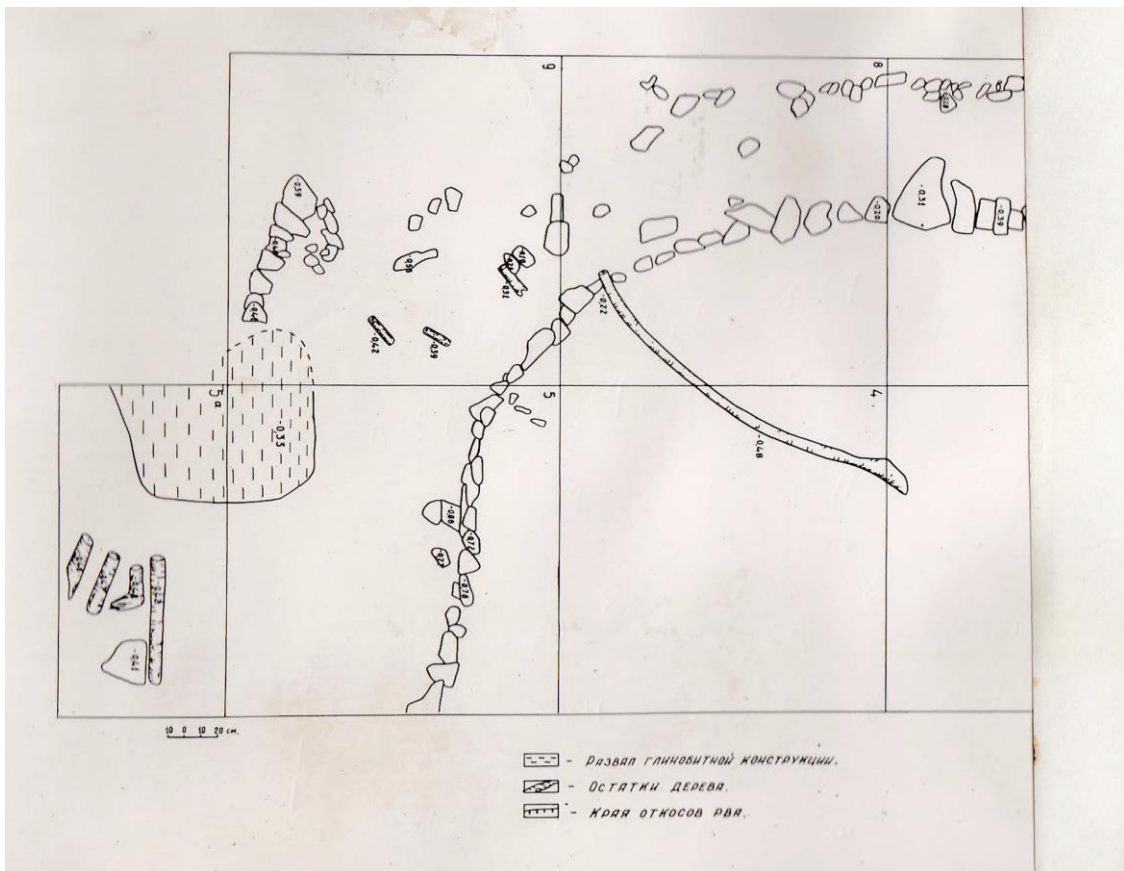
- ГУМУС
- СУГЛИНОК С ЗОЛОЙ
- ЖЕЛТЫЙ СУГЛИНОК
- ЗОЛА СО ЩЕБНЕМ
- ТЕМНОСЕРЫЙ СУГЛИНОК
- МАТЕРИК.

Рис. 8. Раскоп № 1 Шахсенгерского городища (1966 г.).
 Профиль ЮЗ стенки, кв. 15

Рис. 9. Раскоп № 1. Остатки каменной кладки и профиль культурных отложений раскопа № 1 (кв. кв. 10, 11, 12)

Рис. 10. План Башни № 16. Раскоп В. Г. Котович 1966 г.

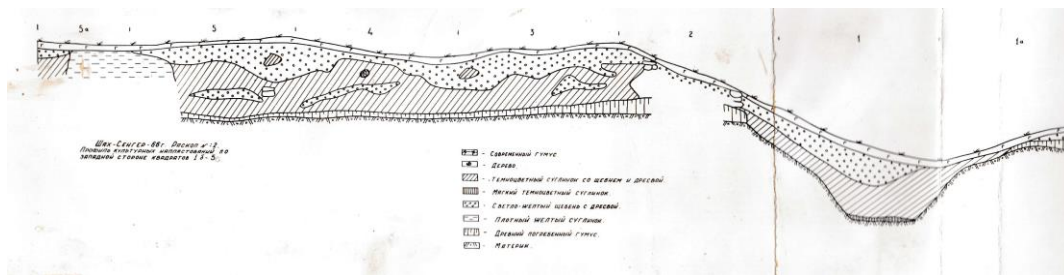

Рис. 11. Разрез "вала" и рва. Раскоп В. Г. Котович в 1966 г.

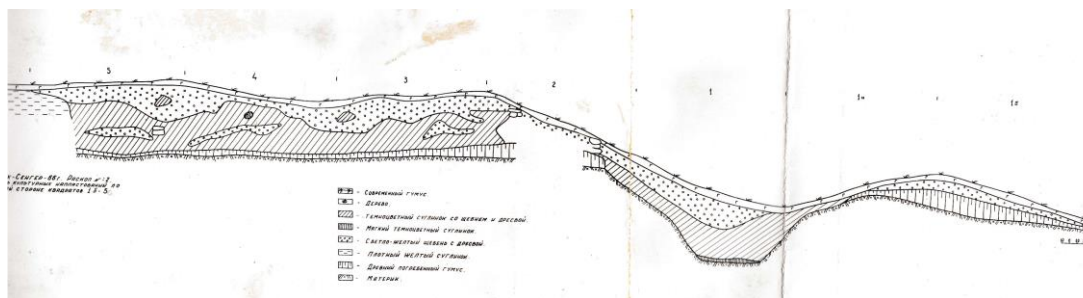

Рис. 12. Разрез "вала" и рва. Раскоп В. Г. Котович в 1966 г.

Рис. 13. Керамика из раскопок 1966 г.

Рис. 14. Керамика из расклок 1966 г.

Рис. 15. Керамика из раскопок 1966 г.

Рис. 16. Находки из раскопок 1966 г.

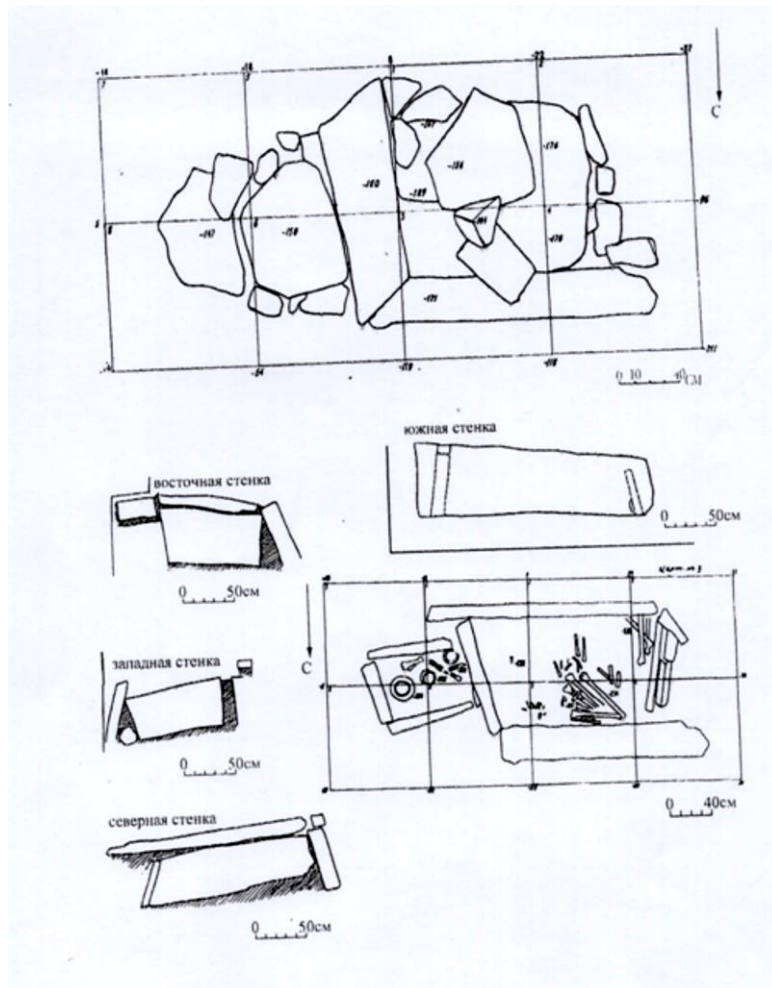
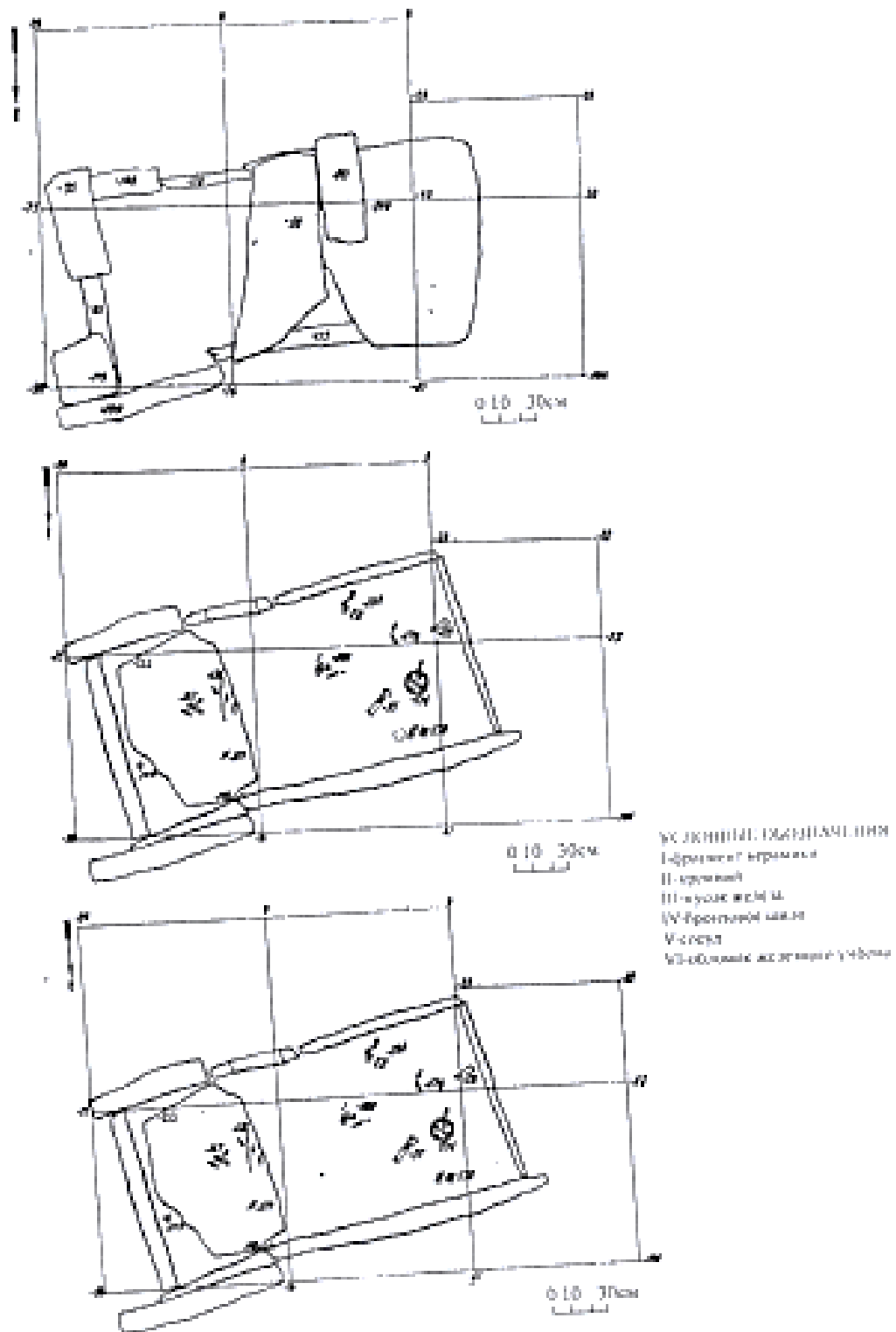
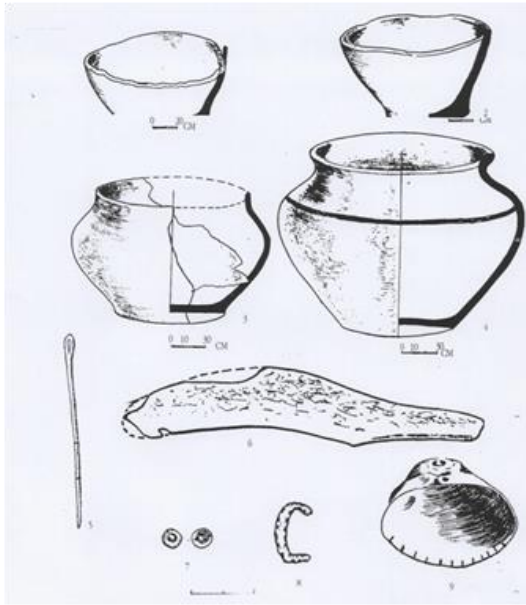

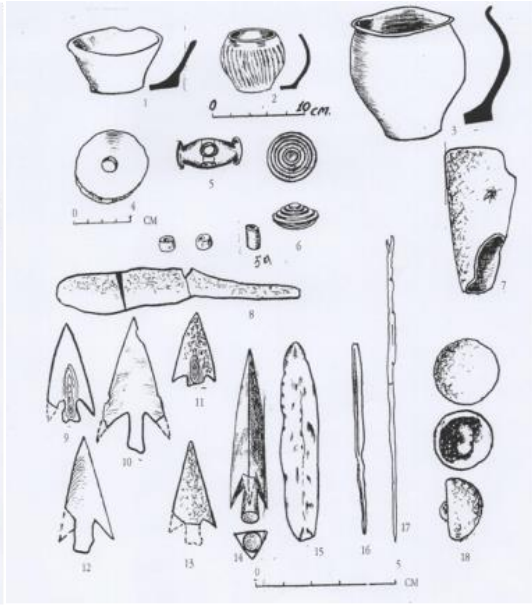
Рис. 17. Шахсенгерский могильник. План и разрезы каменного ящика № 1 (раск. 1966 г.)

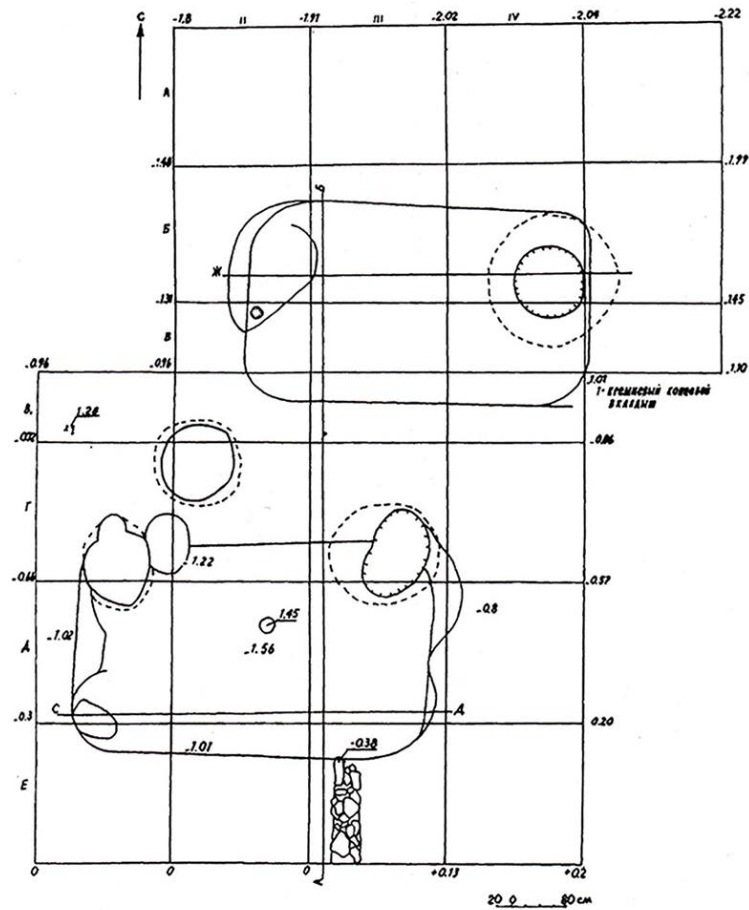
Рис. 18. Шахсенгерский могильник.
 Планы погребального сооружения № 2 (раск. 1966 г.)

Рис. 19. Шахсенгерский могильник. Инвентарь из каменного ящика № 1 (раск. 1966 г.)

Рис. 20. Шахсенгерский могильник. Инвентарь из каменных ящиков (раск. 1966 г.)

Рис. 21. План раскопа Шахсенгерского городища

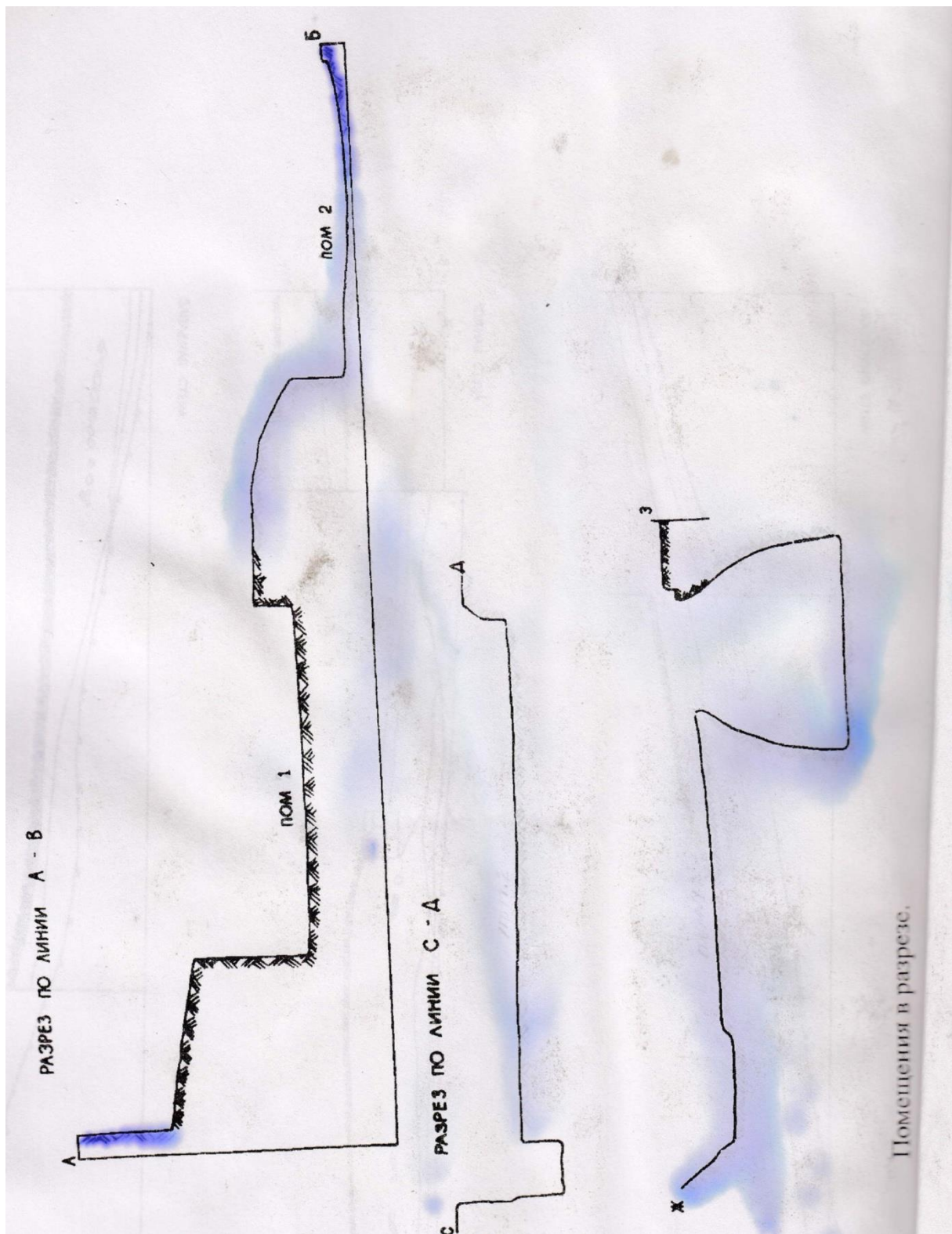

Рис. 22.

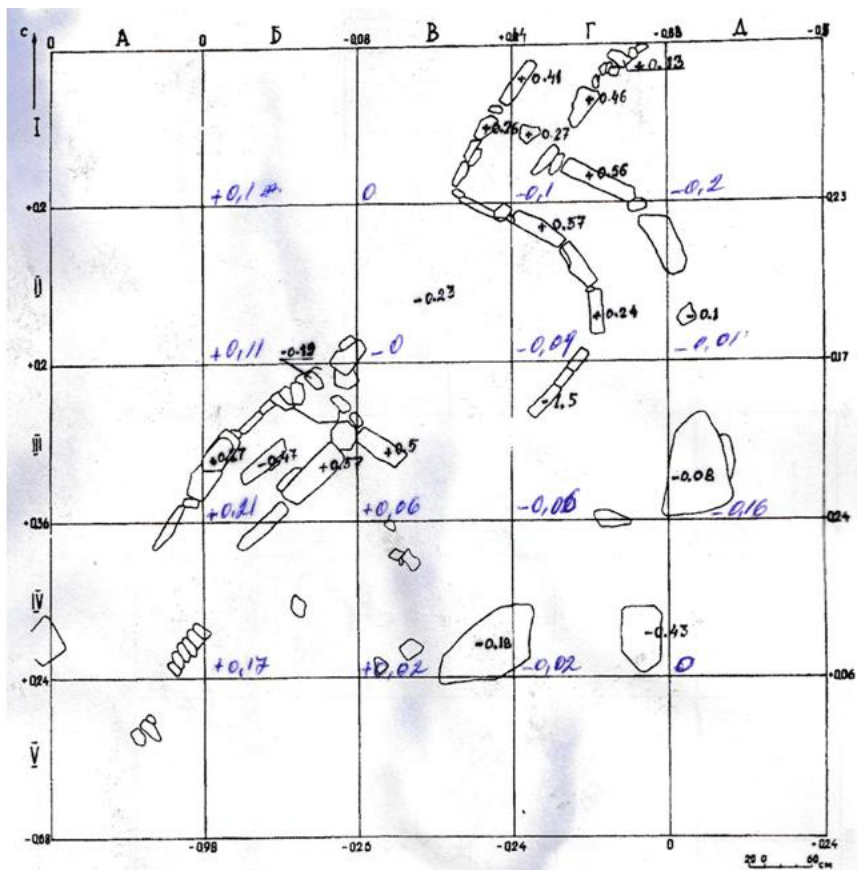

Рис. 23. План раскопа ШХахсенггского городища (Чертеж № 1)

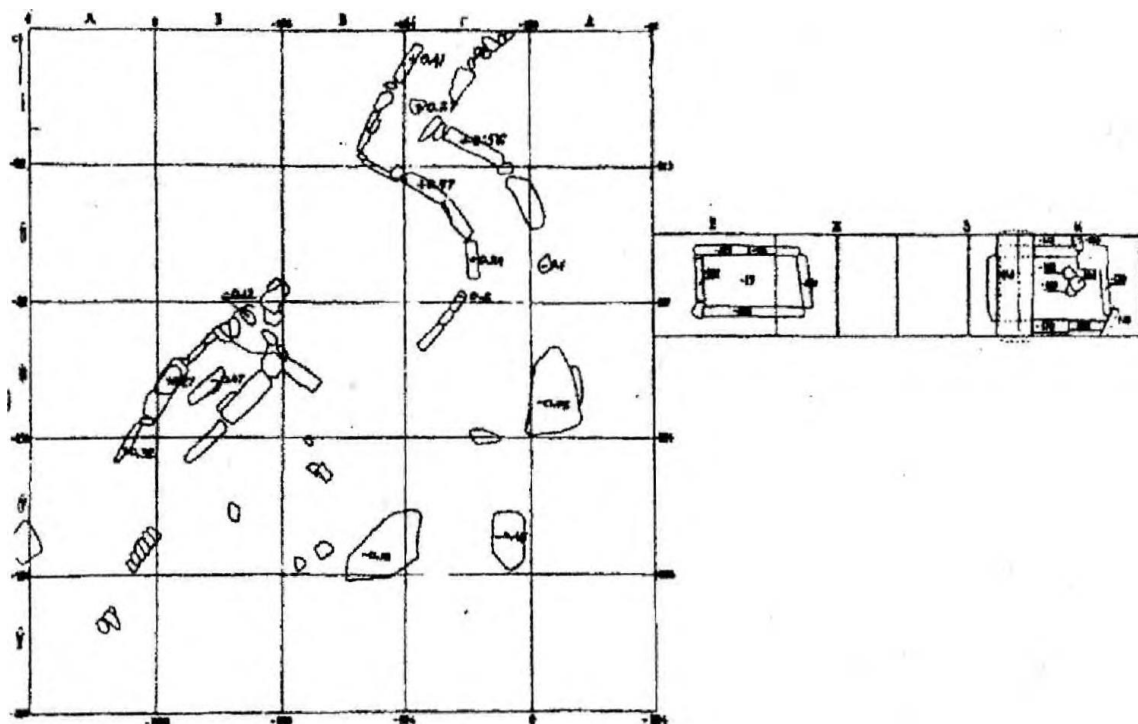

Рис. 23а. План раскопа ШХахсенггского городища (Чертеж № 2)

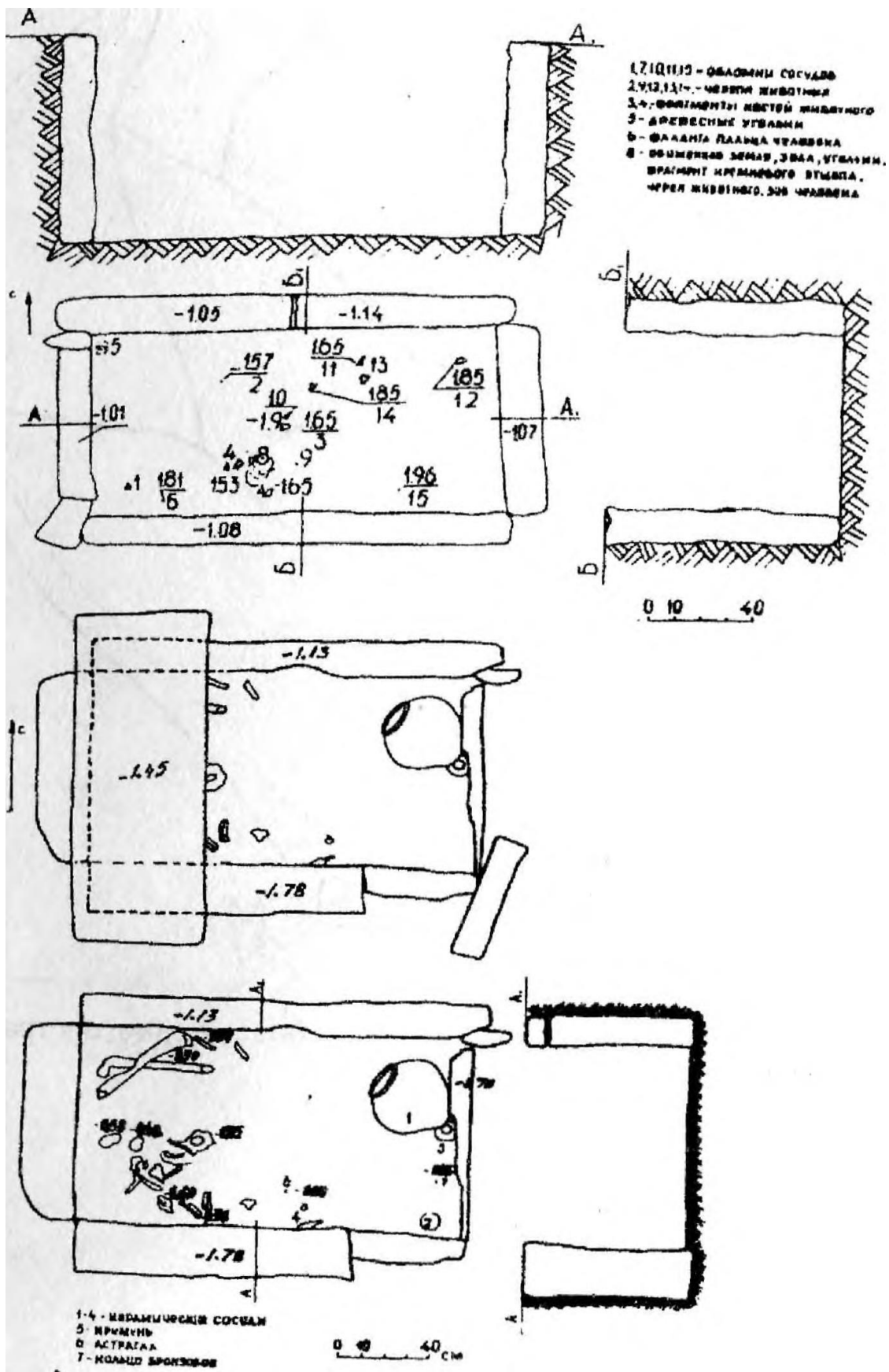
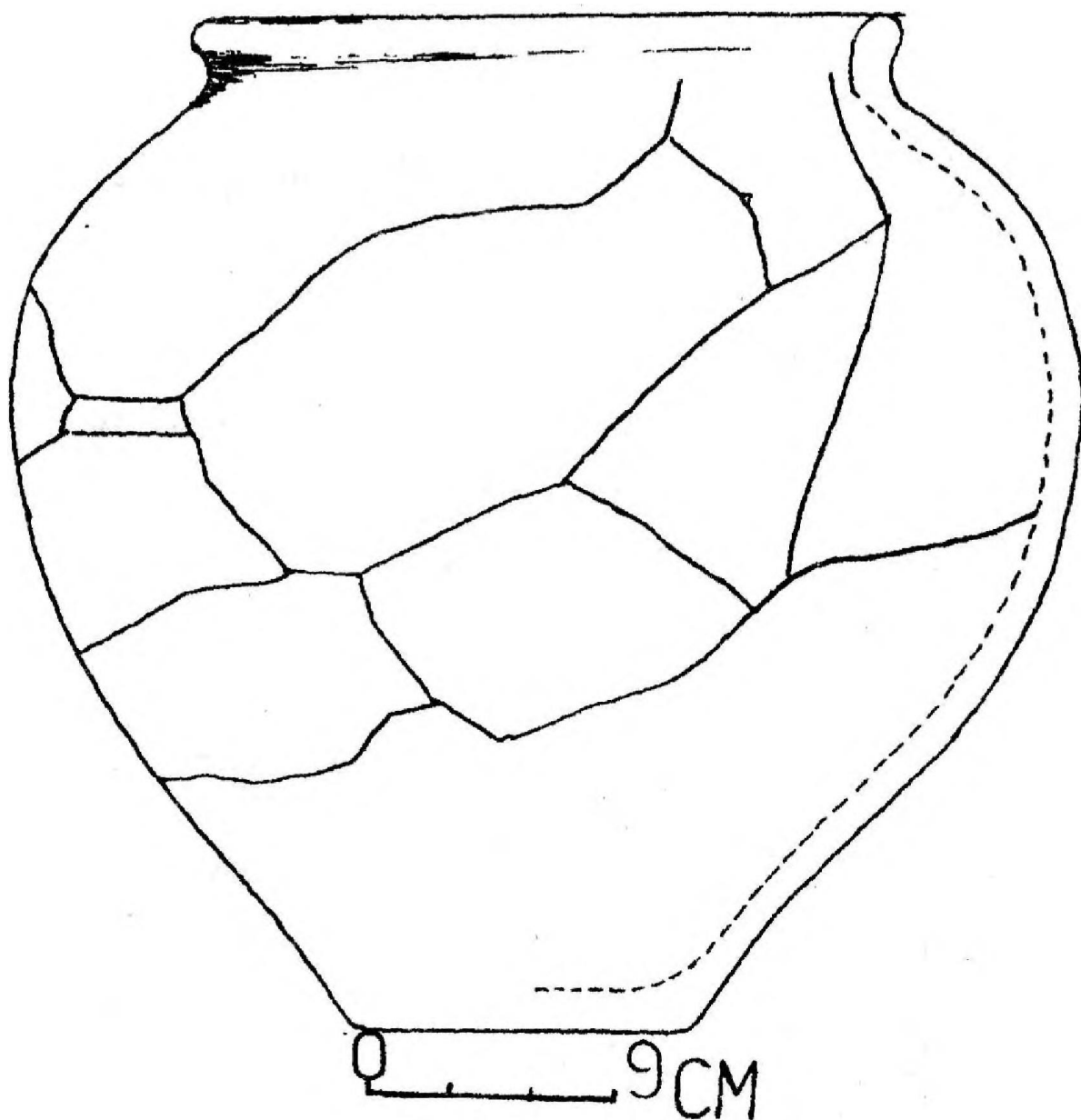

Рис. 24. Каменный ящик из траншеи раскопа II Шахсенгерского городища

Рис. 25. Сосуд из каменного ящика № 2, обнаруженного в траншее раскопа II. Сероглиняный горшок

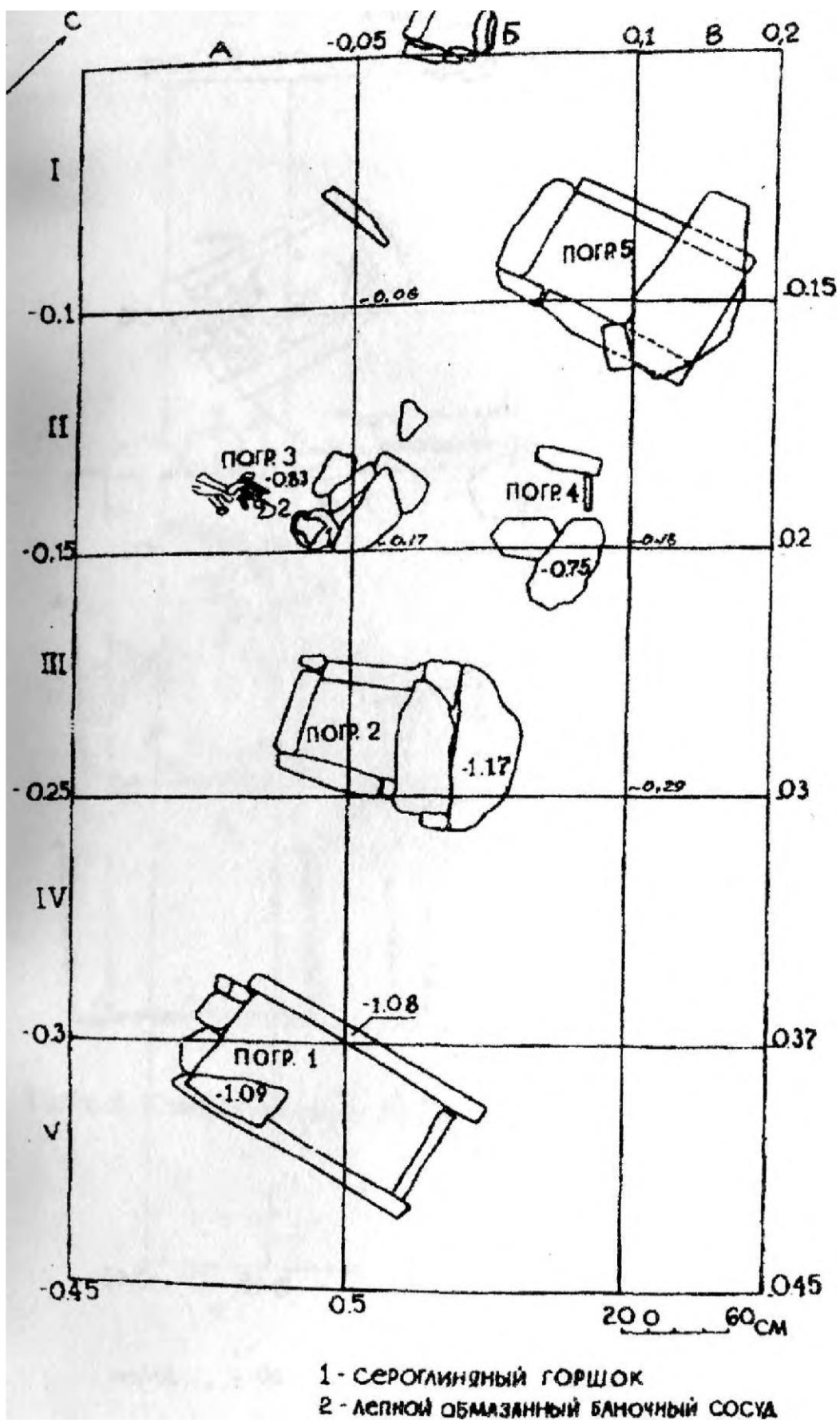

Рис. 26. План раскопа Шахсенгерского могильника (Чертеж № 1)

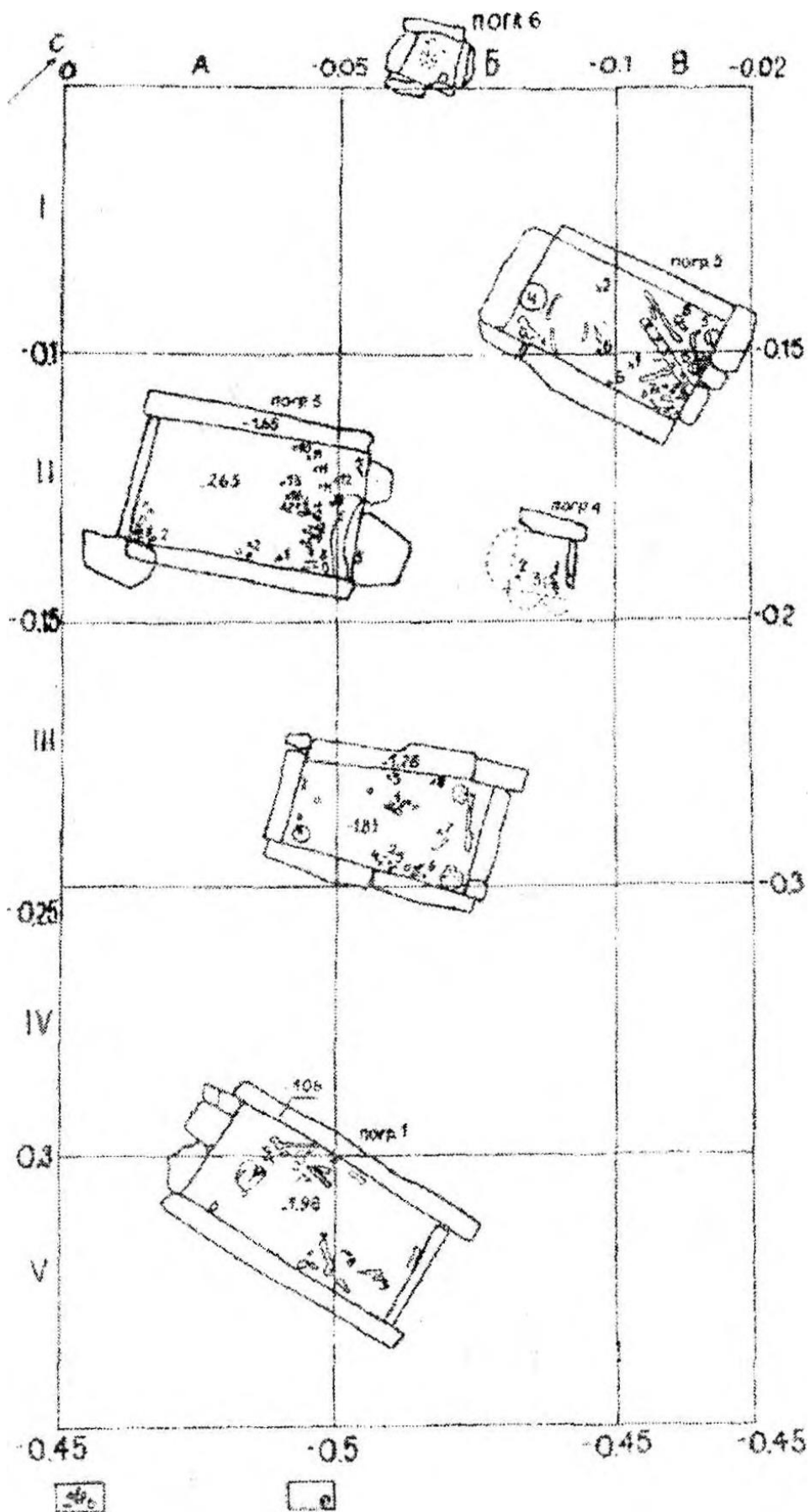

Рис. 27. План Шахсенгерского могильника. (Чертеж № 3)

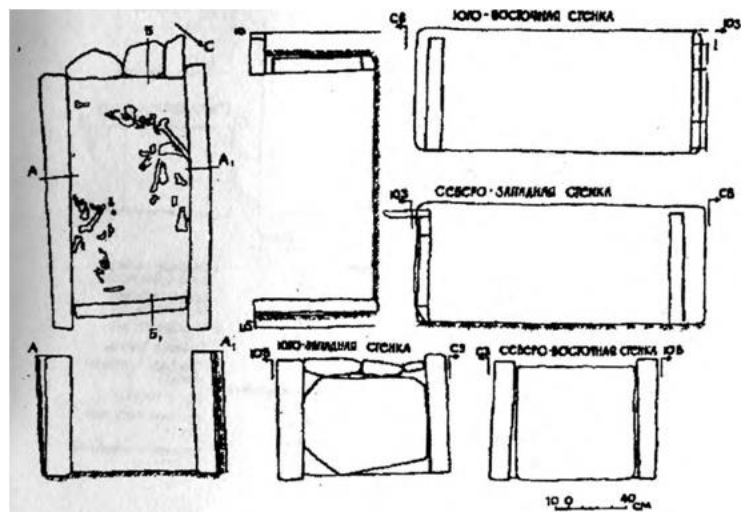

Рис. 28. Каменный ящик № 1 Шахсенгерского могильника

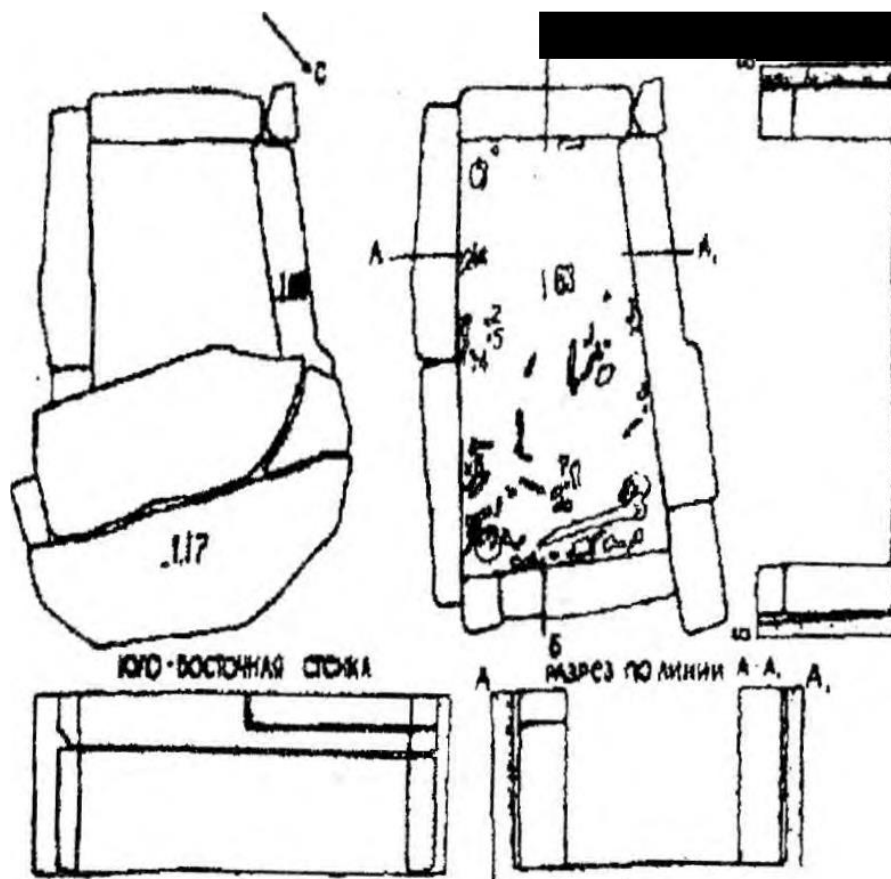
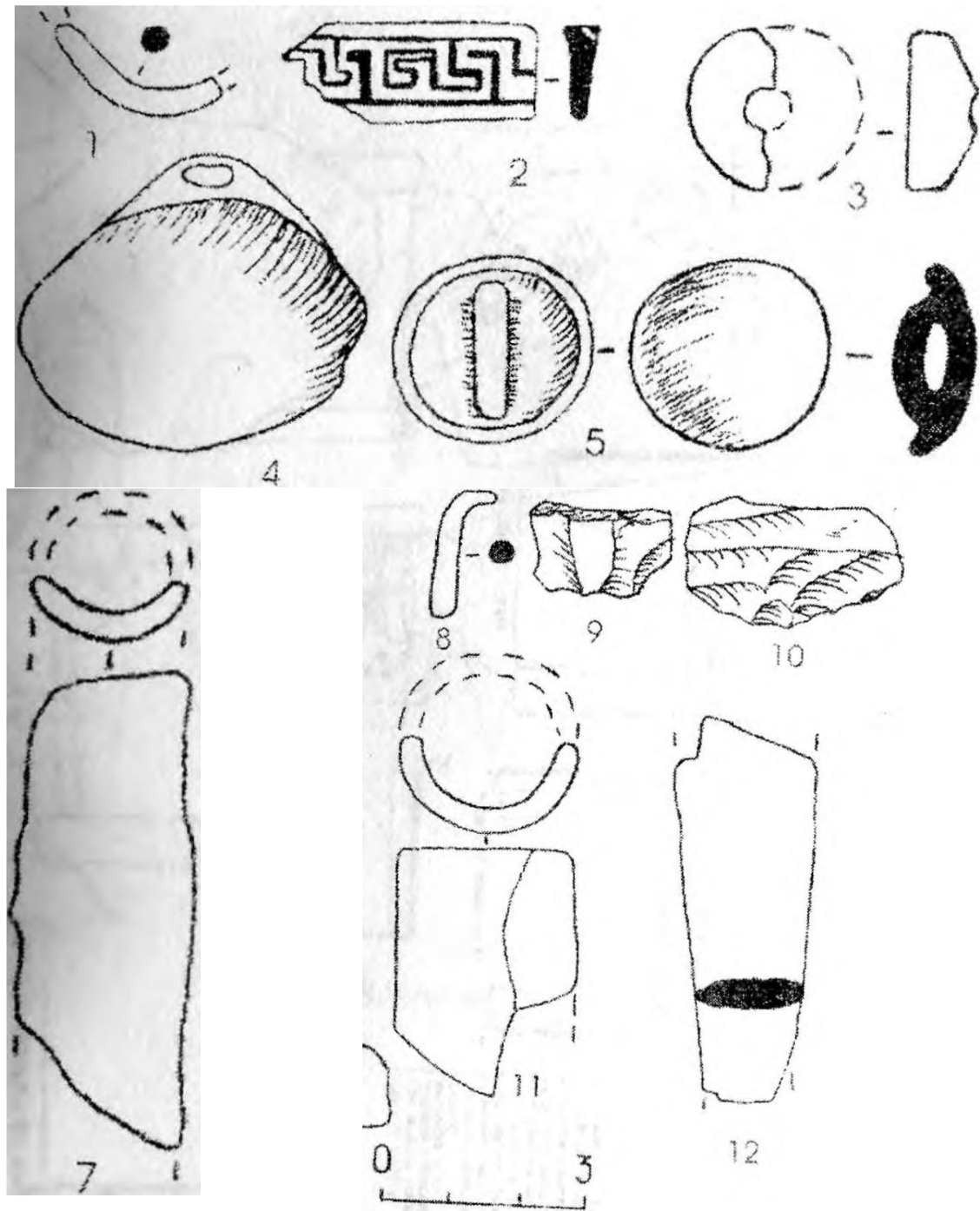

Рис. 29. Каменный ящик № 2 Шахсенгерского могильника

Рис. 30.

4 - каспийская раковина Г^п орнаментом; 3 " обломок
 пряслиц* П, 12-обломки накопи " бронзовая бляха;
 6 - железный нож; 7 пластины

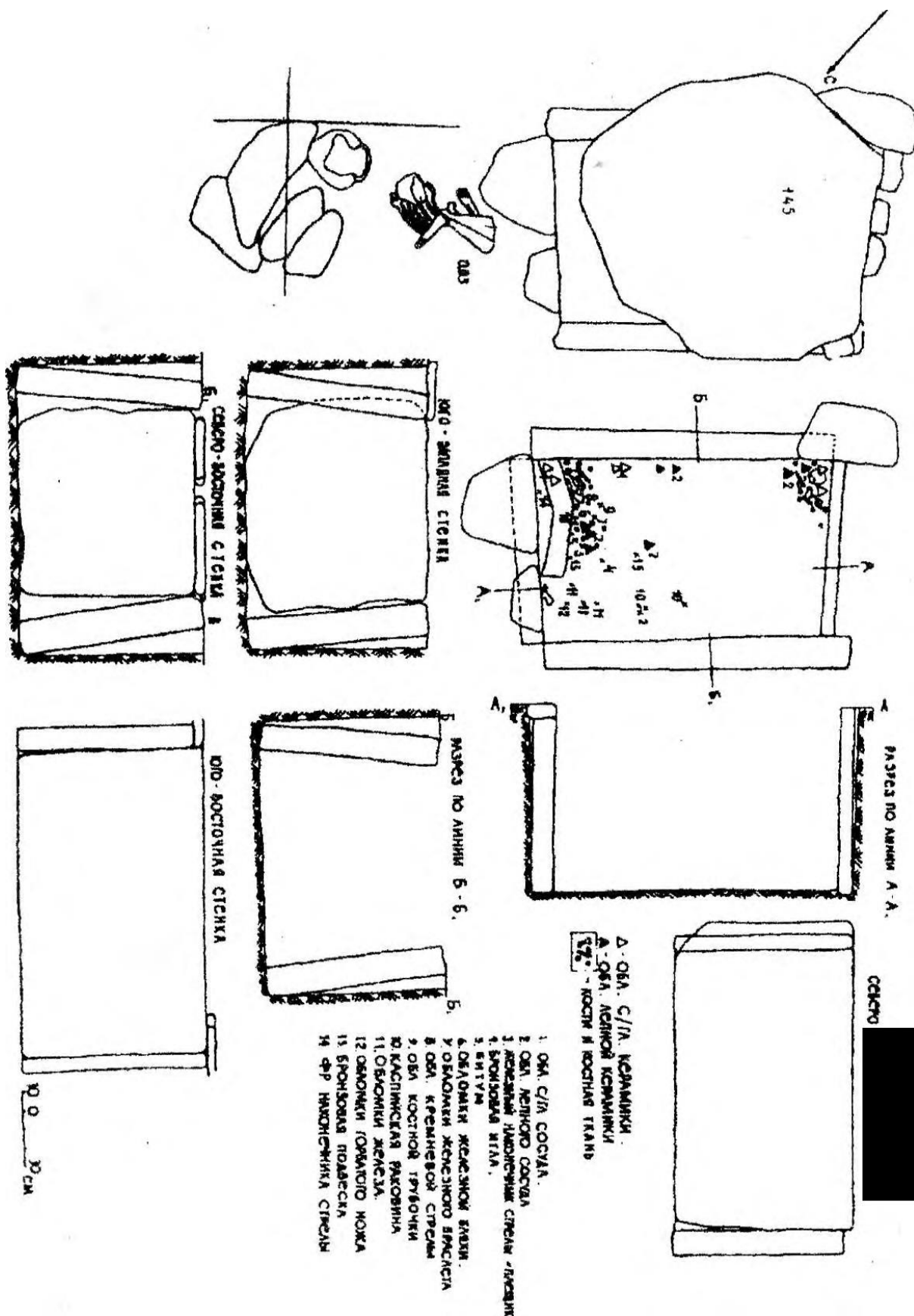

Рис. 31. Каменный ящик № 3 Шахсенгерского могильника

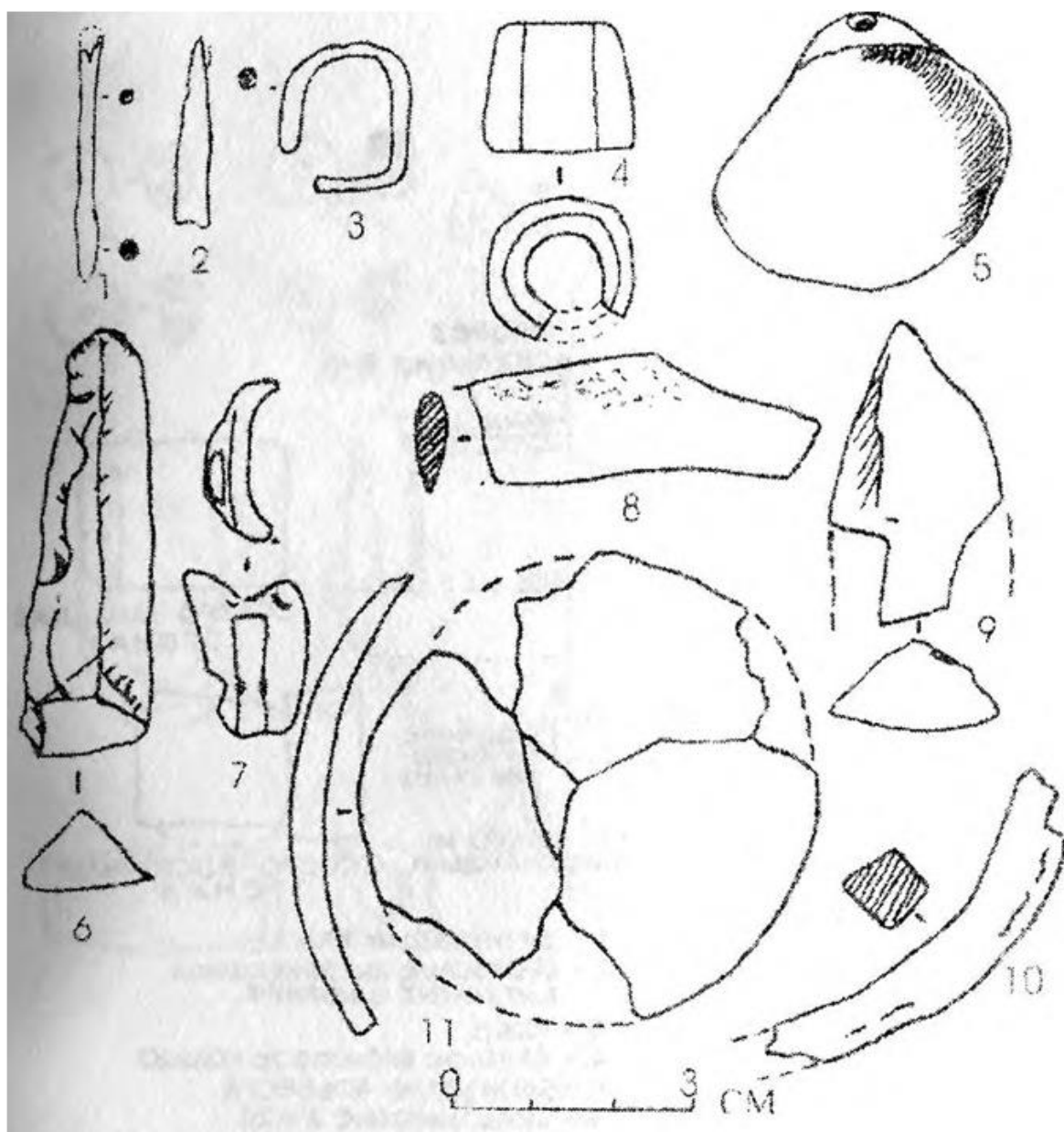
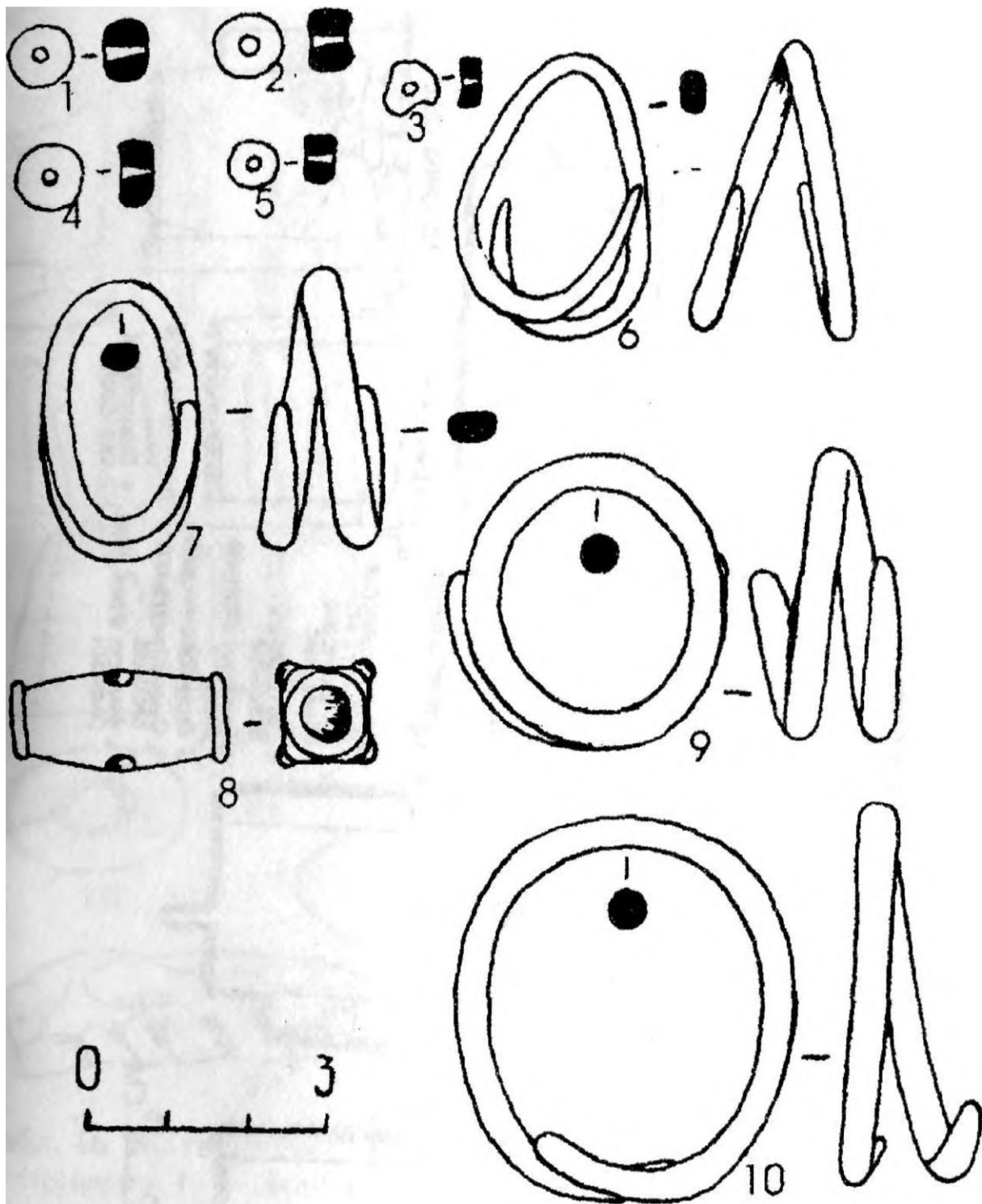

Рис. 32. Материалы из каменного ящика № 3

Рис. 33. Инвентарь из каменного ящика № 4.1-5 - сердоликовые бусы; 6,7,9- бронзовые височные привески; 8 - бронзовая бусина; 10 - бронзовый браслет из тонкого прута

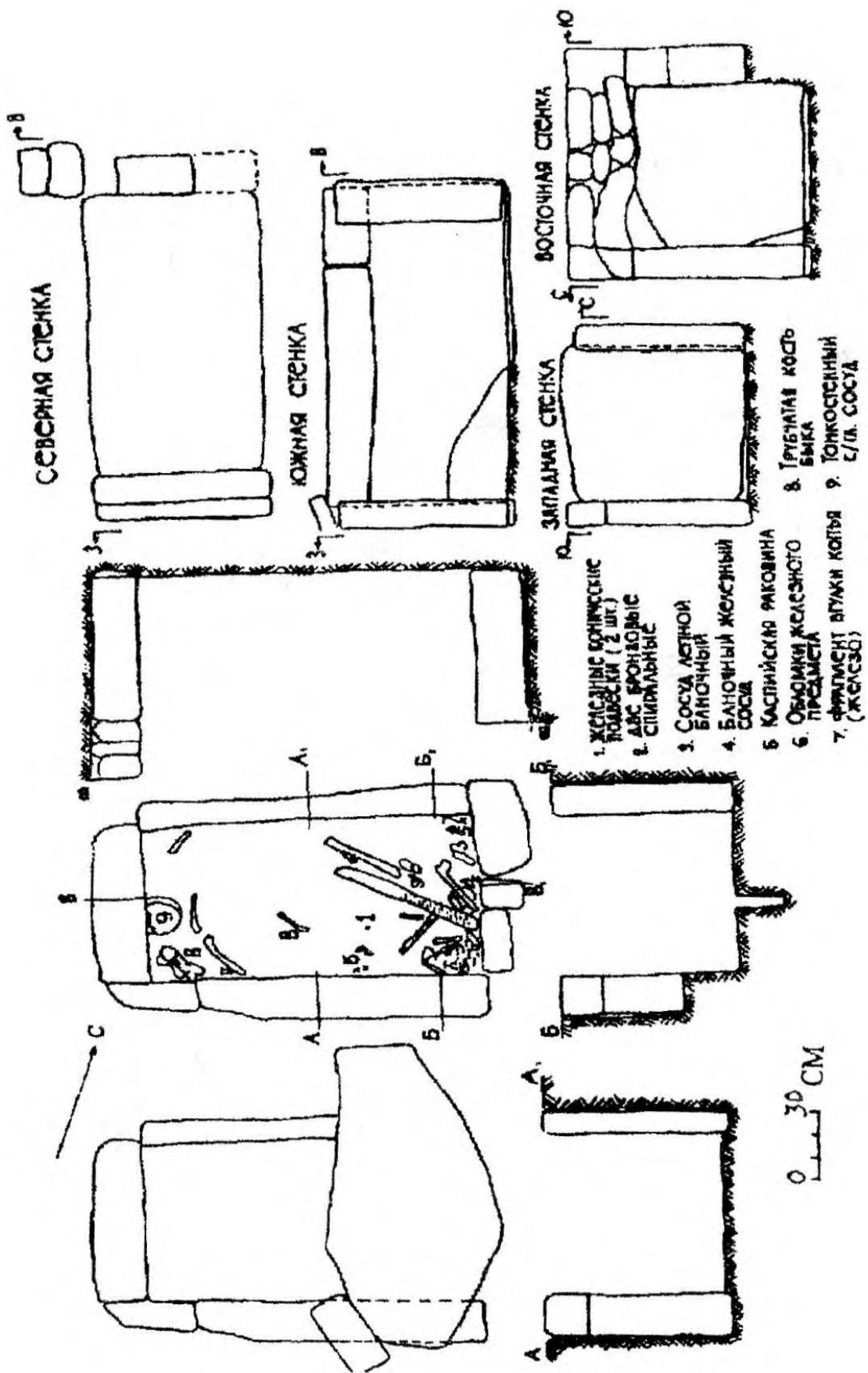
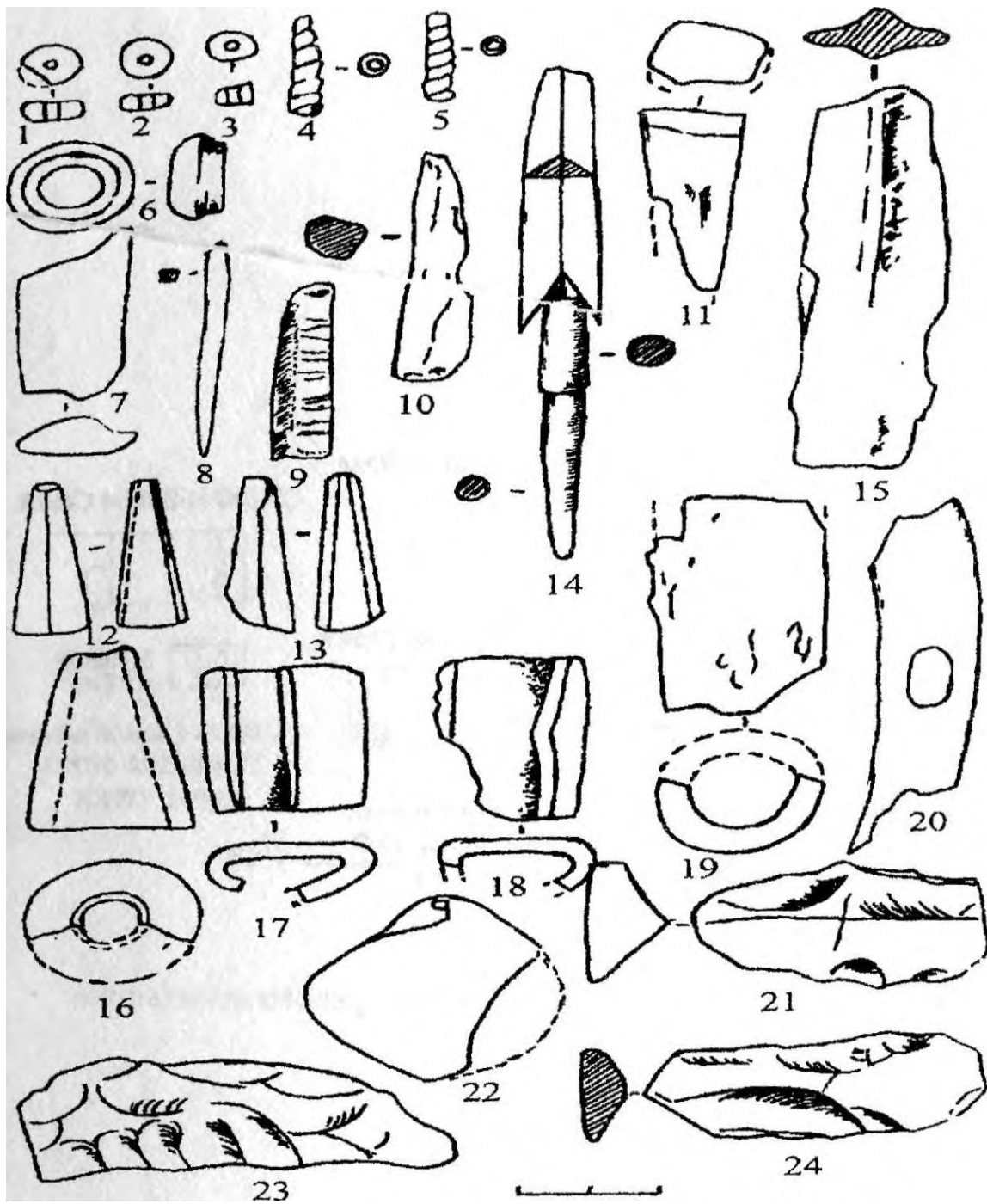

Рис. 34. Каменный ящик № 5 Шахсенгерского городища

Рис. 35. Материалы из каменного ящика № 4 Шахсенгерского могильника. 1-3 - сердоликовые бусы; 4-5 - спиральные бронзовые привески; 6 - кольцо из стекловидной пасты; 7 - обломок ножа; 8 - бронзовая игла; 9 - обломок ребра с насечками; 10 обломок железного стержня; 11 - обломок костяного изделия; 12-13 - железные конические подвески; 14 - костяной наконечник стрелы; 15 - обломок пера наконечника копья; 16, 19 - обломок втулки наконечника копья; 17, 18 - обоймочки железные; 19 костяная трубочка; 20 - обломок псаля; 21,23, 24- кремневые пластинки; 22 - каспийская раковина

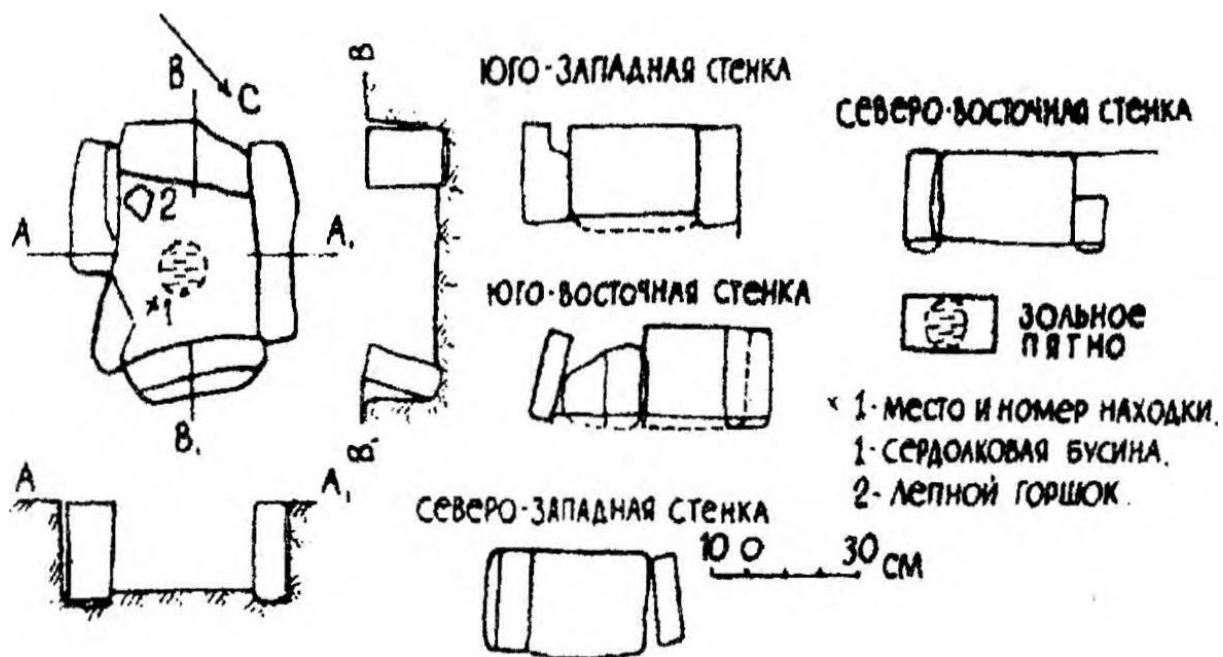

Рис. 36. Каменный ящик № 6 Шахсенгерского могильника

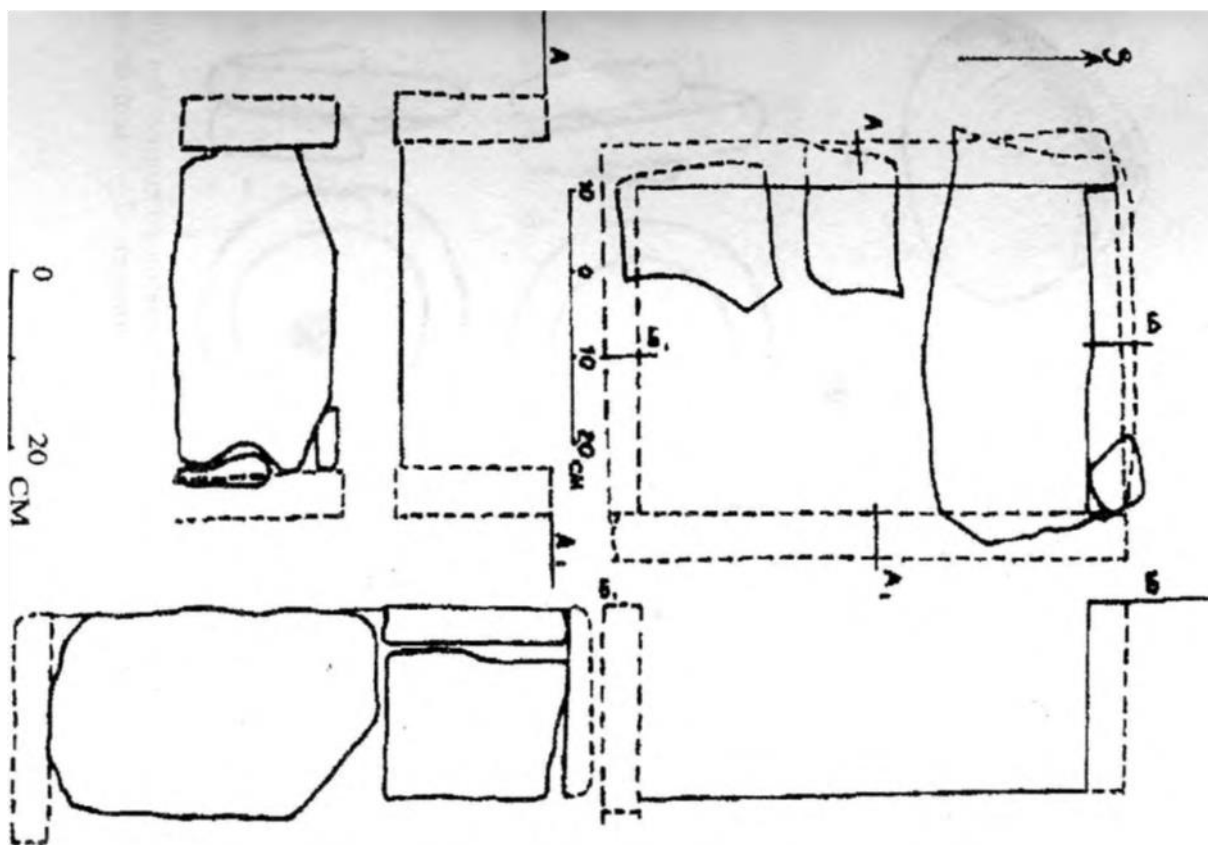

Рис. 37. Разрушенный каменный ящик № 11 из Шахсенгерского карьера

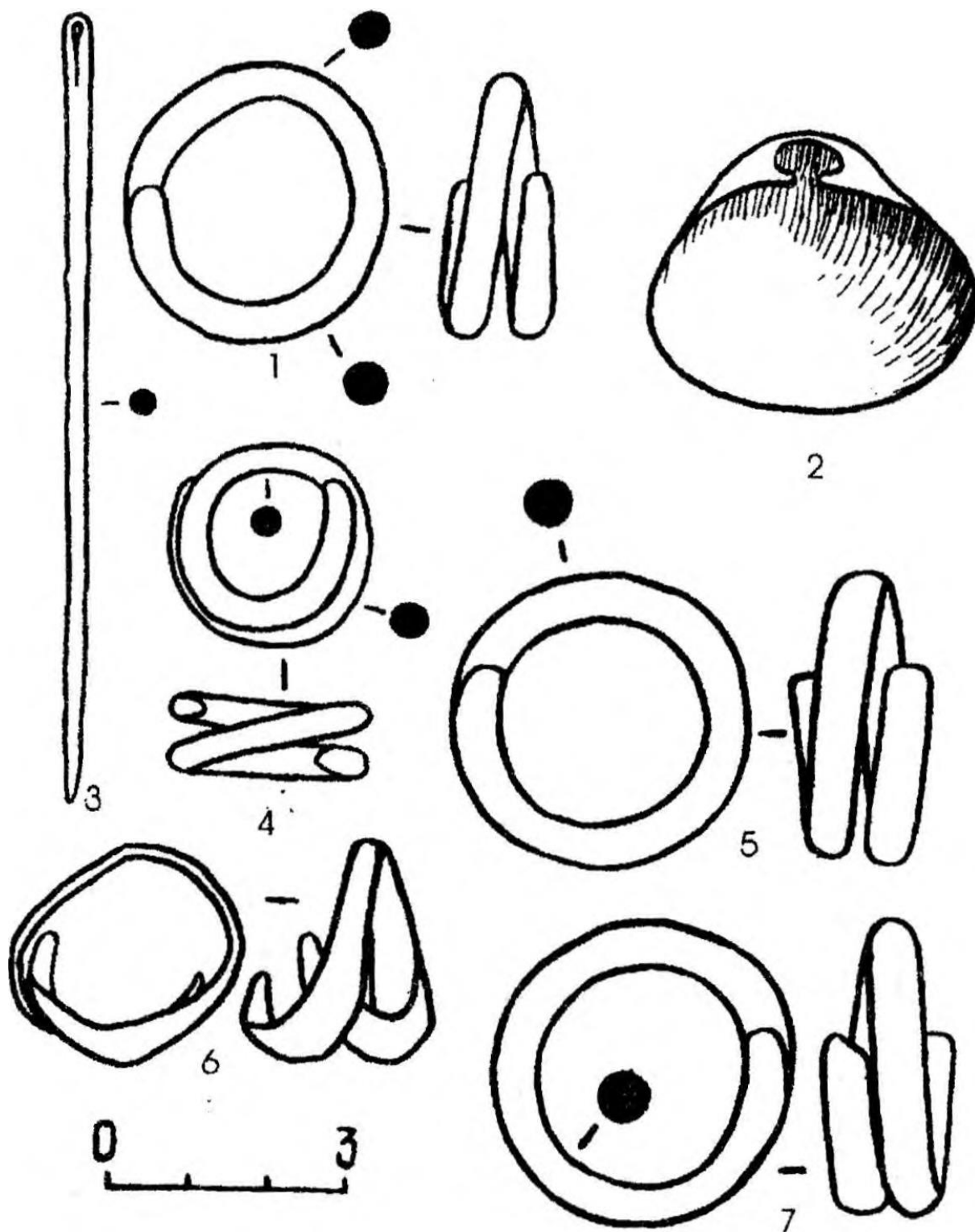

Рис. 38. Материалы из разрушенного каменного ящика № 11
 (№ 1 из карьера). 1, 4-7 бронзовые височные привески;
 2 - каспийская раковина; 3 - бронзовая игла

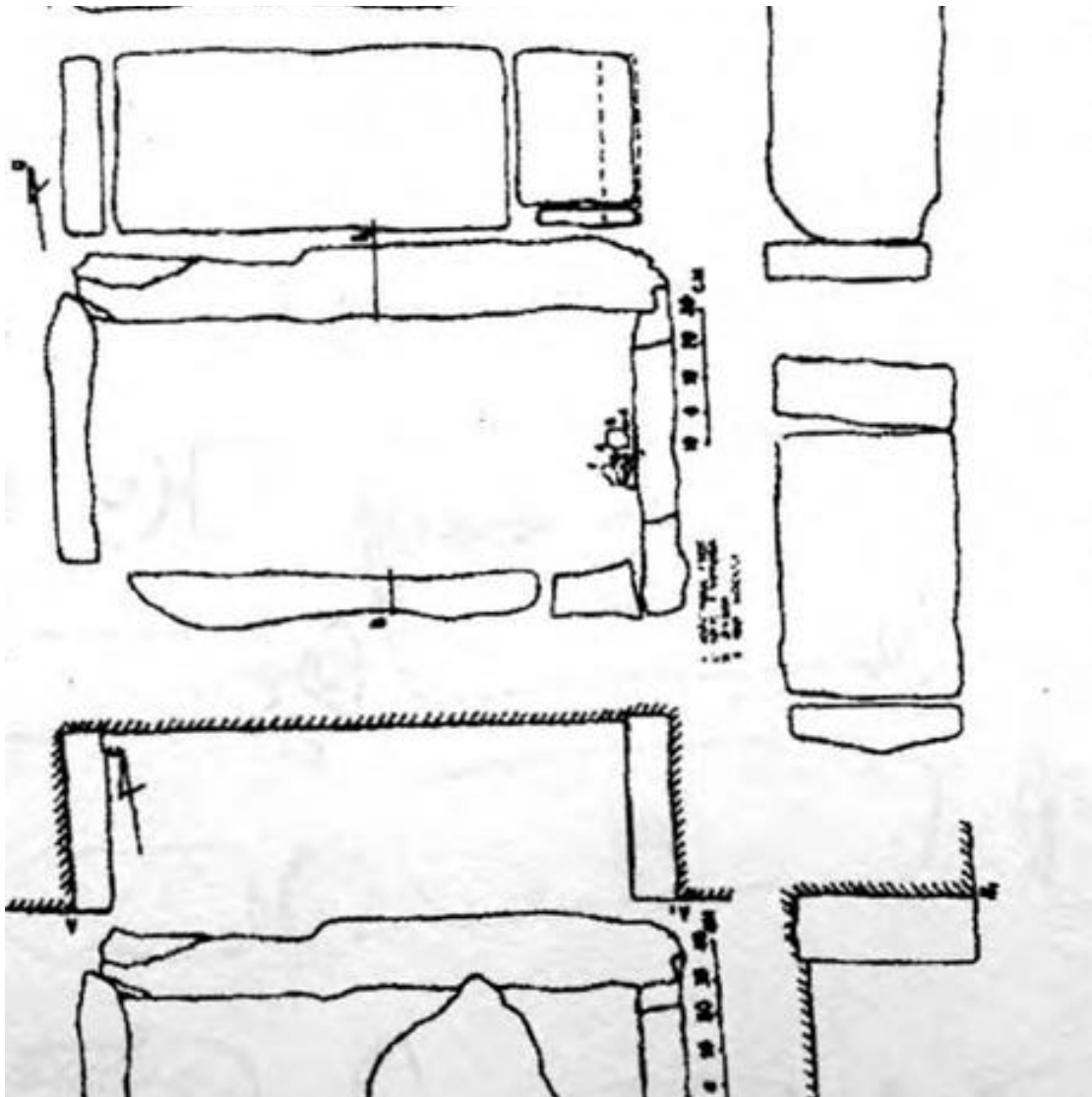
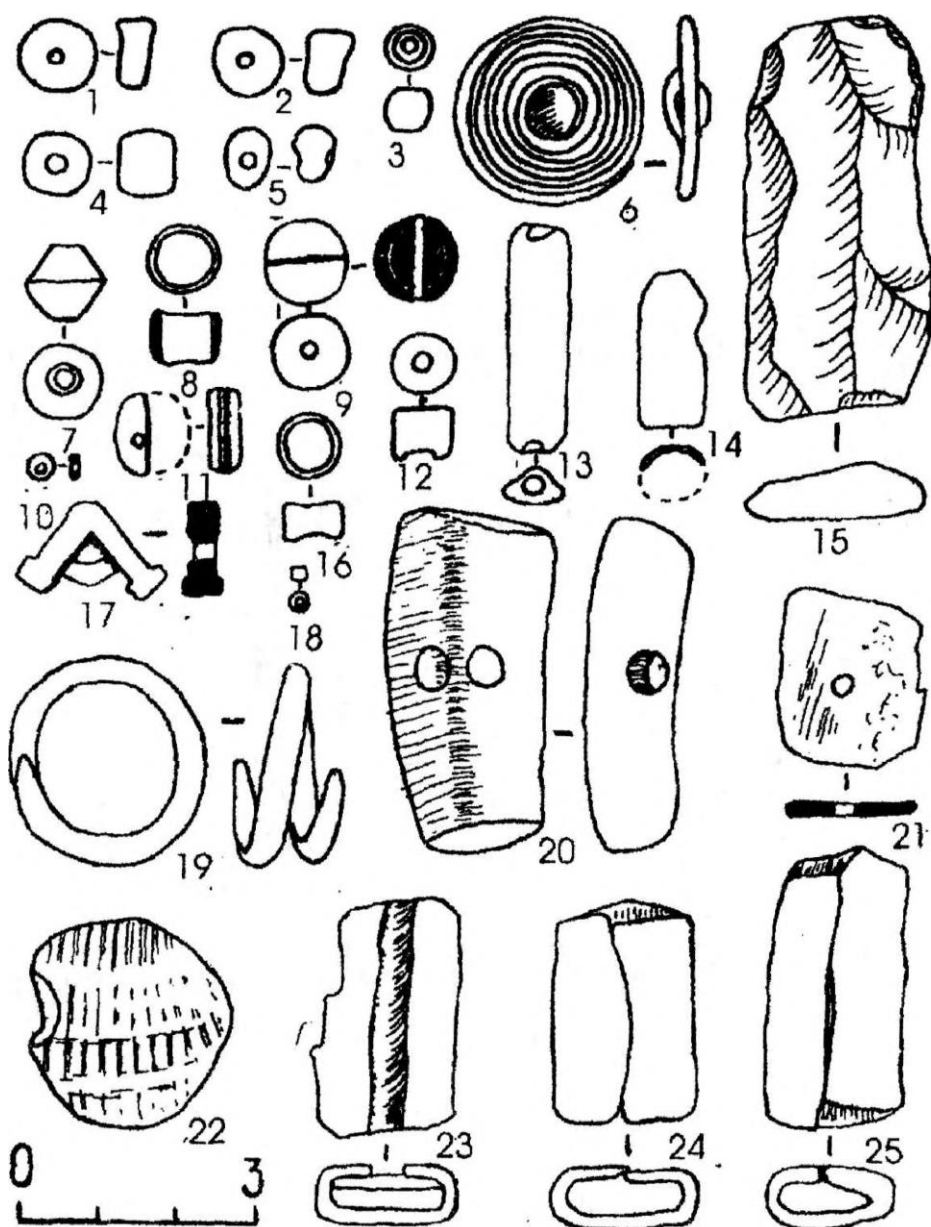

Рис. 39. Разрушенный каменный ящик из Шахсенгерского карьера

Рис. 40. Материалы из разрушенного каменного ящика № 2 (из карьера). 1-5, 7-12, 16, 18 - бусы; 6-бронзовая бляшка; 13 - костяная трубочка; 4 - бронзовая привеска; 15 - кремневая пластинка; 17-бронзовое украшение; 19-бронзовая височная привеска в полтора оборота; 20 - зуб крупного животного с поперечным отверстием; 21 - железная пластина; 22-каспийская раковина; 23-25 - железные обоймы

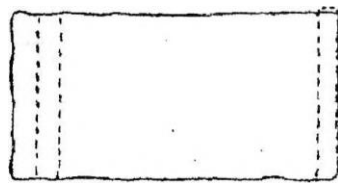
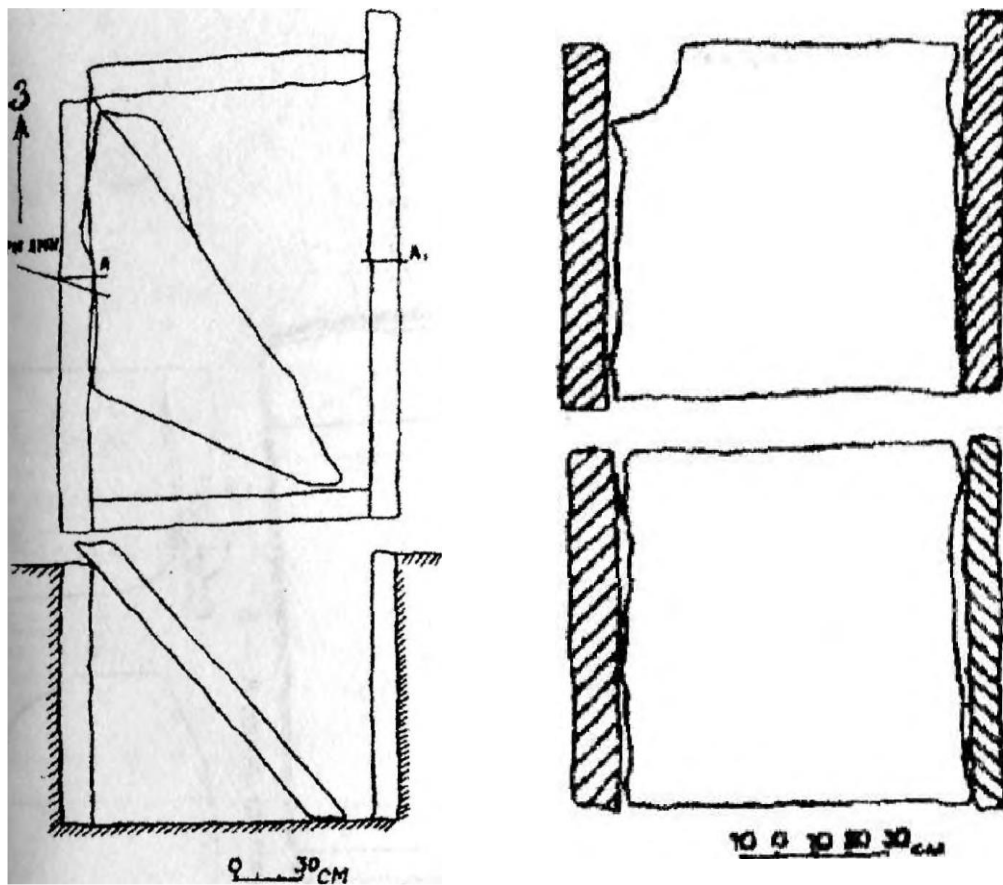

Рис. 41. Разрушенный каменный ящик № 3 из карьера

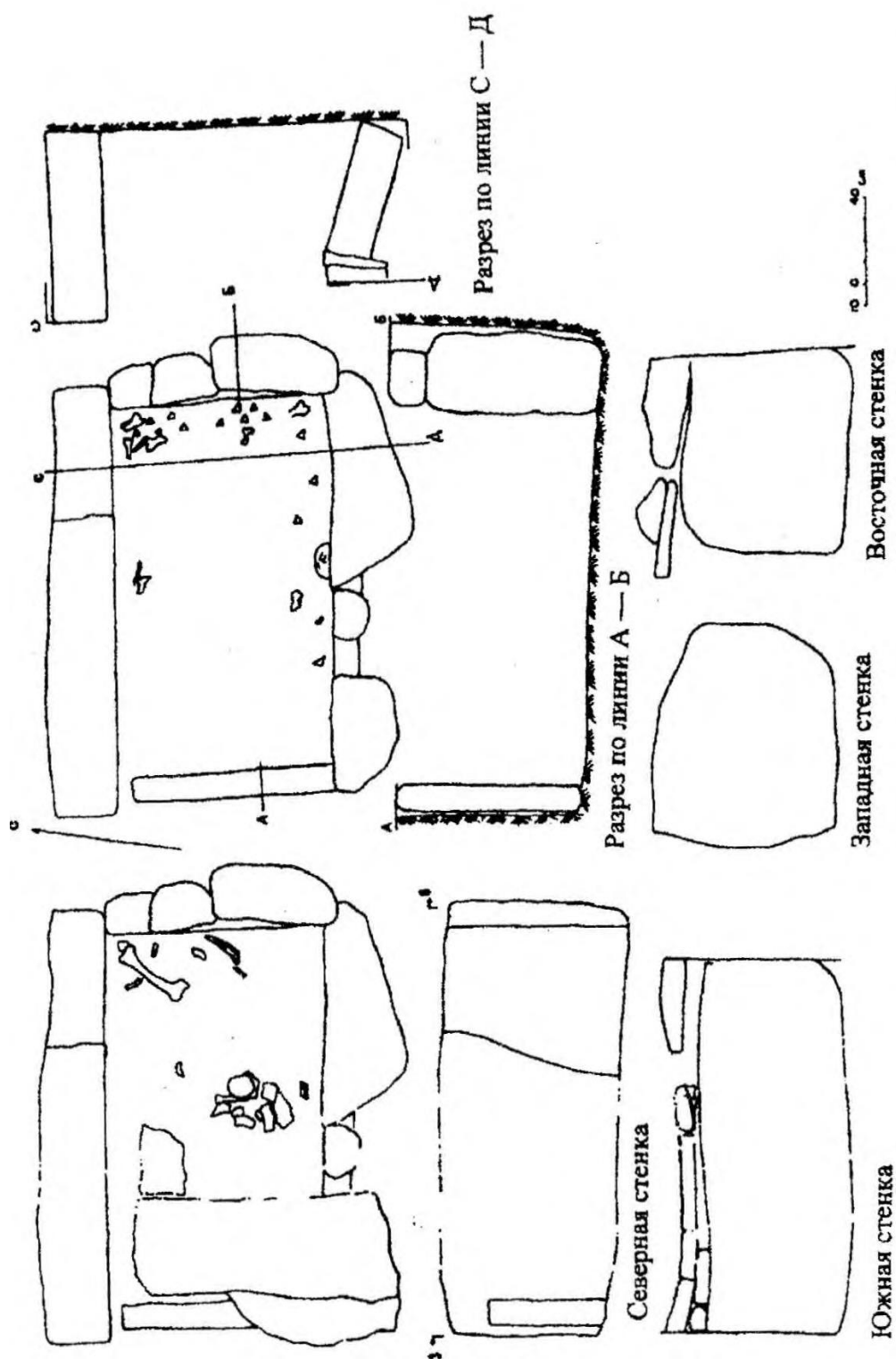
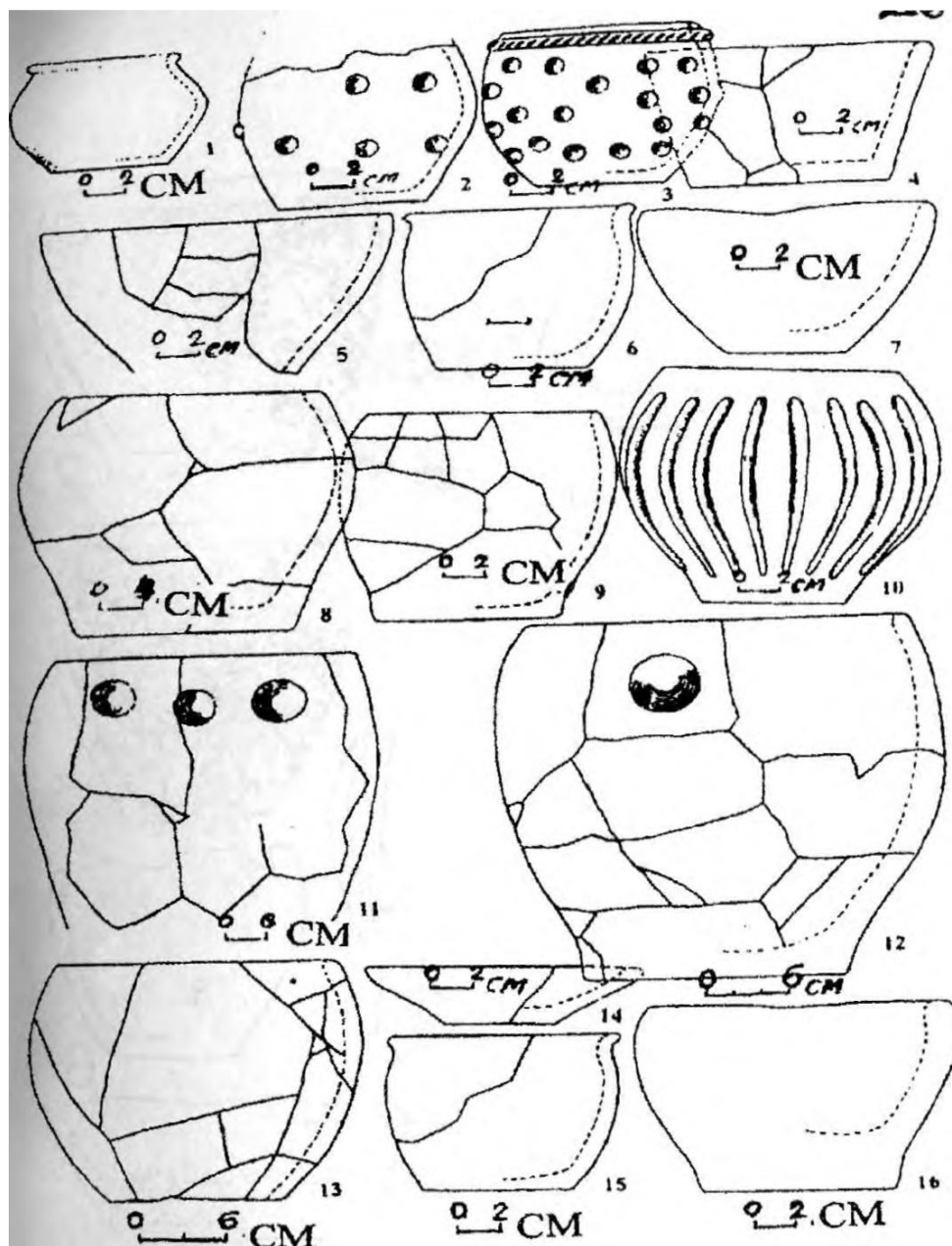
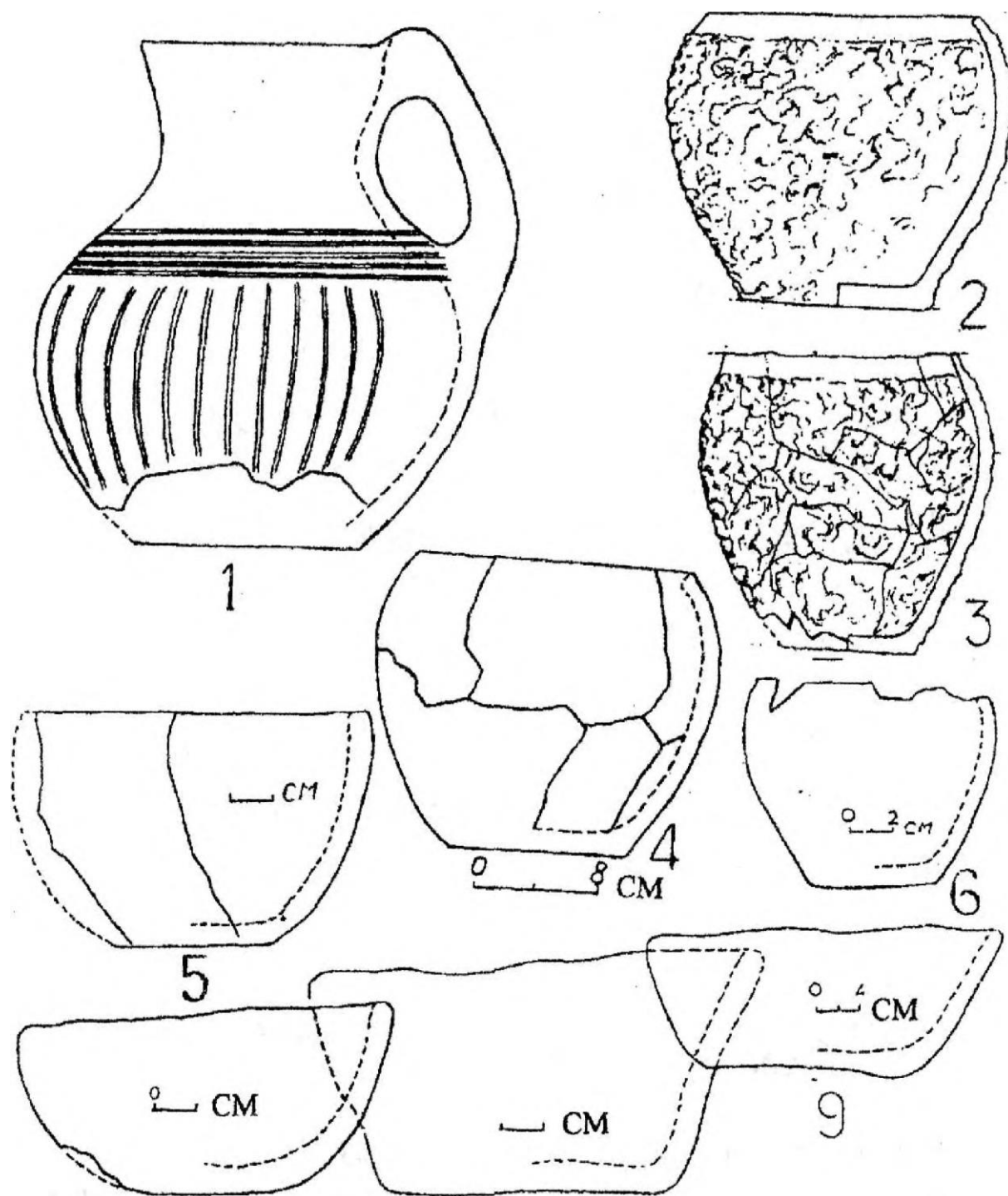

Рис. 42. Разрушенный каменный ящик из северного могильника

Рис. 43. Керамические сосуды из погребальных сооружений Шахсенгерского могильника. 1 - из разрушенного каменного ящика № 1 карьера; 2 - из разрушенного каменного ящика № 2, - из разрушенного каменного ящика № 2; 4 - из погребения № 2 раскопа, 5 - из каменного ящика № 4 раскопа 3; 6 - из каменного ящика 9 раскопа 3; 7 - из каменного ящика № 4 раскопа 3; 8 - из каменного ящика № 4 раскопа 3; 9 - из каменного ящика № 4 раскопа 3; II из разрушенного каменного ящика № 1 из северного могильника (J№), 12 - из каменного ящика № 1 северного могильника, 13 - из каменного ящика № 2 карьера; 14 - из каменного ящика № раскопа 3; 15 - из каменного ящика № 3 раскопа 3; 16 - из каменного ящика № 5 раскопа 3

Рис. 44. Керамика из погребальных сооружений Шахсенгерского могильника. 1-из каменного ящика №3 раскопа 3; 2,3,4,5,6 - из карьера; 7 - найден над каменным ящиком № 2 раскопа 2; 8 - из каменного ящика № 2 раскопа 2; 9 - из кв. БТМ4 (на глубине штык 3) раскопа 1

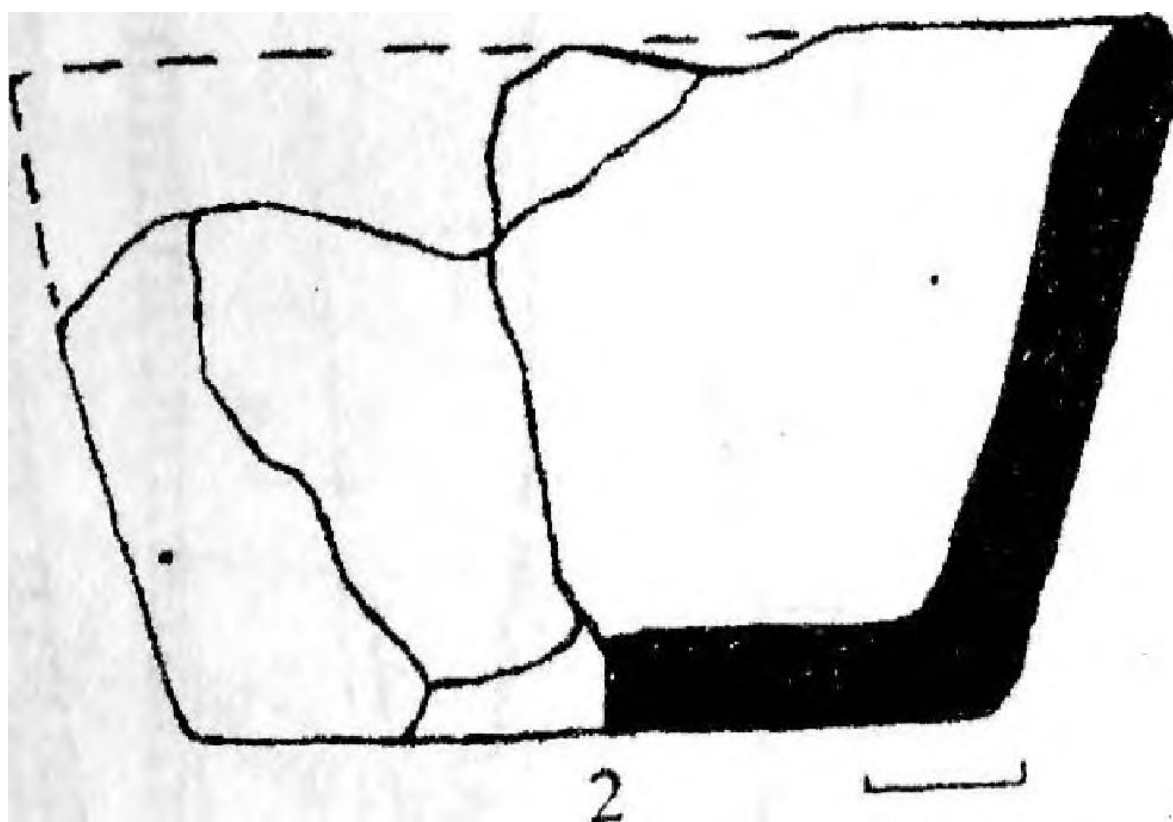
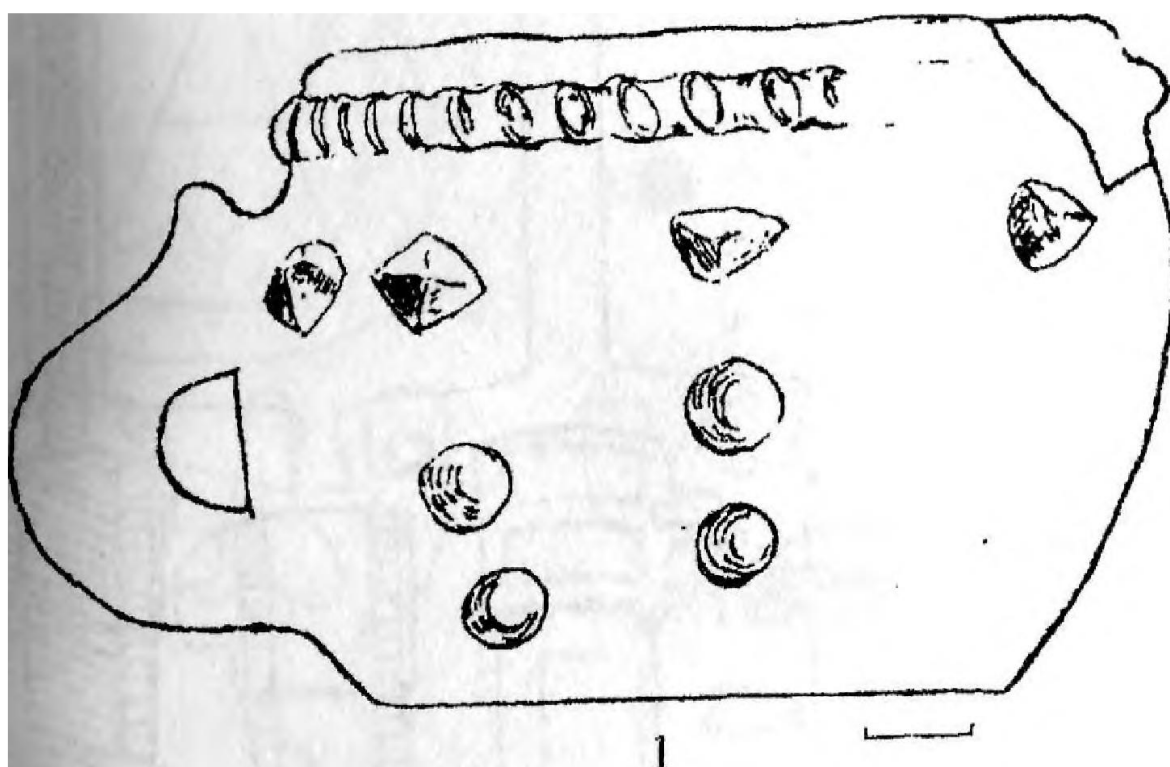
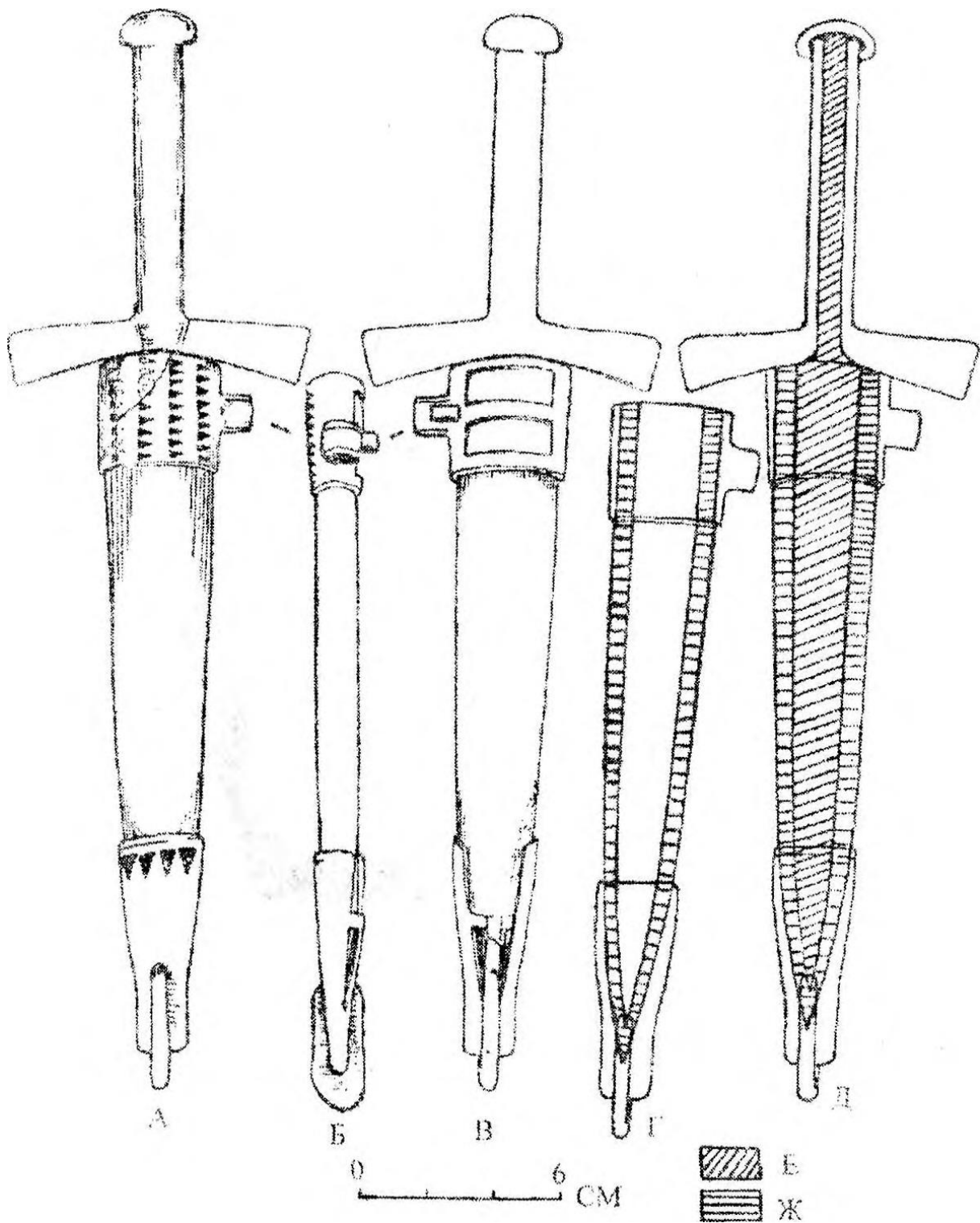
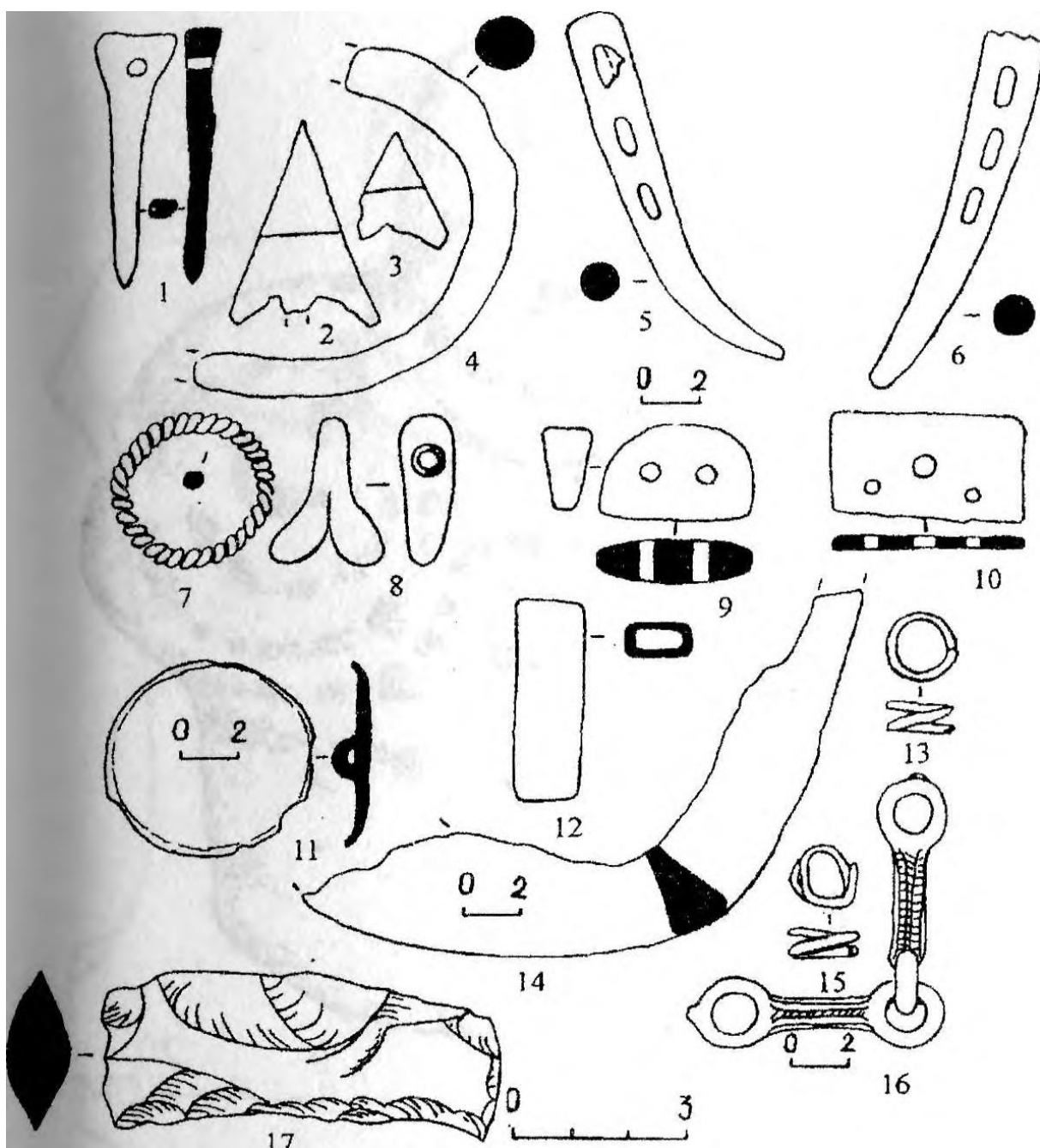

Рис. 45. Керамические сосуды из разрушенных ящиков
Шахсенгерского могильника

Рис. 46. Кинжал из разрушенного каменного ящика Шахсенгерского могильника. А - вид с переди; Б - вид сбоку; В - вид сзади; Г -разрез ножен и клинка; Д- разрез всего кинжала. Е- железо; Ж - фактура ножен

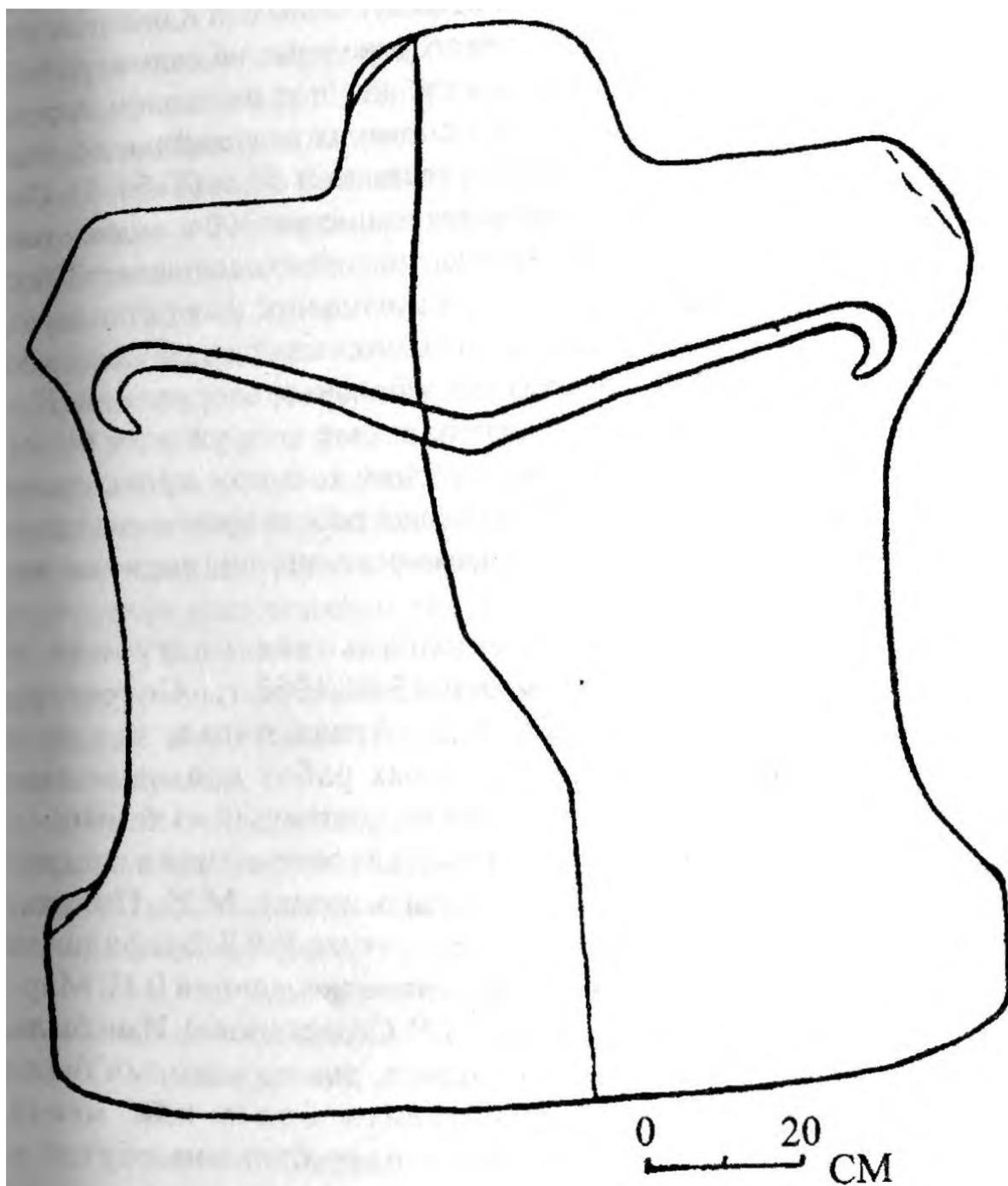
Рис. 47. Материалы Шахсенгерского городища и могильника
 1 - кость; 2,3,4-бронза; 8-свинец; 14-кремний,
 10,13,15,16-переданы О.М. Давудову учителем местной
 53

Рис. 48. Каменное изваяние из Шахсенгерского могильника

54

Рис. 49. Каменное изваяние из Шахсенгерского могильника.
Использовалось в качестве перекрытия могилы

55

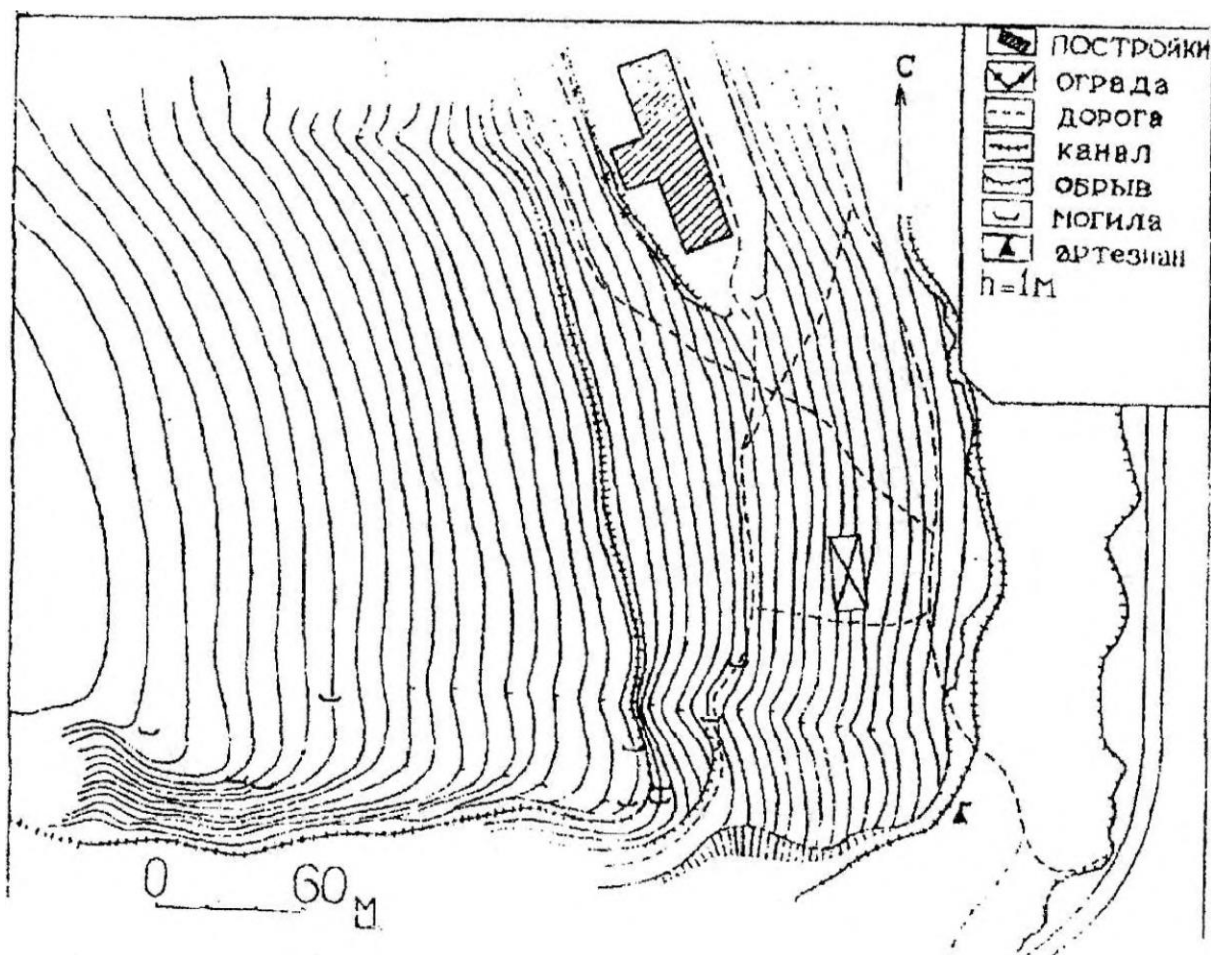
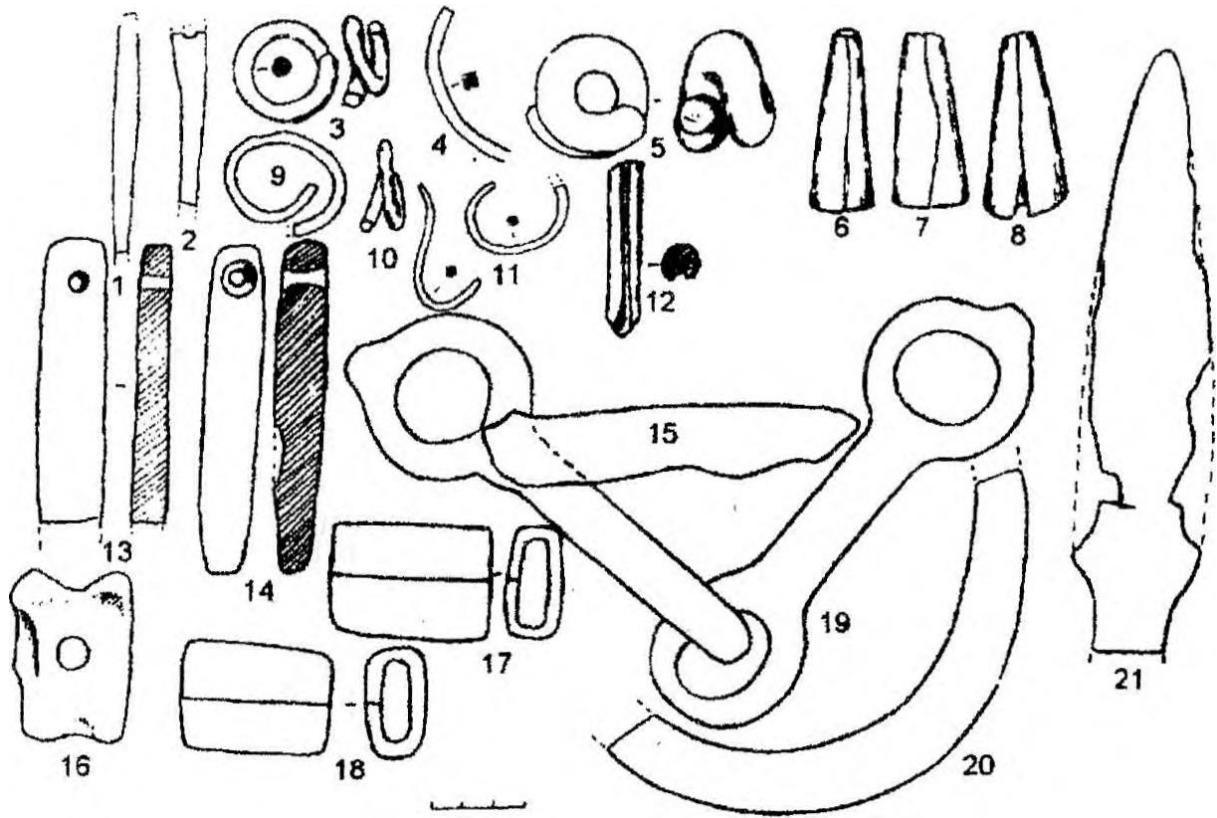

Рис. 50. План Акярского могильника

Рис. 51. Материалы Акярского могильника из разрушенного погребения, переданные нам местными жителями. 1 - 12, 19 - бронза; 13, 14-мергел, 15, 17, 18, 20, 21 - железо; 16 - кость.
 1 - обломок шила; 2 - обломок иглы; 3,4,5,9,11 - височные привески; 6 - 8 - конические привески; 12 - обломок украшения; 13 - 14 - оселки; 15 - нож; 16 - астрагал; 17,18 -обоймочки; 19 - удила; 20 - обломок браслета; 21 - обломок наконечника копья

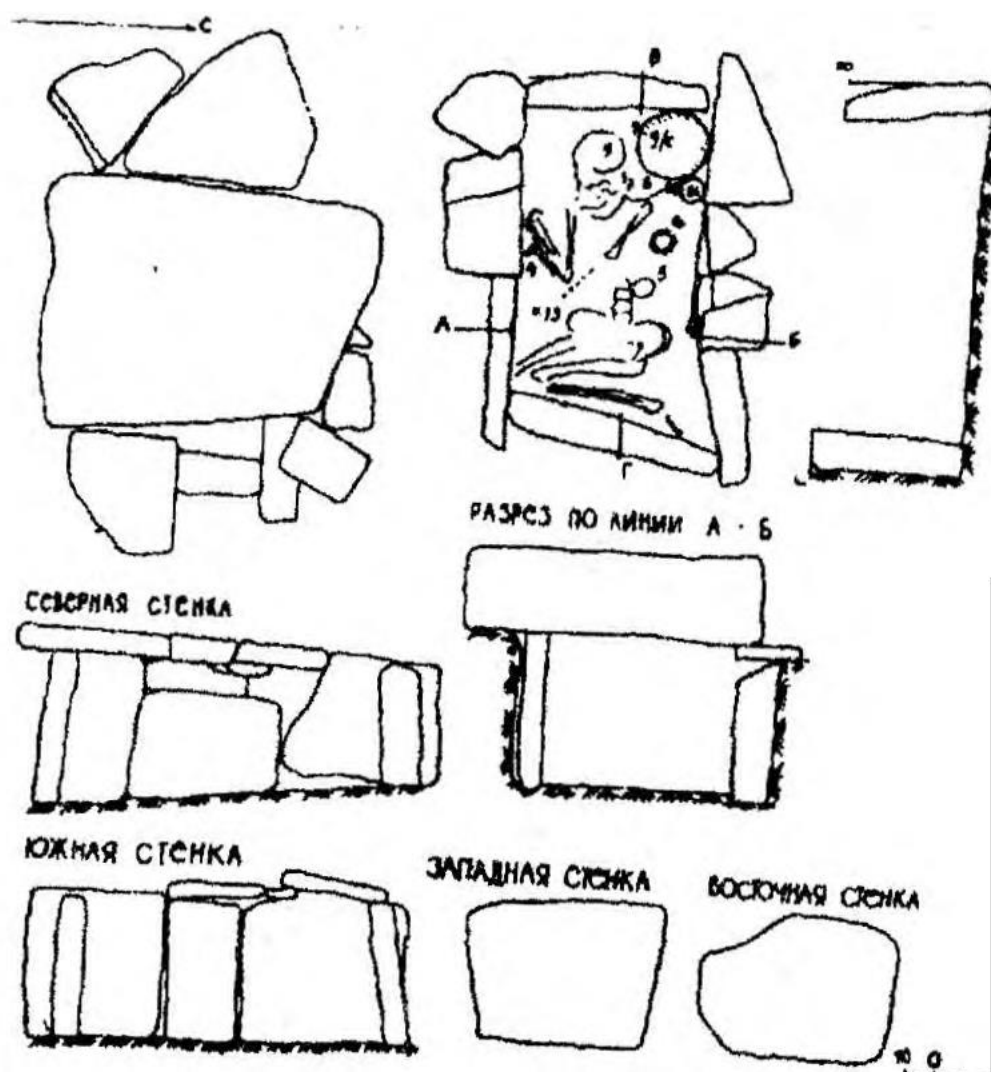
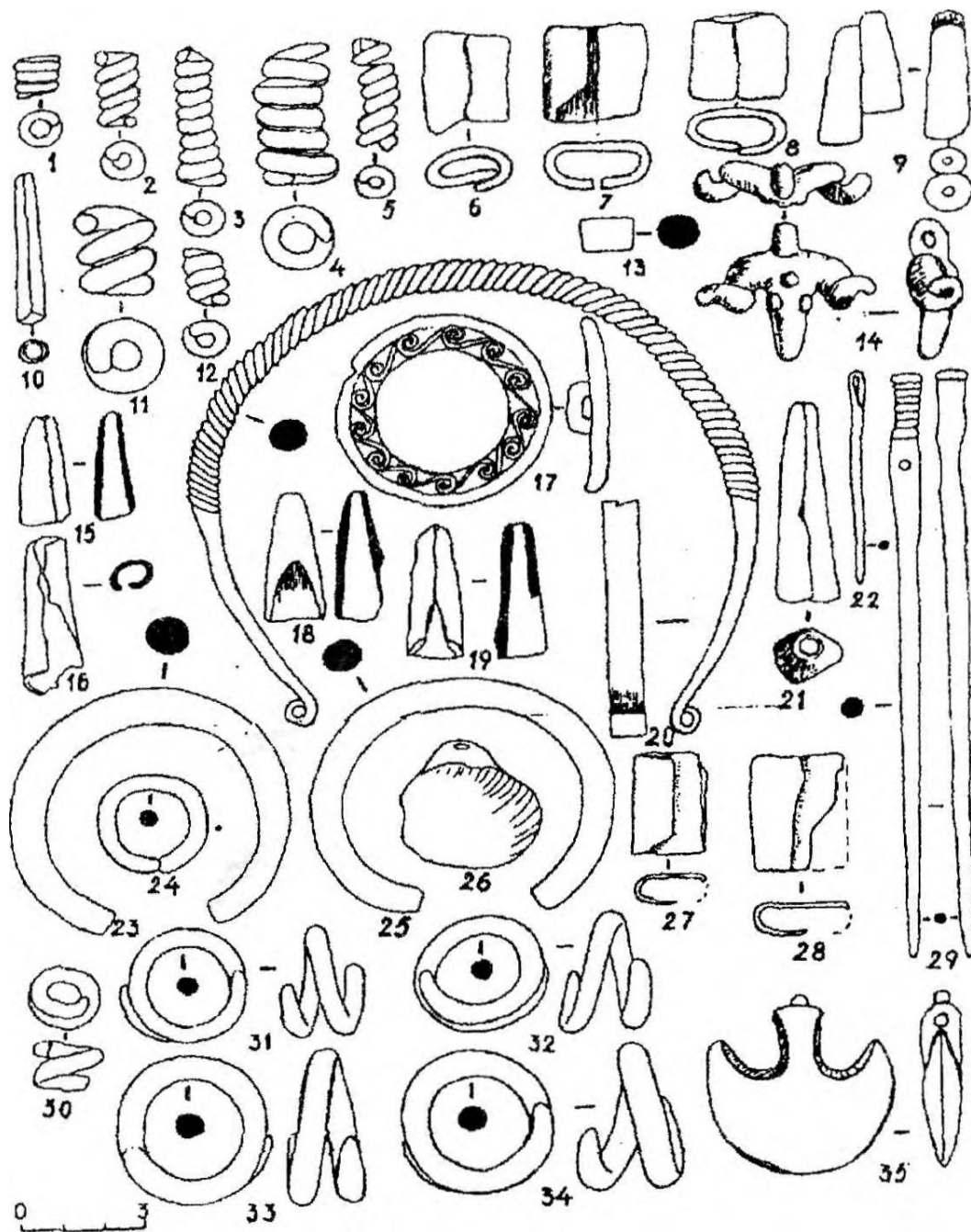

Рис. 52. Каменный ящик из центральной части Акярского могильника

Рис. 53. Материалы, найденные в каменном ящике из центральной части Акярского могильника. 1 - 5,12 - бронзовые спиральные подвески; 6 - 8,27,28 - железные обоймочки; 10 - бронзовая трубчатая привеска; 11,30,31,32,33,34 - бронзовые привески; 13 - каменная заготовка бусины; 14 - литая зооморфная подвеска; 17 - бронзовая бляха; 20 - бронзовая шейная гривна;22 -бронзовая игла; 23,25 - бронзовые браслеты; 24 - бронзовое кольцо; 26 - каспийская раковина; 29 - головная булавка; 35 -секировидная подвеска

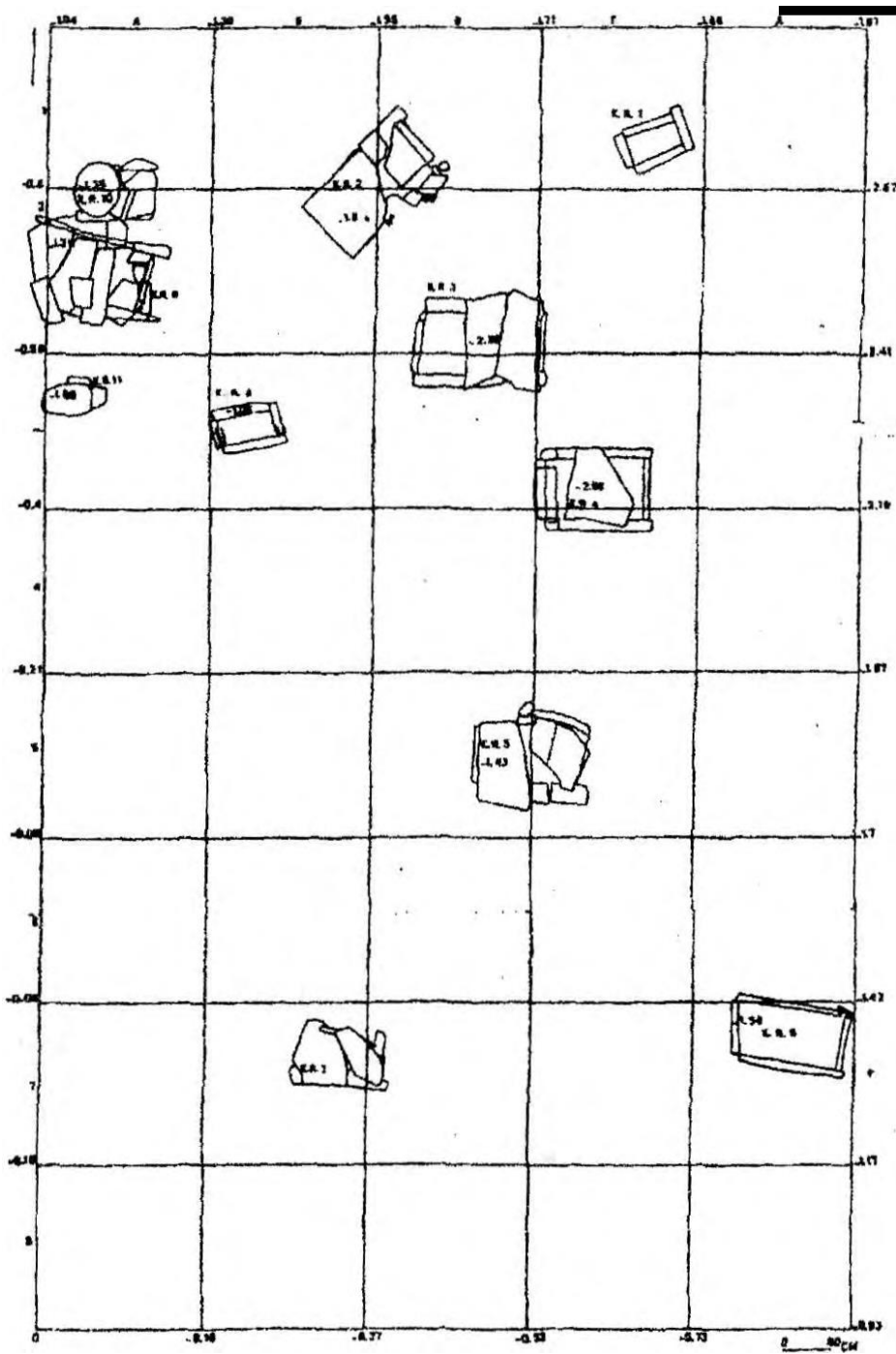

Рис. 54. План раскопа Акярского могильника

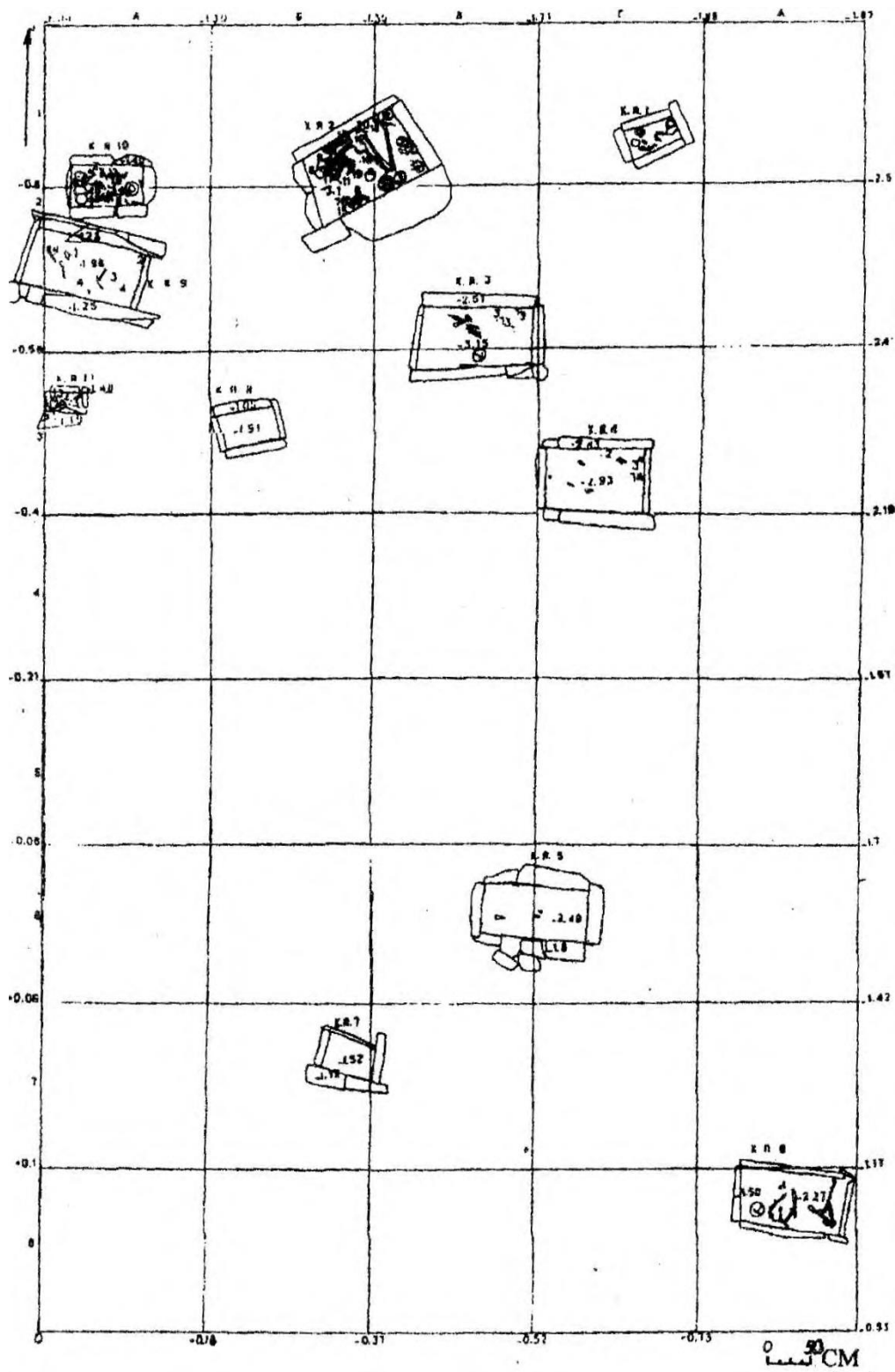
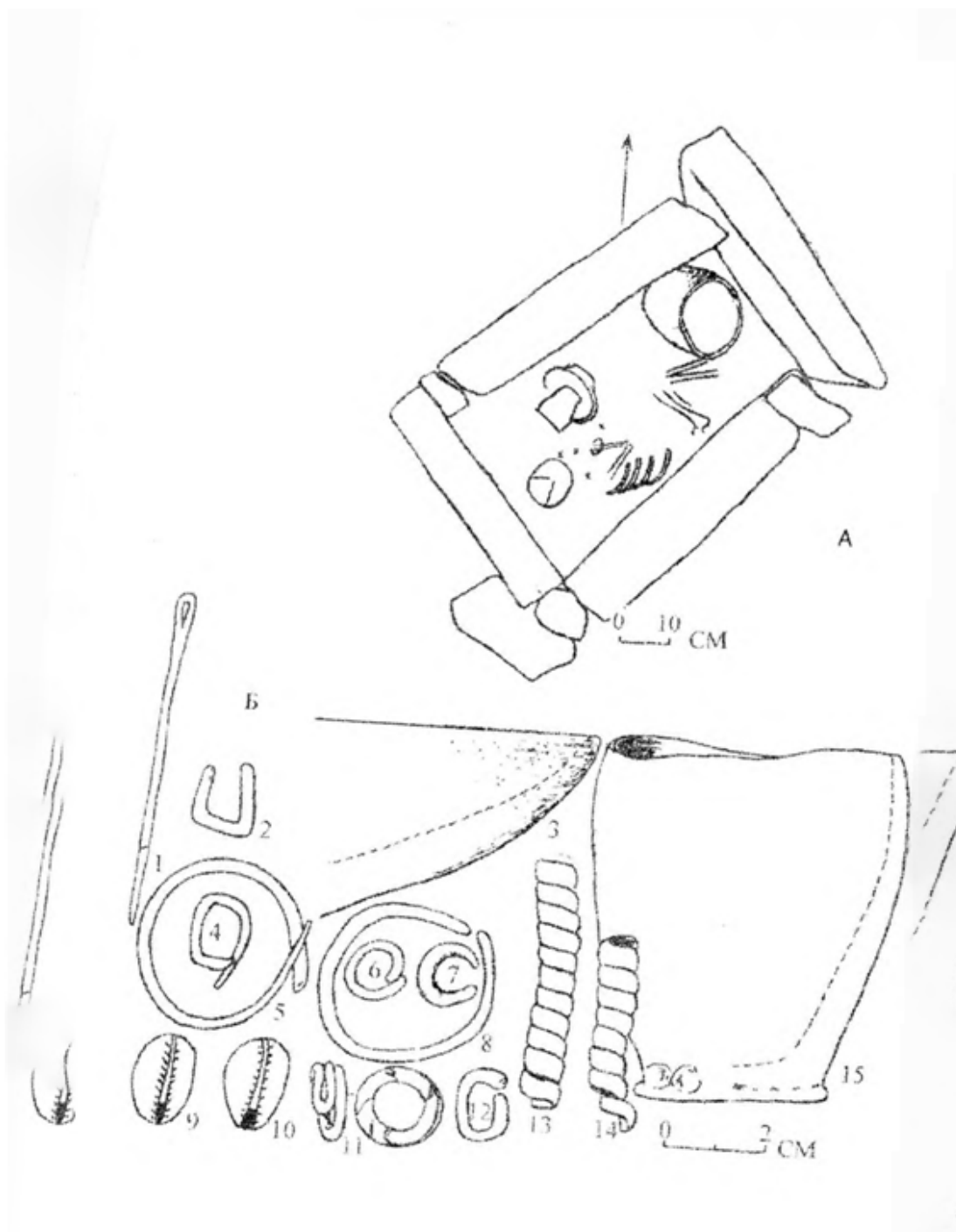
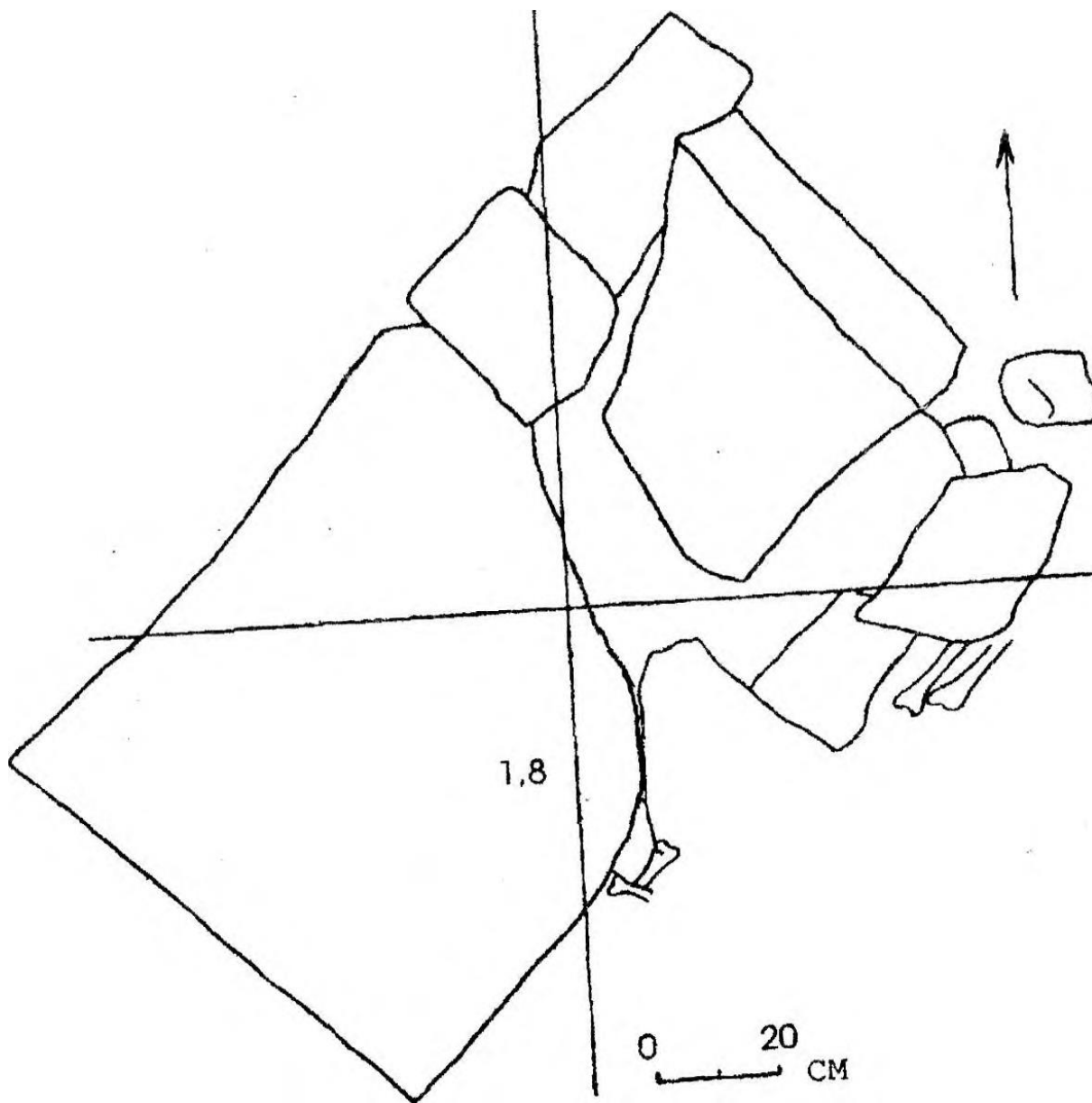

Рис. 55. План раскопа Аккрского могильника после расчистки погребальных сооружений

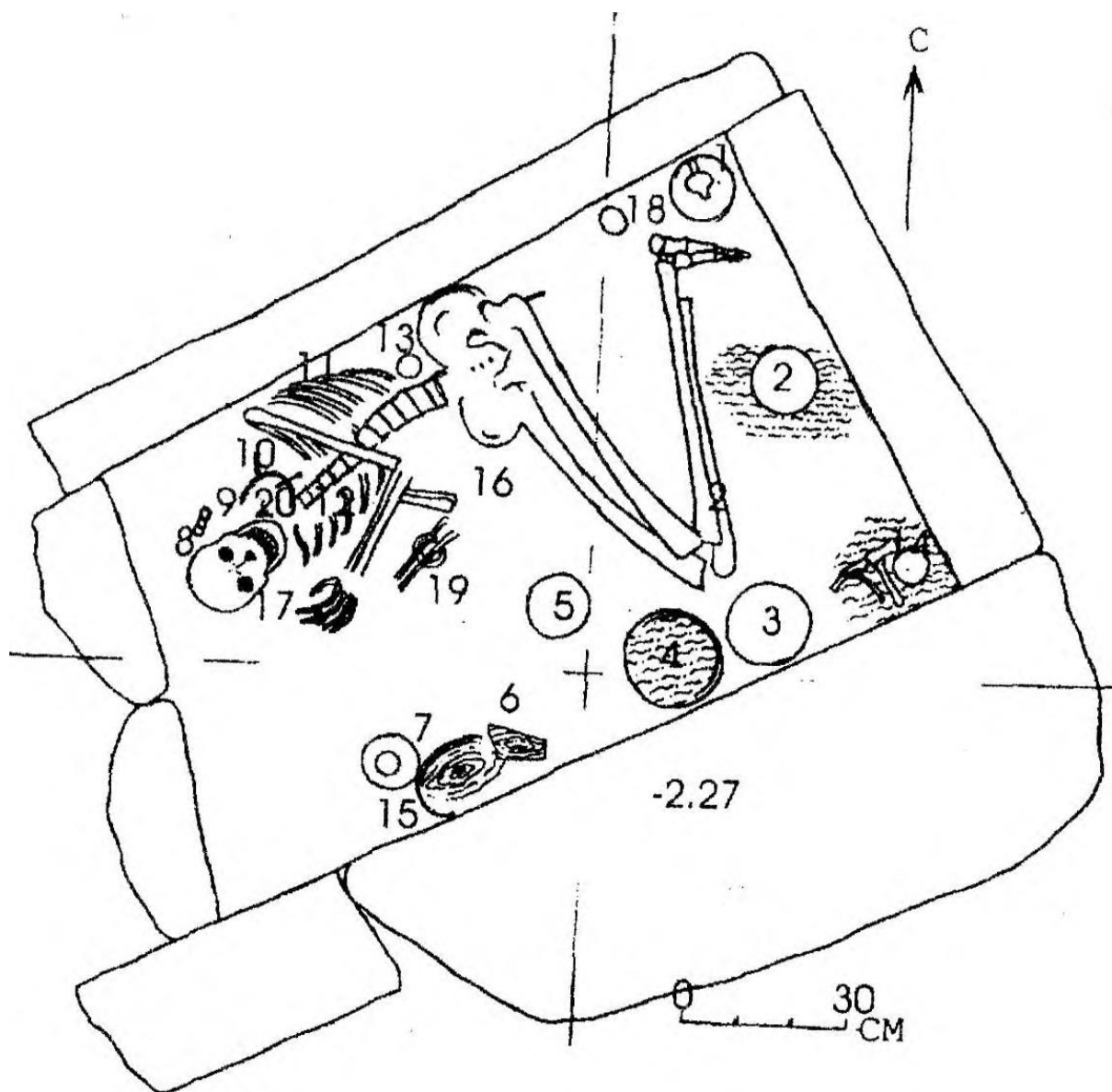

Рис. 56. Каменный ящик № 1 раскопа Аккрского могильника.
 А - План; Б - Материалы из каменного ящика № 1

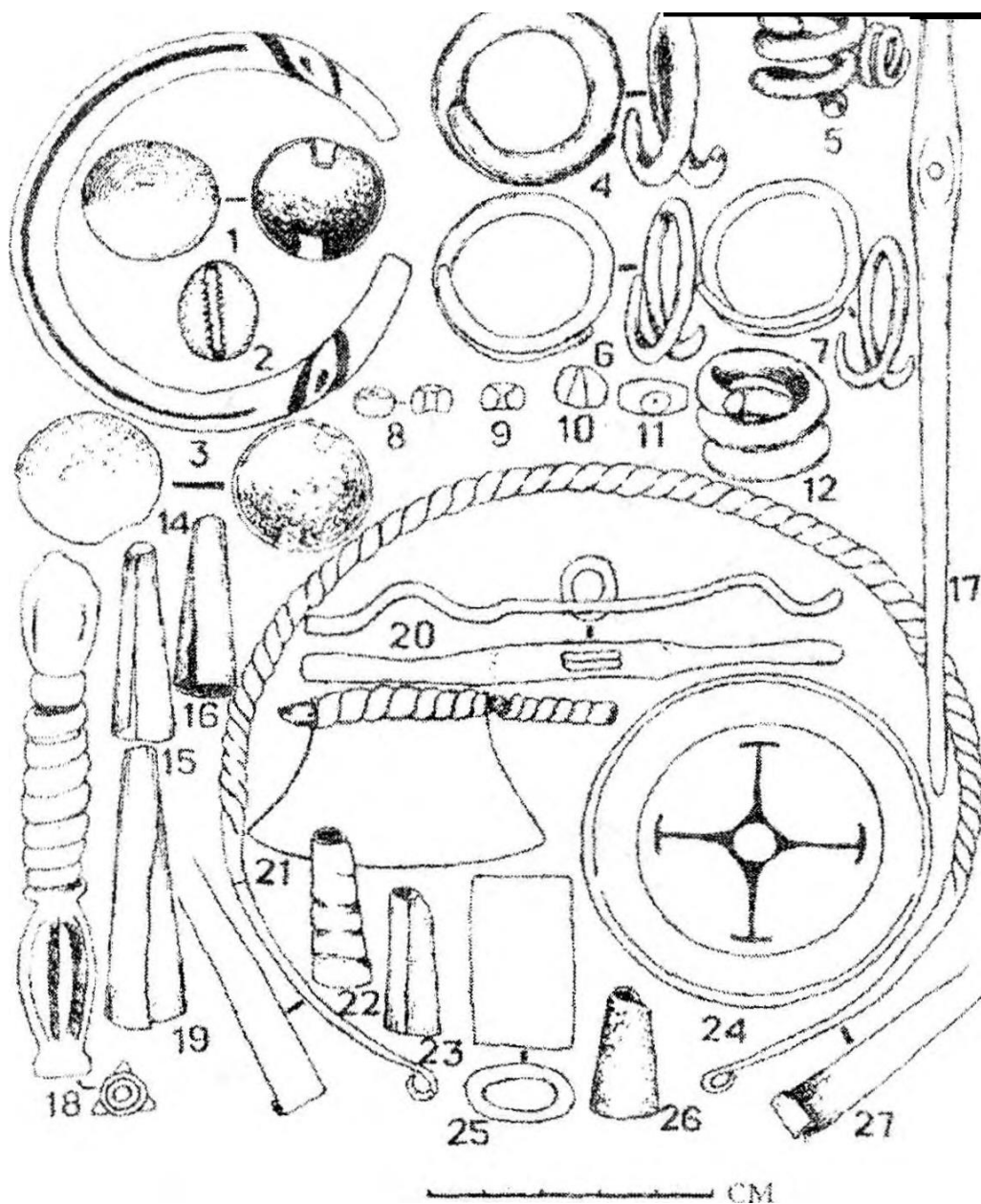

Рис. 57. Каменный ящик № 2 раскопа Акярского могильника

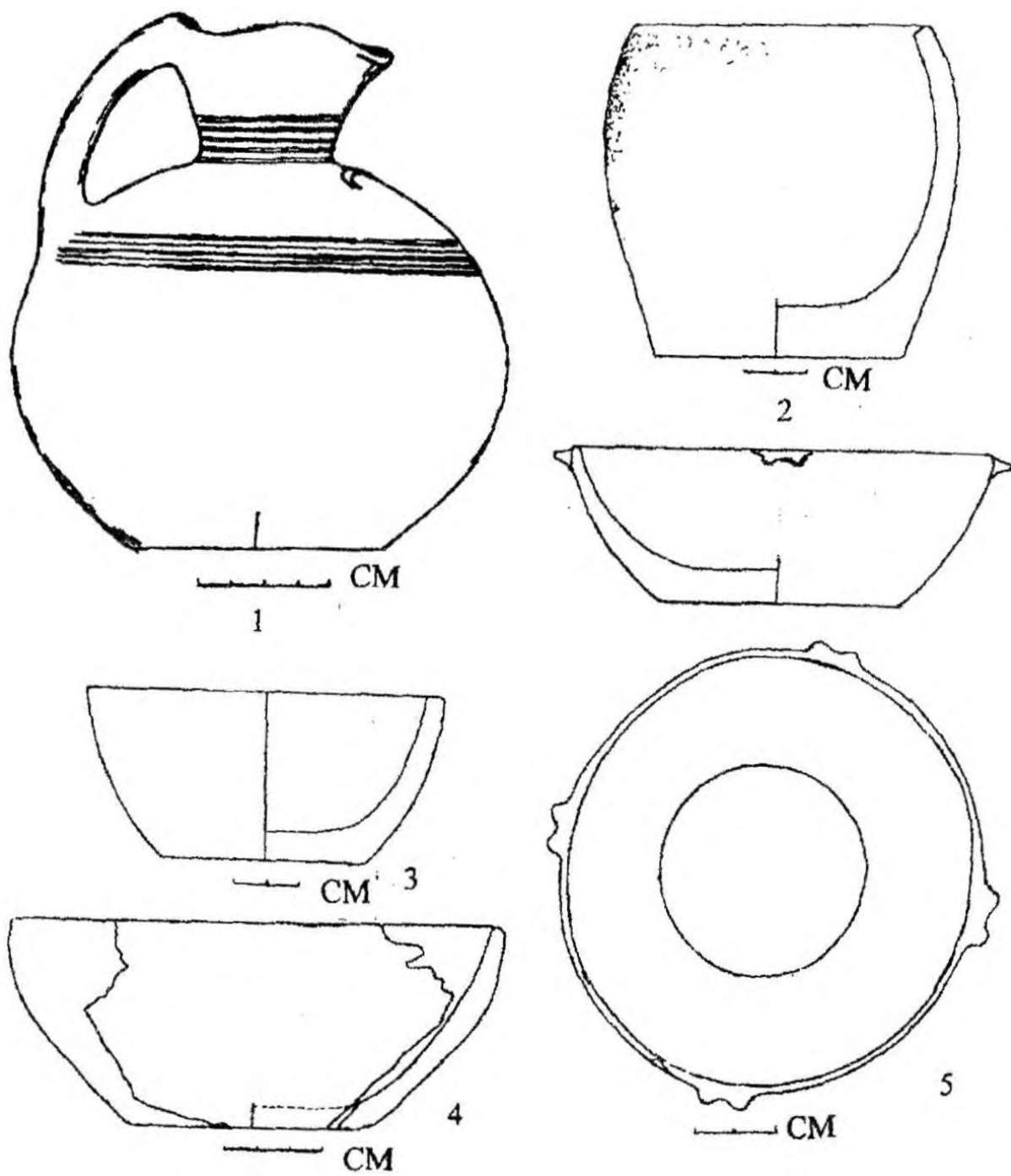

Рис. 58. Каменный ящик № 2 раскопа Акярского могильника.

Условные обозначения: 1-кувшин; 2-деревянная миска;
 3 - обмазанный горшок; 4 - деревянная миска; 5 - горшок;
 6 - остаток дерева; 7 - миска-плошка; 8 - бляшка от украшения косы;
 9 - топовидная подвеска; 10 - шейная гривна; 11 - привеска;
 12 - изделие в виде ярма; 13 - бляха; 14 - сосуд; 15 -отстатки
 обмазанного горшка; 16 - раковина «каури», 17 - комплект украше-
 ний; височная привеска в 1,5 оборота, каспийские раковины (3 шт),
 18 - сосуд; 19 - браслет; 20 - головная булавка

Рис. 59. Материалы из каменного ящика № 2 раскопа Акярского могильника. 1.3-7,12,14 - 22,24,27 - бронза; 23,25,26- железо; 8 - 10 - сердолик; 9 - стекловидная паста. 1,14 - бронзовые бляшки; 2 - раковина «каури», 3 - бронзовый браслет; 4,6,7 - бронзовые подвески; 5 - две спекшиеся бронзовые привески; 8 - 10 - сердоликовые бусы; 11 - бусина из стекловидной пасты; 12 - многовитковая привеска; 15, 16, 19, 22, 23, 26 – коническая привеска; 17 - головная булавка из бронзы; 18 - набор украшений, нанизанных на шнур; 20 - коромысловидное изделие; 21 - топорovidная подвескаспекшаяся со спиральками

Рис. 60. Сосуды из каменного ящика № 2 раскопа Акярского могильника. 1,2,3,5 - керамика; 4-дерево

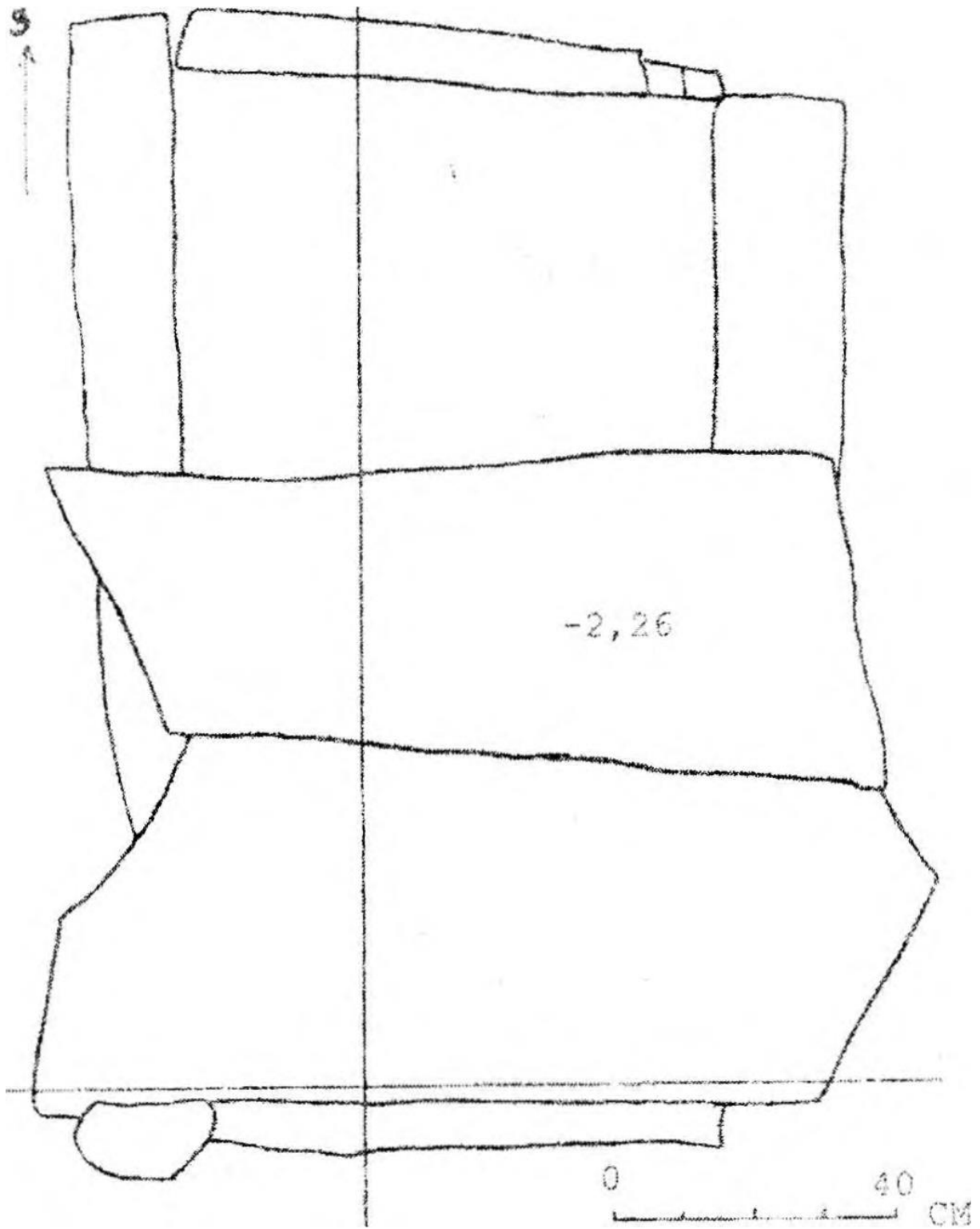

Рис. 61. Каменный ящик №3 раскопа Акярского могильника

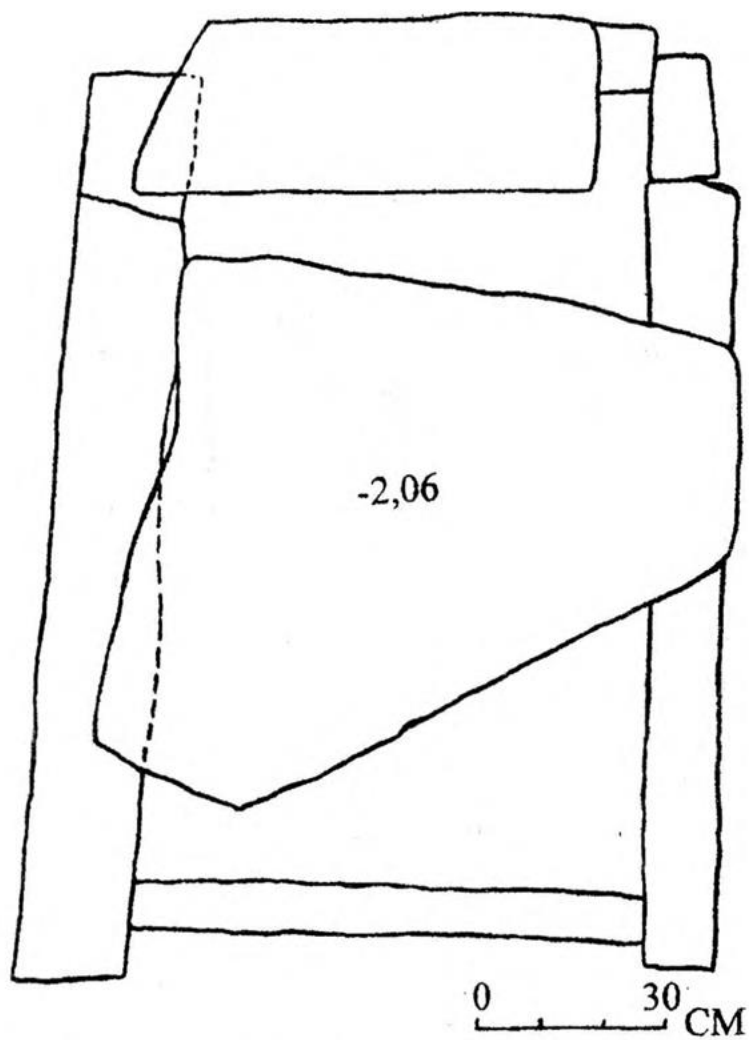

Рис. 62. Каменный ящик №3 после оасчистки

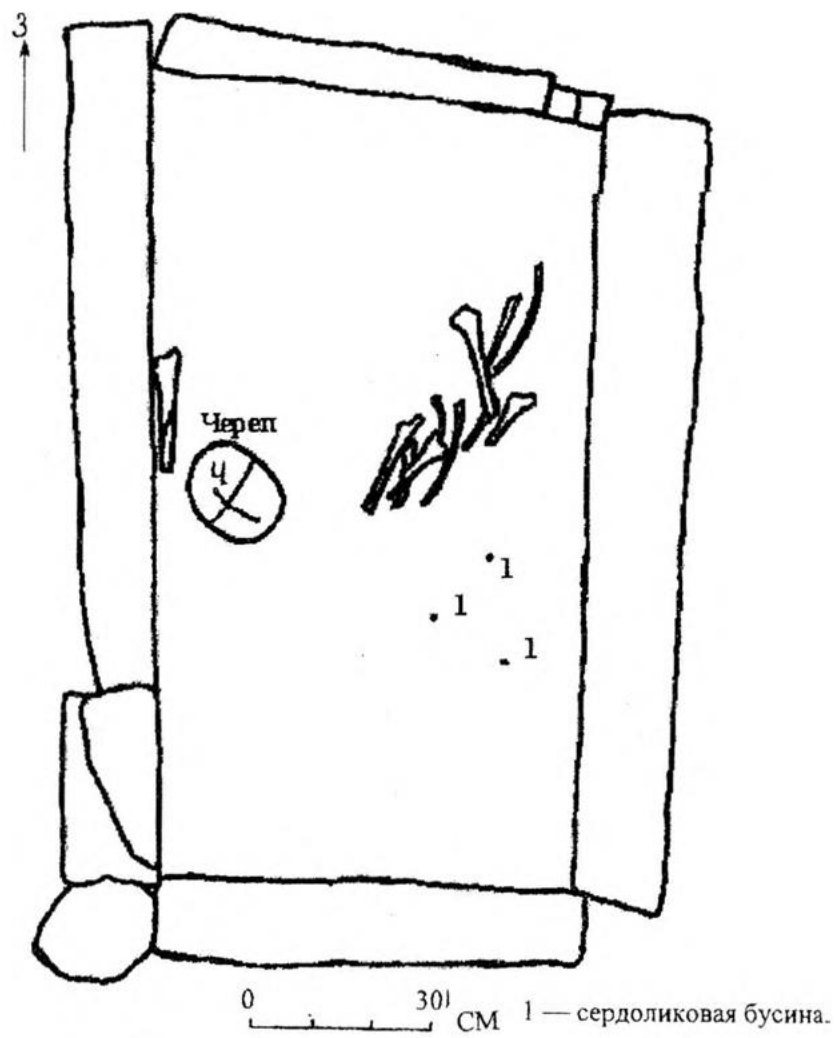

Рис. 63. Каменный ящик № 4 Акярского могильника

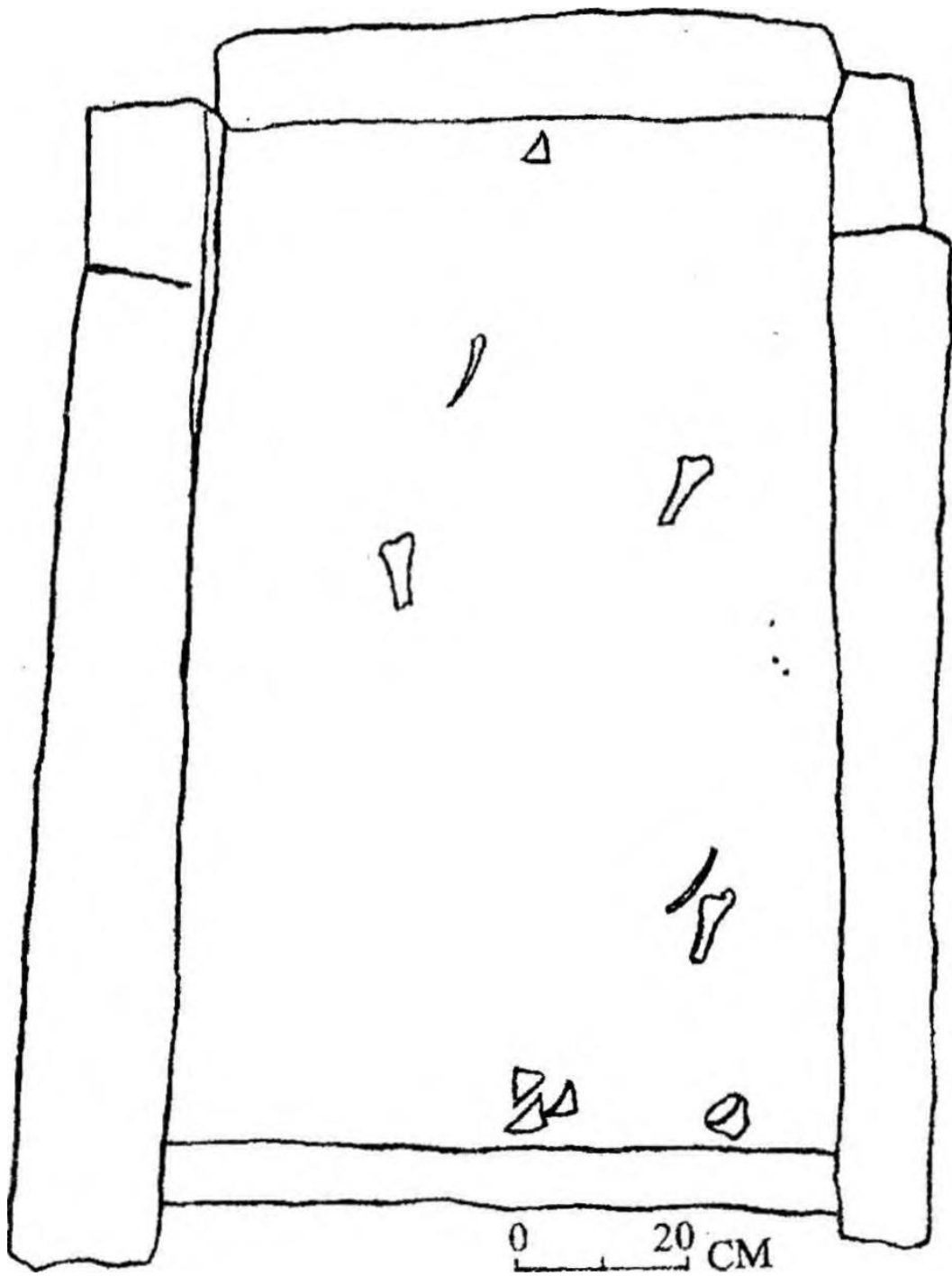
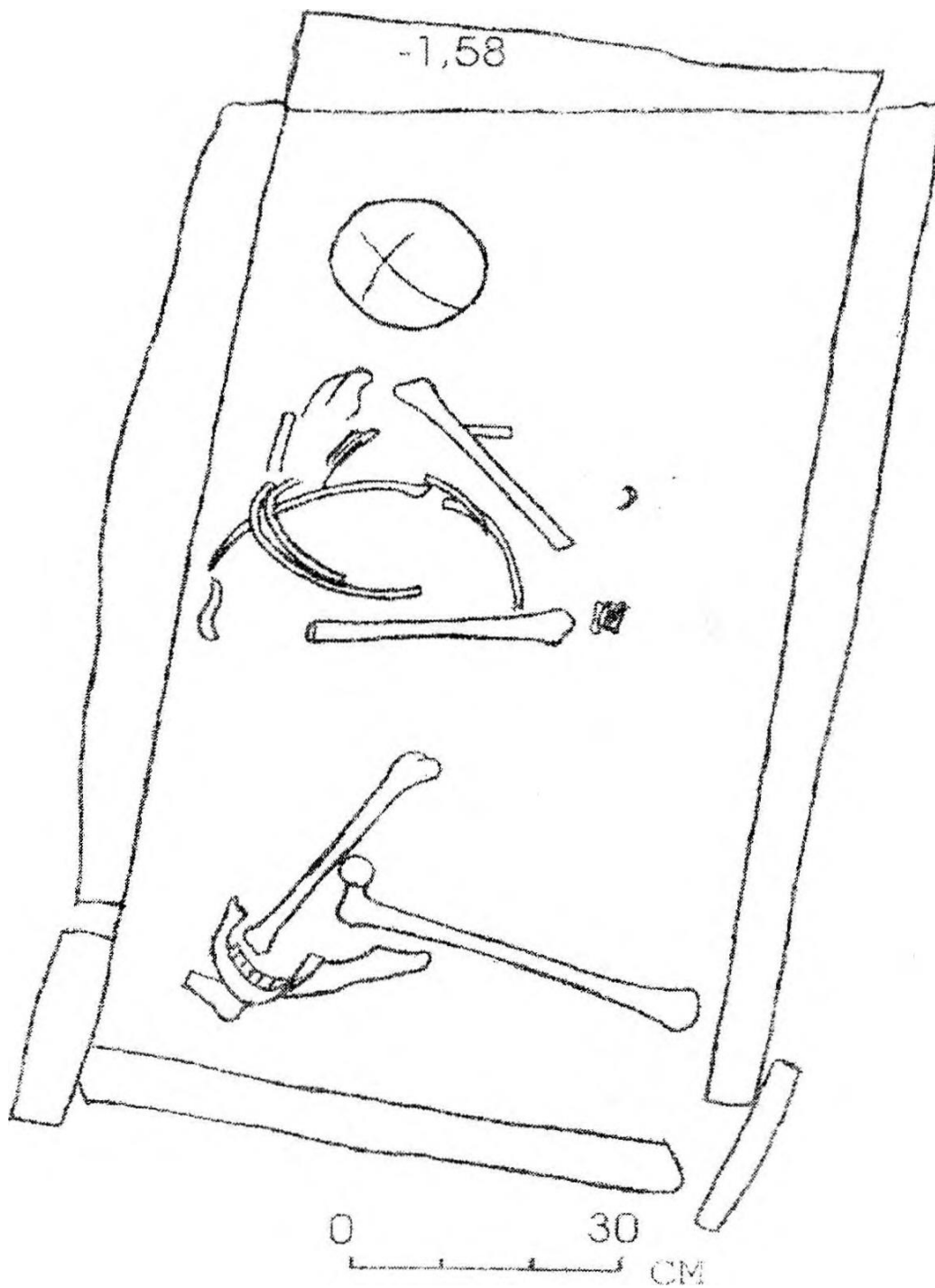
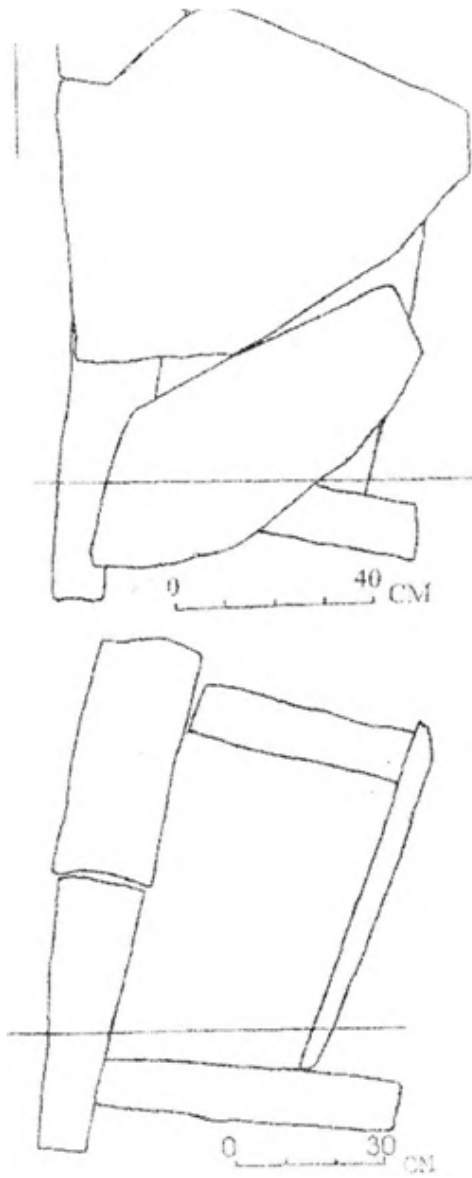

Рис. 64. Каменный ящик № 4 Акярского могильника после расчистки

Рис. 65. Каменный ящик № 6 раскопа Акярского могильника

Рис. 66. Каменный ящик № 7 раскопа Акярского могильника

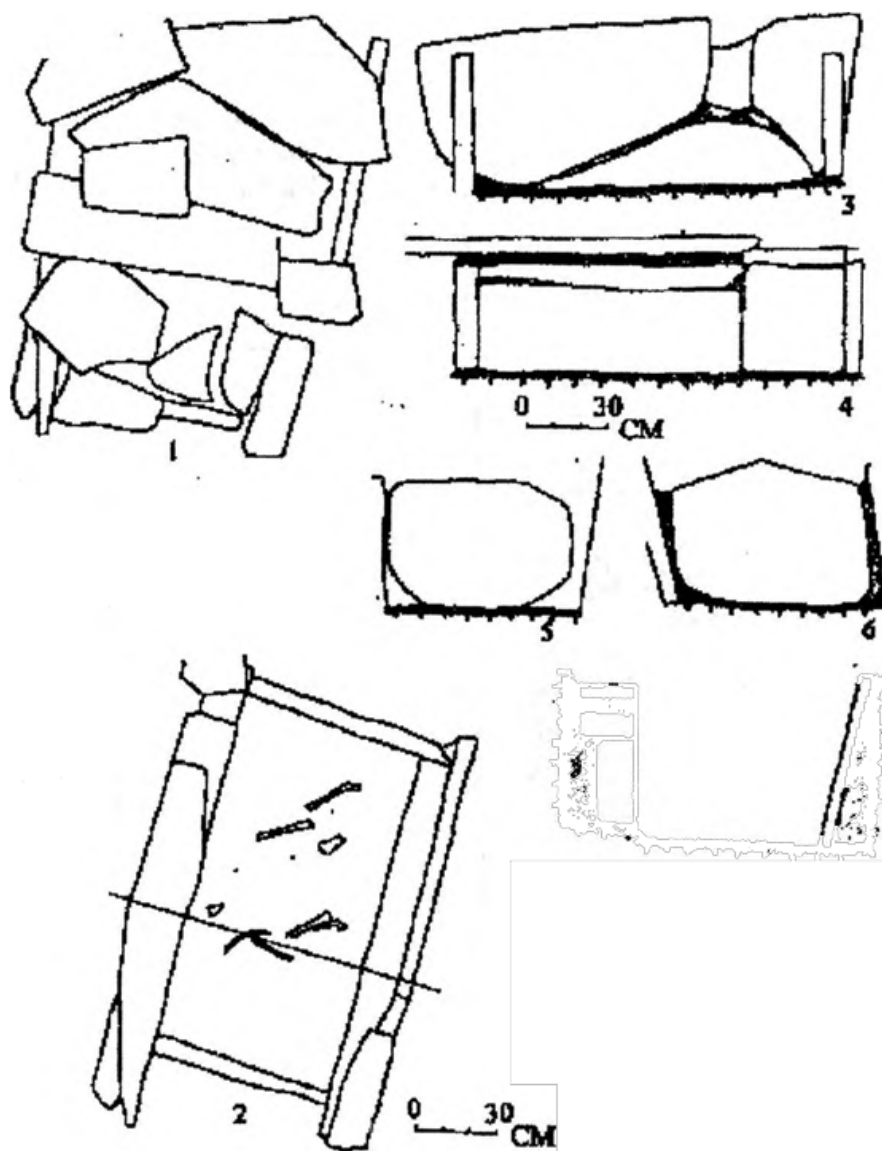

Рис. 67. Каменный ящик № 9 Акярского могильника

Рис. 68. Каменный ящик № 10 раскопа Акярского могильника
 1 — перекрытие погребального сооружения;
 2 — после расчистки каменного ящика

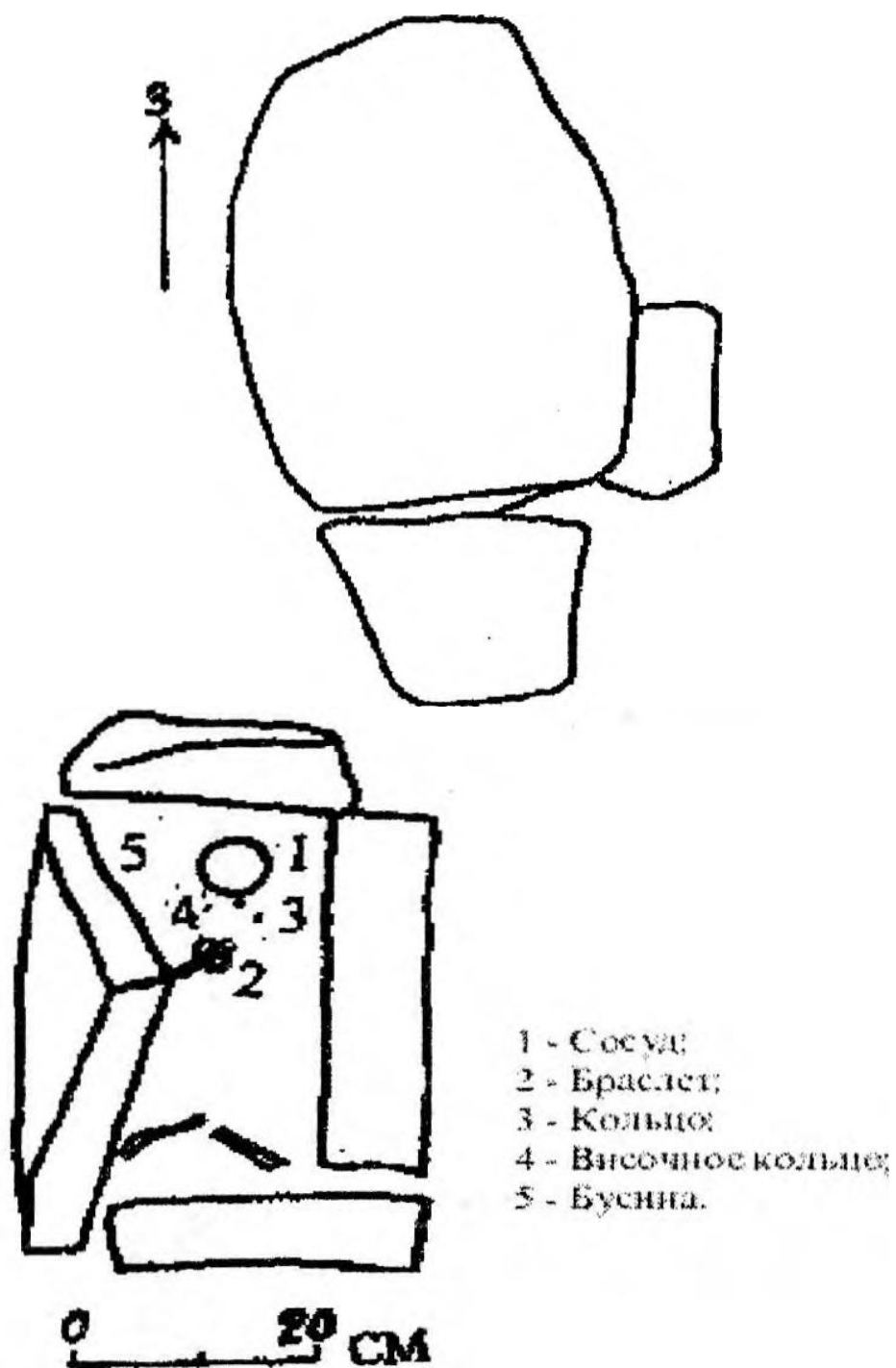
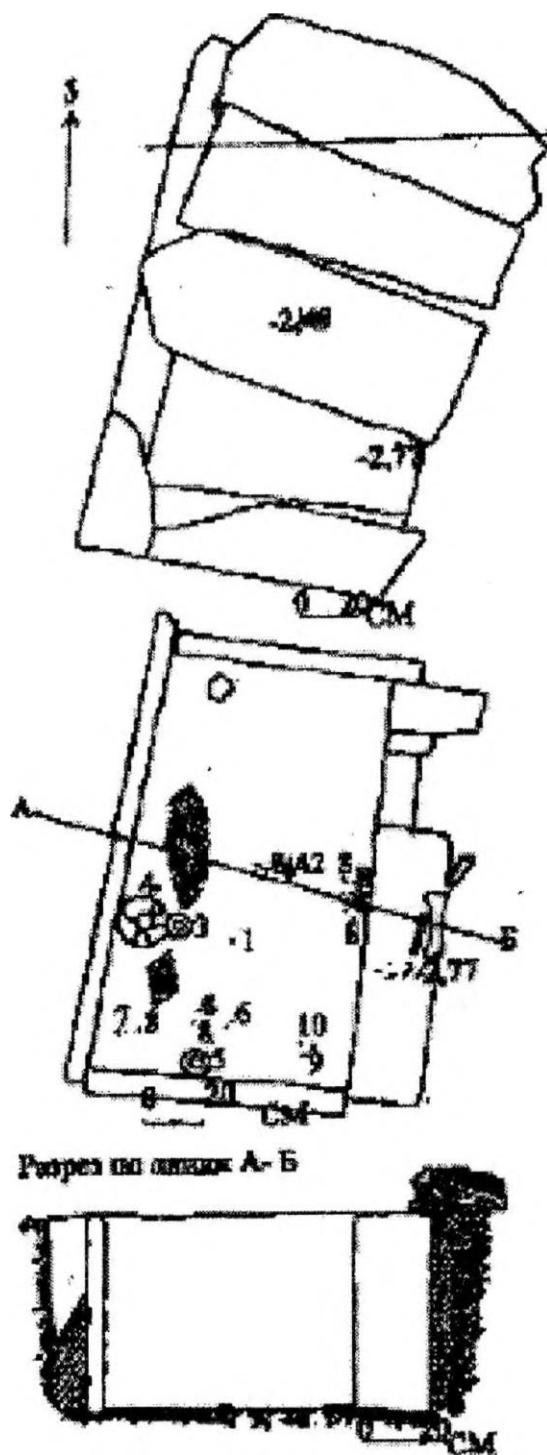
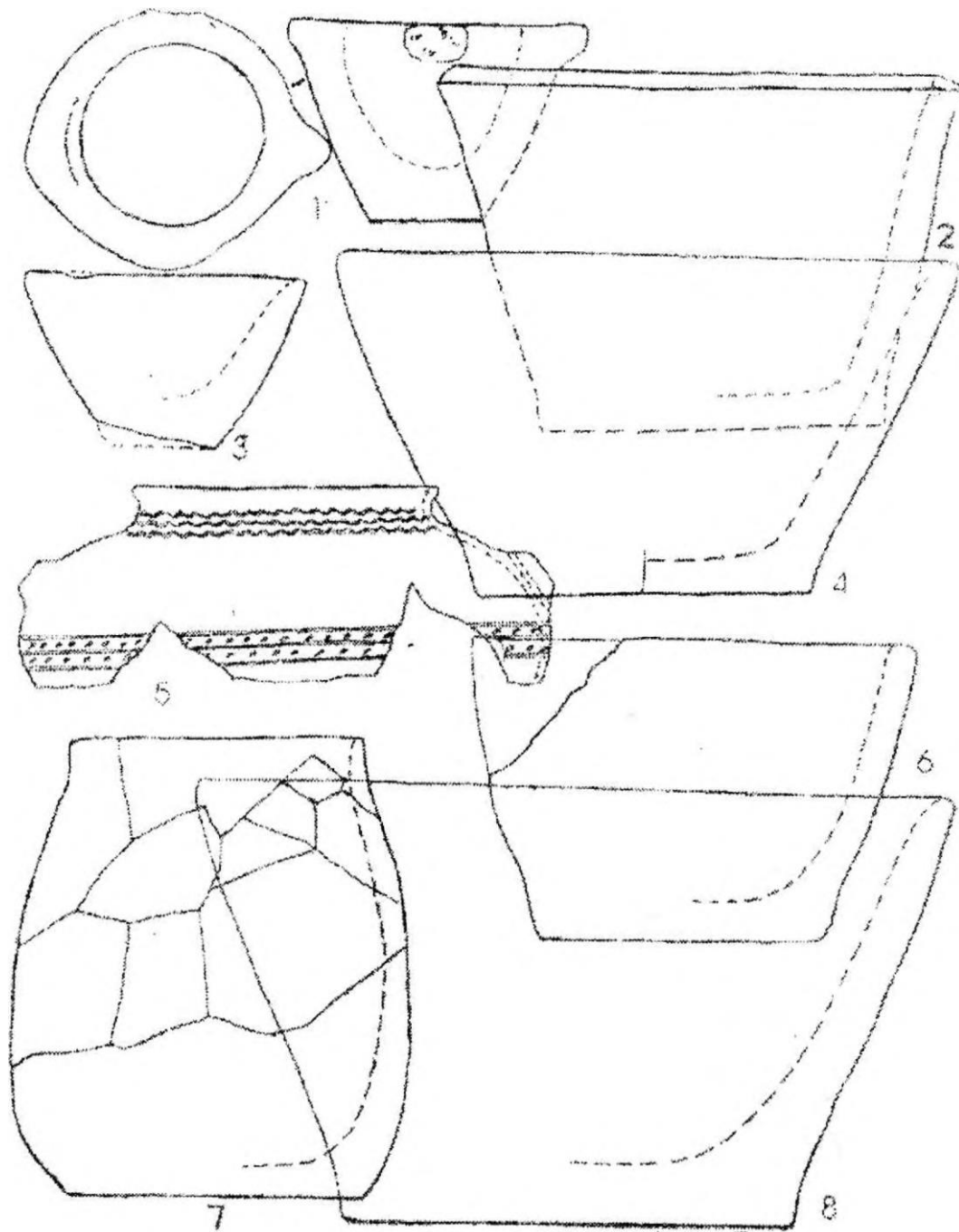

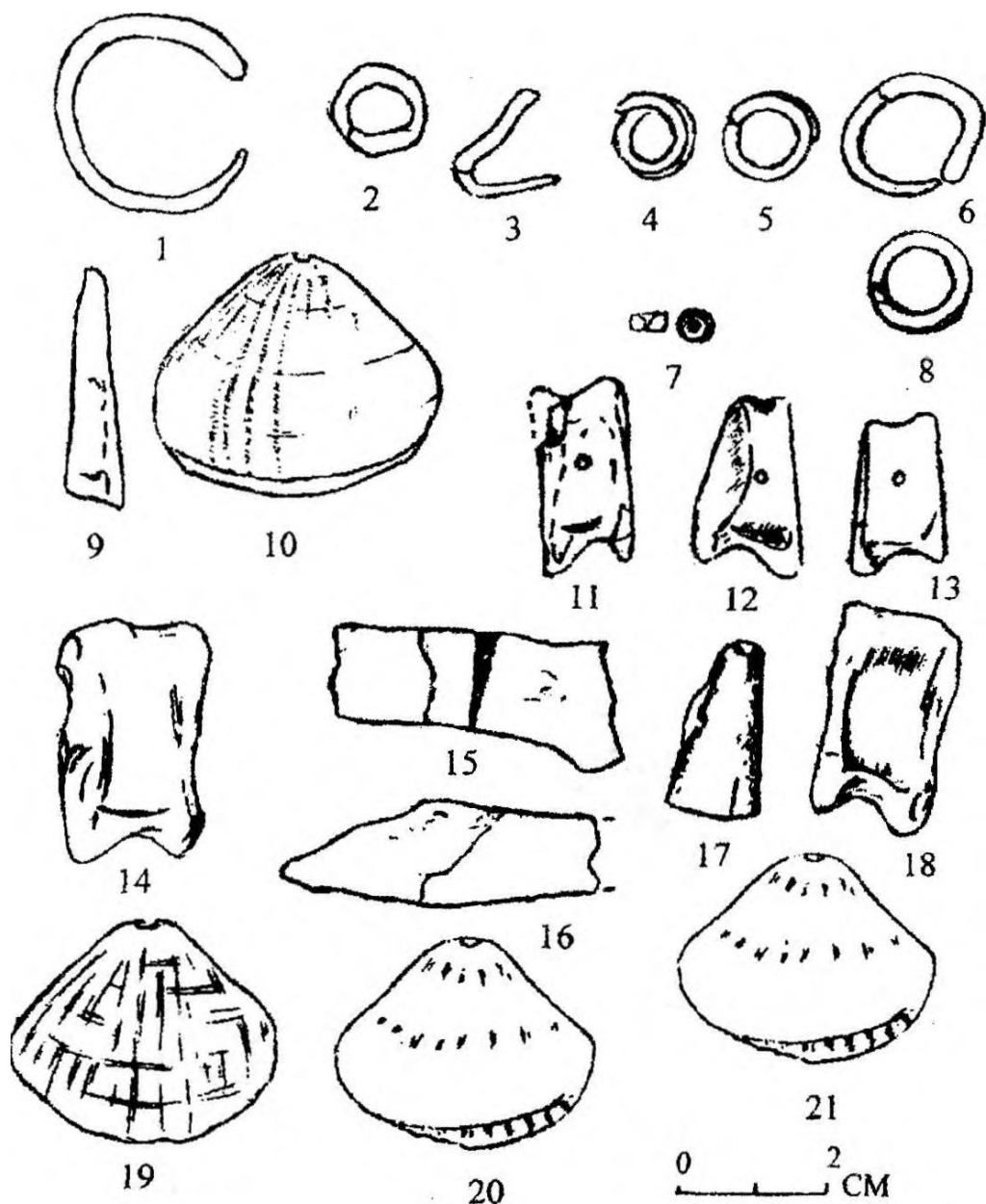
Рис. 69. Каменные ящик № 11 Акярского могильника

Рис. 70. Каменный ящик, раскопанный за пределами раскопа Акярского могильника

Рис. 71. Керамика Акярского могильника. 1 -из каменного ящика №11; 2 - из каменного ящика № 12; 3 - из каменного ящика № 11; 4 - из каменного ящика № 12; 5 - из каменного ящика № 5; 6,7 - из разрушенных могил

Рис. 72. Материалы Акярского могильника. 1 - 3 - из каменного ящика № 5; 6 - из каменного ящика № 11; 7,9 - из каменного ящика №5; 8 - из каменного ящика № 12 в прирезке; 10,18 - у перекрытия каменного ящика № 12(6 раковин); 11,12,13 - из каменного ящика № 12 в прирезке; 14,15,17- из каменного ящика № 12 в прирезке; 16 - из каменного ящика № 11. 1 - 6,8 - бронза; 15,26,17 - железо; 9,11 - 14,18 - кость; 7 - сердолик; 10,19,20,21 - раковины

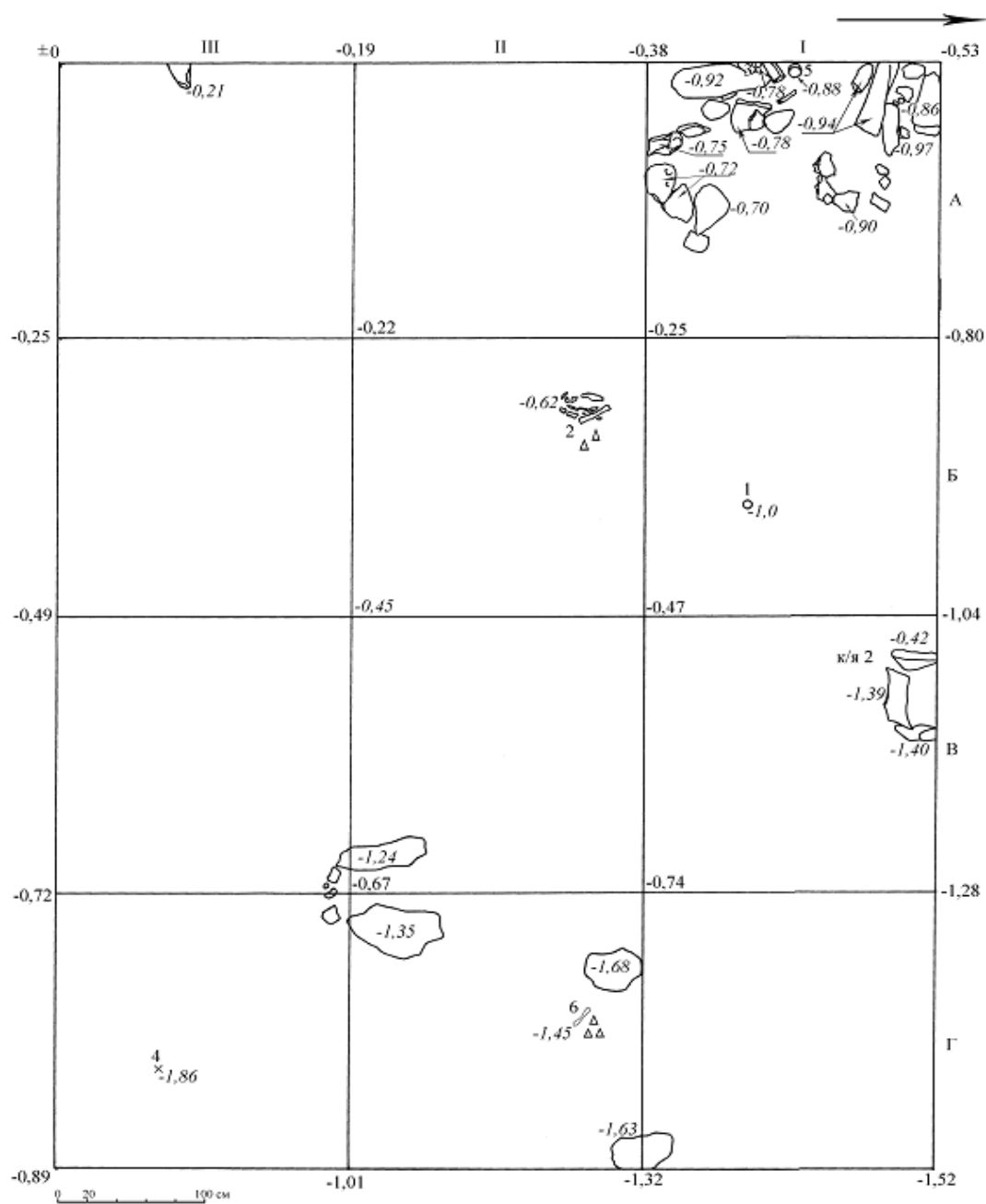
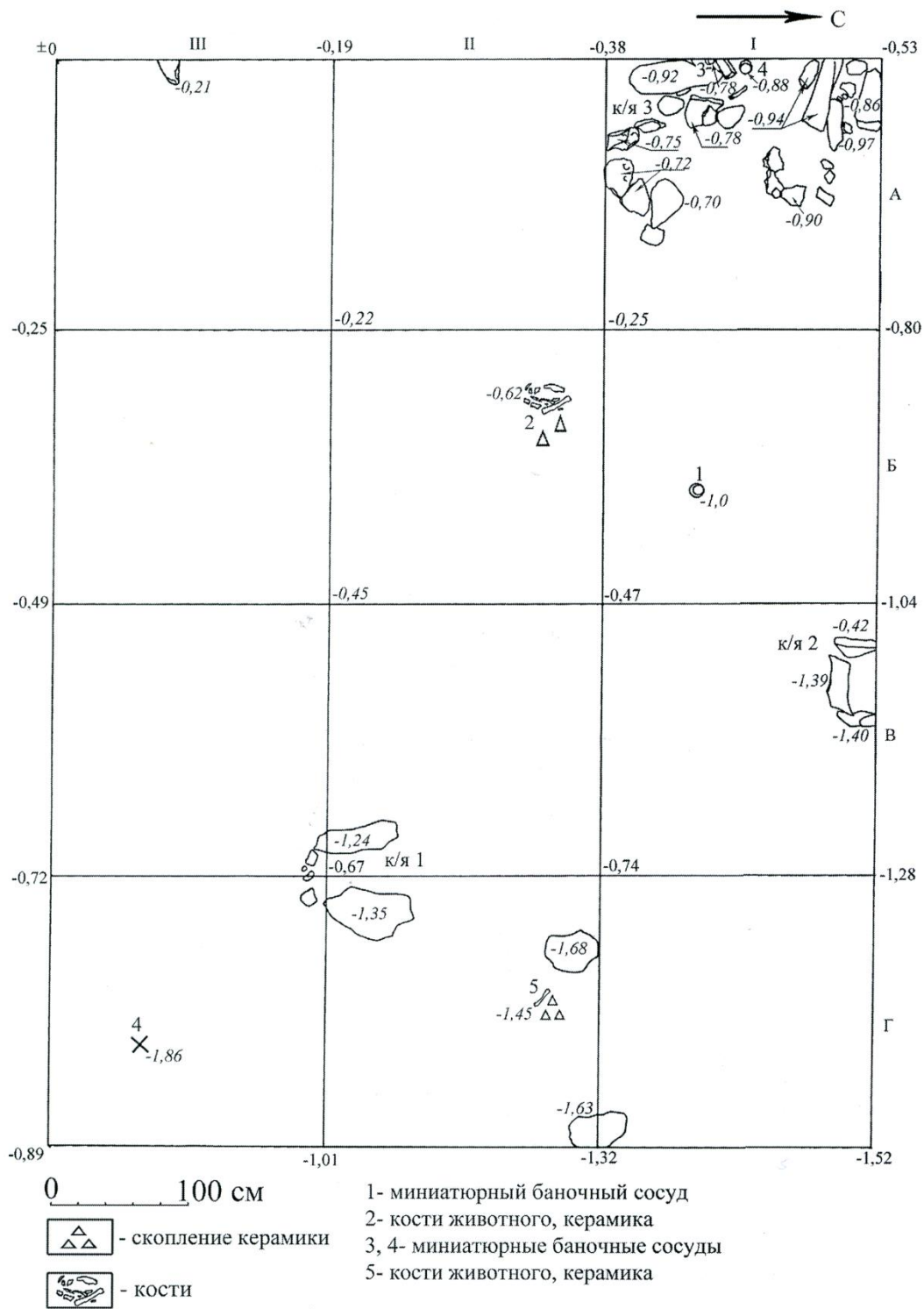
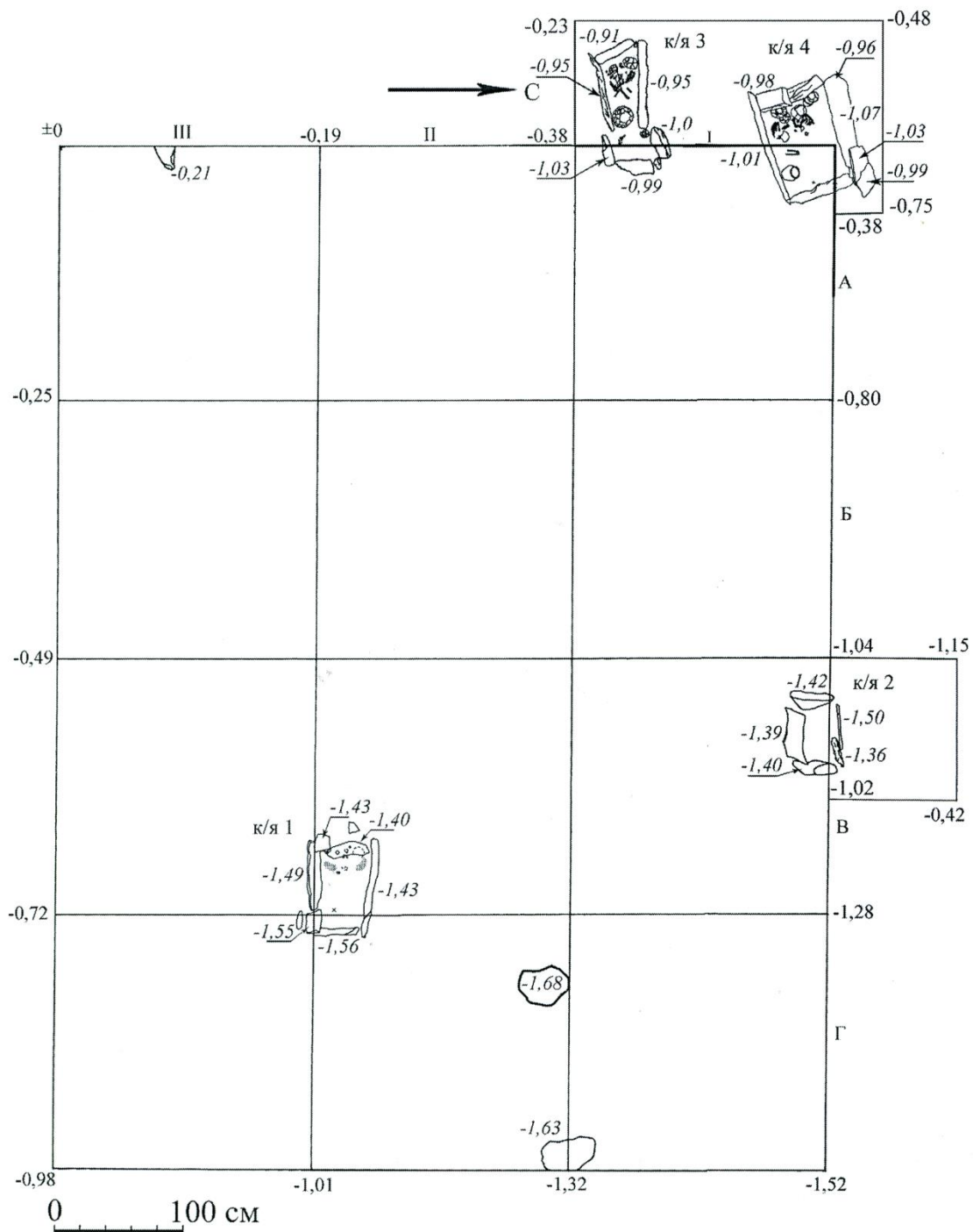

Рис. 73. Ахярский могильник. Общий план раскопа

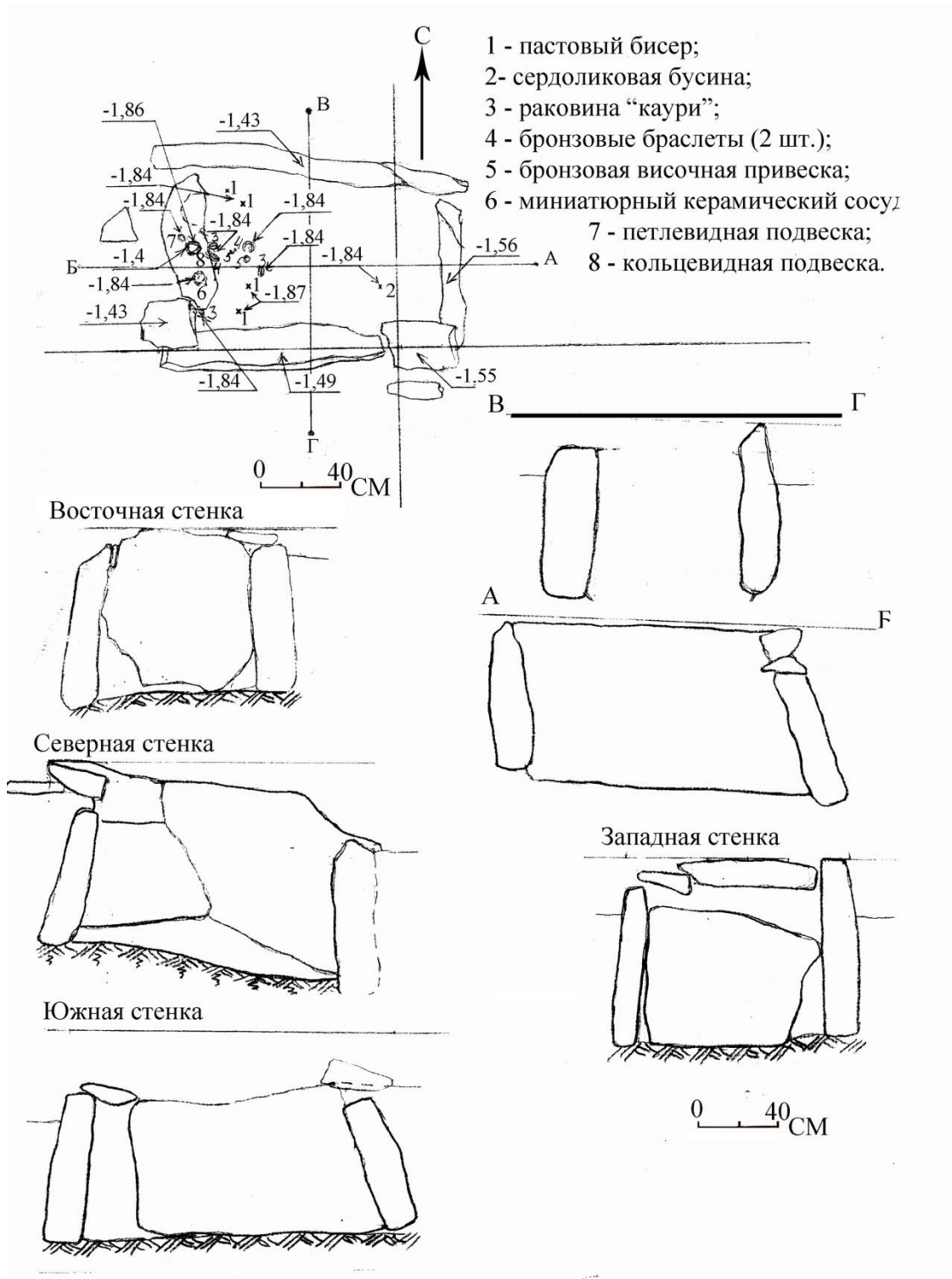
Рис. 74. Акярский могильник. Общий план раскопа с прирезками

Рис. 75. Общий план раскопа после зачистки погребальных сооружений

Рис. 76. Акярский могильник. Кости животных, найденные в кв. Б-II (гл.-0,62 м.)

Рис. 77. Акярский могильник. Каменный ящик № 1.
 План, разрезы, стенки могилы

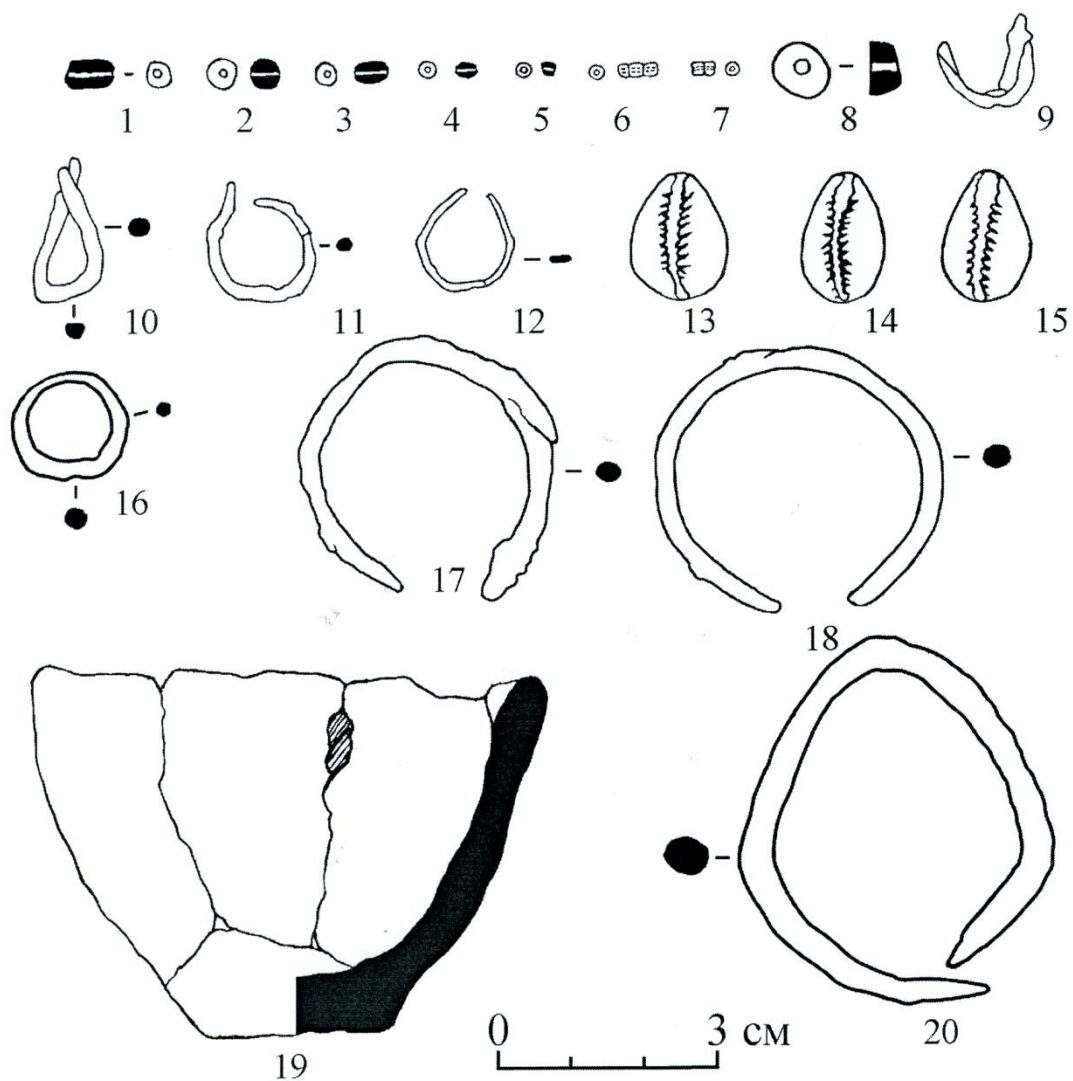

Рис. 78. Акярский могильник. Каменный ящик № 1. Острие ножа показывает на север. Вид с востока

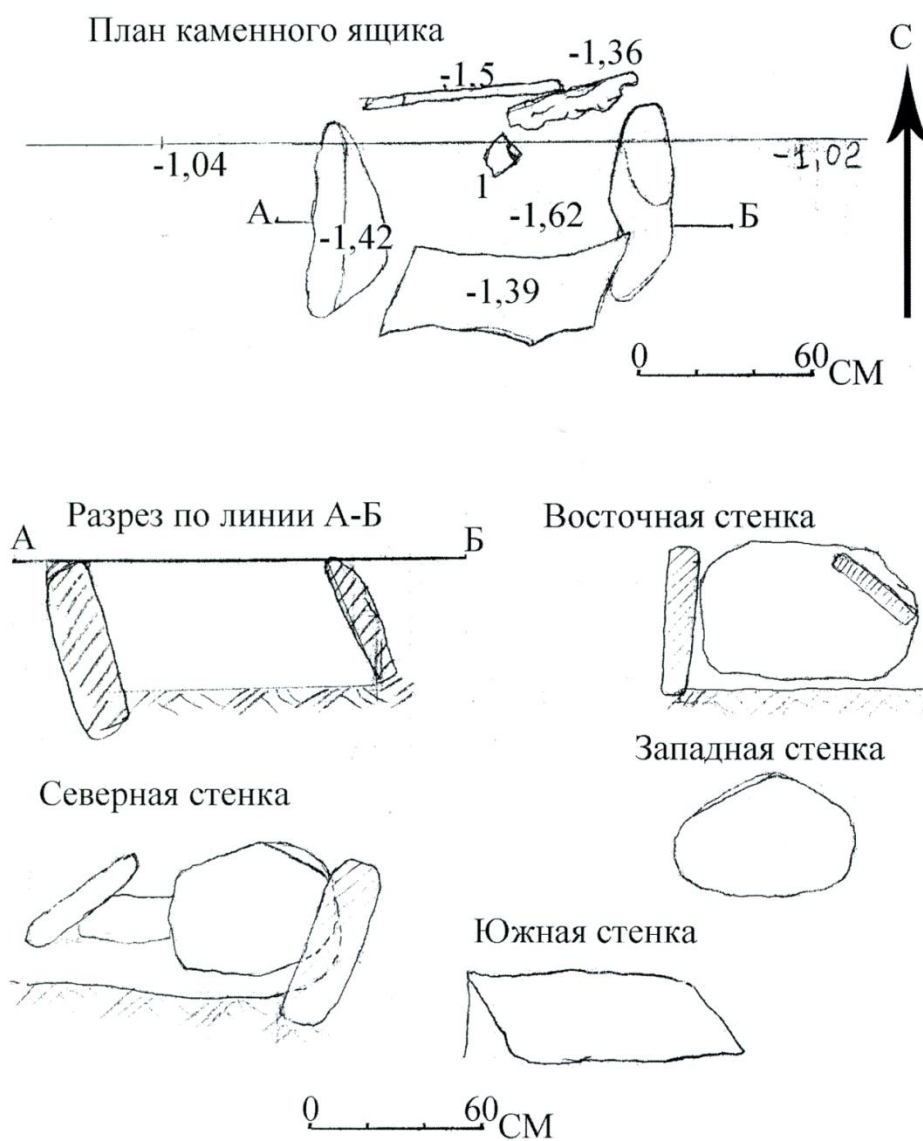
Рис. 79. Акярский могильник. Каменный ящик № 1 после расчистки. Вид с севера

Рис. 80. Ажарский могильник. Инвентарь из погребения № 1.
 1-8 - бусы; 9-12, 20 – бронзовые привески; 16 - бронзовое кольцо;
 17-18 - бронзовые браслеты; 19 - керамический сосуд

Рис. 81. Акярский могильник. Сосуд из каменного ящика № 1

Рис. 82. Акярский могильник. Каменный ящик 2
План, разрезы, стенки могилы.

Рис. 83. Акярский могильник. Каменный ящик № 2 в ходе очистки.
Вид с севера

Рис. 84. Акярский могильник. Каменный ящик № 2 после расчистки.
Вид с юга

Рис. 85. Акярский могильник. Сосуд из погребения № 2

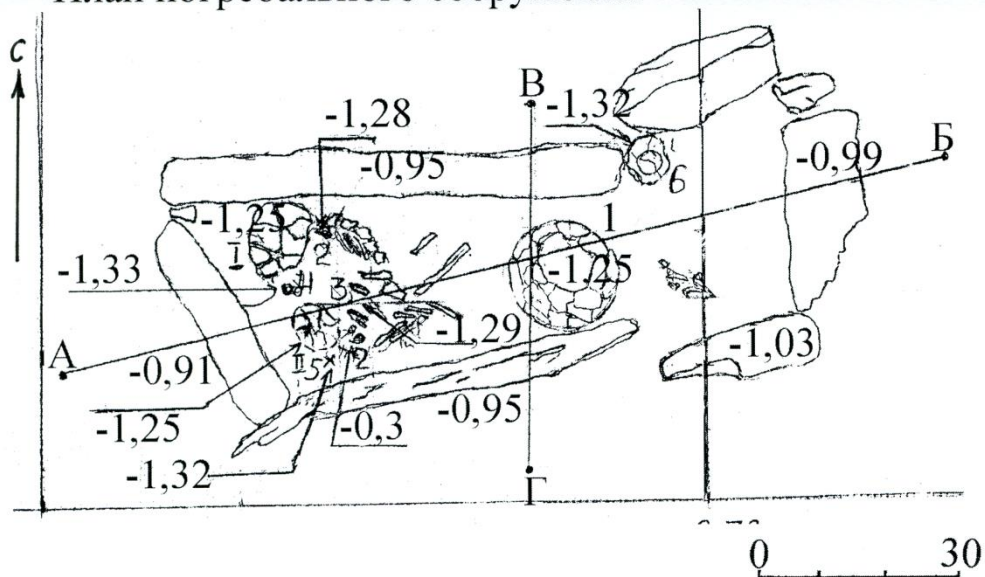
Рис. 86. Акярский могильник. Остатки перекрытий каменных ящиков № 3 и 4. Вид с запада

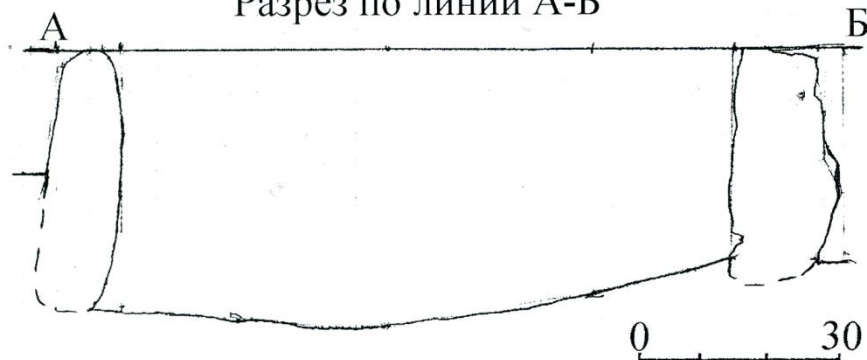
Рис. 87. Акярский могильник. Каменные ящики № 3 и 4 в ходерасчистки. Вид с запада

План погребального сооружения

Разрез по линии А-Б

Разрез по линии Г-В

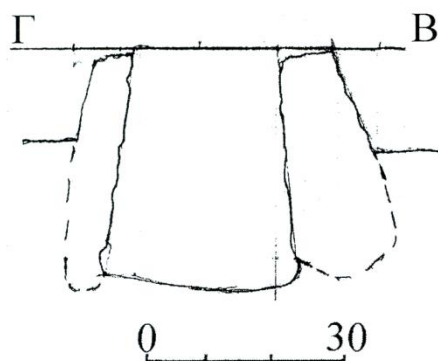

Рис. 88. Акярский могильник. Каменный ящик № 3.
План и разрезы могилы

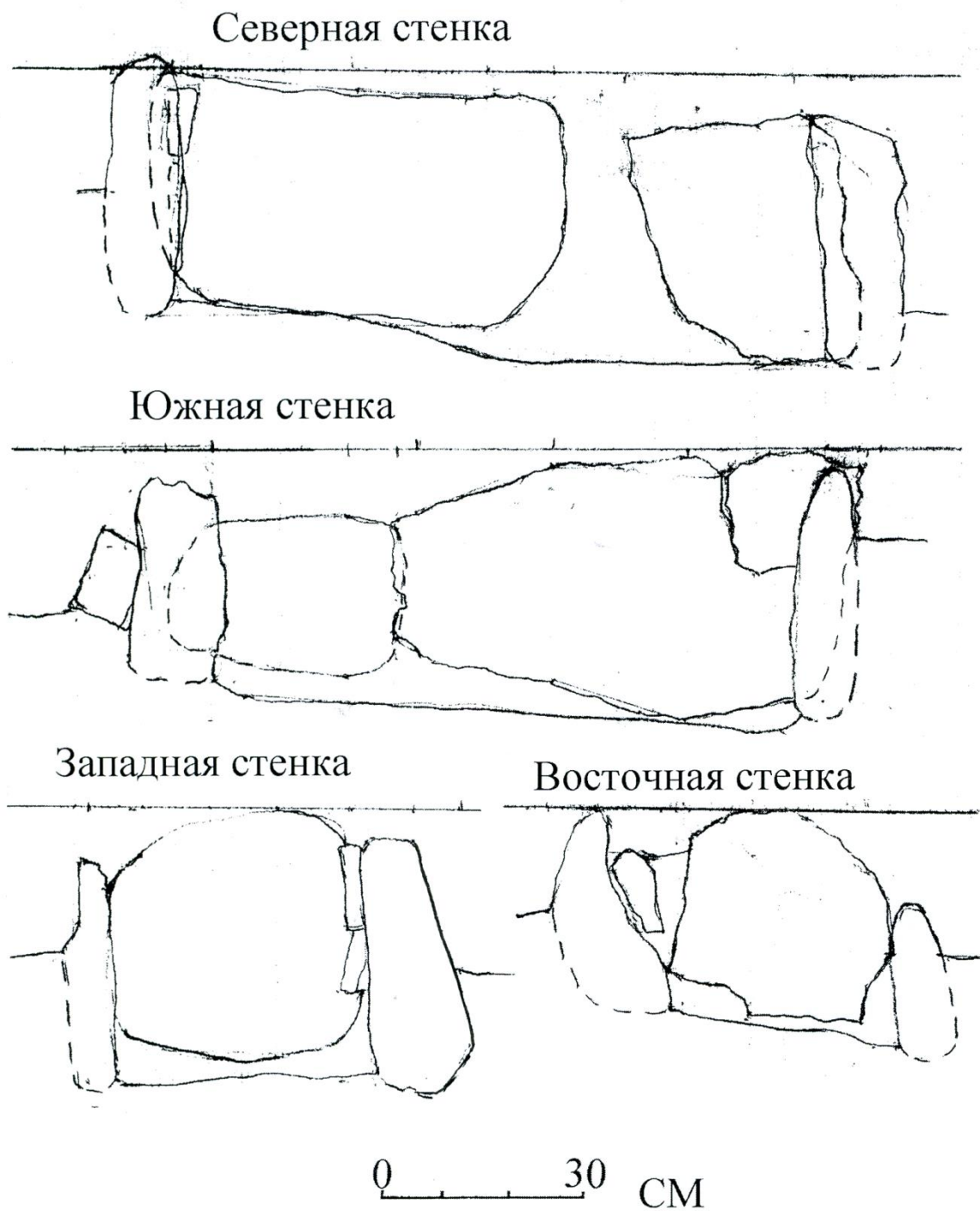

Рис. 89. Акярский могильник. Стенки каменного ящика № 3

А

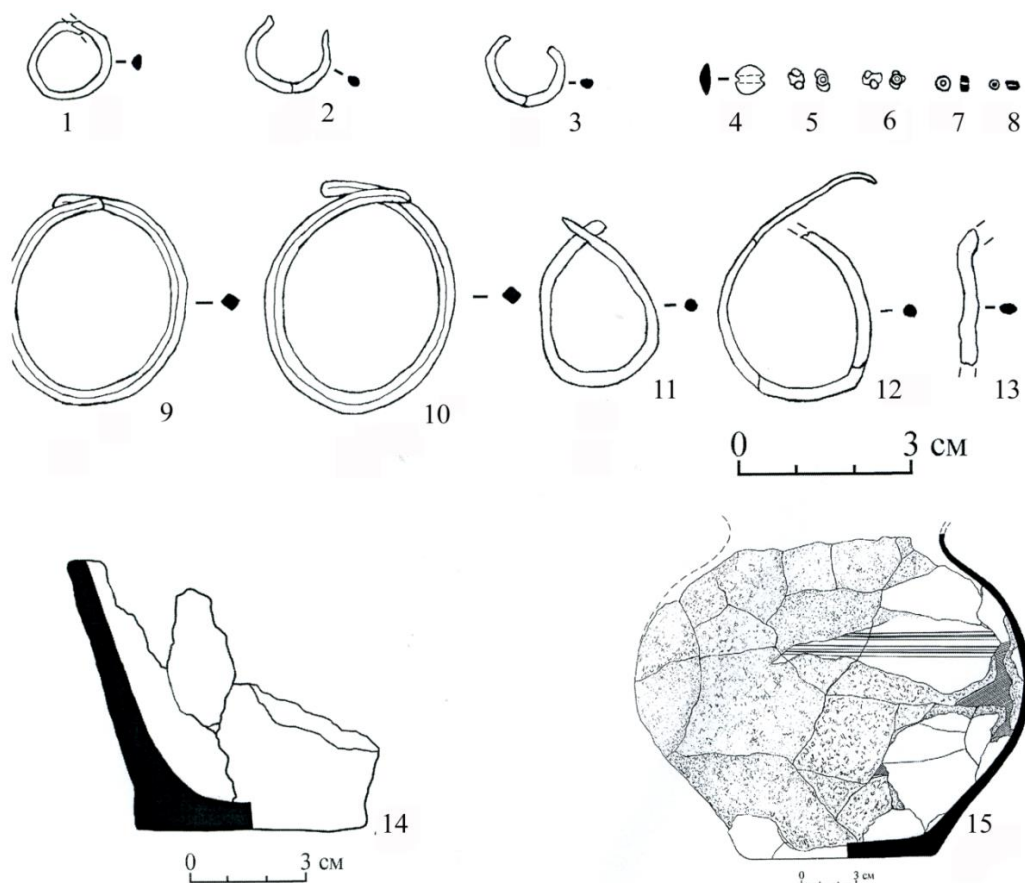
Б

Рис. 90. Акярский могильник. Каменный ящик № 3 на различных этапах чистки. А–видсюга, Б – видссевера

Рис. 91. Бусы, спекшиеся к глине из каменного ящика № 3.
Акярского могильника

Рис. 92. Акярский могильник. Инвентарь погребения № 3.
1-3, 11, 12 - бронзовые подвески; 4 - 8 - бусы; 9, 10 - бронзовые
браслеты; 13, 14 - керамические сосуды

Рис. 93. Акярский могильник. Лепной баночный сосуд из каменного ящика № 3

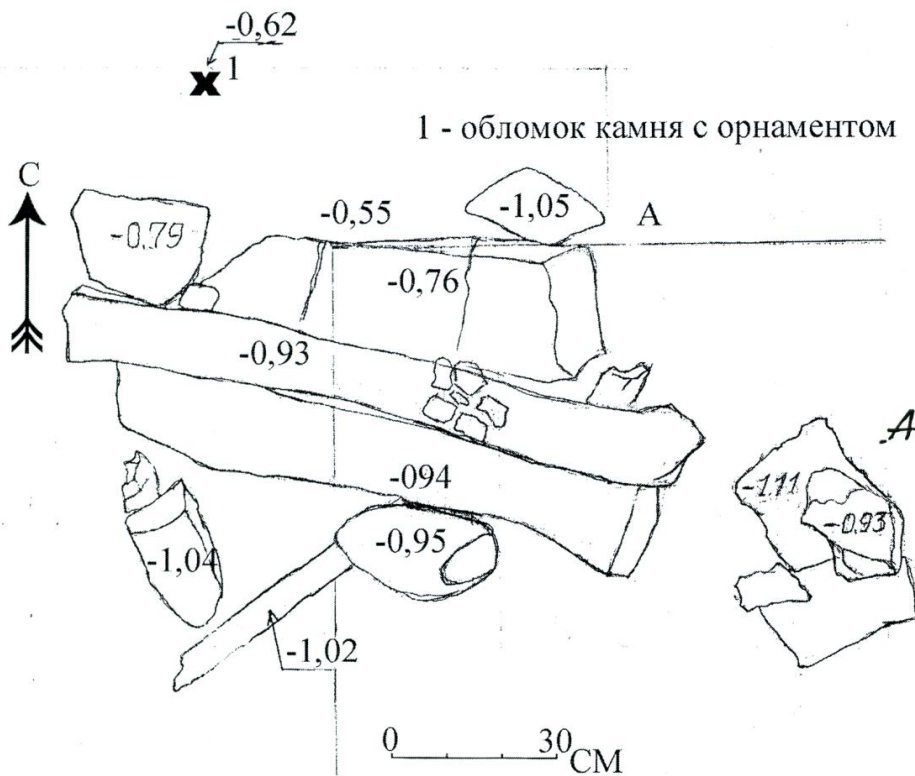

Рис. 94. Акярский могильник. Серый лощеный горшок из каменного ящика № 3

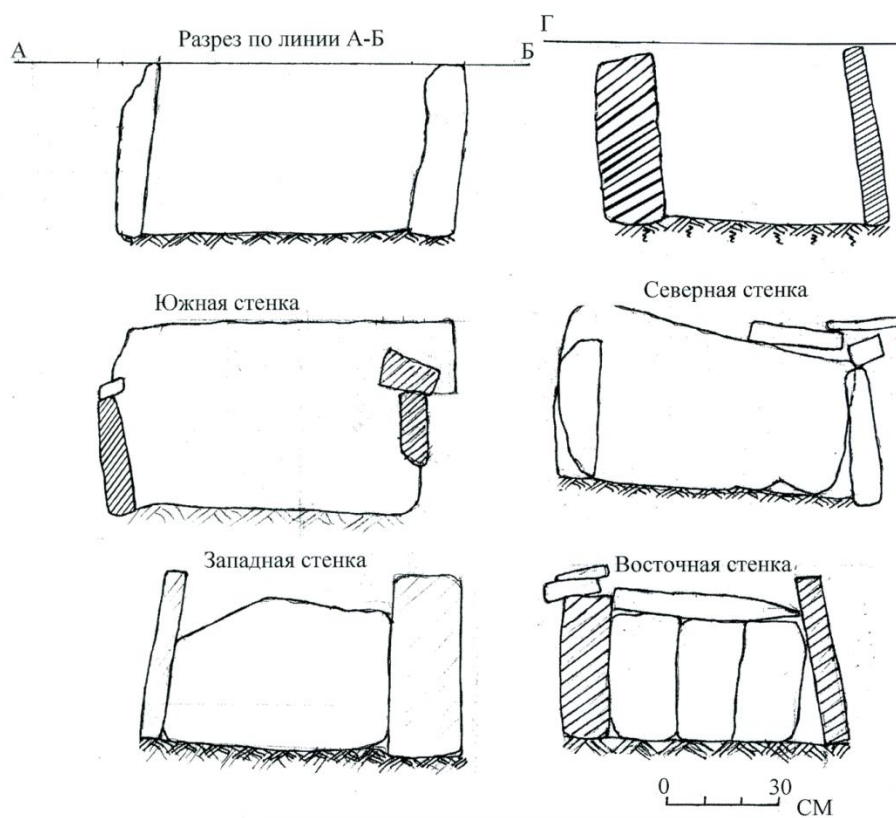
Рис. 95. Ахярский могильник. Изделия из бронзы, найденные в каменном ящике № 3. 1 - подвеска; 2 - браслет; 3 - игла (?)

- I-IV - черепа   5 - бронзовое кольцо;
 1 - горшок;   6 - бронзовый браслет;
 2 - уголь;   7 - миниатюрный горшок;
 3 - бронзовая привеска, 8 - миниатюрная
 4 - бронзовое кольцо;   миска.

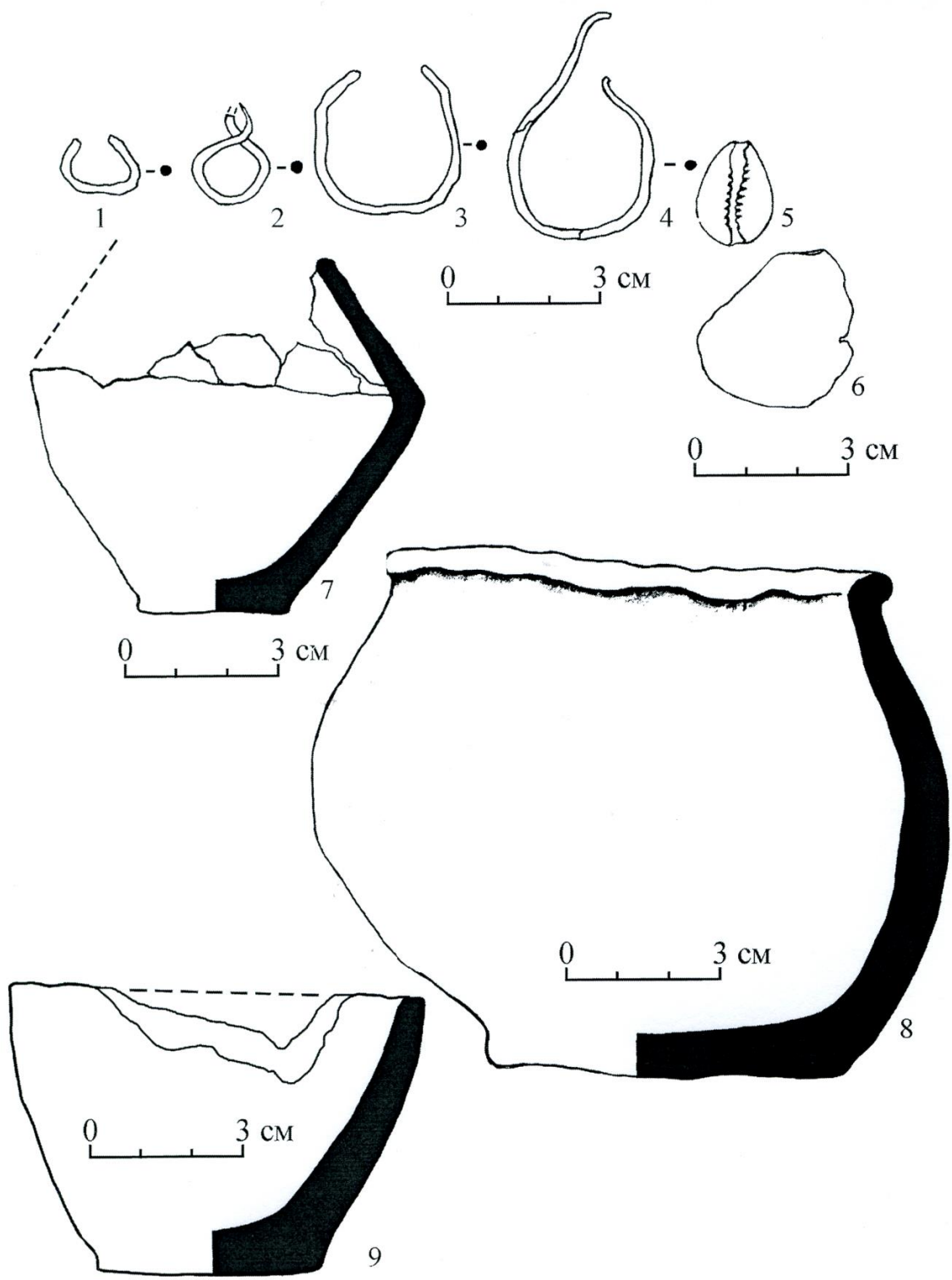
Рис. 96. Акярский могильник. Каменный ящик № 4.
 А - перекрытие; Б - план погребальной камеры

Рис. 97. Акярский могильник. Каменный ящик № 4. Разрезы и стенки
каменного ящика

Рис. 98. Акярский могильник. Каменный ящик № 4 после расчистки.
Вид с запада

Рис. 99. Акярский могильник. Инвентарь из погребения № 4.
 1 - 4- бронзовые украшения; 5 - раковина «каури»; 6 - каспийская раковина; 7 - 9 - керамические сосуды

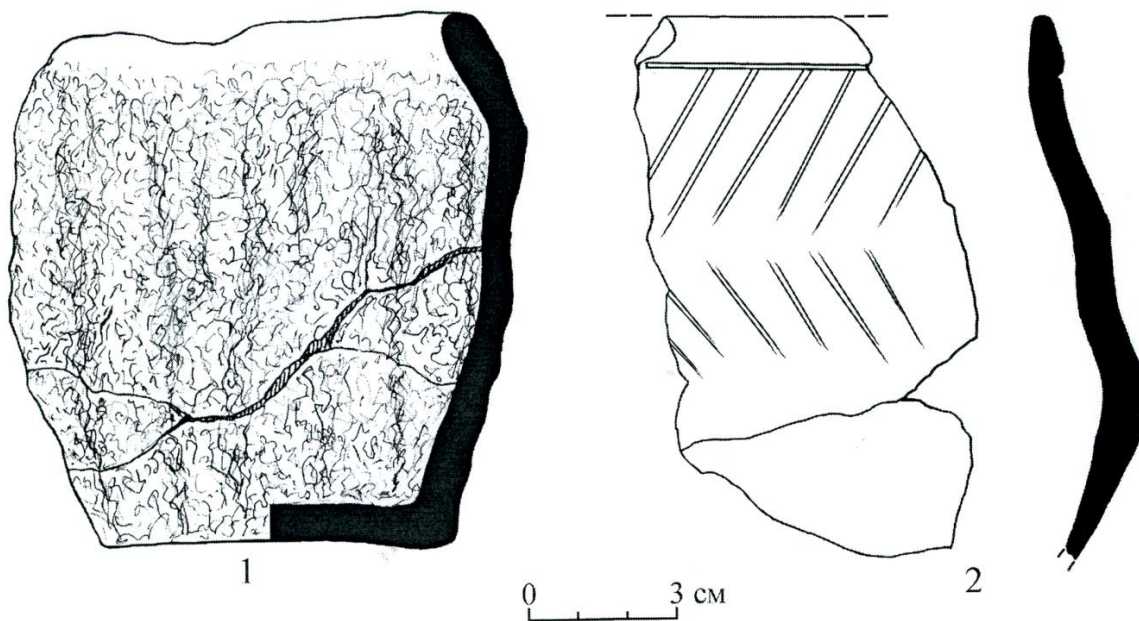

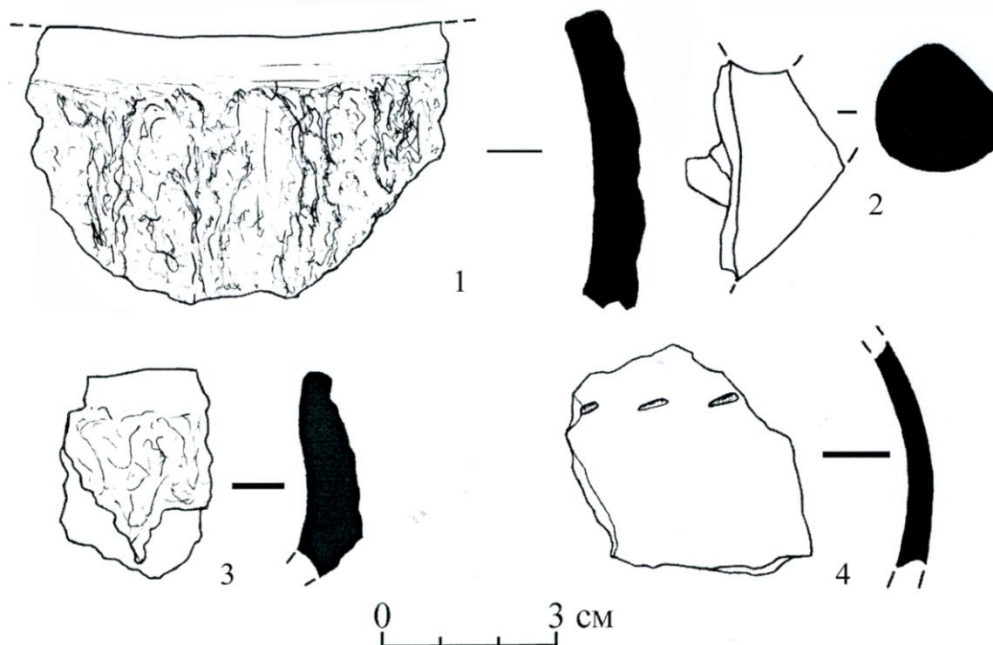
Рис. 100. Акярский могильник. Лепной горшок из каменного ящика № 4

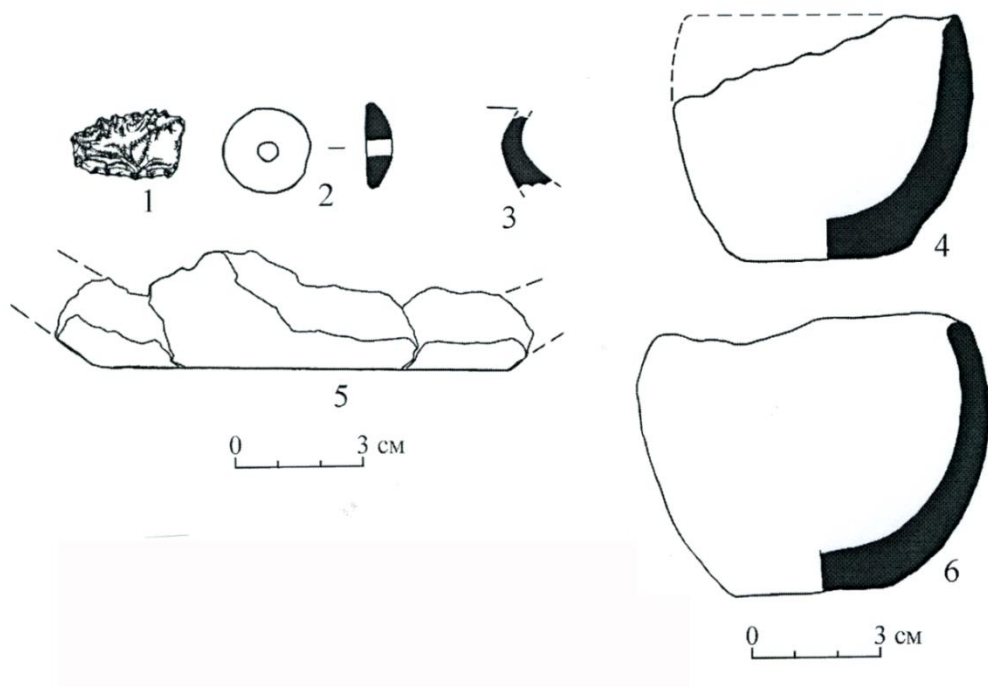
Рис. 101. Акярский могильник. Лепной горшок из каменного ящика № 4

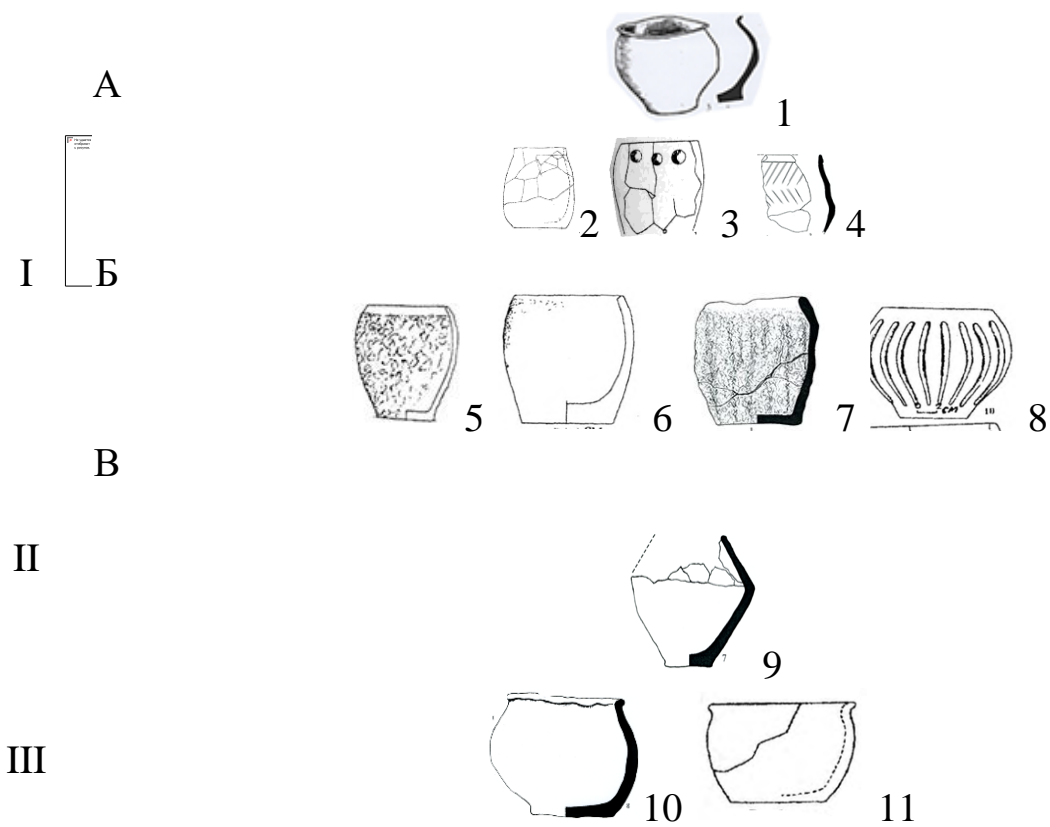
Рис. 102. Акярский могильник. Внекомплексные находки.
 1 - обмазанный баночный сосуд из кв. А-I; 2 - обломок гладкостенного сосуда с геометрическим орнаментом на наружной поверхности (кв. Б -II; гл. - 1, 05 м. от 0)

Рис. 103. Акярский могильник. Внекомплексные находки.
 1 - обломок обмазанного баночного сосуда (кв. В-III, гл. - 1,22 м от 0);
 2 - обломок кувшина в СВ углу раскопа на гл. 1,02 м от 0; 3 - обломок лепного сосуда с обмазанной наружной поверхностью (найден там же); 4 - обломок тонкостенного баночного сосуда (найден там же)

Рис. 104. Акярский могильник. Внекомплексные находки
 1 - кремневый вкладыш серпа; 2 - бусина из горного халцедона; 3-6 -
 баночные сосуды

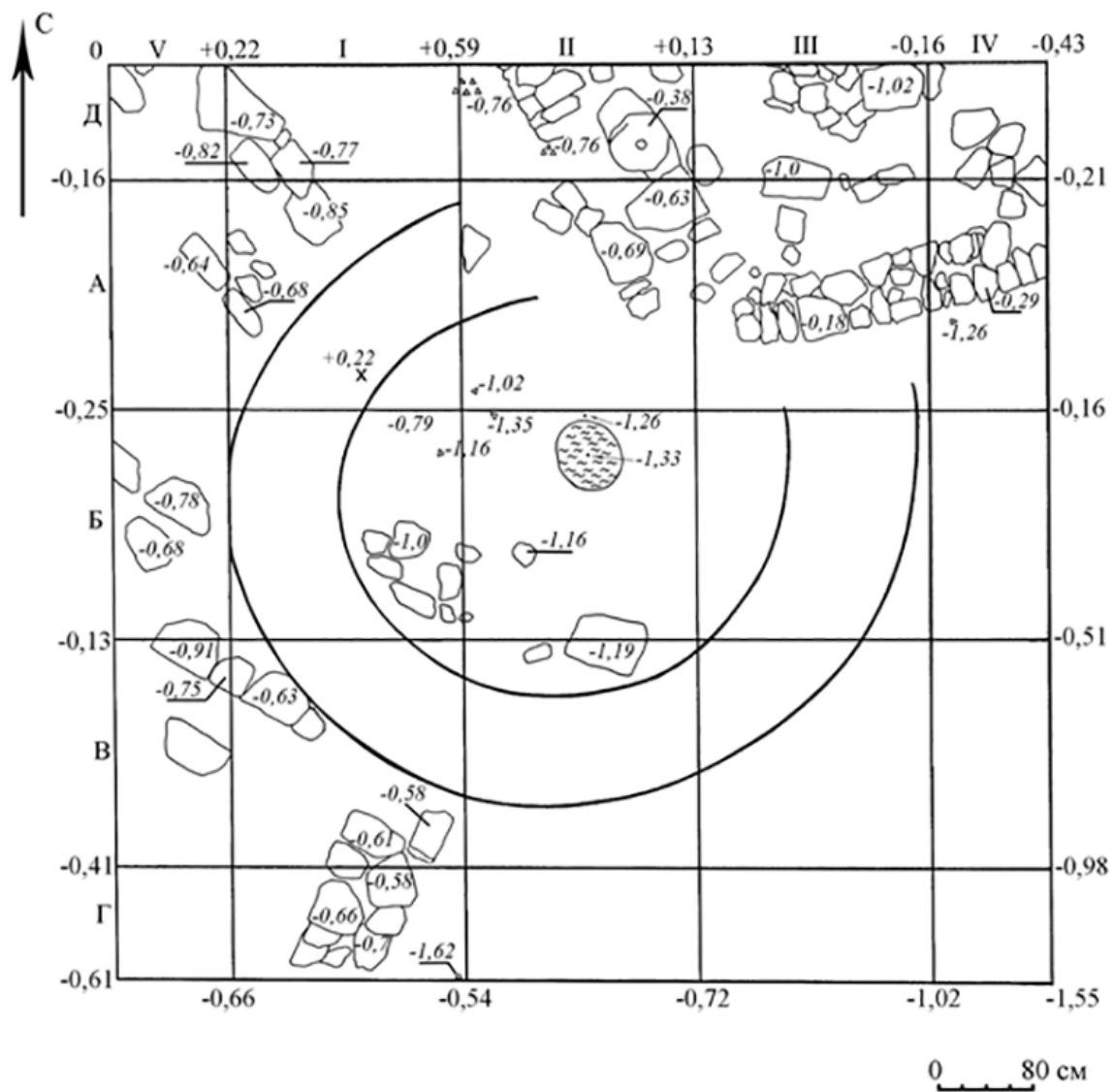

Лощеная керамика, изготовленная на гончарном круге

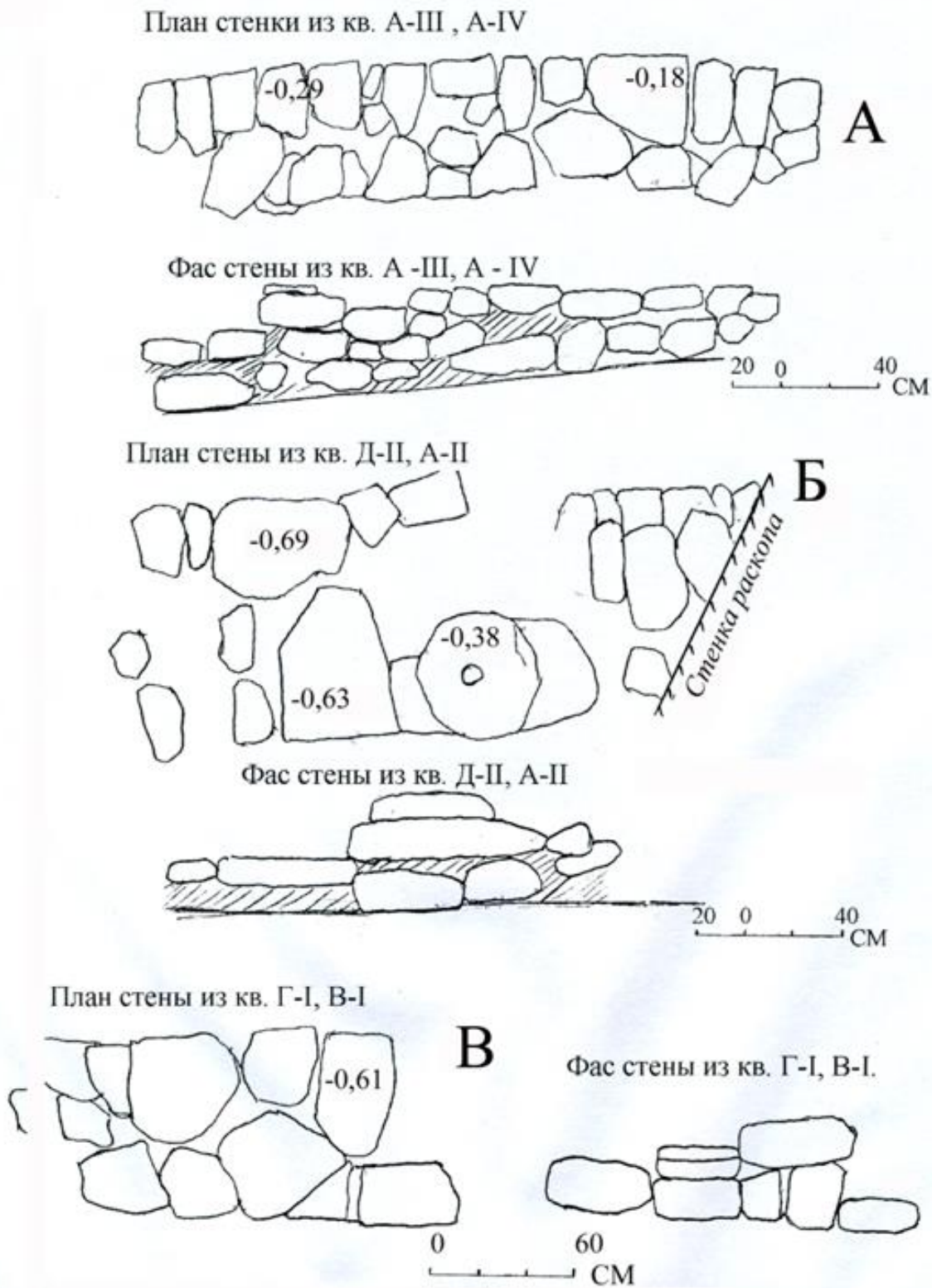
Табл. 104а. Классификация керамики из Шахсенгерского и Акярского могильников

Рис. 105. План раскопа VII с остатками башни № 27 и стен жилищ верхних слоев цитадели

Рис. 107. Каменные стены из верхнего строительного горизонта. Раскоп № 7. Стены А и Б от пом. 1; стена В от пом. 2

Рис. 108. Отрезок стены А раскопа VII цитадели Шахсенгерского городища. Вид с северо-востока

Рис. 109. Раскоп № VII цитадели Шахсенгерского городища. Вид с севера. Стенка А в кв. А-III, А-IV и пол помещения, где встречается завал камней

Рис. 110. Жернов водяной меотницы в кладке стены Б. цитадели Шахсенгерского городища. Раскоп № VII. Вид с востока

Рис. 111. Жернов водяной мельницы Шахсенгерского городища. Раскоп № VII. Рабочая поверхность жернова

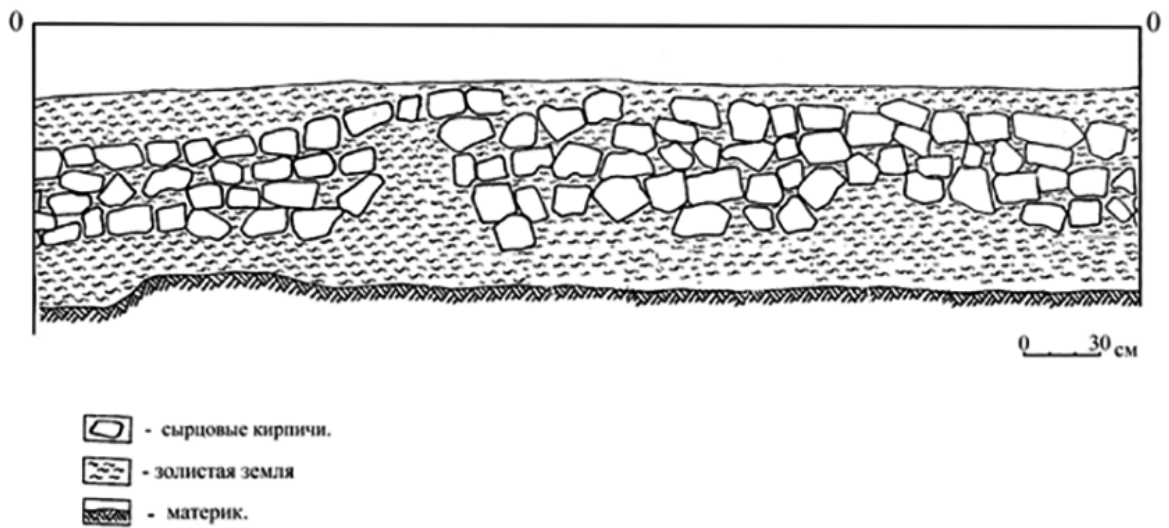
Рис. 112. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища. Стена Б. Вид с СВ

Рис. 113. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища. Остатки башни из сырцовых «кирпичей» и каменного фундамента стены А. Вид с севера

Рис. 114. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища. Стена Г.
Вид с юго-запада

Рис. 115. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища. Фас башенной стены из "сырцовых кирпичей"

Рис. 116. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища. Очаг в башне. Острие ножа указывает на север. Вид с севера

Рис. 117. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища. Остатки оборонительной стены на стыке кв. кв. А-V, А-I, Д-V и Д-I. Вид с юго-востока

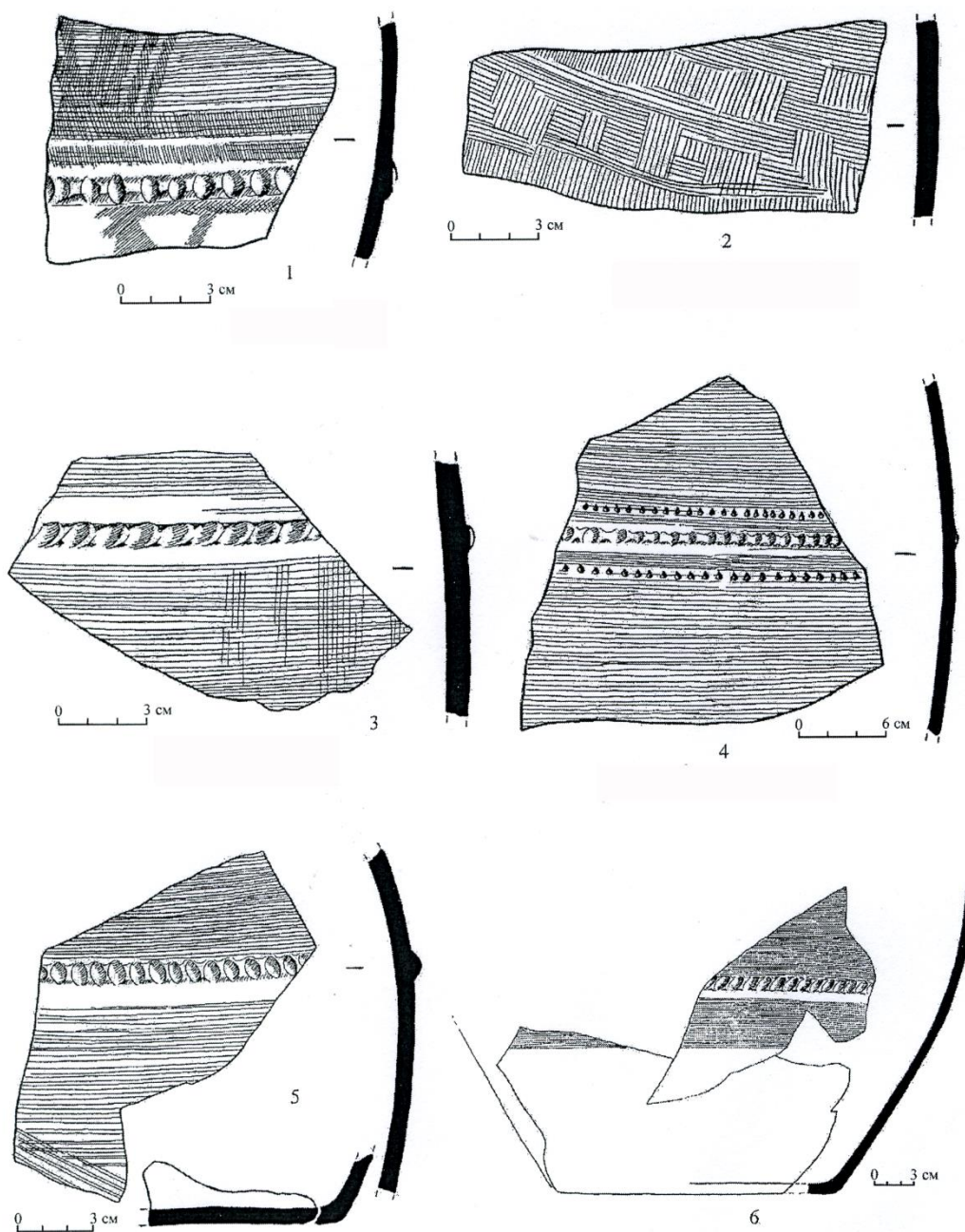

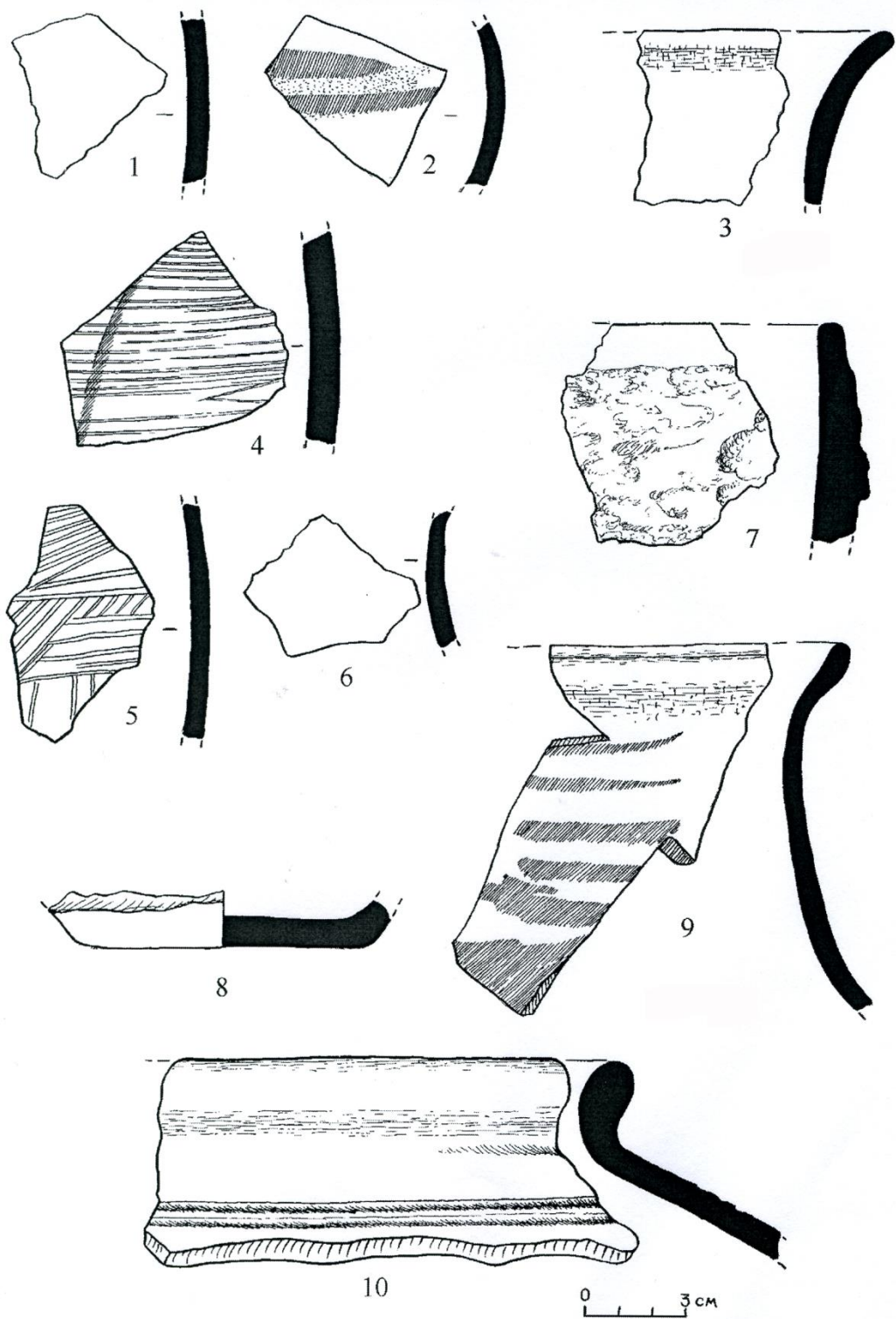
Рис. 118. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища.
Остатки оборонительной стены. Вид с юго-запада

Рис. 119. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища.
Обломок каменной зернотерки

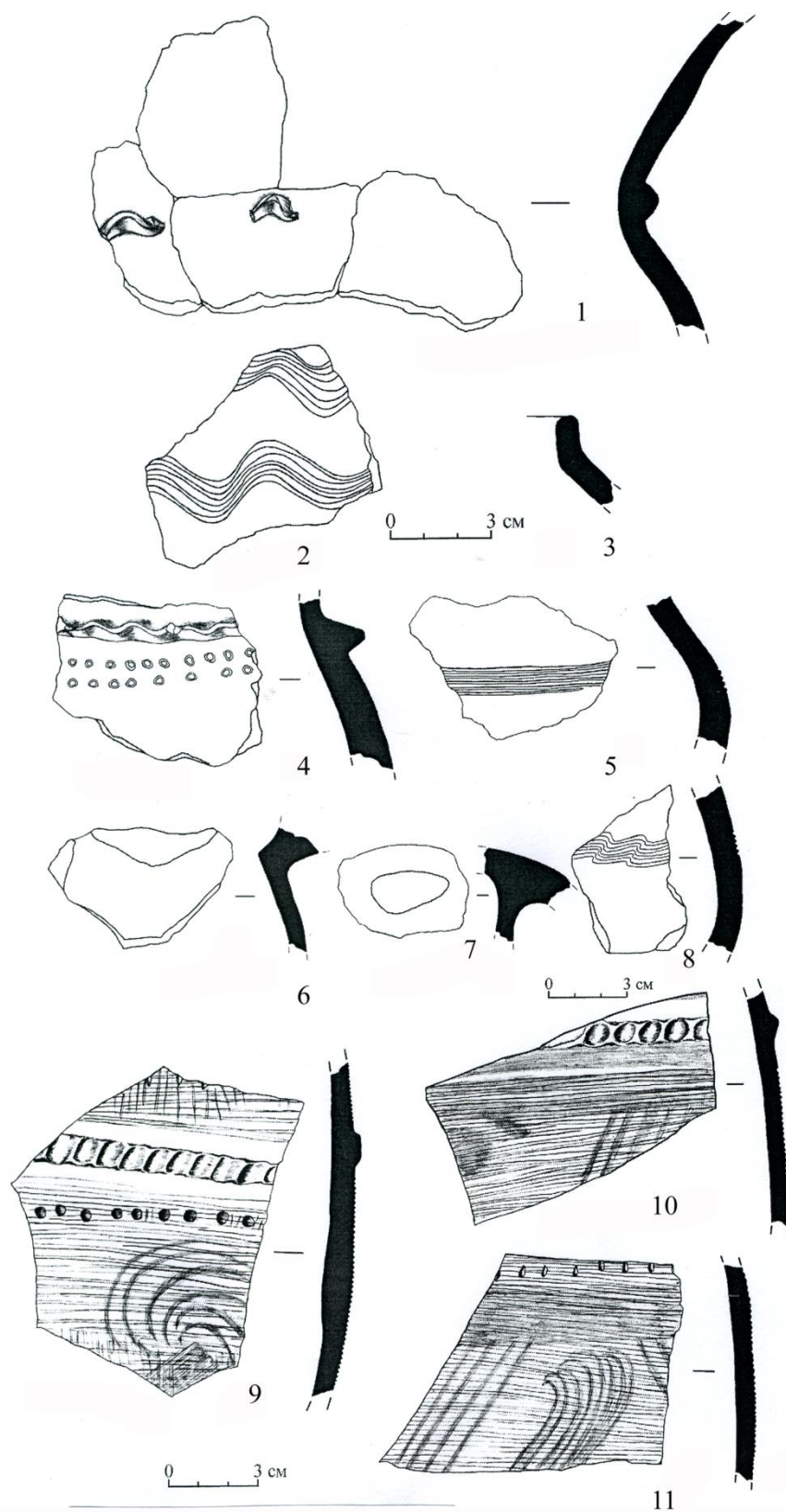

Рис. 120. Раскоп № VII Шахсенгерского городища.
Обломки сосудов. 1-6 - инв. № 18

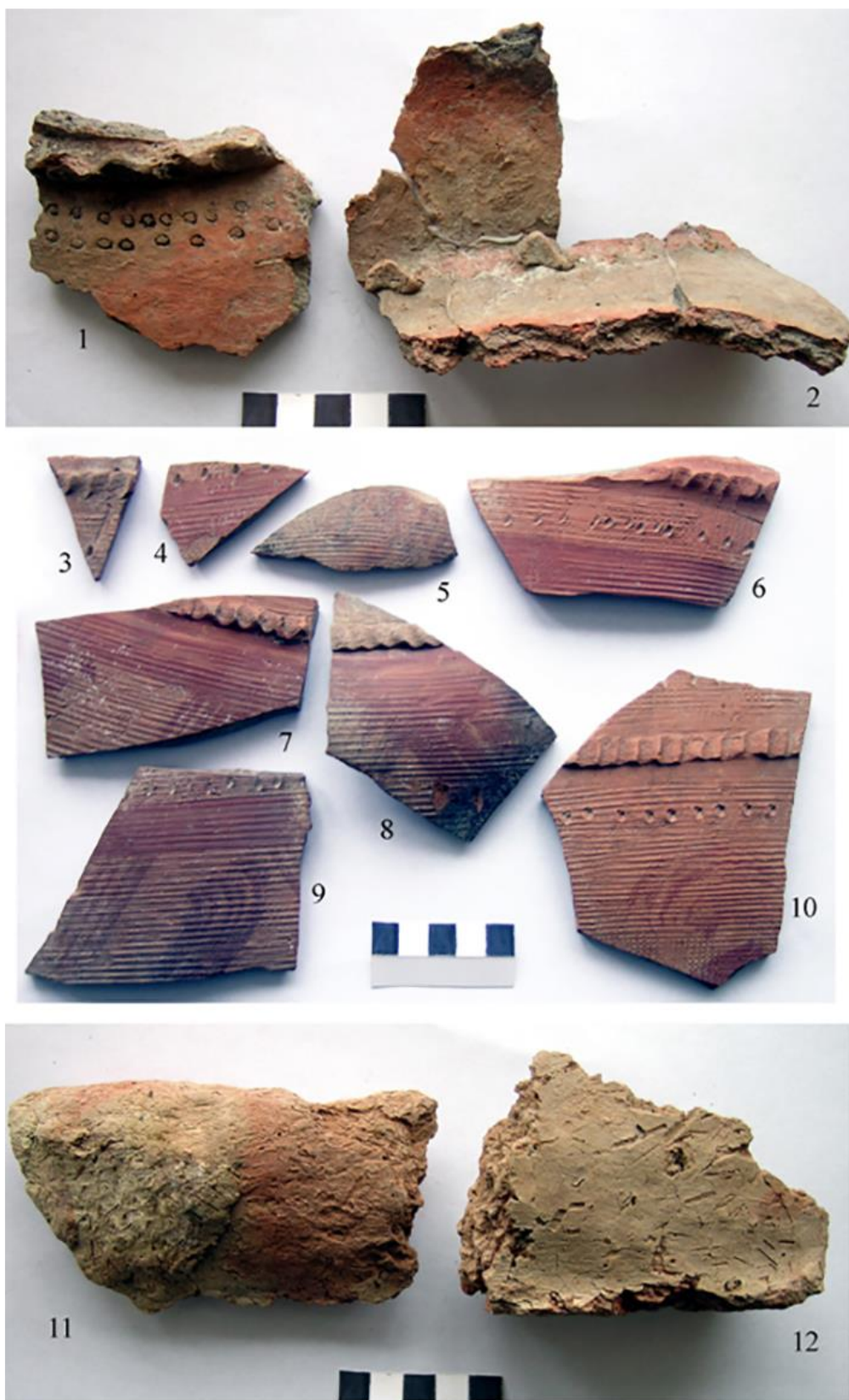

Рис. 121. Раскоп № VIII Шахсенгерского городища.
Обломки керамических сосудов. 1-9- инв. № 18; 10 - инв. № 9

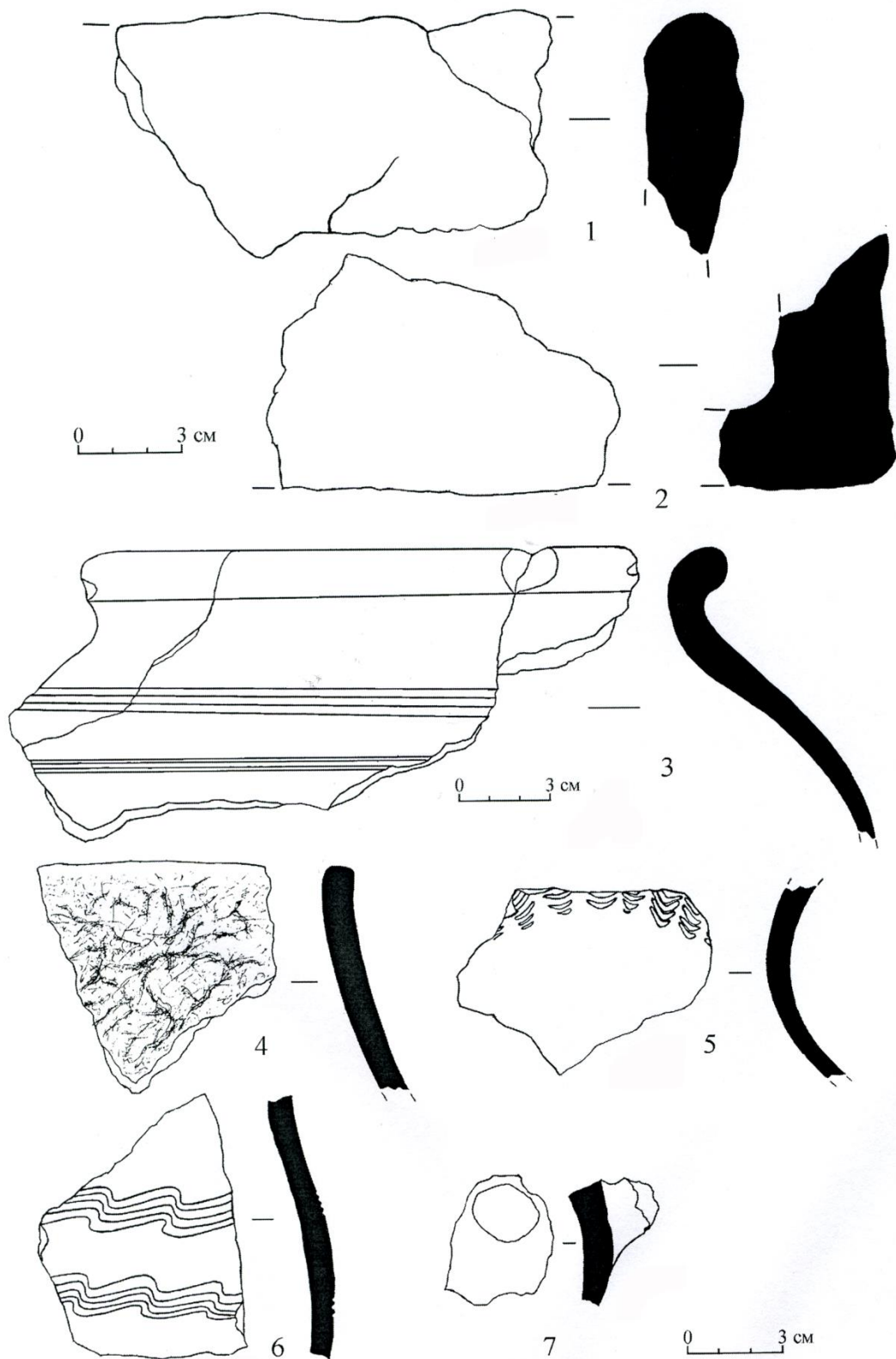

Рис. 122. Шахсенгерское городище. Керамика из раскопа № VII.
 1- инв. № 19; 2 - инв. № 7; 3 - инв. № 23; 4 - инв. № 9; 5 - инв. № 2;
 2- 6 - инв. № 3; 7 - инв. № 3; 8, 9, 10 - инв. № 18

Рис. 123. Раскоп № VII Шахсенгерского городища.
 Обломки керамики. 1 - инв. № 23; 2 - инв. № 19; 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,
 10 - инв. № 18; 11, 12 - инв. №

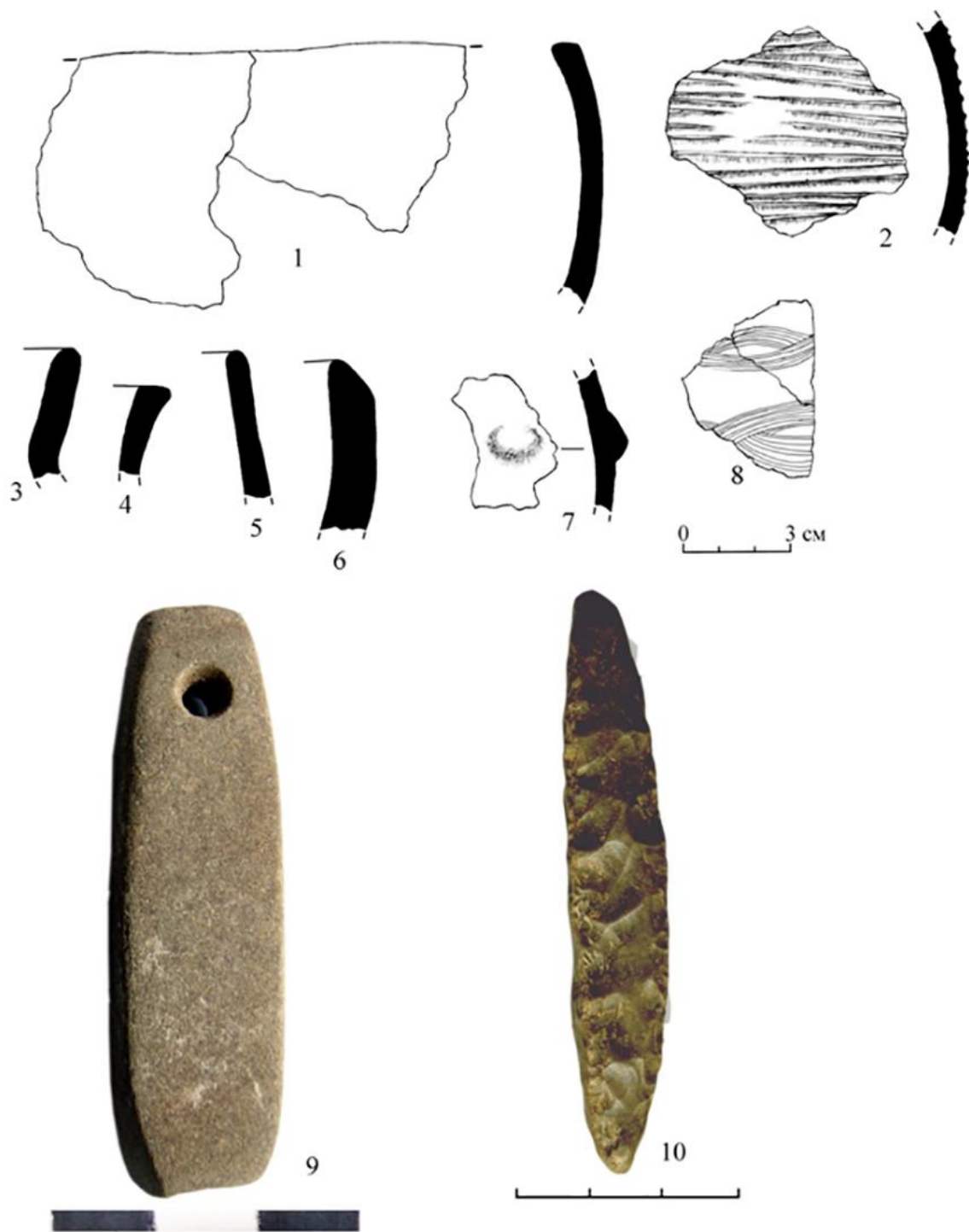

Рис. 124. Шахсенгерское городище. Обломки керамики из раскопа № VII.1, 2 - инв. № 44; 3 - инв. № 4; 4 - инв. № 62; 5 - инв. № 86; 6 - инв. № 86; 7 - инв. № 88

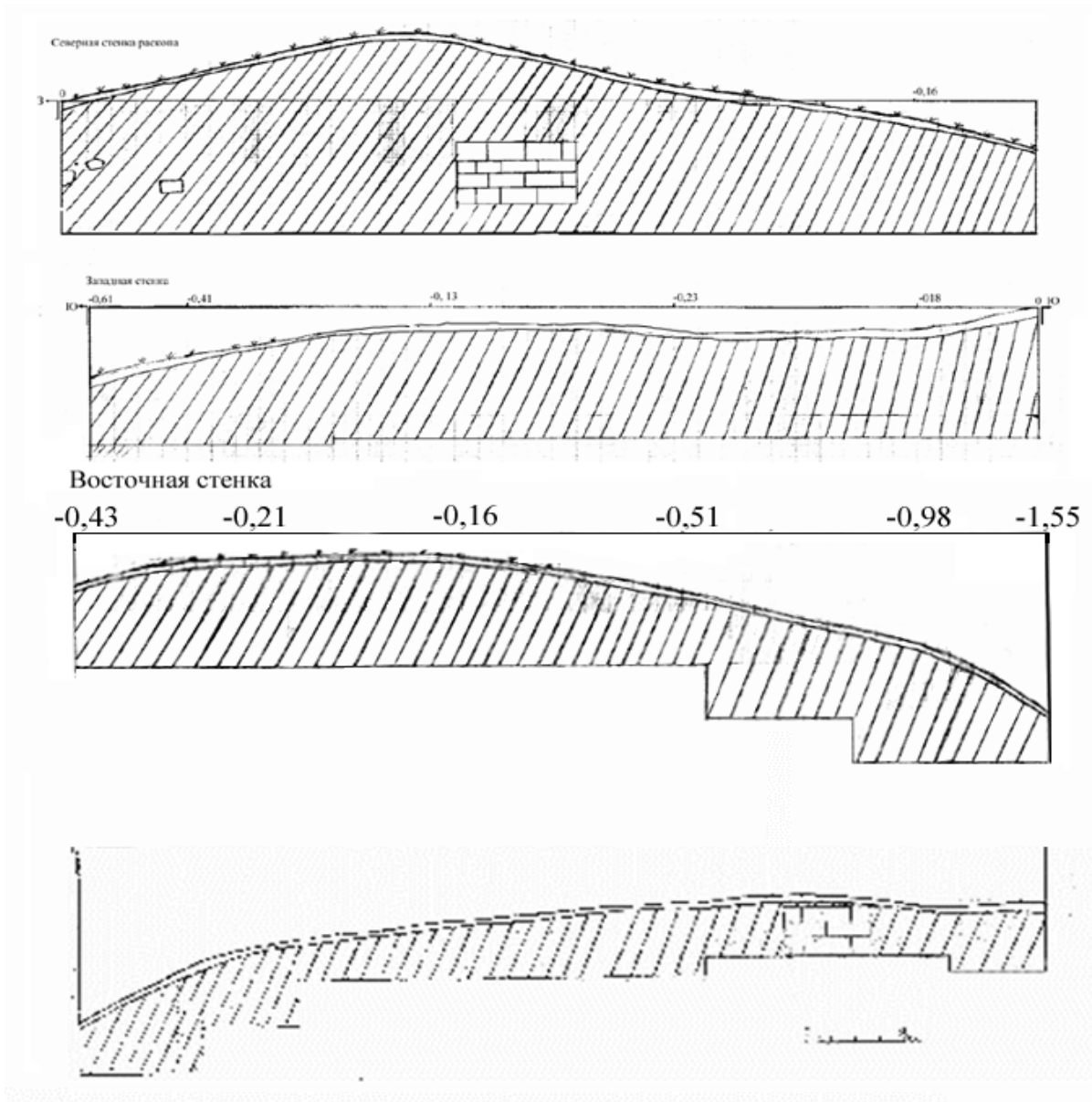

Рис. 125. Керамика из раскопа VII башни № 27 Шахсенгерского городища. 1, 2, 3 - инв. № 71; 4 - инв. № 54; 5 - инв. № 18; 6, 7 - инв. № 78. 8 - инв. № 4; 9 - инв. № 42; 10 - инв. № 77; 11 - инв. № 62

Рис. 126. Находки из раскопа VII на башне № 27 Шахсенгерского городища. 1-8, 10 - керамика; 9 - ретушер; 11 - точильный брусок.
1 - 6 - инв. № 71

Рис. 127. Стенки раскопа № 7 Шахсенгерского городища.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

452 г.	Вторжение гуннов в Азербайджан
453 г.	<p>Смерть Аттилы и освобождение акациров, барсилов, сарагуров, урогов, савир, аваров, утигуров, кутригуров, болгар, хазар и др.</p> <p>Распад конфедерации оногурови формирование нового военно-политического объединения гуннских племен во главе с савирами. В их состав входили болгары, а также хазары.</p>
463 г.	Вытесненные со своей территории аварми Савиры пришли в северный Дагестан, потеснив оттуда болгарские племена.
498-518 гг.	<p>Амбазук - по сведениям Прокопия, владел Каспийскими воротами. "ГуннАмбазук" состоял в дружбе с византийским императором Анастасием [2]. "Приближаясь к смерти, этот гунн предлагал Анастасию купить у него крепость, но тот отказался, не видя возможности там содержать византийский гарнизон. Когда Амбазук умер, эту крепость захватил персидский шах Кавад [Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М. 1984. С.С. 488-496, 499-531], изгнав оттуда детей Амбазука" [Артамонов].</p>
502 г.	Не позднее 502 г. Савиобы завладели территорией вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента.
504 г.	по словам Прокопия Кесарийского персидский шах Кавад должен был прервать удачный поход против Византии для того, чтобы вести продолжительную войну в северных областях своего царства, т. е. в Закавказье, вероятно, с вторгшимися туда савирами.
	<p>В царствование Кавада произошла решительная перемена во внешней политике Ирана. Этому шаху, в молодости находившемуся заложником у эфталитов, а затем в 498 г. с их помощью вернувшему престол, с которого он был свергнут, удалось установить прочный мир на восточной границе Ирана и благодаря этому активизировать борьбу с Византией; главной ареной ее стало Закавказье. Византия искала себе поддержку среди кочевников, ви-</p>

	севших над северной границей Ирана. В свою очередь и Иран старался использовать их в своих целях.
508г.	Вторжение гуннов-савир в Капподокию, Галатию и Понт.
515г.	Вероятно, в связи с этим стоит поход на Закавказье в 515 г. гуннов-савир, которые впервые появляются под этим именем в сообщениях византийских писателей о нападениях гуннов на Закавказье. КомесМарцеллин под этим годом говорит о нападении гуннов-савир на Армению и Малую Азию [+4. Marceiliuscomes, стр. 99.]. Два других византийских хрониста сообщают об этом же походе под 516 г. Это –Малала [+5 Malala, стр. 406.] и Феофан Исповедник [+6 ЛетописьФеофана, стр. 126].. Под 508 г. (6008 г. от сотворения мира; хронология Феофана отстает от действительной на 8 лет)[+7 Grimmeel.L'anneedumondedanslaChronographiedeTheophane.ActesduIVCongresdesEtuidesByzantines.Sofhia, 1935, стр. 406.], у Феофана значится: «Гунны, называемые савирами, проникли за Каспийские ворота в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию и Понт и остановились почти у самой Евхаиты [+8 ЛетописьФеофана, стр. 126]. Это было уже нападение не на Иран, а на владения Византии. По-видимому, Ирану все же удалось
520г.	Болах- царь гуннов, упомянут Прокопием Кесарийским. Имел двух сыновей от Боарикс.
522г.	Зилигд или Зилгиби - царь гуннов. Упоминается Феофаном Исповедником, видимо сын Амбазука. Находился в дружбе и союзе с византийским императором Юстинианом против Сасанидов. Выставил против них 26 тысячное гуннское войско. Погиб в войне с Кавадом.
527г.	Гуннами-савирами правила вдова князя Болаха, по имени Боарикс. Она заключила союз с Византией и, когда Кавад склонил двух вождей других гуннских племен помочь ему в войне с Византией, напала на них. Одного – Глома– она убила, а другого –Тираниса– захватила в плен и в оковах отослала в Константинополь, где он был подвергнут мучительной казни [+10ЛетописьФеофана, стр. 130]. Из сообщения Феофана следует, что гунны Глома и Тираниса жили далее, в глубине страны. Они

	<p>были разбиты, когда шли на помощь персам через землю савир, занимавших подступы к проходу вдоль Каспийского побережья.</p>
528 г.	<p>Союзные отношения Византии и савир не помешали большому отряду последних появиться в персидском войске, вторгшемся в Армению [+11 Ю. Кулаковский. История Византии, т. II, стр. 59].</p>
531 г.	<p>в иранском войске также находился 3-тысячный отряд гуннов-савир— «народа самого могущественного», по словам Прокопия, нанятого для войны с Византией [+12].</p>
	<p>Ложный слух, распространенный тогда византийцами о том, что ожидаемые персами союзные гунны подкуплены империей и будут действовать на ее стороне, вызвал серьезное замешательство в персидском войске, осаждавшем Мартирополь [+13]. На самом деле гунны и не помышляли об измене нанявшим их персам, но явились тогда, когда между Ираном и Византией был заключен мир и их союзники отступили [+14]. Это не обескуражило савир. По сведениям Захария Ритора, гунны вторглись в византийские области и достигли Антиохии, не встречая сопротивления. По пути они жгли поселки и истребляли сельское население. Только на обратном пути дукс Мартирополя Бесса {71} напал на них, уничтожил 500 всадников и обогатился захваченной добычей. Оставшихся потрепал еще один дукс из крепости Китатир. Ему удалось отбить у них вьючных животных [+15].</p>
540 г.	<p>Нападение савир на Закавказье.</p>
550–556 гг.	<p>Особенно ярко обрисовано участие савир в войне Византии с Ираном из-за Лазики (550–556 гг.). Царь лазов Губац, узнав о намерении Хосроя заселить Колхиду персидскими колонистами для того, чтобы, во-первых, превратить ее в плацдарм для войны с Византией и, во-вторых, в оплот против кавказских варваров [+16], просил помощи у Византии и заключил союз с уцелевшими в центральной части Северного Кавказа аланами и с савирами. За триста фунтов золота они согласились не только защищать вместе с лазами Колхиду, но и опустошить Иверию, находившуюся во власти Ирана и служившую персам базой для вторжения в Лазик. Эти</p>

	<p>деньги Губац обещал аланам и савирам от имени Византии, но с выплатой их вышла задержка [+17], вследствие чего аланы перешли на сторону персов, и в армии последних оказалось также 12 тысяч союзных савир [+18].</p> <p>Когда, наконец, Юстиниан прислал деньги для савир, то за получением их к византийскому войску, осаждавшему город Петру в Лазике, прибыли три савирских вождя с небольшими отрядами. Видя безуспешные попытки греков установить стенобитные машины, они показали им как следует делать легкие переносные тараны, с помощью которых римляне и ворвались в город [+19]. Командующий персидской армией Мерверой не доверял явившимся к нему другим савирам и, опасаясь измены, {72} оставил при себе только 4 000 чел., остальных же богато одарил и отпустил домой [+20].</p>
552 г.	Вторжение савир-хазар в Азербайджан.
552/3 гг.	<p>С оставшимися савирами персы осадили Археополь и поручили своим союзникам строить такие же стенобитные машины, какие римляне успешно применили при штурме Петры [+21]. Потерпев и здесь неудачу, персы отступили и, проведя зиму 552/3 г в Кутаиси, весной {73} получили новое большое подкрепление от савир, нанятых Хосроем [+22]. Однако и новое наступление персов не имело успеха. Преследуя отступающих, византийцы многих перебили; в одном тесном проходе был убит предводитель савир, из-за тела которого разгорелась ожесточенная схватка, пока персы и савиры не отразили византийцев и не отбили труп савирского вождя [+23].</p>
555 г.	<p>В течение той же войны, в 555 г. двухтысячный отряд тяжеловооруженных савир оказывается на стороне Византии. Им командовали Баимах, Кутилзис и Илагер [+24]. В дальнейшем савиры опять выступают то на стороне Ирана, то Византии, тогда как аланы держат сторону Византии.</p> <p>Из приведенных данных особо следует отметить искусство савир в сооружении осадных орудий оригинальной конструкции, подробно описанной Прокопием [+25]. Эти орудия получили признание как со стороны греков, так и персов, обладавших большим и давним</p>

	<p>опытом военно-инженерных сооружений. Об определенном воинском порядке у савир свидетельствует эпизод с неудачным ночным нападением на их лагерь во время войны в Лазике. Временный лагерь савир в лесу, состоявший из шалашей, оказался тем не менее окруженным крепким частоколом [+26]. В другом случае савиры разместились на холме, обведенном низкой стеной [+27].</p> <p>Характеризуя савир, Прокопий говорит, что они являются гунским племенем, живущим около Кавказских гор. «Племя это очень многочисленно, разделяется, как полагается, на множество самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни – с римским императором, другие–с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности» [+28]. То же самое повторяет и Агафий: савиры народ «величайший и многочисленнейший, весьма жадный до войны и грабежа, любящий проживать вне дома на чужой земле, всегда ищущий чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяющийся то к одному, то к другому и превращающийся из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим» [+29].</p>
562 г.	Разгром савир-хазар Хосроем Ануширваном.
567 г.	Завершение сооружения Дербентской стены
575 г.	Насильственное переселение савир за р. Куру во владения Византии.
576 г.	Савирское посольство в Византии
626 г.	АлпИлитвер - царь гуннов. Впервые упомянут в "Истории агван. Принял христианство у гуннов.
642 г.	По сообщению ат-Табари, в 642/643 году арабские войска под командованием Абд ар-Рахмана ибн Рабисовершили первый рейд в земли хазар, достигнув Беленджера и Ал-Байда, после чего с большой добычей благополучно возвратились в Дербент[7 Brook, 2006, p. 126.; 28 Barthold, W.; Golden,

	<p>P. The Encyclopedia of Islam, New Edition. — Leiden and New York: BRILL, 1997. — Vol. IV. — P. 1173. — ISBN 90-04-05745-5]. Проблема однако в том, что никто из других арабских авторов не упоминает об этом походе, поэтому многие историки отрицают его достоверность [Артамонов, 2001, с. 250]. С другой стороны, подобные стремительные рейды на заре арабских завоеваний были обычным делом [30 Н. Г. Гараева признаёт достоверным поход на Беленджер, но исключает поход на Ал-байда (см.: Гараева Н. Г. К проблеме распространения ислама на территории России (анализ сведений арабских источников) // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. — Каз., 2001. — С. 22.).].</p>
652/653	<p>Первая битва при Беленджере (652/653 год) Битва при Беленджере была сражением, которое имело место во время Арабо-хазарской войны между армиями Хазарского каганата и Арабского халифата. Салман ибн Раби был арабским губернатором недавно захваченной Армении. Именно ему доверили завоевание земель к северу от Дербента. Салман вторгся на северный Кавказ в 652/653 году (по др. данным, в 649/650 году). Салман и его армия встретили хазарские силы возле города Беленджера. Армия арабов была уничтожена. Сам Салман погиб в сражении. Обе стороны в сражении использовали катапульты, метаящие снаряды. С этого времени Беленджер находился в центре арабо-хазарского противостояния. Из-за близости к границе Беленджер был первым крупным городом, который атаковали арабы, когда им удавалось выйти за Дербент. Арабский автор ал-Масуди (X век) даже называет его столицей Хазарии, что, однако, не подтверждается синхронными данными, где он обычно предстаёт отдельной областью с собственным правителем (сахибом).</p>
664 г.	<p>Нападение на Албанию «царя гуннов» и его договор с Джуаншером</p>
669 г.	<p>Смерть Джуаншера. Нашествие Алп-Илитвера на Албанию и заключение договора с Вараз-Трдатом.</p>
682 г.	<p>Эр-Тегин-предположительно, сын Алп-Илитвера.</p>

	Алп-Илитвером был отправлен послом в Армению. Владел земл недалеко от Чула (Дербента), на берегу Каспийского моря.
682 г.	Посольство Исроеля и обращение в христианство гуннского князя Алп-Илитвера/ После трудного пути в феврале 682 г. (62 год хиджры) [+17] посольство достигло столицы гуннов, «великолепного» города Варачана.
684 г.	Нашествие хазар на Закавказье. К 684 г. относится одно из наиболее значительных нашествий хазар на Закавказье. Закончившие к этому времени борьбу с болгарами, которая до сих пор отвлекала все их внимание и силы, хазары, видимо решили использовать ослабление халифата и распространить свое владычество на давно уже привлекавшие их богатые страны Закавказья. Они опустошили ряд областей, захватили громадную добычу и множество пленных. В сражениях с ними пали правитель Армении Григорий Мамиконян, а также другие грузинские и албанские князья и вельможи [+36 Гевонд, стр. 10; Всеобщая история Степанова Таронского Асохика, стр. 91; Всеобщая история Вардана Великого. Перевод Н. Эмина. М., 1861, стр. 90. М. Brosset. Histoire de la Georgie, стр. 250.]
Сер. VI в.	Савиры были разгромлены аварами и потерпели поражение от Сасанидского Ирана
VIII в.	Страна Сувар становится федератом хазар со столицей Хазарии в Семендере.
с сер. VIII в.	Дербент в руках арабов. Хазары принимая несколько неудачных попыток захватить Дербент. Халиф отдал приказ правителю Дербента Езиду восстановить старые укрепления. Были восстановлены и заселены несколько ранее разрушенных крепостей, в том числе и Сувары. Кроме того, Езид поставил на границах, особенно в крепости Сувари, по тысяче караульных. Таким образом, все укрепления вокруг Дербента были переполнены войсками, а город огражден от хазар. Как видим, задолго до VIII в. рядом с городом Дербентом, была крепость Сувари, первоначально построенная савирами/суварами. Во второй половине IX в. Ибн Хордадбех фиксирует царство Суварна северной стороне от Баба (Дербента).

708/9 г.	Мухаммад ибн Мерван овладевает Дербентом.
722 г.	Вторая битва при Беленджере (722 год) 21 августа 722 года, согласно арабскому историку ат-Табари, арабские солдаты (30 000 воинов) под предводительством наместника провинции Азарбайджана и Арминии Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками пересекли Кавказ и напали на Беленджер. Хазары проиграли битву, город был захвачен и разрушен. Жители окружили город кольцом из связанных повозок, но кольцо это арабам удалось прорвать. Часть населения бежала, пленные были утоплены в окрестной реке. В руки арабов попали большие сокровища. Правитель Беленджера укрылся в Семендере, но затем вернулся (после того как Джаррах отдал ему захваченных в плен жену и детей), и признал власть арабов. Арабская армия захватила много добычи, и солдаты получили большие денежные суммы.
731 г.	Третья битва при Беленджере (731 год) Один из последних боёв под Беленджером между арабами и хазарами произошёл в 731 году. Арабская армия под командованием Масламы ибн Абд ал-Малика разбила хазарскую армию. После этого арабские завоеватели продвинулись к Семендере. В этой битве или вскоре после неё был убит сын кагана – Барджиль.
732/3 г.	Союз Масламы с князьями Южного Дагестана. Поход на хазар
732/3 г.	– Поход Мервана на Дербент и Беленджер. Отъезд его в Сирию.
735 г.	Возвращение Мервана.
735/6 г.	Подчинение Мерваном Туманшаха.
736/7 г.	Подчинение Мерваном лакзов
737 г.	— Разгром Мерваном хазар.
737/8 г.	Поход Мервана на Серир.
737 г.	Миграция савир в Поволжье под напором арабской агрессии и конец савирского периода истории Шахсенгерского городища.
754-775 гг.	Правление халифа Абу Джафар ал-Мансур (136-158/754-775).- второй аббасидский халиф).
754 г.	Йезид ибн Асада назначен правителем Дербента. Ведя сражения с большим мужеством, мусульман-

	ские войска не отдали крепость хазарам. После многих сражений, потеряв надежду захватить Дербенд, хазары ушли обратно.
754 г.	<p>По указанию халифа Абу Джафара ал-Мансура Йезид ибн Асада построил в окрестностях Дербента и прилегающих к Дербенту с севератерритории Рукал (Рукель), города: Дуаре, Сегна (Сефна (?)), Митеи (сел. Митаги</p> <p>и Кемах, Дарвак, Медин и Химейди и благоустроил старые крепости, в том числе: крепость Сувар, крепость Митаи и Кемах, крепость Семнан (Черки), Дарвак, Йерси и Химейди. Поселил здесь население из арабских стран, в Суваере поселил тысяча арабских воинов.</p> <p>Строительство это он завершил за шесть месяцев.</p>
762/3 г.	Вторжение хазар в Закавказье.
764/5 г.	Хазары в Закавказье под начальством Астархана.
789-90 г.	<p>Халиф Харун Рашид отправил Хузейма ибн Хазима, с войском в город Дербенд: Он восстановил разрушенные места Дербенда, провел проточную воду в Дербенд, в разных местах построил мосты, украсил Дербенд и благоустроил его. Тех людей, которые совершили неблагоприятные дела, он отправил к Харуну Рашиду.</p> <p>Вскоре Харун Рашид, сам прибыл в Дербенд, сделал многое для его благоустройства (провел в город арыки с водой, построил мельницы, повелел разбить садов и огородов и мн. др.), встретился с жителями Дербента и уехал обратно.</p>
799 г.	Нашествие хазар на Закавказье. Пленение Шушаны и Джуаншера.
851 г.	Аббасидский халиф Джафар аль-Мутаваккиль (847–861 гг.) передал Дербент и прилегающие к нему владения в виде феодального владения наместнику Азербайджана, Армении и Ирака Мухаммаду бен Халиду.
863 г.	Часть сувар, обитавших в пределах Северного Кавказа – Дона, под влиянием арабских нашествий двинулась вверх по Волге в Среднее Поволжье, где вошла в состав Волжской Булгарии в X веке построила город Сувар ^[41] <i>Ибн-Хордадбэ</i> . Книга путей и царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. –

	Тифлис, 1903. – Вып. 32. – С. 17.
869 г.	После его смерти, феодальная верхушка Дербента избрала себе нового правителя Хашима бен Сурака, ставшего основателем новой местной династии Хашимидов.
869 г.	Провозгласили Хашима ибн Сурака своим эмиром, Дербентп. Основателем династии Хашемидов.
901 г.	В правлении его сына Мухаммеда I на Дербент напали хазары во главе с царём К-са ибн Булджан, но были отбиты.
После 928 г.	Дербент окончательно отделился от Халифата
969 г.	Падение Хазарского каганата
1067 г,	в Дербент вступил первый сельджукский отряд во главе с хаджибом султана Алп-Арслана – Саутегином [48].
1075 г.	Дербент окончательно перешёл под власть Сельджукидов.
XII в.	В Дербенте вновь образовалось самостоятельное княжество, которое просуществовало сравнительно недолго – до 1239 г.
XIII-XIV вв.	Монгольские орды наступают на Дагестан. От их нашествия страдало население Дагестана. Как свидетельствуют многочисленные предания и легенды, население равнины и предгорий вынуждено было переселяться в горные труднодоступные места.
1395 г.	Через Дербентский проход прошел Тамерлан и вышел в долину Терека, нанёс на его берегах сокрушительное поражение золотоордынским войскам. В том же году он передал Дербент шираншаху Ибрагиму I, поручив охрану Дербентского прохода.

SUMMARY

Basing on the results of the study of the Shakhsenger ancient settlement, the presence of two cultural strata has been established. In the lower cultural layer, the remains of an Early Iron Age settlement and a simultaneous burial ground were found. We have explored a similar burial ground in the Akkyar upland, 3 km north of the Shakhsenger ancient settlement.

At the settlement, the remains of light residential structures, rectangular in plan slightly lowered into the mainland, were found, in each of which there were hearths near the wall and garbage pits. We observed adobe floors at a depth from -1.80 to -1.56 m below the zero elevation point. A deep, bell-shaped garbage pit has been cleared at the eastern end of one of these rooms. It contained fragments of gray polished and molded coated ceramics, a bird statuette made of animal bone (Fig. 37a, 14), a quadrangular bone pipe (Fig. 37a, 12), a bony semicircle with two holes, and a baguette with a hole (Fig. 37a, 9).

Another garbage pit was identified between these two rooms (sq. G1, G2, B2) filled with ash mixed with earth. Similar rooms have been excavated at the Lower Sigitma settlement of the Late Bronze Age and Early Iron Age and at the Achisu settlement. In fact, in the latter settlement, dwellings were erected in pits dug in the mainland or in the cultural stratum of previously destroyed structures. There are some differences between the dwellings from Shakhsenger and the dwellings from the Lower Sigitma and Achisu, but they all find some analogies with the monuments of the Sabatinovka and Belozersk cultures of South-Eastern Europe. Dagestan dwellings represent an intermediate link between the monuments of South-Eastern Europe, the North Caucasus (Chmi) and the eastern Transcaucasia.

Archaeological findings witness the progress of Indo-Iranian tribes in the XII century BC. The Sabatinovka tribes joined this movement. Some of these tribes moved south, some - to the southeast. The latter passed through the North Caucasus and Dagestan to the eastern Transcaucasia, where monuments close to the Sabatinovka culture were noted. In Dagestan, under their influence, significant changes are taking place in the material culture of the population of the Kayakent-Kharachoi culture, which has transformed into the Zandak and Mugergan cultures.

Finds from a garbage pit, molded thick-walled and gray polished containers and tableware from the filling of the premises are well dated to the Late Bronze Age and Early Iron Age (XII-VII centuries BC). These materials are typical for settlements and burial grounds of the Zandak and Mugergan cultures of the Northeastern Caucasus.

The Shakhsenger and Akyar burial grounds are characterized by the same burial structures in the form of quadrangular stone boxes arranged in regular rows in 1-2, sometimes more meters from each other. A total of 38 specimens were examined, 17 at Shakhsenger site and 21 at Akyar site. To erect a burial structure, a quadrangular pit was dug in the continental soil and its walls were lined with stone slabs. All burial structures, with rare exceptions, were erected using massive slabs mounted vertically on their sides, often with one slab for the sides and for the ends. Sometimes such slabs are added with masonry of rectangular stones or additional slabs, the gaps are filled with small stones, the cracks are covered with clay. The floors of the burial chambers are leveled. The ceilings of the graves consist of massive stone slabs carefully fitted to each other. So, from the burial structures on the ancient surface of the day, only ceilings were visible. In one case, a stone was found above the ceiling of the grave, which marked the funerary structure.

The overwhelming majority of the graves are oriented along the west-east line, sometimes with a deviation to the south or north.

Occasionally, over the grave ceilings, traces of a funeral feast were observed, from which the bones of large and small animals, ash, coals, fragments of ceramic vessels and Caspian shells were preserved.

The stone boxes of the Shakhsenger and Akyar burial grounds are very similar in decoration to those of the Zandak.

Stone boxes appear on the territory of the North-East Caucasus since the beginning of the Kayakent-Kharachoi culture. In fact, they are simpler in decoration and differ significantly from the Shakhsenger and Akyar ones.

Among the 38 stone boxes we studied at both burial grounds, 33 contained individual burials. Among these, 2 are identified as women and 10 as children. A small part of the burial structures was occupied by collective burials: there were 4 stone boxes, two at Shakhsenger and two at Akyar burial grounds. At the Shakhsenger burial ground in one burial structure among the scattered bones of people, 4 skulls were recorded, in the other - 3, at the Akyar burial ground in one stone box 3, in the other - 2 burials. Some of the collective burials belong to children.

The funeral rite was strictly canonized: the skeletons lay in a crumpled position on the right (men) or left (women) side and were oriented mainly to the west (22 out of 38 burials), sometimes with a slight deviation to the south or north.

In collective tombs, the bones of those previously buried have been pushed aside, making room for a new deceased.

At the Shakhsenger burial site, a small stone box with equipment, but without any slightest traces of human burial - a cenotaph - was adjacent to the collective tomb (stone box No. 1).

The relevant inventory and funeral food were placed in a strictly defined place and in a certain order. For children graves, special "burial vessels" of tiny sizes were made. The decorations were also miniature.

The posture of the buried persons, crouched on the side, is characteristic of the monuments of the North-Eastern Caucasus, from the Early Bronze Age to the end of the Albanian period. Such burials, oriented to the west from the Shakhsenger and Akyar burial grounds, find analogies at the Berikey and Zandak burial grounds. Although the Akyar and Shakhsenger stone boxes are connected by

successive ties with the earlier prototypes of the Kayakent-Kharachoi time, there is no need to talk about their unity, cultural community or special closeness. The burial rites of the Shakhsenger and Akyar burial grounds are more diverse, the inventory is richer and significantly different from the materials of the Kayakent-Kharachoi culture. Here we can only talk about a certain continuity of the traditions of individual elements of the burial rite.

A very interesting post-burial rite is a funeral feast, noted at the Shakhsenger (stone box No. 6 and 9) and Akyar (stone box No. 17) burial grounds. Ash, embers, ceramics and ornaments (drilled Caspian shells) speak about this rite above the ceilings of the burials. Traces of ash and coals are found in many graves.

V.I. Markovin, in his special monograph devoted to the Kayakent-Kharachoi culture, attributed the Zandak burial ground together with the Akyar, Nyutyug, Mugergan and other burial grounds to the third stage of the Kayakent-Kharachoi culture, having determined their date after 900 BC close to the Scythian age. V.M. Kozenkova, on the basis of found metal objects relating to the Koban culture in the tombs of the Zandak burial site, attributed it to the Koban culture. Almost all specialists opposed this point of view. Among those who opposed this point of view was V.B. Vinogradov. The finding of the Koban metal at the burial ground located on the border with the Koban culture was quite natural. It could not be otherwise. The burial structures, funeral rite and basic inventory items, in particular the ceramics of the Zandak burial ground, contradict the opinion of V.I. Kozenkova.

Later V.I. Markovin opposed the inclusion of the Zandak burial ground in the composition of the monuments of the Kayakent-Kharachoi culture: "Unfortunately, the book (meaning the monograph "Dagestan and

Mountainous Chechnya in Antiquity") included such a monument as the Dagbash-Zandak burial ground (excavations by M.I. Pikul and V.I. Markovin in different years), separate complexes which contains some features of both the Kayakent-Kharachoi culture (in ceramics, metal) and the Koban culture (most of all in the metal)".

Thus, in the historical and cultural definition of the Zandak burial ground, there are a variety of conflicting opinions: according to some researchers, it is included in the Kayakent-Kharachoi culture, while others are not. As we noted above, all archaeological cultures of the North-Eastern Caucasus, from the Mesolithic to the end of the Albanian and even medieval times, are characterized by continuity in development. Changes in the nature of material culture are due to changes in the socio-economic structure, the development of culture. Changes in the nature of material culture are due to changes in the socio-economic structure, the development of culture. At the same time, a certain boundary is outlined in

the Kayakent-Kharachoi culture, after which the monuments of the North-Eastern Caucasus cannot be attributed to it. In the XII century, BC, the Sabatin tribes penetrated the territory of the Eastern Caucasus, occupied by the Kayakent-Kharachoi culture, and then moved on to the territory of modern South Azerbaijan. The influence of the Sabatin tribes on the Kayakent-Kharachoi tribes was noted in our article devoted to the excavations of the Achisu settlement. This led to a qualitative change in the entire material and spiritual culture of the population of the Kayakent-Kharachoi culture of Dagestan and mountainous Chechnya. A new culture is being formed, which we call after the first well-studied Zandak culture. Consequently, the Zandak burial ground, together with synchronous monuments, characterizes a new historical era with new signs of material culture, and the Zandak burial ground is not a monument of the Kayakent-Kharachoi culture more to the Koban culture. And the burial structures of the Shakhsenger and Akyar burial grounds are close to the burial structures of the Zandak burial ground. We have to admit that all archaeological cultures of the Northeastern Caucasus of the Early Iron Age are connected by successive ties with previous cultures. The burial structures of the Shakhsenger, Akyar and Zandak burial grounds are a qualitatively new type of stone boxes, erected more fundamentally. They are genetically related to the burial structures of the Kayakent-Kharachoi culture. In Dagestan, they survived in the Scythian time (Berikay burial ground), and in the border regions of Chechnya and Dagestan, stone boxes of the Kayakent-Kharachoi type are found even in ancient times.

The Shakhsenger and Akyar burial grounds are especially distinguished by the nature of the inventory. On these burial grounds, it is presented in new forms, much richer and more diverse. Iron objects are still scarce and mostly used as decorations and weapons, which indicates the initial stage of the development of its production. Among the grave goods are items made of ceramics, wood, silicon, carnelian, bronze, iron and bone.

An analysis of the Zandak, Akyar, Shakhsenger and Berikey burial grounds and the agemate adjacent settlements allowed us to attribute them to a special archaeological culture named after the earliest and most well-studied burial ground "Zandak".

The Zandak culture is characterized by the following features:

1. Settlements located in hard-to-reach places, near water sources.
2. At the settlements, premises were found - semi-dugouts, located in groups (Shakhsenger), dwellings arranged inside a foundation pit dug in the mainland or in the cultural layer of the settlement. The ground walls of such premises are faced with single-row masonry.
3. Burial structures in the form of stone boxes, arranged in regular rows. -Sometimes on the territory of Chechnya, among the burial structures, one comes across soil graves with the remains of a tree replacing stone slabs.
4. Burials are usually one, sometimes two or more deceased in a crouched position on the right or left side. In collective graves, the bones of the previously buried were moved to the wall of the burial chamber, making room for the new deceased.
4. The orientation of the buried along the N - S, NW - SE, NE - SW (at the Zandak burial site), W - E and occasionally NE - SW (2 cases) at the Shakhsenger and Akyar burial grounds, N - S or NW SE (Berikey).
5. The location of the grave goods in the grave near the buried according to strict canons.
6. Remains of funeral food in the form of bones of large and small animals. Remnants of plant food were also found.
7. Ceramic products are represented by molded coated and smoothed vessels (coated jars with straight rims bent inwards or outwards, low jars, sometimes with endowed handles, truncated-conical bowls and pots with swollen bodies). At the Shakhsenger, Akyar and Berikey burial grounds, thin-walled gray polished vessels have been encountered quite a lot (pots with puffy rims, jugs with drain spouts, jugs with cylindrical necks). Small

pots and zoomorphic items were found among such items. There are few of them at the Zandak burial site.

8. A large number of original metal items of weapons, jewelry, toilet-ries, cult items and equestrian equipment. Many of them define the relevant culture. There are many imported products among them. The northern monuments of the Zandak culture are characterized by the forms of metal products, especially items of weapons and horse harness, which are characteristic of the Koban culture. The southern group of monuments is characterized by metal products, mainly of Transcaucasian or Western Asian origin, and thin-walled table ceramics, similar to the Transcaucasian ones.

The northern border of the Zandak culture runs along the line of the villages. GuniKurchaloi - Ishkhoy-Yurt - Khasavyurt, and the southern one along the Derbent passage, in contact with the Mugergan culture. Both of these cultures are part of the North East Caucasian historical and cultural community.

The work indicates the place of the Zandak culture in the archeology of the North-Eastern Caucasus. In this regard, the theoretical developments of V.G. Kotovich are interesting. He singled out one archaeological culture on the territory of the Northeastern Caucasus, which he called "the culture of coated ceramics". This culture covers an enormous chronological period from the Mesolithic to the end of the Early Iron Age. In its development V.G. Kotovich identified different stages corresponding to well-known archaeological cultures. In his further works, he singled out the Velikent, Mekegin and Karabudakhkent-Gonob stages, in the Middle Bronze Age - the Miatlinsky, Ginchinsky-Gatynkala, Kayakent-Kharachoi stages, within the framework of the Late Bronze Age - the Talgin, Zandak stages, within the framework of the Early and Iron Age - the Shakhsenger pre-Albanian stages and Albanian era - Early Albanian and Late Albanian stages. As you can see, he compared various consistently developing archaeological cultures with the stages of development of the tribes of the North-Eastern Caucasus. By

the tribes of the North-Eastern Caucasus I meant the ancestors of the modern Nakh-Dagestan peoples who occupied this territory since the Mesolithic era. He considered coated pottery to be an indicator of these tribes. This provision ignores the main taxonomic tool of archeology - archaeological culture, as a group of monuments located in a certain territory, relating to a certain time period and characterized by certain attributes. And it is hardly possible to replace archaeological culture with its stage. But at the same time, noted by Kotovich V.G., when characterizing the monuments of the North-Eastern Caucasus, there really are some peculiarities.

At the monuments of the North-Eastern Caucasus, from the Mesolithic to the Middle Age, there is a certain continuity of individual features. All subsequent cultures grow out of the previous ones. Moreover, if we superimpose on a map these successively developing archaeological cultures from the Mesolithic to the Middle Age, then they or their local variants will indicate the same territory covering the Northeastern Caucasus, mainly within the limits of modern Dagestan and mountainous Chechnya as well as Ingushetia. Moreover, these cultures are linked by successive ties, including various forms of coated ceramics. But this community is of a different hierarchical order. The region in which for a long time, despite the change in a number of cultures, some unity, specificity and common traditions have been preserved is called a cultural province. Consequently, the sites of the Mesolithic, Neolithic, Bronze and Early Iron ages of the North-east Caucasus can be combined within a single North-East Caucasian historical and cultural province.

At various stages of their existence, the bearers of the Zandak archaeological culture came into contact with various Indo-Iranian tribes, Western-Asian civilizations and adjacent North Caucasian and Transcaucasian cultures, and in interaction with them developed their material and spiritual culture. It is this development that can be traced in the materials of our monuments.

* * *

The Shakhseger ancient settlement occupies the flat surface of the ancient (third) sea terrace and its southern and eastern slopes. The terrace is bounded in the north and east by high and steep ledges separating it from the underlying (second) ancient Caspian terrace (Fig. 3; 4; 5). A complex and highly developed fortification system is noted at the Shakhseger ancient settlement. The settlement itself consists of the fortified territory of the Shakhristan, divided into two parts and a citadel isolated inside it. The fortification system, consisting of defensive walls, 1570 m long along the perimeter with semicircular towers and a bypass ditch, was adapted to the terrain. At present, this wall and ditch look like a small rampart and a depression parallel to it in the form of a small groove.

The subtriangular citadel with defensive walls flanked by three semicircular towers made of raw "bricks" in the corners was fortified on the floor side with a deep additional ditch, on the other three sides - by creating the steepness of the slopes by escalating them. The citadel had an independent defense and was intended to protect the city and keep its population in obedience. It housed the sovereign who owned it, his family and

those close to it - the court, as well as the military garrison protecting it. It also kept stocks of ammunition and food (Fig. 4; 5).

The names, lives and activities of the rulers of Savir - Ambazuk (498-518) are associated with this citadel. king of the Huns named Bolach, queen Boariks (520), king Ziligde (Ziligd, Zilgivin, Zilgi, Zilgibi, Zilgibiy - prince Zilgi) (522) Alp Ilitver (first mention 626, adoption of Christianity - 682), Er-Tegin (682, Alp-Ilitver sent him as ambassador to Armenia).

180 m south of the citadel, on a promontory protruding to the east, there is a signal-watchtower, fortified in the same way as the citadel, and visually connecting the southern approaches to the latter. Through this tower, the guards from the citadel could control the southern and south-western approaches to the settlement, which were boundless from the citadel.

The trade and craft neighbourhood - "rabad" or "posad" - has not survived. It was almost completely destroyed by subsequent agricultural work. It is indicated by the remains of the cultural layer on the arable fields adjacent to the Shakhristan. At one time, apparently, it had dimensions that were not inferior to the Shakhristan. Consequently, the total size of the Shakhsenger settlement is close to 30 hectares in the proportion of 12 to 14 hectares for Shakhristan and the same for the trade and craft rabad.

On the slopes of the settlement there are artificial terraces that look like small, horizontal platforms. As a result of excavations on such "terraces" it was possible to establish that they were intended for the construction of residential and utility structures.

In the process of researching the settlement, the question arose about the sources of water supply for its ancient inhabitants. Traces of the drainage from the upper terrace in the northwest direction are visible on the site itself. But the main source of water supply, apparently, was the Bashlichay River. At present, it flows along the base of the Akyar upland and heads to the northeast, towards the sea. Old-timers remember the legends when this river flowed along the base of the Shakhsenger upland and joined with the Yangichay River. Plants are visible along this line, pointing to underground channels. Apparently, there were sources of water and a spring on the site itself. The abundance of water sources in due time is indicated by the finding of a millstone of a water mill in the citadel.

We did not find a burial site that is agemate to the Shakhsenger ancient settlement. Perhaps he was in a vast field located to the east of the settlement, now occupied by vineyards. A stone statue (stone woman) was found at this place, transported by V.G. Kotovich in 1965 to the Institute of Languages and Literature.

During the excavation of the citadel and Shakhristan of the Shakhsenger settlement, the greatest attention was paid to defensive structures consisting of walls with semicircular towers and bypass ditches.

When studying 18 towers (Fig. 4; 12; 13; 14), two parallel stone walls were uncovered, located at a distance of 0.9 - 1.75 m from each other and forming two shells of the base of the defensive wall. The inner diameter of the tower ledge is 4.5 - 4.6 m (Fig. 12).

The base of the outer wall rests directly on the ancient day surface. The wall is piled dry of small stones. The inner wall is also dry-folded of torn stone. The space between the walls was filled with rubble. While cleaning the inner space between the walls, 3 large pieces of wood logs were found (0.2 - 0.25 m long, 0.11 - 0.13 m in diameter).

The section of the wall adjacent to the tower is also formed of two walls, which are a continuation of the corresponding walls of the tower. The distance between the walls is 0.8 - 0.85 m. The remains of the logs found at this place lay parallel to each other. V.G. Kotovich suggested that these are the remains of a wooden palisade that ran along the defensive wall. This point of view was confirmed by our subsequent excavations.

In the inner part of the excavation, a wood log approx. 1.5 m long. One end of it was on the masonry of the inner wall, and the other thickened end was in the center of the tower.

Excavations of the sixth tower in the eastern part of the defensive wall confirmed the conclusions reached during the excavation of Tower 18. (Fig. 5) The remains of a double-shell wall, 0.9 - 1.26 - 1.3 m thick, were also found here. The gap between the outer and inner shells was filled with gravel, earth and small stones. The remains of a semicircular tower were found, protruding 1.7 m beyond the line of the defensive wall. The wall here did not have a foundation and was erected directly on the ancient surface of the day. Access to the tower remained open from the northwest side. A pit (20 cm in diameter and 30 cm deep) from the support pillar was found in the center of the tower ledge. This means that this tower was roofed from above. The number of stones and the nature of the masonry in the wall leaves no doubt that this is the base of the wall, and not the wall itself (Fig. 19: 19a), which was increased above with a palisade consisting of 8 pillars.

During the excavations of this tower, it was possible to establish that the layers of the ancient settlement of the Early Middle Age covered the burial grounds and the settlement of the Early Iron Age (Fig. 19a). The defensive structures on the citadel are more solid. Tower No. 27 was semicircular in shape with a diameter of 3.5 to 4 m, facing north-east towards the citadel.

It is made entirely of "raw bricks" - pieces of clay of various shapes and sizes (Fig. 31; 32). The height of the preserved walls of the tower reaches 1.25 - 1.75 m in different places. The tower wall is about 1 m thick (Fig. 20 - 23).

This tower is inscribed in the system of the defensive wall, protruding in a semicircle to the outside. The basis of the defensive wall is masonry of vertically installed massive rock blocks that form the basis of a two-shell defensive wall, built up above the back of two rows of logs, the space between which is filled with gravel and earth. The thickness of these walls was 1.28 m (Fig. 20 - 23).

The floor of the tower was densely rammed and partially paved. It may have been used as a couch for the warden of the tower (Fig. 30). In the middle of the tower, a round open hearth was cleared, measuring 0.6 x 0.56 m (Fig. 35). Fragments of ceramics referring to various epochs originate from this hearth.

Finds of ceramics from the Early Middle Age and the Early Iron Age are associated with this tower. The latter occurred here from the lower strata.

By the nature of timber-earth fortifications, especially along walls made of vertically installed logs, a palisade on a two-shell base made of rubble stone, laid dry or "mud bricks", as well as by bypass ditches, the Shakhsenger settlement stands out sharply from the environment of adjacent Early medieval monuments of Dagestan. Among these monuments in Dagestan, we know of only one - Senger settlement, located 5 or 6 km to the south.

In the system of Shakhsenger defensive walls, 5 entrances have been identified (Fig. 4; 5). Their width is approximately 10 meters. None of them have been excavated. Typically, these entrances are city gates within a defensive wall system. Usually, the city gates had a defensive, commercial or other function. They were also built in order to establish control over the entry and exit of people, vehicles, goods and animals from the city fortified by the wall and back to the city. Usually the gates were guarded by special wardens. She locked them at night and unlocked them in the morning, kept the keys from them. A wicket located near the gate enabled the access if the main gate is closed.

The fortifications similar to the Shakhsenger settlement, such as timber and earth fortifications are described by some medieval authors among various nomadic peoples. The Byzantine historian, Agathius, tells about the Savir Huns' camp, surrounded by a palisade. These descriptions are reminiscent of the fortifications of the Shakhsenger ancient settlement. The same Savir (Suvar) ancient settlement of the X-XIV centuries, located in

the Volga region, is similar to the Shakhsenger settlement. The remains of timber-earth defensive structures have been preserved on this settlement. At the same time, near the Suvar ancient settlement, like Senger settlement, near the Shakhsenger ancient settlement, the settlements of Pokrovskoye, Tatgorodokskoye 1 and 2 were identified. These monuments of the Volga region were founded by Savirs 9 including former residents of Shakhsenger who penetrated there from Dagestan.

Within the territory of the Shakhsenger ancient settlement, the remains of light turlouch dwellings, erected on a stone foundation, were found. Remains of a dwelling, studied on the northern side of the settlement, in the Shakhristan region, also consisted of light structures. V.G. Kotovich has discovered at the excavation site in the citadel the fragments of clay plaster with imprints of twigs, which allowed him to admit the presence of turbulent structures here. The "palace" of the ruler, apparently, also consisted of light structures. The entire territory of the slopes of the settlement is covered with shallow terraces, probably intended for even lighter dwellings such as tents or yurts. Zacharias the rhetorician of 13 nations living outside the gates calls the Savirs "those who live in tents."

The finds of ceramics associated with the aforementioned fortifications and structures of the settlement date back to the Early Middle

Age. Written sources witness that at the beginning of the VI century the Savirs owned the Caspian passage. M.I. Artamonov quite reasonably believes that the "Kingdom of the Huns" and the Kingdom of Savir are one and the same. According to Procopius, during 498 through 518 the Savir ruler Ambazouk owned the Caspian gates. He was on friendly terms with the Byzantine emperor Anastasius. "Approaching death, this Hun offered Anastasius to buy from him a fortress at the Caspian gate, but he refused, not seeing an opportunity to maintain a Byzantine garrison there. Consequently, at this time the fortification of the Shakhsenger ancient settlement already existed.

The defeat of the Khazars and Savir by the Arab commander Mervan and the migration of Savir from Varachan dates back to 737. Therefore, the Savir period of the Shakhsenger ancient settlement dates back to 498-518 through 737.

After the displacement of the Huns-Savirs as a result of the Arab aggression (in 737), the city of Varachan (Shakhsenger) got deserted in a short time. The city of Varachan is mentioned in Dagestan historical sources under the name "Suvar Fortress". At this time, the Khazars began to actively attack the Arab-controlled Eastern Transcaucasia and Bab ul-Abwab. Moreover, their actions were quite successful. Then the ruler of

Bab ul-Abwab was Yezid ibn Asad ibn Zafir Suleimi, who was appointed as such in 754. He was appointed by the Abbasid caliph Abu Jafar Mansur (born 714, ruling 754 through 775) built fortresses and cities from Derbent towards the Khazars. At the same time, new cities and fortresses were built, old ones were landscaped (the fortresses of Myuta, Kamakh, Soufnan were restored; the villages of Darvag, Ersi, Gumeidi, Magatyr, Magraga were fortified). All of them were inhabited by immigrants from Arab countries. Among the old, comfortable "fortresses" was Suvar, inhabited by 1000 Arab soldiers.

After these measures, the condition of Derbend improved, all southern regions were spared from the raids of the Khazars and various nomads.

The stone structures found in the citadel and in the area of Shakhristan, in the upper building horizon, should be associated with these Arab warriors - settlers and their descendants. These are the remains of two rooms and a courtyard built of stone. The millstone of a water mill was also found here.

The messages "Derbentnummae" are important for dating this Shakhsenger mill. In 789/90, Caliph Harun Rashid sent the commander Khuzeim ibn Khazim with an army to Derbent with the task of strengthening and improving it. Soon Harun Rashid, himself arrived in Derbent and did a lot for its improvement: he constructed irrigation canals to Derbent, built mills, ordered to set up gardens and vegetable gardens, and freed the inhabitants of Derbent from the mill tax. Obviously, the same was done in the settlements adjacent to Derbent, including in the former "Suvar fortress", occupied by the Arabs. Remains of stone structures from the upper layer of the citadel are associated with the Arab warriors, including the millstone of a water mill, red ceramics with wavy ornaments, red ceramics with stucco belts and circles made of straw prints, etc., the remains of a room from Shakhristan, where a fragment of glazed ceramics was found. Consequently, the water mill in Shakhsenger appeared in 789/90, the beginning of the above-mentioned stone structures and ceramics dates back to the same time.

Since the second half of the 9th century, the political situation in the eastern Caucasus and Derbent is radically changing. Derbent ceases to play the role of the support of the Arab Caliphate in the defense of the northern borders. In the 10th century, the Khazar Kaganate disintegrated and the threats of nomads from the North disappeared. This was reflected in the entire military-political situation in the region. The Abbasid Caliph Jafar al-Mutawakkil (847-861) in 851 transferred Derbent and the adjoining possessions in the form of a feudal possession to the governor of Azerbaijan,

Armenia and Iraq, Muhammad bin Khalid. After his death, in 869, the feudal elite of Derbent elected a new ruler, Hashim bin Surak, who became the founder of the new local dynasty of Hashimids. This was the creation of the Derbent Emirate. After 928, Derbent finally separated from the Caliphate and the power of the Caliphs in Dagestan came to an end. Consequently, the Emir of Derbent hardly continued to take care of the soldiers of the Suvar-Varachan city that were no longer needed. Consequently, the descendants of Arab warriors lived in Varachan as long as the environmental conditions allowed them. One of the reasons for the forced withdrawal of the population from Varachan-Shakhsenger could be the gradual dehydration of the city and the territory close to it.

At one time, water here was in abundance and provided the needs of not only the population, but also the work of a water mill. But gradually the water dried up and eventually completely disappeared. At a certain stage of dehydration, the unnecessary millstones were put into new construction. And people did not leave the settlement until the need for water was satisfied. It follows from this that a settlement with a stone structure existed as long as water was able to meet the needs of the population.

The disappearance of water is due to climatic changes. This is due to the onset of a global relative cooling on the earth - the Little Ice Age, which lasted during the XIV-XIX centuries. This Little Ice Age was preceded by a relatively warm small climatic optimum, which lasted in the X-XIII centuries. During these three centuries, apparently, the water disappeared on the territory of Shakhsenger.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО – Археологические открытия. М.
АЭС – Археолого=этнографический сборник. Грозный.
БРЭ – Большая российская энциклопедия. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
Вестник ГМГ. – Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси, Вып.
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.-Л.
Из «Книги побед» Шериф-ад-Дина Йезди// СМИЗО. Т.П. С. 186-187.
Изв. РАО – Известия Российской академии наук. СПб.
Изв. СКНЦВШ – Известия Северо-Кавказского научного центра АН СССР. Ростов-на-Дону.
ИКНСА – История и культура народов Средней Азии (древность и раннее средневековье).
М.: ГРВЛ. 1976. С. 7-18.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КЭС – Кавказский этнографический сборник.
МАД – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКА – Материальная культура Азербайджана. Баку.
МСПИЭИ – Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в .... Тезисы докладов. Махачкала.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических исследований. М.
СМАА. – Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ТД НСПИЭИ ИИАЭ и ИЯЛИ – Тезисы докладов научной сессии по полевым исследованиям экспедиционных исследований Института истории, археологии и этнографии и Института языка, литературы и искусства. Махачкала. С. 10-14.

ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в – Тезисы докладов наученной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала.

Тр. АИЧПЕ – Труды Ассоциации по изучению четверичного периода Европы.

Уч. зап. ИВ АН СССР. – Ученые записки Института востоковедения АН СССР.М., Л.

Уч. зап. ЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Л.

Уч. Записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора.....	4
Введение	7
Глава I. История открытия и археологического изучения Шахсенгерского комплекса памятников.....	9
Раздел I. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	17
Глава I. Поселение и могильники эпохи раннего	18
I.1. Шахсенгерское Поселение	18
I.2. Шахсенгерский могильник	23
I.3. Акярский могильник.....	33
Глава II. Погребальные сооружения и погребальный обряд.....	50
Погребальные сооружения	50
Погребальный обряд	54
Глава III. Погребальный инвентарь.....	57
III.1. Орудия труда.....	57
III.2. Керамика.....	60
III.3. Предметы вооружения и конского убора	65
III.4. Предметы конского убора	69
III.5. Украшения и туалетные принадлежности	73
III.6. Культовые предметы.....	80
Глава IV. Хронология и периодизация памятников	82
Глава V. Историко-культурная характеристика памятников. Северо-Восточный Кавказ, как единая историкокультурная область	108
РАЗДЕЛ II. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	125
Глава I. ШАХСЕНГЕРСКОЕГОРОДИЩЕ	126
I.1. Общая характеристика Шахсенгерскогогородища	126
I.2. Раскопки на Шахсенгерском городище.....	132
I.3. Структура Шахсенгерского городища.....	142
I.3.1. Оборонительные сооружения (стены, башни, рвы и ворота) .	142
I.3.2. Жилые и хозяйственные сооружения.....	148
I.3.3. Цитадель	149

Глава II. Анализ инвентаря.....	152
Глава III. Хронология Шахсенгерского городища	155
Глава IV. Статус Шахсенгерского городища	160
Глава V. Шахсенгерское городище на последнем этапе существования. Верхний слой	174
Заключение	182
Список использованной литературы	197
Иллюстрации.....	229
Приложения	333
Хронологическая таблица.....	333
Сокращения.....	356

TABLE OF CONTENTS

Editor's Preface	4
INTRODUCTION	7
CHAPTER I. HISTORY OF THE DISCOVERY AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE SHAKHSENGER COM- PLEX OF MONUMENTS	9
SECTION I. MONUMENTS OF EARLY IRON AGE	17
CHAPTER I. SETTLEMENT AND BURIAL GROUNDS OF EARLY IRON AGE.....	18
I.1. GENERAL CHARACTERISTICS OF THE SHAHSENGERSKY SETTLEMENT	18
I.2. SHAKHSENGER BURIAL GROUND	23
I.3. AKYAR BURIAL GROUNDS	33
CHAPTER II. FUNERARY STRUCTURES AND FUNERARY CEREMONY	50
II.1. FUNERARY STRUCTURES	50
II.2. FUNERARY CEREMONY	54
CHAPTER III. FUNERARY GIFTS	57
III.1. WORKING TOOLS	57
III.2. CERAMICS	60
III.3. WEAPON AND HORSE HARNESS ITEMS	65
III.4. HORSE HARNESS ITEMS.....	69
III.5. JEWELRY AND TOILETRIES	73
III.6. CULT ITEMS.....	80
CHAPTER IV. CHRONOLOGY AND PERIODICITY OF MONUMENTS.	82
CHAPTER V. HISTORICAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE MONUMENTS. NORTH-EASTERN CAUCASUS AS A SINGLE HISTORICAL AND CULTURAL REGION	108
SECTION II. MONUMENTS OF EARLY MEDIEVAL AGE.....	125
CHAPTER I. SHAKHSENGER ANCIENT SETTLEMENT	126
1.1. GENERAL CHARACTERISTICS OF THE SHAKHSENGER ANCIENT SETTLEMENT	126
1.2. EXCAVATIONS OF THE SHAKHSENGER ANCIENT	

SETTLEMENT	132
1.3. STRUCTURE OF THE SHAKHSENGER ANCIENT SETTLEMENT	142
1.3.1. DEFENSE STRUCTURES (WALLS, TOWERS AND MOAT)	142
1.3.2. GATE.....	148
1.3.3. CITADEL	149
CHAPTER II. INVENTORY ANALYSIS	152
CHAPTER III. CHRONOLOGY OF THE SHAHSENGER SETTLEMENT	155
CHAPTER IV. STATUS OF THE SHAKHSENGER ANCIENT SETTLEMENT	160
CHAPTER V. SHAKHSENGER ANCIENT SETTLEMENT AT THE LAST STAGE OF EXISTENCE. TOP LAYER.....	174
SUMMARY.....	182
REFERENCES	197
ILLUSTRATIONS	229
APPENDICES	333
CHRONOLOGICAL TABLE.....	333
ABBREVIATIONS	356

Научное издание

**Давудов Омар Маламагомедович
Давудов Шамиль Омарович**

Археологические памятники Шахсенгера

Подготовка оригинал-макета *Зайнутдинов А.З.*
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 10.10.2023 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 21,1. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 500 экз. Заказ №23-10-344.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 64
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru